

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Наука, исследования,
аналитика

Консалтинг,
рекомендации

Цифровые технологии
и решения

Издательская
и медиадеятельность

Просвещение
и обучение

Гуманитарные
коммуникации

*Искусство диалога
и доверия*

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

ISSN 2782-3067 (Print)
DOI: 10.53658/RW2025-4-1(15)
УДК: 94; 316; 327
ББК: 60.5; 63; 66

Информация об издании

Россия и мир: научный диалог

– печатное средство массовой информации (СМИ), журнал.
Издается с 2021 года, выходит 4 раза в год.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС77-81013 от 17 мая 2021 года.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

ISSN 2782-3067 (Print)

Архивация:

Российская государственная библиотека

Национальный электронно-информационный консорциум

Журнал «Россия и мир: научный диалог» предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту исходя из следующего принципа: свободный, открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями

Статьи и материалы, опубликованные в журнале, индексируются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, а также доступны через сайт научной электронной библиотеки "КиберЛенинка".

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Учредитель, Издатель

АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций»

119034, г. Москва, пер. Коробейников, д. 22, стр. 1

E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Партнеры

Институт востоковедения РАН

107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.

Тел.: +7 (495) 621-18-84. www.orientalistica.com orientalistica@ivran.ru

Адрес редакции

АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций»

Редакция журнала «Россия и мир: научный диалог»

119034, Российская Федерация,

Москва, Коробейников пер., 22, стр. 1

Веб-сайт: <https://www.russia-world.ru/jour>

Электронная почта: rw.journal@nicrus.ru

Цели и задачи

Целью журнала является создание научной дискуссионной платформы для коллегиального обсуждения проблем и выработки оптимальных решений в области международного сотрудничества, проведения совместных исследований и публикации их результатов. К публикации в журнале и рецензированию поступающих на рассмотрение материалов приглашаются отечественные и зарубежные ученые и эксперты. Научная концепция издания предполагает публикацию научных материалов (собственно научных и дискуссионных статей, обзоров, рецензий) в области политологии, социологии, мировой экономики, культурологии. Содержательно-тематический профиль журнала включает темы, отражающие международные и региональные процессы, политические, экономические, социальные, культурные аспекты международных отношений, межстрановых и межкультурных коммуникаций, международной безопасности и устойчивого развития.

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки:

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы

5.4.5. Политическая социология

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

© «Россия и мир: научный диалог», 2025

© АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций», 2025

ISSN 2782-3067 (Print)
DOI: 10.53658/RW2025-4-1(15)
УДК: 94; 316; 327
ББК: 60.5; 63; 66

Information about the journal

The journal «Russia & World: Scientific Dialogue»

– print media (mass media), magazine.

Published since 2021, 4 times a year.

Registration number and date of the decision on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor): PI No. FS77-81013 dated May 17, 2021.

The journal is registered in the National ISSN Center of the Russian Federation ISSN 2782-3067 (Print)

Archive:

Russian State Library

National Electronic-Information Consortium

Open Access Policy

«Russia & World: Scientific Dialogue» is an open access journal. All articles are made freely available to readers immediately upon publication. The open access is granted in accordance with the Budapest Open Access Initiative (BOAI) definition: all articles are available free of any charge on the public internet, permitting any users to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of these articles, crawl them for indexing, pass them as data to software, or use them for any other lawful purpose, without financial, legal, or technical barriers other than those inseparable from gaining access to the internet itself. For more information please read BOAI statement.

All articles and materials published in the journal are indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI) database on the website of the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU, and they are also available through the website of the scientific electronic library "CyberLeninka".

The journal is included by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of a dissertation for the degree of doctor and candidate of sciences should be published.

Founder, Publisher

ANO «National Communications Development Research Institution»

22, building 1, Korobeynikov Lane, Moscow, 119034

E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Partners

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 12 Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 621-18-84
www.orientalistica.com orientalistica@ivran.ru

Address of the Editorial Office

ANO «National Communications Development Research Institution»

Editorial Office «Russia & World: Scientific Dialogue» 22, building 1,

Korobeynikov Lane, Moscow, 119034

Russian Federation

Website: <https://www.russia-world.ru/jour>

E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Aim and Scope

The purpose of the journal is to create a scientific discussion platform for peer discussion of problems and for the development of optimal solutions in the field of international cooperation, joint research, and publication of its results. Foreign scientists and experts are invited to publish and review the materials submitted for consideration.

The scientific concept involves the publication of scientific papers, including research insights and scholarly results, discussion articles and reviews, in the field of political science, sociology, world economy, cultural studies. The substantive and thematic profile of the journal includes topics reflecting international and regional processes, political, economic, social, cultural aspects of international relations, interstate and intercultural communications, international security and sustainable development

Scientific specialties and branches of science corresponding to them

SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

HISTORICAL SCIENCES

5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy

SOCIOLOGICAL SCIENCES

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.5. Political Sociology (sociological)

POLITICAL SCIENCES

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global and regional studies

© «Russia & World: Scientific Dialogue», 2025

© ANO «National Communications Development Research Institution», 2025

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук, заместитель директора по медиадеятельности Национального исследовательского института развития коммуникаций, заместитель директора Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики МИЭП МГИМО МИД России (Россия)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЖУЛИКОВА Ольга Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, эксперт Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРСЕНТЬЕВ Николай Михайлович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва (Россия)

БЕГАЛИНОВА Калимаш Капсамаровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры религиоведения и культурологии Казахского национального университета имени Аль-Фараби (Казахстан)

ВИНОГРАДОВ Андрей Владимирович – доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН, главный редактор научного и общественно-политического журнала «Проблемы Дальнего Востока» (Россия)

ВОЛКОВ Владислав Викторович – доктор социологических наук, ведущий исследователь Института философии и социологии Латвийского университета, профессор Балтийской международной академии (Латвия)

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, президент Российской ассоциации политической науки, член Общественной палаты РФ (Россия)

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

ДЕГТЕРЕВ Денис Андреевич – доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН (Россия)

ЕГОРОВ Владимир Константинович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, почетный доктор Института социологии РАН (Россия)

ЗАГРЕБИН Алексей Егорович – доктор исторических наук, профессор, профессор РАН, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (Россия)

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, руководитель лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (Россия)

ЗУБИР Арус – профессор социологии, директор лаборатории «Религия и общество», факультет социальных наук, Университет Алжира 2 (Алжир)

ЛЕОН-ДАРДЕР Фидель – доктор экономики (PhD), профессор Университета Валенсии (Испания)

ЛЕТЯЕВ Валерий Алексеевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия); профессор Дипломатической академии МИД РФ (Россия)

НАЗАРОВА Елена Александровна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России (Россия)

РАХИМОВ Мирзохид Акрамович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделением общественно-гуманитарных наук, директор Центра новейшей истории Узбекистана АН Республики Узбекистана, руководитель отдела «Современной истории и международных отношений» Института истории АН Республики Узбекистан (Узбекистан)

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Института демографических исследований РАН (Россия)

ШАБРОВ Олег Федорович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, президент Академии политических наук (Россия)

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), Full member of the Russian Academy of Sciences, professor, Scientific Supervisor of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), professor, Deputy Director for Scientific Work of the National Communications Development Research Institution (Russia)

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law), Deputy Director for Media Activities of the National Communications Development Research Institution, Deputy Director of the Center for Strategic Studies in the Sphere of Energy and Digital Economy MIEP MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

EXECUTIVE EDITOR

Olga V. ZHULIKOVA – CandSc (Soc.), Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, expert of the National Communications Development Research Institution (Russia)

EDITORIAL BOARD

Nikolay M. ARSENTIEV – DSc (Hist.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor, Director of the Historical and Sociological Institute of the N.P. Ogarev National Research Mordovian State University (Russia)

Kalimash K. BEGALINOVA – DSc (Philos.), professor, Professor of the Department of Religious and Cultural Studies, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan)

Andrey V. VINOGRADOV – DSc (Polit.), Head of the Center for Political Research and Forecasts, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the scientific and socio-political journal «Problems of the Far East» (Russia)

Vladislav V. VOLKOV – DSc (Soc.), Leading researcher at the Institute of Philosophy and Sociology, University of Latvia; Professor at the Baltic International Academy (Latvia)

Oksana V. GAMAN-GOLUTVINA – DSc (Polit.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor, Head of the Department of Comparative Political Science of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, President of the Russian Association of Political Science, member of the Public Chamber of the Russian Federation (Russia)

Alexey A. GROMYKO – DSc (Polit.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Denis A. DEGTEREV – DSc (Polit.), Professor, Leading Researcher, Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Vladimir K. EGOROV – DSc (Philos.), professor, Head of the UNESCO Department of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Alexey E. ZAGREBIN – DSc (Hist.), professor, professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Irina D. ZVYAGELSKAYA – DSc (Hist.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia), Professor, Head of the laboratory «Center for Middle Eastern Studies» of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Arous ZOUBIR – Professor of Sociology, Director of the Laboratory of Religion and Society, University of Algiers 2, Faculty of Social Sciences (Algeria)

Fidel LEON-DARDER – PhD, professor at the University of Valencia (Spain)

Valerii A. LETIAEV – DSc (Law), CandSc (Hist.), professor, professor of the Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia); professor of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Russia)

Elena A. NAZAROVA – DSc (Soc.), professor, professor of the Department of Sociology of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

Mirzokhid A. RAKHIMOV – DSc (Hist.), professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan; Director of the Center for Modern History, Head of the Department of Modern History and International Relations, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Uzbekistan)

Sergey V. RYAZANTSEV – DSc (Econ.), corresponding member of the Russian Academy of Sciences, professor, Director of the Institute of Demographic Research of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Oleg F. SHABROV – DSc (Polit.), professor, professor of the Department of State Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, President of the Academy of Political Sciences (Russia)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович – кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

ГАСУМЯНОВ Владислав Иванович – доктор экономических наук, директор Национального исследовательского института развития коммуникаций, заведующий базовой кафедрой корпоративной безопасности МГИМО МИД России (Россия)

АТЛАГИЧ Синиша – доктор философских наук, профессор, директор Центра русских исследований Белградского университета (Сербия)

ДЖОРОБЕКОВА Айнура Эшимбековна – доктор политических наук, директор Центра российских исследований Кыргызского национального университета имени Ж.Баласагына, заведующая кафедрой международных отношений и права Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики имени К.Дикамбаева (Кыргызстан)

ИСКАНДАРОВА Косимшо – доктор исторических наук, профессор, главный ученый секретарь Национальной академии наук Таджикистана (Таджикистан)

КИКНАДЗЕ Тамар – доктор политических наук, профессор, руководитель Департамента политических наук и международных отношений Грузинского технического университета (Грузия)

МАРТИНОВИЧ Владимир Александрович – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской духовной академии, доктор теологии Венского университета (Беларусь)

ПОГОСЯН Геворг Арамович – доктор социологических наук, профессор, академик Национальной академии наук Республики Армения, иностранный член РАН (Армения)

УСАРОВА Феруза Халматовна – кандидат политических наук, и.о. директора Координационно-методического центра новейшей истории Узбекистана Академии наук Республики Узбекистан (Узбекистан)

БЕЛОУСОВ Михаил Владимирович – кандидат социологических наук (Россия)

КАМАЛОВ Армаис Альбертович – доктор медицинских наук, академик РАН, профессор (Россия)

ХОДЬКО Вячеслав Трофимович – кандидат технических наук (Россия)

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

CHAIRMAN

Alexander V. FEDOROV – CandSc (Law), professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Russia)

DEPUTY CHAIRMAN

Vladislav I. GASUMYANOV – DSc (Econ.), Director of the National Communications Development Research Institution, Head of the Basic Department of Corporate Security MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

Sinisha ATLAGIC – DSc (Philos.), Professor, Director of the Center for Russian Studies at the University of Belgrade (Serbia)

Ainur E. JOROBKOVA – DSc (Polit.), Director of the Center for Russian Studies of the Kyrgyz National University named after J.Balasagyn, Head of the Department of International Relations and Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic named after K.Dikambayev (Kyrgyzstan)

Kosimsho ISKANDAROV – DSc (Hist.), Professor, Chief Scientific Secretary of the National Academy of Sciences of Tajikistan (Tajikistan)

Tamar KIKNADZE – DSc (Polit.), Professor, Head of the Department of Political Sciences and International Relations, Georgian Technical University (Georgia)

Vladimir A. MARTINOVICH – DSc (Soc.), Associate Professor, Head of the Department of Apologetics at the Minsk Theological Academy, DSc (Theology) at the University of Vienna (Belarus)

Gevorg A. POGHOSYAN – DSc (Soc.), Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Armenia)

Feruzha Kh. USAROVA – CandSc (Polit.), Acting Director of the Coordination and Methodological Center for the Modern History of Uzbekistan of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Uzbekistan)

Mikhail V. BELOUSOV – CandSc (Soc.) (Russia)

Armais A. KAMALOV – DSc (Med.), professor, Full member of the Russian Academy of Sciences, (Russia)

Slava T. KHODKO – CandSc (Tech.) (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Наумкин В.В. 16
От главного редактора

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Арешев А.Г., Гришанов А.А., Кикнадзе Т., Раванди-Фадаи Л.М., Сафарян А.В..... 22
Гуманитарная политика зарубежных стран на Южном Кавказе: по материалам международного круглого стола

Вардазарян Е.М. 46
Политика «мягкой силы» КНР в рамках БРИКС

Минасян Н.А. 57
Инструменты реализации пантюркизма в современной турецкой внешней политике и их восприятие основными региональными и внерегиональными акторами

Нурдинова А.Н. 82
Роль водных ресурсов в странах Центральной Азии: на примере Кыргызской Республики

Толибова С.Р. 98
Факторы формирования и развития отношений между странами Центральной и Юго-Восточной Азии

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы. Политическая социология

Головко-Охременко А.А., Честнягина К.С. 116
Иностранные студенты образовательных программ США: феномен американской образовательной иммиграции

Коростылева Н.Н., Маннанова Н.Х. 135
Развитие «мягких» навыков государственных служащих: опыт Российской Федерации

Медетбекова Ы.М. 148
Факторы миграции сельского населения Кыргызстана

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

История международных отношений и внешней политики

Медведева О.В. 166
Документирование учета миграции населения: история и современность

Каландаров Т.С., Джумаева М.М. 181
Русско-таджикская дружба на страницах научно-популярных изданий Таджикистана советского периода

Кадыралиева М.К. 194
Иманалы Айдарбеков и его участие в становлении Кара-Кыргызской автономной области

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО

Политические институты, процессы и технологии

Царёва Т.В. 208
Особенности интеграции населения Северодонецка (ЛНР) в состав РФ: региональный и конфессиональный аспекты

Кадыралиева Н.Ш. 224
Формирование модели государственной политики в сфере высшего образования в Кыргызстане (1991–2021 гг.)

CONTENTS

Naumkin V.V. 16
Editor-in-chief Forword

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Areshev A.G., Grishanov A.A., Kiknadze T., Ravandi-Fadai L.M., Safaryan A.V. 22
Foreign Countries Humanitarian Policy in the South Caucasus: on the Materials of the International Round Table

Vardazaryan E.M. 46
The Policy of "Soft Power" of China within the BRICS

Minasyan N.A. 57
Implementation Instruments of Pan-Turkism in Modern Turkish Foreign Policy and their Perception by Key Regional and Extra-regional Actors

Nurdinova A.N. 82
The Importance of Water Resources in Central Asian Countries: Case Study of the Kyrgyz Republic

Tolibova S.R. 98
Formation and Development Factors in the of Relations between the Countries of Central and Southeast Asia

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political Sociology

Golovko-Okhremenko A.A., Chestnyagina K.S. 116
International Students of US Educational Programs: the Phenomenon of American Educational Immigration

Korostyleva N.N., Mannanova N.K. 135
"Soft" Skills Development for Civil Servants: the Experience of the Russian Federation

Medetbekova Y.M. 148
Migration Factors of the Rural Population in Kyrgyzstan

HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY

History of International Relations and Foreign Policy

Medvedeva O.V. 166
Recording the Process of Population Movement: from the Past to the Present

Kalandarov T.S., Dzhumaeva M.M. 181
Russian-Tajik Friendship in the Pages of Popular Science Publications of Tajikistan in the Soviet Period

Kadyralieva M.K. 194
Imanally Aidarbekov and his Participation in the Formation of the Kara-Kyrgyz Autonomous Region

POWER, POLITICS, STATE

Political Institutions, Processes and Technologies

Tsareva T.V. 208
Peculiarities of Integration of the Population of Severodonetsk (LNR) into the Russian Federation: Regional and Confessional Aspects

Kadyralieva N.Sh. 224
Model Development of State Policy in the Field of Higher Education in Kyrgyzstan (1991–2021)

Виталий Вячеславович НАУМКИН,
академик Российской академии наук,
главный редактор журнала
«Россия и мир: научный диалог»

Vitaly V. NAUMKIN,
Academician of the Russian Academy of Sciences,
Editor-in-chief of the journal
«Russia & World: Scientific Dialogue»

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Представляем вашему вниманию первый номер журнала за 2025 г. Особенность этого выпуска в том, что в числе авторов представлены выпускники программы международной академической мобильности, которую ежегодно проводит Национальный исследовательский институт развития коммуникаций для молодых ученых стран Центральной Азии и Южного Кавказа. Своими исследованиями, проведенными под руководством российских ученых, делятся: Е.М.Вардазарян, М.М.Джумаева, М.К.Кадыралиева, Н.Ш.Кадыралиева, Н.Х.Маннанова, Ы.М.Медетбекова, Н.А.Минасян, А.Н.Нурдинова, С.Р.Толибова. Надеемся, что вам будет интересен взгляд молодых коллег на внешнеполитические и внутривнутриполитические процессы в их странах.

Инструменты реализации пантуркизма в современной турецкой внешней политике анализируются в статье Н.А.Минасян (Армения), размещенной в разделе журнала «Международные, глобальные и региональные процессы». Автор детально рассматривает комплекс инструментов и механизмов и приходит к выводу, что они нацелены на создание политической единицы на этнолингвистической основе. В статье содержатся интересные данные о позиции региональных и внерегиональных акторов по отношению к интеграционным программам Турции.

Политику «мягкой силы» КНР в рамках БРИКС исследует Е.М.Вардазарян (Армения). По мнению автора, Китай рассматривает БРИКС не только через призму развития экономических отношений (прежде всего с Россией, Бразилией и ЮАР), но и с политических позиций, как инструмент для противостояния с Западом и создания альтернативной модели международных отношений.

В статье А.Н.Нурдиновой (Кыргызстан) на примере Кыргызской Республики рассматриваются роль водных ресурсов в странах Центральной Азии, особен-

EDITOR-IN-CHIEF FORWORD

Dear readers!

We would like to present to you the first issue of our journal for 2025. The peculiarity of this issue is that it features the work of graduates of the international academic mobility program that is annually organized by the National Communications Development Research Institution. This program aims to support young scientists from Central Asia and the South Caucasus, and the following authors share their research conducted under the guidance of Russian scientists: E.M.Vardazaryan, M.M.Dzhumaeva, M.K.Kadyralieva, N.S.Kadyralieva, N.K.Mannanova, Y.M.Medetbekova, N.A.Minasyan, A.N.Nurdinova and S.R.Tolibova. We hope you will find their views on foreign and domestic political processes interesting.

The instruments of implementation of Pan-Turkism in contemporary Turkish foreign policy are analyzed in an article by N.A.Minasyan (Armenia), published in the section "International, Global and Regional Processes". The author thoroughly examines the complex of instruments and mechanisms and comes to the conclusion that they aim to create a political entity based on ethnolinguistics. The article contains interesting data on the positions of regional and extraregional actors with regard to Turkey's integration projects.

The policy of "soft power" of China within the framework of BRICS is studied by E.M.Vardazaryan (Armenia). According to the author, China views BRICS not only through the prism of economic development (primarily with Russia and Brazil), but also from a political standpoint, as a tool to confront the West and create an alternative model of international relations.

In the article by A.N.Nurdinova (Kyrgyzstan), the role of water resources, the features of water policy, and efforts to regulate transboundary water in the Kyrgyz Republic are considered on the example of

ности водной политики и усилий по регулированию трансграничных водных рек.

Факторы формирования и развития отношений между странами Центральной Азии и странами Юго-Восточной Азии изучаются С.Р.Толибовой (Узбекистан). По мнению автора, страны Юго-Восточной Азии все чаще рассматриваются как потенциальные партнеры для ускорения интеграционных процессов в Центральной Азии и межрегионального сотрудничества. Автор обосновывает сходства и различия между этими странами и возможности дальнейшего развития отношений между ними.

Кроме статей молодых ученых, в разделе «Международные, глобальные и региональные процессы» представлена статья, подготовленная известными российскими, армянскими и грузинскими экспертами. А.Г.Арешев, А.А.Гришанов, Т.Кикнадзе, Л.М.Раванди-Фадаи, А.В.Сафарян рассуждают о гуманитарной политике на Южном Кавказе внерегиональных акторов – США, Турции, Ирана. В статье дается характеристика особенностей подходов и инструментов гуманитарной политики этих стран. Рассматривая гуманитарную политику как часть внешней, авторы делают вывод о конкуренции США, Турции, Ирана на Южном Кавказе между собой и с Россией.

В разделе «Изменяющийся социум» в совместной статье участника программы академической мобильности НИИРК Н.Х.Маннановой (Узбекистан) и ее научного консультанта Н.Н.Коростылевой (Россия) на основе компетентностного подхода исследуется российский опыт развития «мягких» навыков государственных служащих. На основе полученных данных авторы приходят к выводу о необходимости построения их моделей с учетом формирования цифрового общества.

В другой статье данного раздела рассматриваются факторы миграции сельского населения Кыргызстана. Ы.М.Медетбекова (Кыргызстан) анализирует процессы внутренней и внешней миграции населения Кыргызстана, ее основные причины и позитивные и негативные стороны. Автор приходит к выводу, что миграция населения Кыргызстана является отражением глубоких социально-экономических и политических трансформаций. По мнению автора, высока вероятность того, что ситуация в Кыргызстане, особенно в южных регионах, будет ухудшаться, провоцируя рост числа мигрантов.

Феномен образовательной миграции рассматривают А.А.Головко-Охременко, К.С.Честнягина. Их статья посвящена анализу потенциала иностранных выпускников образовательных программ США. По мнению авторов, эти выпускники, вернувшись в страну, могли бы стать посредниками для налаживания международного сотрудничества с США в научной, об-

Central Asian countries.

Factors of formation and development of relations between Central Asia and Southeast Asia countries are studied by S.R.Tolibova (Uzbekistan). The author argues that Southeast Asian countries are increasingly seen as potential partners in accelerating integration processes in Central Asia and promoting interregional cooperation. The article examines the similarities and differences between the two regions and discusses the potential for further developing relations between them.

In addition to articles by young scientists, the section "International, Global and Regional Processes" presents an article prepared by well-known Russian, Armenian and Georgian experts: A.G.Areshv, A.A.Grishanov, T.Kiknadze, L.M.Ravandi-Fadai, A.V.Safaryan. They discuss the humanitarian policy in the South Caucasus by extra-regional actors such as the USA, Turkey and Iran. The article describes the characteristics of the approaches and tools of these countries' humanitarian policies. Considering humanitarian policy as a part of foreign policy, the authors conclude that the USA, Turkey, and Iran compete with each other for influence in the South Caucasus and with Russia.

In the section "Changing Society", a joint article by N.K.Mannanova (Uzbekistan), a participant in the NIIRK academic mobility program, and N.N.Korostyleva (Russia), a scientific consultant, based on the competence approach and the Russian experience in developing "soft skills" for civil servants, studies the Russian experience. Based on this data, the authors conclude that it is necessary to build models that take into account the development of a digital society.

Another article in this section examines the factors of migration of the rural population of Kyrgyzstan. Y.M.Medetbekova (Kyrgyzstan) analyzes the processes of internal and external migration of Kyrgyzstan population, its main causes, and positive and negative aspects. The author comes to the conclusion that migration in Kyrgyzstan is a reflection of deep socioeconomic and political transformations. According to her, there is a high possibility that the situation in Kyrgyzstan, especially in southern regions, will deteriorate, leading to an increase in the number of migrants.

The phenomenon of educational migration is considered by A.A.Golovko-Okhremenko, K.S.Chestnyagina. Their article is devoted to the analysis of the potential of foreign graduates of US educational programs. According to the authors, these graduates, upon returning to their country, could become intermediaries for establishing international cooperation with the United States in the scientific,

разовательной и деловой сферах. К тому же опыт США может быть полезным для совершенствования системы привлечения иностранных граждан для обучения в России.

Миграционные вопросы рассматриваются и в разделе «Историческая ретроспектива и современность». О.В.Медведева изучает документирование учета миграции населения в дореволюционной России, СССР и современных государствах СНГ. В статье анализируются системы учета миграции населения (в том числе и становление паспортной системы), проблемы в учете международной миграции и рекомендуется совершенствование и гармонизация национальных информационных инструментов.

В этом же разделе журнала представлены две статьи выпускников программы академической мобильности НИИРК. В частности, статья М.М.Джумаевой (Таджикистан), подготовленная совместно с научным консультантом Т.С.Каландаровым (Россия), посвящена отражению тематики русско-таджикской дружбы в материалах научно-популярных изданий Таджикистана советского периода. Авторы выявили четыре основные группы статей, касающихся темы дружбы: о юбилеях и памятных датах, о рабочих-мастерах, о межнациональных браках, о дружбе между таджиками и русскими в таджикской поэзии. По мнению авторов, взгляд с позиции 2024 г. на тему дружбы народов в советское время коренным образом отличается, а концепт «дружба народов» был надэтническим понятием советских людей. В статье М.К.Кадыралиевой (Кыргызстан) на примере Иманалы Айдарбекова рассматриваются вопросы роли личности в истории. Особое внимание уделяется его участию в национально-территориальном размежевании, интеграции различных этнических групп и укреплении местных властей в условиях политической нестабильности.

Раздел «Власть, политика, государство» содержит две статьи, одна из которых подготовлена еще одним участником программы академической мобильности НИИРК – Н.Ш.Кадыралиевой (Кыргызстан).

Автор исследует формирование модели государственной политики в сфере высшего образования в Кыргызстане (1991–2021 гг.). Для сравнения моделей образовательной политики автор выделяет критерии и периоды. По мнению автора, к настоящему времени в стране сформировалась смешанная модель политики в сфере высшего образования (с признаками государственно-патерналистской и либеральной моделей), сохранившая черты советской высшей школы с элементами национального и европейского подходов.

Вторая статья данного раздела журнала посвящена актуальной, еще мало изученной теме интеграции населения новых регионов России. Региональный и конфессиональный аспекты интеграции населения

educational and business spheres. In addition, US experience could be useful for improving the system of attracting foreign citizens to study in Russia.

Migration issues are also addressed in the section on "Historical Retrospective and Modernity" by O.V.Medvedeva, who studies the documentation of population migration records in pre-revolutionary Russia, the USSR, and modern CIS countries, analyzing the systems of population migration record-keeping, including the formation of the passport system, problems in international migration record keeping, and recommending improvements and harmonization of national information instruments.

This section of the journal also presents two articles by graduates of the NIIRK academic mobility program. In particular, the article by M.M.Dzhumaeva (Tajikistan), prepared jointly with scientific consultant T.S.Kalandarov (Russia), is devoted to the reflection of the theme of Russian-Tajik friendship in materials of popular science publications of Tajikistan during the Soviet period. The authors identify four main groups of articles related to the theme: anniversaries, memorable dates, workers and craftsmen, interethnic marriages and friendship between Tajiks and Russians in Tajik poetry. According to them, the view on the theme from 2024 is fundamentally different from that of the Soviet era, and the concept of "friendship of nations" was supra-ethnic. The concept of Soviet people is examined in the article by M.K.Kadyralieva (Kyrgyzstan), using the example of Imanaly Aidarbekov. Attention is paid to the role of individuals in history, particularly their participation in national-territorial demarcations, the integration of different ethnic groups, and the strengthening of local authorities during times of political instability.

The section "Power, Politics, State" contains two articles. One of them was prepared by N.Sh.Kadyralieva (Kyrgyzstan), who is a participant in the NIIRK academic mobility program.

The author examines the formation of a public policy model in the field of higher education in Kyrgyzstan (1991–2021). To compare educational policy models, the author identifies criteria and periods. According to the author, a mixed model of policy has been formed in Kyrgyzstan by now (with features of state-paternalism and liberalism), which retains the features of Soviet education with elements of both national and European approaches.

The second article in this section of the journal is devoted to a topical, still little-studied issue: the integration of the population in new regions of Russia. Regional and confessional aspects of the integration process in Severodonetsk, LPR, into the Russian Federation were considered by T.V.Tsareva. The article

Северодонецка (ЛНР) в состав Российской Федерации рассматриваются Т.В.Царёвой. Статья подготовлена в рамках реализации темы НИР «Мониторинг межэтнических отношений и гражданской интеграции в юго-западных регионах России» и содержит историографический анализ и данные, полученные автором в ходе экспедиции в г. Северодонецк в июне 2024 г.

Уважаемые читатели журнала, надеемся, что материалы исследований, представленные в этом выпуске журнала, вызовут у вас интерес и будут полезны в вашей профессиональной деятельности и творческих изысканиях. До новых встреч на страницах журнала!

С уважением,
Академик РАН
Виталий Наумкин

was written within the framework of a research project called "Monitoring of interethnic relations and civic integration in southwestern regions of Russia" and contains an historiographic analysis and data obtained by the author during her expedition to Severodonetsk in June 2024.

Dear readers of the journal, we hope that the research materials presented in this issue of the journal will arouse your interest and be useful in your professional activities and creative research. We look forward to meeting you again on the pages of our journal!

Yours sincerely,
Academician of the Russian
Academy of Sciences
Vitaly Naumkin

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные
и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global
and Regional Studies

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

**РОССИЯ
И МИР**
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

...Отметили соперничество двух крупных и опытных субъектов гуманитарной политики – России и США – и повышение активности двух новых игроков – Ирана и Турции, которые относительно недавно перешли из статуса реципиентов в статус доноров гуманитарной политики на Южном Кавказе.

Арешев А.Г., Гришанов А.А., Кикнадзе Т., Раванди-Фадаи Л.М., Сафарян А.В.

Гуманитарная политика зарубежных стран на Южном Кавказе: по материалам международного круглого стола

Китайская Народная Республика в рамках БРИКС решает собственные важные задачи: повышает свою политическую роль и значение в современном мире, а в будущем – возможность перенять мировое лидерство у Соединенных Штатов Америки.

Вардазарян Е.М.

Политика «мягкой силы» КНР в рамках БРИКС

Региональные и нерегionalные государства имеют разные взгляды на пантюркизм и программы «тюркской интеграции», реализуемые в настоящее время Турцией.

Минасян Н.А.

Инструменты реализации пантюркизма в современной турецкой внешней политике и их восприятие основными региональными и внерегиональными акторами

Современная ситуация с водными ресурсами Центральной Азии перешла из разряда экологических вопросов в политическую сферу, затрагивая ряд взаимосвязанных вопросов, и несет социально-экономическую подоплеку.

Нурдинова А.Н.

Роль водных ресурсов в странах Центральной Азии: на примере Кыргызской Республики

...В перспективе укрепление взаимного экономического сотрудничества стран Центральной Азии и Юго-Восточной Азии в новых форматах «ШОС+АСЕАН», «ЕАЭС+АСЕАН» и «ЦА+АСЕАН» будет способствовать региональному развитию, экономическому росту и процветанию.

Толибова С.Р.

Факторы формирования и развития отношений между странами Центральной и Юго-Восточной Азии

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-22-45](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-22-45)

Политические науки

Гуманитарная политика зарубежных стран на Южном Кавказе: по материалам международного круглого стола

Андрей Григорьевич Арешев^{1a}, Антон Александрович
Гришанов^{2b}, Тамар Кикнадзе^{3c}, Лана Меджидовна
Раванди-Фадаи^{4d}, Арам Виленович Сафарян^{5e}

¹Фонд стратегической культуры, Москва, Россия

²Дипломатическая академия МИД, Москва, Россия

³Грузинский технический университет, Тбилиси, Грузия

⁴Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

⁵Ереванский государственный университет, Ереван, Армения

^apravo5@zmail.com

^bantongrishanov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-1879-9899>

^c<https://orcid.org/0009-0007-1071-6490>

^dravandifadai@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-7964-6335>

^earamsafaryan@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-6422-3647>

Аннотация. Статья содержит наиболее интересные мнения, высказанные в ходе международного круглого стола «Гуманитарная политика в регионе Южного Кавказа», организованного Национальным исследовательским

институтом развития коммуникаций в партнерстве с Центром международных и стратегических исследований Дипломатической академии МИД Российской Федерации. Представлено комплексное видение гуманитарной политики в контексте геополитических и экономических интересов и приоритетов стран. Делается акцент на политику США, Турции, Ирана и отмечается их соперничество между собой. Гуманитарная политика рассматривается как неотъемлемая часть внешней политики. США исторически рассматривают Южный Кавказ как пространство для геополитической игры в борьбе за влияние с Россией. Но общий курс на нанесение Москве «стратегического поражения» заставил американское руководство искать варианты по усилению соответствующего давления, на этот раз – через Армению. Гуманитарная политика Ирана характеризуется как «умная сила». Внедрение концепции культурной дипломатии во внешнюю политику Ирана свидетельствует о переносе акцента в разрешении межгосударственных противоречий с уровня военного и политического соперничества на социокультурный, духовной уровень сотрудничества. Турция умело сочетает инструменты экономического и культурного влияния для достижения политических интересов. Гуманитарная политика России фокусируется на сохранении культурно-исторических связей, формировании объективного образа России, сохранении русского языка как языка общения.

Ключевые слова: гуманитарная политика, Южный Кавказ, Армения, Азербайджан, Грузия, Турция, США, Иран, Зангезурский коридор, коридор «Север – Юг»

Для цитирования: Арешев А.Г., Гришанов А.А., Кикнадзе Т., Раванди-Фадаи Л.М., Сафарян А.В. Гуманитарная политика в регионе Южного Кавказа: по материалам международного круглого стола // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 1(15). С. 22-45, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-22-45](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-22-45)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-22-45](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-22-45)

Political Sciences

Foreign Countries Humanitarian Policy in the South Caucasus: on the Materials of the International Round Table

Andrey G. Areshev^{1a}, Anton A. Grishanov^{2b}, Tamar Kiknadze^{3c},
Lana M. Ravandi-Fadai^{4d}, Aram V. Safaryan^{5e}

¹Strategic Culture Foundation, Moscow, Russia

²Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia

³Georgian Technical University, Tbilisi, Georgia

⁴Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

⁵Yerevan State University, Yerevan, Armenia

^apravo5@zmail.com

^bantongrishanov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-1879-9899>

^c<https://orcid.org/0009-0007-1071-6490>

^d ravandifadai@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-7964-6335>^e aramsafaryan@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-6422-3647>

Abstract. The article reflects the most interesting opinions expressed during the international round table “Humanitarian Policy of Extra-Regional Actors in the South Caucasus”, organized by the National Research Institute for Communications Development in partnership with the Center for International and Strategic Studies of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. A comprehensive view of humanitarian policy in the context of geopolitical and economic interests of countries is presented. Emphasis is made on the policies of the United States, Turkey, Iran, and their rivalry among themselves. Humanitarian policy is considered an integral part of foreign policy. Historically, the United States views South Caucasus as a space for a geopolitical game in the struggle for influence with Russia. But the general course for the “strategic defeat” of Moscow forced the American leadership to look for options on how to increase pressure, this time through Armenia. Iran’s humanitarian policy is characterized in the article as “smart power”. The concept of cultural diplomacy in Iran’s foreign policy indicates a shift in emphasis in resolving interstate contradictions from the level of military and political rivalry to the socio-cultural and spiritual level of cooperation. Turkey skillfully combines the tools of economic and cultural influence to achieve political interests. Russia’s humanitarian policy is based on preserving cultural and historical ties, forming an objective image of Russia, and preserving the Russian language as a language of communication.

Keywords: humanitarian policy, South Caucasus, Armenia, Azerbaijan, Georgia, Turkey, USA, Iran, Zangezur Corridor, North-South Corridor

For citation: Areshev A.G., Grishanov A.A., Kiknadze T., Ravandi-Fadai L.M., Safaryan A.V. Foreign Countries Humanitarian Policy in the South Caucasus: on the Materials of the International Round Table. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 1(15): 22-45, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-22-45](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-22-45)

Введение

В 2022 г. была принята Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. В рамках этой концепции были сформулированы основные цели и задачи России в гуманитарной области и начата реализация соответствующих проектов и программ. Отмечается, что национальными интересами Российской Федерации в гуманитарной сфере за рубежом являются: защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей; ознакомление мировой общественности с историческим и культурным наследием многонационального народа Российской Федерации и его достижениями; взаимообогащение культур народов Российской Федерации и иностранных государств, в том числе повышение доступности российского и мирового культурного достояния; развитие международного гуманитарного сотрудничества на справедливой, взаимной, открытой и недискриминационной основе. Цели российской гуманитарной политики за рубежом фокусируются на формировании и укреплении объективного восприятия России в мире, содействии пониманию исторического пути, роли и места России в мировой истории и культуре, расширении контактов между людьми¹.

¹ Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом: Указ Президента РФ от 5 сентября 2022 г. № 611. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405140851/>.

Реализация этой цели на Южном Кавказе идет в жесткой конкурентной борьбе с другими странами, на фоне эмоциональных всплесков общественных настроений внутри стран, реформирования информационного пространства, неустойчивой позиции политических элит и других факторов, требующих проведения гибкой, аккуратной, контекстуальной гуманитарной политики. Степень дружелюбности в отношении России связана с «междержавной конкуренцией», нарушением баланса в регионе, рядом территориальных споров и конфликтов. Все это, по мнению В.В.Комлевой, снижает возможности выработки взаимно приемлемых правил межстрановых коммуникаций [11, с. 32]. Кроме того, в отношении России «сформировались особые общественные ожидания относительно ее роли в обеспечении региональной безопасности и ее экономической роли для стран региона Южного Кавказа» [11, с. 33], что определяет и особенности ее гуманитарной политики.

Для повышения результативности технологий российской гуманитарной политики целесообразно проанализировать опыт других стран. С этой целью Национальный исследовательский институт развития коммуникаций в партнерстве с Центром международных и стратегических исследований Дипломатической академии МИД РФ организовал круглый стол представителей научного сообщества из Армении, Азербайджана, Грузии и России. Данная статья содержит наиболее интересные позиции участников дискуссии.

Материалы и методы исследования

Авторы статьи являются признанными учеными и экспертами в области истории, политики, экономики и культуры стран Южного Кавказа² [1–4; 19; 20; 22; 26; 27]. Их мнения, выводы и рекомендации основываются на богатом эмпирическом мате-

² Андрей Арешев: «Полагаю, что нынешние заявления турецких чиновников свидетельствуют о том, что переговоры проходят, причем достаточно успешно». URL: <https://www.armenianreport.com/ru/pubs/400177/>; Андрей Арешев рассказал о тайных переговорах Пашиняна с Анкарой и Западом. URL: <https://www.mk.ru/politics/2024/06/13/andrey-areshev-rasskazal-o-taynykh-peregovorakh-pashinyana-s-ankaroy-i-zapadom.html>; Кавказская Албания: псевдоисторические мифы на службе политики // ИА Красная Весна. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/0218f741>; Эксперт Кикнадзе рассказала о роли западных НКО в «розовой» революции // Рамблер / новости. URL: https://news.rambler.ru/world/52826083/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink; В угоду национальным интересам – политолог о налаживании отношений между Тбилиси и Москвой // Пресс-центр Sputnik Грузия. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20240601/v-ugodu-natsionalnym-interesam-politolog-onalazhivani-otnosheniy-mezhdu-tbilisi-i-moskvoy-288209464.html>; Тамар Кикнадзе: В политике очень важно придерживаться библейского принципа: «всеми в этом мире свое время» // Грузия и мир. URL: <https://geworld.ge/ru/тамар-кикнадзе-политике-очень-важно>; Арам Сафарян: постсоветское пространство как аргумент в современных геополитических столкновениях // Диалог. URL: <https://dialogorg.ru/news/10.11.2023-chkchclkhckjchjcgjc/>; Рынок России остается привлекательным для армянского бизнеса: Арам Сафарян // Sputnik Армения. URL: <https://am.sputniknews.ru/20240220/rynok-rossii-ostaetsya-privlekatelnym-dlya-armyanskogo-biznesa-aram-safaryan-72485216.html>; Арам Сафарян. О роли России в урегулировании отношений между Арменией и Азербайджаном и соперничестве мировых центров силы за влияние на Южном Кавказе // НИИРК. URL: https://nicrus.ru/analytics/pub_orolirossii/.

риале, документальных источниках, наблюдении, информационных ресурсах, статистических данных.

Кроме того, были проанализированы результаты мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран, проводимого Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций. В рамках мониторинга анализируются группы культурных, образовательных, научных коммуникаций, медиакоммуникации и другие показатели [7, 11, 12].

Основными методами исследования стали общенаучные методы исследования, а также контент-анализ, ивент-анализ, статистический анализ, сравнения и обобщения.

Результаты исследований

Результаты исследований, позиции и выводы, изложенные авторами в ходе научной дискуссии, позволяют сформировать целостную картину гуманитарных активностей на Южном Кавказе. Выделим наиболее интересные аспекты научной дискуссии.

Аспекты гуманитарной политики на Южном Кавказе (Арешев Г.Г.)

Гуманитарные программы на Южном Кавказе хоть и играют определенную социальную роль (особенно на первых этапах их реализации в республиках бывшего советского Закавказья, когда они в буквальном смысле слова позволяли выживать вовлекаемым в них гражданам), но сегодня представляют собой в первую очередь инструмент вмешательства, в чем прекрасно убедились многие политики и ученые [8]. В частности, это касается Грузии, нынешняя правящая партия которой не могла бы в 2012 г. прийти к власти без одобрения Запада.

Едва ли кто-то может назвать грузинские власти «пророссийскими». Тбилиси поставил свою подпись под декларацией Совета Европы о поддержке расследования МУС по вопросу «агрессии России против Украины», сохранил курс на евроинтеграцию, не отказался от идеи вернуть Абхазию и Южную Осетию, при этом отказавшись от свойственного режиму Саакашвили радикализма, приведшего к утрате этих бывших автономий, признанных Россией независимыми государствами. При этом кабинет Кобахидзе выступает за равноправные и прагматичные отношения как с Западом, так и с Россией, а также критикует вмешательство во внутренние дела Запада через подконтрольные НПО, реализующие якобы гуманитарные программы.

Попытки небольшого государства отстаивать национальные интересы и несогласие с беспрецедентными требованиями Запада привели к заметным изменениям в политике «Грузинской мечты», включая принятие поддерживаемых большей

частью населения законов об иноагентах, о запрете пропаганды ЛГБТ^{*3} и т.д., а также безуспешные поиски альтернативных внешнеполитических партнеров, прежде всего в Китае. Как следствие, мы видим заметно более активную экономическую и гуманитарную деятельность КНР в Грузии и на Кавказе в целом (как и на Ближнем Востоке).

Так, в конце июля 2024 г. в посольстве Китая был организован прием, посвященный очередной годовщине Народно-освободительной армии Китая. На приеме выступил военный атташе Китая, часть речи которого прозвучала на армянском языке. Констатируя, что цивилизации Китая и Армении насчитывают тысячи лет истории, дипломат подчеркнул непоколебимый дух в борьбе с насилием: «Военное сотрудничество Китая и Армении развивается, и потенциал его бесконечен»⁴. Китай является одним из важных международных партнеров Армении в военной сфере, однако в Ереване делают акцент на расширении военных связей с Францией и Индией, в отношениях которых с Китаем существует несколько препятствий. Кроме того, Армения заявила о намерении установить с США отношения стратегического партнерства. Все это не очень способствует расширению армяно-китайских связей, в том числе в военной сфере, хотя Пекин может стать одним из главных торговых партнеров Армении.

Что касается Азербайджана, то после угроз «фиалковой революции» в 2005 г. и попыток организации массовых беспорядков Алиев-младший запретил Агентство США по международному развитию (USAID)^{**5} и «Фонд Сороса»^{***6} в целях обезопасить себя от вмешательства США во внутренние дела. Заметим, что это не мешает прагматичному взаимодействию по вопросам, представляющим взаимный интерес, причем не только в сфере энергетики, о чем свидетельствуют, в частности, недавние визиты в Баку главы европейско-евразийского центра разведывательного управления Пентагона (РУМО) Патрика Прайора и директора британской разведки MI 6 Ричарда Мура.

Как и Тбилиси, Баку не присоединяется к антироссийским санкциям, руководствуясь прагматичными соображениями, ибо такой шаг ударил бы по национальной экономике. При этом Алиев не боится возражать даже своему давнему партнеру Эрдогану, когда тот позволяет себе заявления с намеками на политическую зависимость Баку от Анкары.

Напротив, «неправительственное» законодательство Армении традиционно отличалось либерализмом, что позволяет западным НПО работать в стране и наращивать влияние во всех сферах, включая продвижение нужных персонажей на высокие государственные посты, что вполне проявилось в ходе «бархатной революции» 2018 г.

3 * Запрещены в Российской Федерации, 18+.

4 Военный атташе: Потенциал развития армяно-китайских отношений бесконечный // News. 30.07.2024. URL: <https://news.am/rus/news/836376.html>.

5 ** Деятельность Агентства США по международному развитию (USAID) в Российской Федерации прекращена с 1 октября 2012 г. URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/1625294/.

6 *** Генпрокуратура признала нежелательной деятельность фонда «Открытое общество» («Фонд Сороса») в РФ 30.11.2015. URL: <https://ria.ru/20151130/1332527547.html>.

Через различные «гуманитарные» и «правозащитные» НПО западники создают позиции на всех уровнях власти и во всех слоях общества, берут под свой контроль ключевые фигуры в государстве.

Подобная тактика уже привела (уже хотя бы в силу их малой компетентности и идеологической ориентации) ко многим потрясениям и чревата ими и в дальнейшем, в случае попыток так или иначе начать действовать в интересах населения в противовес установкам внешних кураторов.

Потворствуя западным НПО в насаждении чуждых армянам «ценностей», подвергая гонениям Армянскую церковь и разрушая исторические связи с соседями, в первую очередь Россией и Ираном, Пашинян создает условия для собственного устранения и приведения к власти более удобной для США и заранее подготовленной фигуры.

В случае победы Камалы Харрис глобалисты продолжат использовать Армению (как и соседние страны, в меру оказываемого на них влияния) в качестве инструмента противодействия интеграционным проектам с участием Китая, Ирана и России. В условиях отсутствия полноценных отношений с западным и восточным соседями страна окажется в региональной изоляции, что вызовет (вследствие гипотетического сворачивания связей с Россией) экономический спад и рост недовольства населения. В случае же победы Трампа, четко ассоциируемого с американским и транснациональным энергетическим бизнесом, Армения будет ему не интересна как страна, не дающая отдачи от вкладываемых в нее инвестиций. Это, впрочем, не означает отсутствия работы армянских лоббистов за океаном как с демократической, так и с республиканской администрацией.

Гуманитарная политика зарубежных акторов в Армении (Сафарян А.В.)

После распада Советского Союза Южный Кавказ оказался в центре влияния основных силовых центров современного мира, а также крупных держав, соседствующих с регионом. Со временем их влияние все увеличивалось и обретало новые очертания. Россия, Турция и Иран являются державами, имеющими свои интересы в Южно-Кавказском регионе, и поэтому ведут активную гуманитарную и культурную политику, стремясь здесь закрепиться. Внерегиональными акторами являются Европейский союз, Соединенные Штаты Америки и Китайская Народная Республика. Они также последовательно развивают свои культурно-гуманитарные отношения с тремя странами Южного Кавказа.

Хорошо известно, что Россия считает Южный Кавказ частью Большого Кавказского региона, где она имеет свои интересы. Развитие отношений с Арменией и Азербайджаном входит в число приоритетных задач российской внешней политики. В настоящее время Россия стремится сохранить свое влияние и поднять с «мертвой точки» взаимоотношения с Грузией. Некоторые тенденции свидетельствуют о возможности улучшения российско-грузинских политических отношений. Что касается

Армении, то уровень дружественности ее политики в отношении России достаточно компетентно и глубоко исследован большой группой экспертов, сплоченных вокруг Национального исследовательского института развития коммуникаций, составляющей ежегодный рейтинг дружественности к России постсоветских стран. Согласно рейтингу 2023 г., Армения замыкает десятку дружественных стран. После Армении, как известно, идет Грузия, которая является относительно дружественной / относительно недружественной. Мы внимательно изучаем материалы 2024 г. и надеемся, что Армения несколько поднимется по итогам года в этом рейтинге.

Что касается Турции, то она также считает приоритетом распространение своего влияния на Южном Кавказе. С Турцией у Армении нет политических и дипломатических отношений. С 1993 г. закрыты железнодорожные и автомобильные магистрали, связывающие две страны. В настоящее время начались переговоры между двумя странами по нормализации отношений и возобновлению транспортных сообщений. Успех этих переговоров, по словам турецкого президента, прямо зависит от нормализации отношений с Азербайджаном и подписания армяно-азербайджанского договора о мире. Есть экономические опосредованные связи, объем которых, по экспертным подсчетам, равны 400 млн долларов. Это на 99% турецкий экспорт в Армению.

Активную мягкую политику в Армении ведет Исламская Республика Иран. Она по праву считает Армению единственной христианской страной, с которой имеет общую границу, и двусторонние отношения с ней считает эталоном отношений стран разных религий. В Армении уже сформировалась большая община иранцев, постоянно живущих в стране и занимающихся хозяйственной деятельностью. В целом ряде школ в Ереване преподаются фарси и изучается культура и история Ирана. В последние несколько лет Иран значительно активизировал свою культурную политику в Армении, выделяя значительные средства на эти цели. Иранская торговля с Арменией составляет около 400 млн долларов. Иранские высшие учебные заведения связаны с армянскими вузами. Иранские туристы занимают 3-е место после российских и грузинских в туристическом потоке в Армению. Можно ожидать, что после Казанского саммита БРИКС (22–24 октября 2024 г.), когда Россия и Иран подпишут договор о стратегическом партнерстве, отношения Армении и Ирана станут еще более многосторонними и крепкими. Стоит признать, что потенциал двусторонних экономических отношений очень высок, однако до сих пор эти отношения тормозились из-за западных санкций в отношении Ирана. Сейчас Армения имеет реальную возможность занять достойное и выгодное место в системе российско-иранских развивающихся отношений. Важно отметить также, что большинство армянских политиков и экспертов считает консультативную площадку «3+3» наиболее полезной региональной платформой для согласования позиций и развития сотрудничества России, Турции и Ирана с Азербайджаном, Арменией и Грузией. Есть также основания утверждать, что после выборов 26 октября 2024 г. в Грузии официальный Тбилиси может рассмотреть возможность участия в этой платформе.

Очень значительными внерегиональными акторами, ведущими активную гуманитарную политику в регионе, являются ЕС и США. Глобальный Запад имеет свои

интересы в беспрепятственной эксплуатации нефтепроводов и газопроводов, ведущих азербайджанскую нефть и газ на Запад. Южный Кавказ интересует его также как транспортный перекресток, связывающий стратегические оси «Север – Юг» и «Восток – Запад». К общеизвестному транспортному коридору, связывающему Китай с Западной Европой, в последние годы прибавляется так называемый «срединный коридор», связывающий Центральную Азию с Южной Европой (минуя Россию).

С первых лет независимости Армении ЕС и США проводят согласованную, хорошо скоординированную политику, направленную на ослабление российского влияния и укрепления независимости и суверенитета стран Южного Кавказа.

В конце 1990-х гг. прошлого века в Европе был решен вопрос принадлежности региона Южного Кавказа к Европейскому континенту. В 1999 г. Грузия стала членом Совета Европы, а в 2003 г. Армения и Азербайджан также стали членами этой организации. Гуманитарная политика ЕС в Армении традиционно направлена на цели укрепления демократических процессов и европейских стандартов, борьбы против коррупции, усиления демократических основ государственности и гражданских инфраструктур, развития гражданского общества, укрепления неправительственных организаций и усиления их роли в общественно-политической жизни, а также, особенно в последние годы, укрепления безопасности и суверенитета страны. Европейцы акцентируют внимание на том, что Армения традиционно является частью европейской цивилизации. Современная политическая власть Армении подчеркивает свое стремление стать частью европейской семьи народов. Руководители страны заявляют, что Армения хочет быть настолько близкой к Европе, как только та пожелает. ЕС является крупнейшим донором армянского гражданского общества и активно влияет на экономическую, финансовую и политическую жизнь страны.

После поражения Армении в 44-дневной войне и резкого всплеска антироссийских настроений в стране ЕС, как и США, наметил новое направление своей работы в Армении. Эта работа заключается в стремлении выдворить Россию из Армении с помощью общественно-политического пространства страны, недовольного политикой России. Поддерживаются те прозападные политики, общественные деятели и молодежные активисты, которые положительно относятся к Украине и против СВО России в этой стране. Интересно, что ЕС развивает политику «Нового соседства», декларированную в 2006 г. и включающую сотрудничество с Украиной, Беларусью, Молдовой, Грузией, Азербайджаном и Арменией. Сегодня, когда Украина, Молдова и Грузия являются кандидатами на вступление в ЕС, Армения внимательно изучает их опыт. Армянский лидер говорил о том, что Армения не будет ухудшать отношения с Россией и другими основными партнерами, но будет внимательно следить за продвижением европейской повестки, с тем чтобы не упустить свой шанс быть ближе к ЕС. 27 стран ЕС ведут активную культурно-гуманитарную политику в Армении. Они расходуют значительные средства на эти цели, которые многократно больше средств, которые тратит, например, Россия.

США заявляют, что полностью поддерживают политику ЕС в отношении Армении. Американские разные официальные лица и известные эксперты неоднократно говорили о том, что они не имеют стратегических целей в Армении, а их главная за-

дача – поддержка союзников, Турции и Азербайджана, обеспечивающих вывоз бакинских газа и нефти. Вместе с тем в последнее время США изучают возможность с помощью Армении выдворить Россию из страны, а значит, и из Южного Кавказа в целом, а также не допустить улучшения российско-грузинских отношений. Хорошо известно, что армянские общинные организации в США требуют от американских властей больших расходов в Армении.

В обстановке глобальной конфронтации и гибридной войны Запада и России западными различными службами изучается возможность отдаления Южного Кавказа от России и нанесения ей «стратегического поражения».

В последние годы активную культурно-гуманитарную политику в Армении начал вести и Китай. Новое здание китайского посольства в Ереване (которое по масштабам не уступает американскому посольству) наглядно свидетельствует о планах этой страны развивать разносторонние отношения с Арменией и ввести страну в орбиту своих геополитических и геоэкономических планов.

В Ереване открыта китайская школа, где нет отбоя от желающих устроить своих детей. Китай занимает третье место после России и ОАЭ в списке экономических партнеров Армении. Армянские предприниматели ведут активную деятельность по организации реэкспорта золота из России в Китай. Во всех ведущих вузах Армении ведутся уроки китайского языка и китайской культуры. В стране активно работает Институт Конфуция. Стали очень частыми визиты первых лиц страны в Пекин. Ведутся активные переговоры по развитию финансового, экономического и культурного сотрудничества. Китай приветствовал инициативу армянского лидера «Перекресток мира»⁷, который предусматривает возобновление беспрепятственной работы всех коммуникаций по всем направлениям и постройки в Армении современного транспортного хаба.

Таким образом, следует констатировать, что Армения наших дней является площадкой активного влияния ведущих геополитических центров современного мира. Армянским политикам необходимо проявлять незаурядные политические и дипломатические способности, для того чтобы не допустить столкновения интересов ведущих держав современного полицентричного мира на ее территории, что может стать реальной угрозой для независимого существования армянской государственности.

Грузино-российские отношения: проблемы и перспективы (Кикнадзе Т.)

Несмотря на то, что Грузия является предметом интереса многих зарубежных стран [6; 10; 14; 16–18; 23], сосредоточусь на грузино-российских отношениях, вокруг которых сейчас много споров, прогнозов. Нередко эти отношения имеют диаметрально-

7 Премьер-министр Пашинян на международном форуме в Тбилиси представил проект «Перекресток мира» и его принципы // Премьер-министр Республики Армения. 26.10.2023. URL: <https://www.primeminister.am/ru/statements-and-messages/item/2023/10/26/Nikol-Pashinyan-Speech/>.

но противоположные характеристики. По мнению некоторых грузинских экспертов, Россия недостаточно эффективно реализует свою гуманитарную политику в Грузии [21]. По мнению других экспертов, Россия со времен Российской империи использовала фактор религиозности в отношениях с грузинами в «российских империалистических целях» и в постсоветский период «проводила пропагандистскую деятельность, направленную на усиление русофильских настроений в грузинском политическом классе и обществе» [25].

Достаточно взглянуть на самые общие данные о Российской Федерации и Грузии, чтобы убедиться в несоразмерности двух государств, что делает очевидной несоизмеримость их ресурсов и возможностей, будь то политические, военные, экономические и любые другие. Соответственно, наличествуют разные амбиции, разные по масштабу национальные проекты, разное видение собственного места и функции в мироустройстве. Удивительна также атмосфера двусторонних связей. Она практически всегда была насыщена сильными эмоциями, наполнена неадекватными ожиданиями, за которыми следуют необоснованные разочарования; изобиловали ошибочные оценки, приводящие к иррациональным действиям или, напротив, бездействию в решающие моменты, когда что-то можно было исправить⁸.

Грузия, как не раз отмечал В.В.Путин, после геополитической катастрофы⁹, инициатором которой была сама советская элита, столкнулась с целым рядом проблем. Либеральная элита тогдашней России делала все возможное, чтобы отделить бывшие советские республики от России. «Свято место пусто не бывает» – на место России пришел Запад. Российско-грузинские отношения вышли из рамок двусторонних отношений и во многом стали зависеть от перестановок сил и формирования новых отношений между Западом и Россией.

Грузия была интегрирована в западные структуры. Политическая элита страны во многом формировалась извне. Она включена в разные программы НАТО – участвовала в действиях Международных сил содействия безопасности (ISAF) в Афганистане, оказывала поддержку при проведении в Средиземном море контртеррористической операции НАТО по наблюдению за морским районом и т.д.¹⁰ У Грузии был самый большой военный контингент после США. Грузия активно участвует в программах Евросоюза («соседства», «восточного партнерства» и т.д.). Страна получила статус кандидата в члены Евросоюза и безвизовый режим. Грузия вовлечена в Болонскую систему образования.

В течение более 30 лет выросло поколение, которое не знает Россию, русский язык, русскую культуру и очень негативно относится к стране, которая «оккупировала 20% территории»¹¹. Отношения с Россией играют решающую роль во внутрен-

нем дискурсе Грузии. Политические игроки часто «дискредитируют» оппонента, разыгрывая «карту России», то есть обвиняя оппонента в пророссийской ориентации [13, с. 5].

Августовский кризис 2008 г. привел к прекращению практически всех институциональных отношений между Москвой и Тбилиси и снизил уровень российско-грузинских отношений до критически низкой отметки со времен распада СССР. Однако в условиях напряженных отношений на правительственном уровне именно взаимодействие немногочисленных неправительственных общественных организаций и экспертного сообщества в немалой степени способствовало выстраиванию диалога между двумя странами.

Еще при Михаиле Саакашвили (склонном обвинять Россию во всех без исключения бедах) Грузия была открытой для российского бизнеса. Ряд крупных компаний с преимущественно российским (в том числе государственным) капиталом успешно работает в стране. С октября 2010 г. Грузия предоставила право безвизового въезда на срок до 90 дней жителям северокавказских субъектов РФ (что было воспринято неоднозначно, поскольку выглядело как ответ на учрежденные ранее Россией «этнические» преференции при пересечении границы для жителей Абхазии и Южной Осетии), а в феврале 2012 г. этот режим был распространен на всех граждан России. В ноябре 2011 г. Грузия сняла свои возражения по поводу вступления РФ в ВТО. Взятые по отдельности или в комплексе, эти шаги, возможно, были беспрецедентны для ситуации, когда между странами нет дипломатических отношений, и совершает их сторона, официально обвиняющая другую в агрессии и оккупации собственной территории.

После смены власти М.Саакашвили в Грузии в октябре 2012 г. отношение к северному соседу стало меняться к лучшему. В Грузии была провозглашена политика нормализации отношений с Российской Федерацией. Данный политический курс нашел поддержку среди значительной части грузинского населения.

Тогдашний премьер-министр Грузии Бидзина Иванишвили учредил должность Специального представителя по взаимоотношениям с Россией. Россия, со своей стороны, восстановила авиасообщения и отменила визовый режим.

В то же самое время некоторый «застой» в восприятии России как партнера объясняется разочарованием по поводу того, что встречные шаги со стороны России не оправдали ожиданий (возможно, завышенных). Данное соображение подтверждается и социологическим исследованием – ответом на вопрос: «Удовлетворены Вы или нет нынешним состоянием взаимоотношений с Россией?» [24, с. 11].

Сегодня на фоне глобальных перемен появились возможности для улучшения российско-грузинских отношений. Все чаще мы слышим заявления представителей власти о том, что Грузия должна проводить суверенную политику исходя из национальных интересов. Был принят закон «О прозрачности иностранного влияния», который спровоцировал многотысячные протесты и беспрецедентную критику в адрес властей Грузии со стороны западных партнеров; этот закон стал называться «рус-

⁸ Силаев Н., Сушенцев А. Грузия после выборов и перспективы российско-грузинских отношений // Регнум. URL: <https://regnum.ru/article/1620583>.

⁹ Владимир Путин: «Распад СССР – крупнейшая геополитическая катастрофа века» // Регнум. URL: <https://regnum.ru/news/444083>.

¹⁰ Relations with Georgia // NATO. 12 Apr. 2022. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_38988.htm.

¹¹ Ираклий Гарибашвили: Россия по-прежнему оккупировает 20 процентов территории Грузии // ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/09/1445122>.

ским» законом, а закон «О семейных ценностях и защите несовершеннолетних» – от ЛГБТ*¹²-пропаганды.

Улучшение отношений с Россией является ключом к решению многих проблем и первым долгом территориальной целостности Грузии. Коммуникации следует развивать и упрощать. Культурные, научные, спортивные, молодежные контакты, экспертный диалог имеют под собой базу, которая содержит достаточный потенциал для их углубления, что будет лишь способствовать формированию адекватного представления друг о друге, максимально избавленного как от негативных стереотипов, так и от иллюзий. Выход на ровные взаимоотношения представляется возможным, если с учетом объективно присутствующей асимметрии Россия увидит в лице Грузии хоть и маленького, но партнера, а не врага, соперника, заговорщика и т.п. Целостная, успешно развивающаяся Грузия в этом плане – гораздо более обнадеживающий сосед, чем малопредсказуемая и обозленная страна на беспокойной южной границе Российской Федерации.

Политика Ирана на Южном Кавказе (Раванди-Фадаи Л.М.)

Гуманитарная политика Исламской Республики Иран (далее – ИРИ) на Южном Кавказе тесно переплетена в целом с ее культурной политикой не только в данном регионе, а в целом во всех странах, где существуют посольства ИРИ. И необходимо отметить, что гуманитарная политика Ирана является очень показательным примером «умной силы».

Для Ирана внедрение концепции культурной дипломатии во внешнюю политику государства является свидетельством переноса основного акцента в разрешении межгосударственных противоречий с уровня военного и политического соперничества на социокультурный, духовной уровень. По сути, это призыв к использованию духовного опыта ислама в решении межгосударственных и междивизиационных конфликтов.

С целью практической реализации обновленной внешнеполитической доктрины в Иране в 1995 г. была создана Организация культуры и исламских связей (ОКИС) («Сазмане фарханг-о эртебатате эслами»), подведомственная Министерству культуры и исламской ориентации Исламской Республики Иран, бюджет которой вырос с 15 млн долларов в 2006 / 2007 гг. до 47 млн 800 тыс. долларов в 2017 / 2018 гг.¹³. Организация отвечает за ведение культурной деятельности и распространение иранской исламской культуры за рубежом и структурно представляет собой ряд подразделений, которые курируют международную деятельность иранских культурных представительства, научные исследования в области распространения иранской культуры и межкультурного образования. Подразделения ОКИС ведают также публикациями и пропагандой, организуют недели ИРИ за рубежом, различного рода выставки и научные конференции по проблемам культуры и религии, многочисленные мероприятия

по пропаганде персидского языка и литературы, а также работают в направлении расширения диалога между исламом и другими мировыми религиями, в том числе и с православием.

Культурную и гуманитарную политику невозможно рассматривать вне ее связи с внешнеполитическими процессами. Сейчас в Иране новый президент. Несмотря на то, что он относится к реформаторскому лагерю, ему придется работать при ультраконсервативном парламенте. Из-за жестких санкций Иран не располагает достаточными доходами на проведение активной культурной политики. Но многое будет зависеть от того, кто выиграет выборы в США в ноябре. Если победит Камала Харрис, то ядерная сделка вполне реальна, так как администрация Байдена, включая Харрис, достаточно лояльно относится к Ирану. Если же победит Дональд Трамп, то ни о какой ядерной сделке не может быть и речи: Трамп неоднократно заявлял о неприятии исламского режима, и после прихода к власти он наверняка резко увеличит санкционное давление на Иран, как это уже было в 2018–2020 гг. Само правительство Масуда Пезешкияна, очевидно, стремится к скорейшему возобновлению ядерной сделки. Бывший глава МИД Ирана Джавада Зарифа и другие дипломаты, участвовавшие в 2015 г. в заключении ядерной сделки, были назначены новым президентом на высокие посты в своем правительстве. К тому же сама фигура Пезешкияна как светского реформатора может способствовать быстрому достижению компромисса с США (в случае победы Харрис на президентских выборах) и возвращению к сделке. В этом случае доходы Ирана резко возрастут, и определенную их часть можно будет направить на нужды культурной и гуманитарной политики.

Отдельно следует отметить российско-иранские отношения на Южном Кавказе. На сегодняшний день Иран воспринимает Зангезурский коридор как потенциальную угрозу для своего геополитического положения. Иран считает, что в случае реализации Зангезурского коридора произойдет чрезмерное усиление «тюркского фактора», а вместе с ним – и рост влияния НАТО в регионе (так как Турция является членом НАТО). Также открытие Зангезурского коридора понизит значимость путей, связывающих Иран с Южным Кавказом, и может снизить стратегическую роль Ирана в регионе с точки зрения транзита грузов. Однако существенного ухудшения отношений с Россией из-за этого вопроса, вероятно, не будет. Иран в условиях санкционного давления и изоляции нуждается в тесных связях с Россией. Ситуация может измениться в случае гипотетического снятия санкций, но и тогда полного разрыва с Россией не может произойти: духовный лидер Али Хаменеи, чья позиция выше, чем у президента, выступает за активное развитие отношений с Россией.

Российско-иранские отношения имеют очень прочный фундамент. Стороны объединяет стремление к долгосрочному стратегическому сотрудничеству. Планируется подписание договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве. К тому же стороны связывают чрезвычайно важные общие геополитические интересы (как, например, сохранение и укрепление правительства Башара Асада в Сирии, а также недопущение стран Запада в Каспийский регион), как и исключительно выгодные экономические проекты (прежде всего, это строящийся международный транспорт-

¹² * Деятельность запрещена на территории РФ, 18+.

¹³ Организация культуры и исламских связей. URL: <https://iran1979.ru/organizaciya-kultury-i-islamskix-svyazej/>.

ный коридор «Север – Юг», который должен приносить иранской стороне десятки миллиардов долларов дохода в год за транзит). Поэтому серьезное ухудшение двусторонних отношений из-за разногласий по Зангезурскому коридору невозможно. Это значит, что культурно-гуманитарное взаимодействие двух стран будет продолжаться и дальше, прежде всего благодаря Культурному представительству Ирана в Москве, которое знакомит россиян с традиционной иранской музыкой, литературой, ремеслами.

Здесь стоит привести конкретные примеры гуманитарных акций Ирана на Южном Кавказе. Самое большое развитие эти акции получили в случае с Арменией и направлены на оказание помощи беженцам и жертвам стихийных бедствий. Так, в октябре 2023 г., во время исхода армян из Карабаха, иранские власти через Общество Красного Полумесяца отправили вынужденным переселенцам гуманитарную помощь. В Кафане груз встретили губернатор Зангезура (или Сюника) Роберт Гукасян и посол Ирана в Армении Мехди Собхани. Партия помощи в размере 60 тонн включает в себя продукты питания, средства гигиены, теплые одеяла, обогреватели и др.

А в июне 2024 г. в Армению прибыла гуманитарная помощь от Ирана населению, пострадавшему от наводнений в Лорийской и Тавушской областях. Перед этим председатель Общества Красного Полумесяца Ирана Хосейн Коливанд предложил отправить такую помощь в письме, отправленном Обществу Красного Креста Армении. Он отметил, что с сожалением узнал о жертвах, наводнениях и ущербе, нанесенном проливными ливнями в северных районах Армении. Он подчеркнул, что Общество Красного Полумесяца Ирана готово направить гуманитарную помощь и спасательные группы, что и было сделано в июне с согласия Армении. Гуманитарная помощь от Ирана содержит консервы, палатки-покрывала, постельные принадлежности, посуду, санитарные принадлежности и др. Ее принял глава Общества Красного Креста Армении Давид Нерсисян. Он отметил, что Иран был одной из первых стран, которые откликнулись на природную катастрофу в Армении. «Хотя причина для встречи трагическая, но она вновь показывает тесное сотрудничество гуманитарных организаций двух стран», – заявил Нерсисян, вновь поблагодарив иранских партнеров¹⁴.

Заместитель посла Ирана в Армении Бахрам Тагери, выразив соболезнования в связи с наводнением, поблагодарил правительство и народ Армении за моральную поддержку в связи с гибелью руководителей Ирана. В связи с этим он отметил важность визита в Тегеран премьер-министра Никола Пашиняна и его встречи с духовным лидером Ирана и временным и.о. президента.

«История свидетельствует, что мы, народы двух стран, всегда были рядом и в хорошие, и в плохие дни. Так продолжится и в будущем. Мы знаем, что ущерб довольно велик, но эта небольшая помощь может внести какой-то вклад в дело восстановления», – сказал вице-посол, заверив, что в таких случаях иранская сторона всегда готова к поддержке¹⁵.

¹⁴ Помощь из Ирана для пострадавших от наводнения сегодня доставят в Алаверди // Sputnik. Армения. 07.06.2024. URL: <https://am.sputniknews.ru/20240607/pomosch-iz-irana-dlya-postradavshikh-ot-navodneniya-segodnya-dostavyat-v-alaverdi--76798480.html>.

¹⁵ Там же.

Все эти гуманитарные акции очень позитивно воспринимаются в Армении, где Иран воспринимают в качестве многовекового доброго соседа.

Несколько меньше развиваются гуманитарные связи Ирана с Азербайджаном, но и здесь можно найти конкретные примеры иранской гуманитарной помощи, правда, мне удалось найти только очень давние примеры. Так, еще в далеком 2006 г. в связи с праздником Новруз из Ирана в Азербайджан доставлена гуманитарная помощь. Эта очередная гуманитарная помощь, предназначенная для азербайджанских беженцев и вынужденных переселенцев из Карабаха, а также для нуждающихся граждан, прислана азербайджанским представительством иранского комитета «Имдад» имени Имама Хомейни. Помощь на сумму 300 тыс. долларов США состоит в основном из продуктов питания и медикаментов.

Гуманитарное измерение политики США на Южном Кавказе (Гришанов А.А.)

Как и в случае со многими регионами мира, не имеющими для Вашингтона критического значения, политика США в отношении Южного Кавказа в постсоветский период носила волнообразный характер. Периоды увлечения закавказской тематикой сменялись у американских элит отчуждением и безразличием. Тем не менее общий упор на вытеснение России из этого региона сохранялся на протяжении трех десятилетий, накладываясь на общий тренд по втягиванию бывших советских республик в евро-атлантические институты.

На первом этапе, вскоре после распада СССР, вследствие фактической дезинтеграции Грузии и пророссийского крена Армении в роли «фаворита» США в Закавказье выступал Азербайджан, чему способствовал и активный лоббизм со стороны Анкары и нефтяных корпораций. Однако десятилетие спустя, в условиях увлечения Вашингтона идеей экспорта демократии, роль наиболее близкой американскому видению страны была отведена Грузии. Собственно, именно тогда массивные вливания по линии гуманитарной политики оказались с успехом трансформированы в конкретные результаты в виде «революции роз» и последующего обещания принять Тбилиси в НАТО. После поражения Грузии в конфликте 2008 г. и снижения популярности М. Саакашвили США утратили интерес к региону, словно смирившись с тем, что он останется в зоне влияния Москвы. Но, взяв курс на подготовку к гибридной войне с Россией после событий 2014 г., решили вновь открыть мягкосилового закавказский фронт. И если «Грузинская мечта» не оправдала американских надежд и постепенно начала восприниматься со скепсисом, то армянское правительство, пришедшее к власти в результате очередной «ненасильственной революции», было сочтено наиболее перспективным и заслуживающим дальнейших инвестиций.

Сегодня Вашингтон стремится (и безуспешно) разорвать союз Москвы и Еревана, но параллельно возлагает надежды на возможное возвращение «Единого национального движения» (ЕНД) к руководству Грузией и пытается мотивировать Турцию к давлению на Азербайджан с целью снижения динамики российско-азербайджан-

ских отношений. Для всех этих целей задействуется классический инструментарий в области «мягкой силы», в первую очередь – неправительственные организации, финансируемые по линии USAID-NED. Именно поэтому, стремление Тбилиси усилить контроль над деятельностью НКО спровоцировало истерию в американских СМИ и персональные санкции против нескольких десятков официальных лиц. Госдепартамент в этот момент демонстративно сократил финансирование грузинского гражданского общества¹⁶, де-факто перенаправив дополнительные ресурсы в Армению¹⁷. При этом США традиционно предпочитают действовать не только напрямую, но и через союзников – если «опека» Азербайджана отведена Турции, то координация взаимодействия с Арменией передана на откуп Франции. В некоторой степени Запад даже пожертвовал усилиями по работе с Баку, дабы усилить присутствие в армянской политической системе.

Основные механизмы вовлечения США в закавказскую политику хорошо известны и отработаны на других странах. К ним, безусловно, относятся образовательные проекты, направленные на искажение исторической памяти и формирование негативного образа России у молодежи; информационные кампании с распространением недостоверной информации – в случае с Грузией идет спекуляция на абхазско-южноосетинском вопросе, в случае с Арменией – на карабахской тематике. США, самостоятельно и через партнеров, пытаются привить жителям региона нетрадиционные ценности с помощью пропаганды ЛГБТ¹⁸, чтобы в дальнейшем через спекуляцию на этой теме и проблематике «гендерной свободы» мотивировать «обработанных» молодых людей к протестными действиям против сближения с Россией. В повседневность нового поколения внедряется английский язык, что соответствует неформальной установке на разрушение идеологии и ценностей «Русского мира». Насаждается паранойя относительно приезжих россиян, разжигается шпиономания. Все это делается и непосредственно через поддержку НКО, и с помощью финансирования СМИ и интернет-проектов.

Как показывает опыт Украины, проходившей через аналогичные процессы на предыдущих этапах, так называемые гуманитарные усилия Запада могут нести крайне деструктивный заряд. Нынешнее грузинское руководство уже напрямую заявляет о давлении, которое на него оказывается с целью открытия в военном отношении «второго антироссийского фронта» на Закавказье¹⁹. Через своих подопечных из ЕНД США добиваются возвращения в общество реваншистских настроений и стремления к интеграции в НАТО, в том числе через срыв инициатив «Грузинской мечты» по снятию напряженности в отношении Абхазии и Южной Осетии. Армению, элиты которой уже давно сталкивались с пропагандой сближения Еревана с Брюсселем, активно

16 США свернули программу помощи Грузии на \$95 млн // РБК. 31.07.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/07/2024/66aa41579a79470c8131dd38>.

17 США увеличит денежную помощь Армении более чем в два раза // ТАСС. 11.08.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21833155>

18 * Запрещены в Российской Федерации, 18+.

19 В Грузии заявили о планах влиятельных глобальных сил открыть «второй фронт» против РФ // Интерфакс. 22.05.2024. URL: <https://www.interfax.ru/world/961865>

подталкивают к окончательному развороту в сторону НАТО, в частности, через внедрение в СМИ и образовательные программы ложной информации об ответственности Москвы за многочисленные исторические травмы армянского народа, начиная с геноцида армян и заканчивая потерей Карабаха. В случае с Азербайджаном активная политика США застопорилась, но с большой долей вероятности в случае смены власти в Турции Вашингтон попытается активировать азербайджанский фактор.

США исторически рассматривают Закавказье как пространство для геополитической игры в борьбе за влияние с Россией. Но общий курс на нанесение Москве «стратегического поражения» заставил американское руководство искать варианты по усилению соответствующего давления, на этот раз через Армению. Москве, очевидно, необходима эффективная стратегия по противостоянию деятельности Вашингтона в Южном Кавказе, основанная не только на исторической общности, но и на обозначении перспектив взаимодействия с молодежью, которая стремительно вестернизируется и под влиянием западных гуманитарных программ все больше настраивается на безальтернативность евро-атлантического вектора движения данных стран.

Выводы

Анализ гуманитарных политик зарубежных стран на Южном Кавказе позволяет сделать вывод об их результативности, хотя и с разной долей полученного результата. Участники научной дискуссии (материалы которой содержит статья) особо отметили соперничество двух крупных и опытных субъектов гуманитарной политики – России и США и повышение активности двух новых игроков – Ирана и Турции, которые относительно недавно перешли из статуса реципиентов в статус доноров гуманитарной политики на Южном Кавказе.

В отличие от США и России, применяющих чаще всего типовые, привычные, отработанные подходы и технологии, Турция и Иран действуют более гибко, с учетом особенностей каждой страны Южного Кавказа в актуальных условиях.

В этой связи участники дискуссии рекомендовали России действовать более контекстуально, с учетом изменяющейся реальности в каждой стране Южного Кавказа и особенностей совместного исторического прошлого. С этой целью следует развивать научные школы армяноведения, грузиноведения, азербайджановедения в России, так как за 30 лет после СССР произошли существенные изменения, и мы уже плохо знаем друг друга. Россиеведение в странах Южного Кавказа также развито недостаточно для глубокого понимания процессов в современной России.

Особое внимание при выборе технологий реализации гуманитарной политики России следует уделить институтам социализации (воспитание, образование), где закладываются основы мировоззрения и стереотипы о России. Поэтому сотрудничество в области образования, науки, СМИ и информационного обмена является не менее важным, чем сотрудничество в области культуры и искусства.

Список литературы

- Арешев А.Г. Европа между Баку и Ереваном: чьи аргументы окажутся сильнее? [Europe between Baku and Yerevan: Whose Arguments Will Win?] // Архонт. 2019. № 4(13). С. 21–24.
- Арешев А.Г. Свободная экономическая зона в Мегри и торгово-экономическое сотрудничество Ирана со странами Южного Кавказа [Free Economic Zone in Meghri and Iran's Trade and Economic Cooperation with the Countries of the South Caucasus] // Труды Института востоковедения РАН. 2018. № 15. С. 95–106.
- Армения в ЕАЭС и Большое Евразийское партнерство [Armenia in the EAEU and the Greater Eurasian Partnership]. Сборник статей. Ереван: Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, 2024. 64 с. ISBN 978-9939-9740-2-6. EDN LWPPWR.
- Аршакян Г.М., Сафарян А.В. К вопросу о характере и динамике развития российско-турецких отношений в постсоветский период [On the Nature and Dynamics of the Development of Russian-Turkish Relations in the Post-Soviet Period] // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 1(7). С. 40–53. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1\(7\)-40-53](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1(7)-40-53).
- Ахматшина Э.К., Лученков И.Р. Турецко-аджарские отношения в постсоветский период: религиозный и экономический аспект (1991–2018) [Turkish-Adjarian Relations in the Post-Soviet Period: Religious and Economic Aspect (1991–2018)] // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 1(74). С. 102–106. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_1_102. EDN HNBKQK.
- Бурцева И.С. Образовательные проекты «Европейской политики соседства» как инструмент «мягкой силы» [Educational Projects of the «European Neighborhood Policy» as a Tool of «Soft Power» Friendship without Borders: Myth or Reality] // Дружба без границ: миф или реальность: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Ставрополь, 14 декабря 2017 г. / Общественная палата РФ; Всероссийское общественное движение «Матери России»; Институт дружбы народов Кавказа. Ставрополь: Институт дружбы народов Кавказа, 2017. С. 90. EDN YQORPB.
- Гагиева А.Л., Комлева В.В. Россия и Южная Осетия: сотрудничество в сфере образования [Russia and South Ossetia: Cooperation in the Field of Education] // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 1(11). С. 66–83. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-66-83](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-66-83). EDN VIDGMQ.
- Давыденко Р.Е. «Стратегия вовлечения» или тактика «навязанного консенсуса» во внешней политике США в XXI в. на примере стран постсоветского пространства и Восточной Европы [«Engagement Strategy» or the Tactics of «Imposed Consensus» in US Foreign Policy in the 21st Century: Examples of Post-Soviet Countries and Eastern Europe] // Зимняя конференция СНО: тренды и вызовы современной дипломатии: сборник статей Первой международной студенческой научной конференции, Санкт-Петербург, 3–4 декабря 2021 года / ред. Д.И.Попов [и др.]. Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2022. С. 174–183. EDN WDPJOK.
- Еномян А.В., Закарян С.Б., Турава Г.М. Образовательная политика Европейского союза, Турции и России в отношении Грузии в начале XXI в. [Educational Policy of the European Union, Turkey and Russia towards Georgia at the beginning of the 21st century] // Вопросы истории. 2021. № 8–1. С. 18–30. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202108Statyi03>. EDN VYHJJD.
- Еномян А.В., Станис Д.В. Фактор политики «мягкой силы» в продвижении турецких интересов в Грузии [The Factor of «Soft Power» Policy in Promoting Turkish Interests in Georgia] // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 8. С. 787–798. EDN JQXOBD.
- Комлева В.В. Динамика дружелюбности коммуникационных режимов стран Южного Кавказа [Dynamics of Friendliness of Communication Regimes of the South Caucasus Countries] // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 1(11). С. 20–37. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-20-37](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-20-37). EDN FCMWVN.
- Комлева В.В. Политика национального культурного наследия и дружелюбность коммуникационных режимов соседних стран [National Cultural Heritage Policy and Friendliness of Communication Regimes of Neighboring Countries] (По материалам ежегодного мониторинга постсоветских стран) // Продвижение национального культурного наследия в электронной среде в целях сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей: методология, опыт, направления развития: сборник научных трудов, Санкт-Петербург, 23 мая 2023 г. / Президентская библиотека имени Б.Н.Ельцина. Санкт-Петербург: Президентская библиотека имени Б.Н.Ельцина, 2023. С. 47–56. EDN HNUYGA.
- Майстер Ш. Грузино-Российские отношения: роль дискурсов и нарратив [Georgian-Russian Relations: The Role of Discourses and Narrative]. Тбилиси, 2021.
- Мамедов Р.Т. «Мягкая сила» как часть турецкой внешней политики в Грузии [“Soft Power” as Part of Turkish Foreign Policy in Georgia] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 4. С. 734–747. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-734-747>. EDN PPIALJ.
- Мачавариани Г.Г. Грузия-Китай: политические, экономические и гуманитарные аспекты сотрудничества [Georgia-China: Political, Economic and Humanitarian Aspects of Cooperation] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 142–151. EDN TMGEDZ.
- Наумов А.О., Наумова А.Ю. Роль акторов «мягкой силы» в «революции роз» в Грузии [The Role of Soft Power Actors in the Rose Revolution in Georgia] // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2023. № 1. С. 58–76. EDN LVXUHN.
- Неклюдов Н.Я., Слинько А.А. Мягкая сила на перепутье границ: к вопросу религиозно-культурного взаимодействия России, Турции и Ирана в Грузии [Soft Power at the Crossroads of Borders: on the Issue of Religious and Cultural Interaction between Russia, Turkey, and Iran in Georgia] // Аспирантские тетради: сборник научных статей, Воронеж, 31 января 2018 г. / Воронежский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». Вып. 2. Воронеж: Воронежский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2018. С. 119–129. EDN YQPARM.
- Политика влияния мировых акторов в Центральной Азии, Восточной Европе, на Южном Кавказе и в странах Балтии [The Policy of Influence of Global Actors in Central Asia, Eastern Europe, the South Caucasus and the Baltic States] / А.А.Сидоров, Л.Г.Силантьева, А.В.Каштанов [и др.]. М.: Изд-во «Перо», 2023. 146 с. ISBN 978-5-00218-513-9. EDN LLCCE.
- Раванди-Фадаи Л.М. Аспекты политики и безопасности на Южном Кавказе [Aspects of Politics and Security in the South Caucasus] // Россия и Закавказье в историческом измерении и пространстве (к 240-летию подписания Георгиевского трактата): сборник материалов Международного научного круглого стола. Ставрополь, 2023. С. 304–310.
- Раванди-Фадаи Л.М. Особенности функционирования меджлиса (парламента) Исламской Республики Иран [Features of the Functioning of the Majlis (Parliament) of the Islamic Republic of Iran] // Власть. 2024. Т. 32. № S4-1. С. 98–106. <https://doi.org/10.56700/s1578-7663-7703-f>.
- Рцхиладзе Г.В. Об отсутствии российской «мягкой силы» на примере Грузии [On the Absence of Russian “Soft Power” on the Example of Georgia. New Identity and Conflict Potential of the Post-Soviet Space] // Новая идентичность и конфликтный потенциал постсоветского пространства: сборник научных статей. К 25-летию СНГ / под редакцией К.П.Курылева. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2017. С. 107–112. EDN ZVLNGN.
- Сунь Чжуанчжи, Карпович О.Г., Власов Е.Е., Сидорова Л.Н., Козюлин В.Б., Ли Юнхуэй, Добровольский В.Н., Оуян Сян'ин, Дмитриева М.О., Гришанов А.А., Нью Ичэнь, Мартынова Д.О., Цян Сяюнь, Лукин А.Л., Дон Сянжон, Козинец А.И., Ван Сяньцзюй, Козлов Л.Е., Шан Юэ. Восточная Азия и АТР: акторы и задачи региональной архитектуры мироустройства [East Asia and the Asia-Pacific Region: Actors and Tasks of the Regional Architecture of the World Order] // Известия Восточного института. 2024. № 2. С. 11–33. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/11-33>.
- Уригаев В.В. «Мягкая сила» Турции в воздействии на Грузию и Черноморский регион [Turkey's «Soft Power» in Influencing Georgia and the Black Sea Region] // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8. № 3А. С. 147–152. EDN SXDATZ.
- Хаиндрава И. Российско-грузинские отношения: в поисках новых путей развития [Russian-Georgian Relations: In Search of New Paths of Development] / Российский совет по международным делам. Международный центр по конфликтам и переговорам. М.: Спецкнига, 2014.
- Цурцумия З. История российской «мягкой силы» в Грузии (XIX–XX вв.) [History of Russian “Soft Power” in Georgia (19th–20th Centuries)] Турецкий журнал российских исследований. 2020. № 3. С. 94–115. EDN LBDZQN.
- Areshev A. Turkey's Activity in the Caucasus // Russia in Global Affairs. 2020. Т. 18. № 4(72). С. 56–60. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-4-56-60>.
- Ravandi-Fadai L., McNeer K. Shadows in the Garden: Women Agents Underground and Communist Activism in Mid-20th Century Iran // Vostok. Afro-Aziatskie Obshchestva: Istoriia i Sovremennost. 2022. № 6. С. 88–100.

Информация об авторах

АРЕШЕВ Андрей Григорьевич. Политический обозреватель. Эксперт Фонда стратегической культуры. Адрес: Российская Федерация, 119180, г. Москва, ул. Большая Полянка, 50/1 стр. 1. pravo5@zmail.com

ГРИШАНОВ Антон Александрович. Кандидат политических наук. Эксперт Центра международных стратегических исследований, главный научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России. <https://orcid.org/0009-0001-1879-9899>. Адрес: 119034, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1. antongrishanov@gmail.com

КИКНАДЗЕ Тамар. Доктор политических наук. Профессор Грузинского технического университета. <https://orcid.org/0009-0007-1071-6490>. Адрес: Грузия, 0160, г. Тбилиси, ул. М.Костава, 77.

РАВАНДИ-ФАДАИ Лана Меджидовна. Кандидат исторических наук. Руководитель Восточного культурного центра и старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук. <https://orcid.org/0000-0002-7964-6335>. Адрес: Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12. ravandifadai@yahoo.com.

САФАРЯН Арам Виленович. Кандидат филологических наук. Доцент политологии. Директор Центра российских исследований факультета международных отношений Ереванского государственного университета. <https://orcid.org/0000-0002-6422-3647>. Адрес: Республика Армения, 0025, г. Ереван, ул. Алека Манукяна, 1. aramsafaryan@yahoo.com.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25 сентября 2024 г. Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2024 г. Принята к публикации: 20 января 2025 г. Опубликовано: 5 марта 2025 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Areshev A.G. Europe between Baku and Yerevan: Whose Arguments Will Win? Archon [Arkhon]. 2019; 4 (13):21–24 [In Russian].
2. Areshev A.G. Free Economic Zone in Meghri and Iran's Trade and Economic Cooperation with the Countries of the South Caucasus. Trudy Instituta vostokovedeniya RAN [Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]. 2018; 15:95–106 [In Russian].
3. Armenia in the EAEU and the Greater Eurasian Partnership. Collection of articles. Yerevan: National Research Institute for Communications Development, 2024:64 [In Russian]. ISBN 978-9939-9740-2-6. EDN LWPPWR.
4. Arshakyan G.M., Safaryan A.V. On the Nature and Dynamics of the Development of Russian-Turkish Relations in the Post-Soviet Period. Rossiya i mir: nauchnyj dialog [Russia & World: Scientific Dialogue]. 2023; 1(7):40–53 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1\(7\)-40-53](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1(7)-40-53).

5. Akhmatshina E.K., Luchenkov I.R. Turkish-Adjarian Relations in the Post-Soviet Period: Religious and Economic Aspect (1991-2018). Kaspiyskiy region: politika. ekonomika. kultura. [Caspian Region: Politics, Economics, Culture.] 2023; 1(74):102–106 [In Russian]. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_1_102. EDN HWBKQQ.
6. Burtseva I.S. Educational Projects of the “European Neighborhood Policy” as a Tool of “Soft Power”. Druzhba bez granits: mif ili realnost. [Friendship without Borders: Myth or Reality]: collection of materials of the International scientific and practical conference, Stavropol, December 14, 2017 / Public Chamber of the Russian Federation; All-Russian public movement “Mothers of Russia”; Institute of Friendship of Peoples of the Caucasus. Stavropol: Institute of Friendship of Peoples of the Caucasus, 2017: 90 [In Russian]. EDN YQORPB.
7. Gagieva A.L., Komleva V.V. Russia and South Ossetia: Cooperation in the Field of Education. Rossiya i mir: nauchnyj dialog [Russia & World: Scientific Dialogue]. 2024; 1(11):66–83 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-66-83](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-66-83). EDN VIDGMQ.
8. Davydenko R.E. “Engagement Strategy” or the Tactics of “Imposed Consensus” in US Foreign Policy in the 21st Century: Examples of Post-Soviet Countries and Eastern Europe. Zimnyaya konferentsiya Studencheskogo nauchnogo obshchestva [SSS Winter Conference]: Trends and Challenges of Modern Diplomacy: Collection of Articles from the First International Student Scientific Conference, St. Petersburg, December 3–4, 2021 / ed. D.I. Popov [et al.]. St. Petersburg: Skifia-Print LLC, 2022:174–183 [In Russian]. EDN WDPJOK.
9. Enokyan A.V., Zakaryan S.B., Turava G.M. Educational policy of the European Union, Turkey and Russia towards Georgia at the beginning of the 21st century. Voprosy istorii [History Problems]. 2021; 8-1:18–30 [In Russian]. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202108Statyi03>. EDN YVHIJD.
10. Enokyan A.V., Stanis D.V. The Factor of “Soft Power” Policy in Promoting Turkish Interests in Georgia. Postsovetkiye issledovaniya [Post-Soviet Studies]. 2022; 5(8):787–798 [In Russian]. EDN JQXOBD.
11. Komleva V.V. Dynamics of Friendliness of Communication Regimes of the South Caucasus Countries. Rossiya i mir: nauchnyj dialog [Russia & World: Scientific Dialogue]. 2024; 1(11):20–37 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-20-37](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-20-37). EDN FCMMWH.
12. Komleva V.V. National Cultural Heritage Policy and Friendliness of Communication Regimes of Neighboring Countries. (Based on the Annual Monitoring of Post-Soviet Countries). Prodvizheniye natsionalnogo kulturnogo naslediya v elektronnoy srede v tselyakh sokhraneniya i ukrepleniya traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey [Promotion of National Cultural Heritage in the Electronic Environment in Order to Preserve and Strengthen Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Methodology, Experience, Development Directions]: Collection of Scientific Papers, St. Petersburg, May 23, 2023 / B.N.Yeltsin Presidential Library. St. Petersburg: B.N.Yeltsin Presidential Library, 2023:47–56 [In Russian]. EDN HHUYGA.
13. Meister Sh. Georgian-Russian Relations: The Role of Discourses and Narrative. Tbilisi, 2021 [In Russian].
14. Mamedov R.T. “Soft Power” as Part of Turkish Foreign Policy in Georgia. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia]. Series: International Relations. 2023; 23(4):734–747 [In Russian]. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-734-747>. EDN PPIALJ.
15. Machavariani G.G. Georgia-China: Political, Economic and Humanitarian Aspects of Cooperation. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2015; 1:142–151. [In Russian]. EDN TMGEDZ.
16. Naumov A.O., Naumova A.Yu. The Role of Soft Power Actors in the Rose Revolution in Georgia. Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]. Series 21: Management (State and Society). 2023; 1:58–76 [In Russian]. EDN LVXUHI.
17. Neklyudov N.Ya., Slinko A.A. Soft Power at the Crossroads of Borders: On the Issue of Religious and Cultural Interaction between Russia, Turkey, and Iran in Georgia. Aspirantskiye tetradi [Postgraduate Notebooks]: Collection of Research Articles, Voronezh, January 31, 2018 / Voronezh Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Issue 2. Voronezh: Voronezh Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2018:119–129 [In Russian]. EDN YQPARM.
18. The Policy of Influence of Global Actors in Central Asia, Eastern Europe, the South Caucasus and the Baltic States / A.A. Sidorov, L.G. Silantieva, A.V. Kashtanov [et al.]. Moscow: Pero Publishing House, 2023:146 [In Russian]. ISBN 978-5-00218-513-9. EDN LLCECE.

19. Ravandi-fadai L.M. Aspects of Politics and Security in the South Caucasus. Rossiya i Zakavkazye v istoricheskoy izmerenii i prostranstve [Russia and Transcaucasia in the Historical Dimension and Space] (on the 240th Anniversary of the Signing of the Treaty of Georgievsk): Collection of Materials from the International Scientific Round Table. Stavropol, 2023:304–310 [In Russian].
20. Ravandi-Fadai L.M. Features of the Functioning of the Majlis (Parliament) of the Islamic Republic of Iran Vlast [Power.] 2024; 32(S4-1):98–106 [In Russian]. <https://doi.org/10.56700/s1578-7663-7703-f>.
21. Rtskhiladze G.V. On the Absence of Russian “Soft Power” on the Example of Georgia. Novaya identichnost i konfliktnyy potentsial postsovetского prostranstva [New Identity and Conflict Potential of the Post-Soviet Space]: Collection of Scientific Articles. On the 25th Anniversary of the CIS / edited by K.P. Kurylev. Moscow: Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN), 2017:107–112 [In Russian]. EDN ZVLNGN.
22. Sun Zhuangzhi, Karpovich O.G., Vlasov E.E., Sidorova L.N., Kozyulin V.B., Li Yonghui, Dobrovolsky V.N., Ouyang Xiangying, Dmitrieva M.O., Grishanov A.A., Niu Yichen, Martynova D.O., Qiang Xiaoyun, Lukin A.L., Dong Xianzhong, Kozinets A.I., Wang Xianju, Kozlov L.E., Shang Yue. East Asia and the Asia-Pacific Region: Actors and Tasks of the Regional Architecture of the World Order. Izvestiya Vostochnogo instituta [Bulletin of the Eastern Institute]. 2024; 2:11–33 [In Russian]. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/11-33>.
23. Urigaev V.V. Turkey’s “Soft Power” in Influencing Georgia and the Black Sea Region Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy [Theories and Problems of Political Research]. 2019; 8(3A):147–152 [In Russian]. EDN SXDATZ.
24. Khaindrava I. Russian-Georgian Relations: In Search of New Paths of Development / Russian International Affairs Council. International Center on Conflicts and Negotiations. Moscow: Spetskniga, 2014 [In Russian].
25. Tsurtsumia Z. History of Russian “Soft Power” in Georgia (19th-20th Centuries) Turetskiy zhurnal rossiyskikh issledovaniy [Turkish Journal of Russian Studies]. 2020; 3:94–115 [In Russian]. EDN LBDZQN.
26. Areshev A. Turkey’s Activity in the Caucasus. Russia in Global Affairs. 2020; Vol. 18; 4 (72):56–60 [In English]. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-4-56-60>.
27. Ravandi-Fadai L., McNeer K. Shadows in the Garden: Women Agents Underground and Communist Activism in Mid-20th Century Iran Vostok. Afro-Aziatskie Obshchestva: Istoriia i Sovremennost. 2022.; 6:88–100 [In English].

About the authors

Andrey G. ARESHEV. Political observer. Expert of the Strategic Culture Foundation. Address: building 1, 50/1, Bolshaya Polyanka str., Moscow, 119180, Russian Federation. pravo5@zmail.com

Anton A. GRISHANOV. CandSc. (Polit.). Expert of the Center for International Strategic Studies, Chief Researcher of the Institute of Actual International Problems of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. <https://orcid.org/0009-0001-1879-9899>. Address: building 1, 53/2, Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russian Federation. antongrishanov@gmail.com

Tamar KIKNADZE. DSc (Polit.) Professor of the Georgian Technical University. <https://orcid.org/0009-0007-1071-6490>. Address: 77, M.Kostava str., Tbilisi, 0160, Georgia.

Lana M. RAVANDI-FADAI. CandSc. (Hist.) Head of the Oriental Cultural Center and Senior Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0002-7964-6335>. Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation. ravandifadai@yahoo.com

Aram V. SAFARYAN. CandSc. (Philol.). Associate Professor of Political Science. Director of the Center for Russian Studies, Faculty of International Relations, Yerevan State University. <https://orcid.org/0000-0002-6422-3647>. Address: 1, Alex Manoogian str., Yerevan, 0025, Republic of Armenia. aramsafaryan@yahoo.com

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: September 25, 2024. Approved after review: December 20, 2024. Accepted for publication: January 20, 2025. Published: March 5, 2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Политика «мягкой силы» КНР в рамках БРИКС

Ерем Марутович Вардазарян✉

Ереванский государственный университет, Ереван, Армения

e.vardazaryan@ysu.am, <https://orcid.org/0009-0002-9215-0227>

Аннотация. В настоящее время БРИКС является одной из важнейших трансрегиональных организаций, которая основана на политических, национальных, экономических интересах стран-участниц. Китай, являясь одним из инициаторов создания БРИКС, рассматривает данную организацию не только как площадку для развития экономических отношений с такими важными для него поставщиками сырья, как Россия, Бразилия и ЮАР, но также и как политический инструмент для противостояния с Западом, создания альтернативной модели международных отношений. В рамках финансовой безопасности и независимости от американского доллара Китайская Народная Республика способствовала созданию Нового банка развития (ранее известного как «Банк развития БРИКС»), предложила сделать рабочей валютой юань, в том числе для взаиморасчетов со странами БРИКС. Использование Китаем «мягкой силы» через продвижение культурного, образовательного и научного сотрудничества, в том числе в рамках БРИКС, позволяет занимать лидирующие позиции в политической и экономической сферах.

Статья подготовлена в рамках Программы международной академической мобильности НИИРК.

Ключевые слова: БРИКС, Китай, внешняя политика КНР, «мягкая сила», Институт Конфуция, Новый банк развития, научно-техническое сотрудничество

Для цитирования: Вардазарян Е.М. Политика «мягкой силы» КНР в рамках БРИКС // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 1(15). С. 46-56, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-46-56](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-46-56)

The Policy of "Soft Power" of China within the BRICS

Yerem M. Vardazaryan✉

Yerevan State University, Yerevan, Armenia

e.vardazaryan@ysu.am, <https://orcid.org/0009-0002-9215-0227>

Abstract: Currently, BRICS is one of the most important trans-regional organizations based on the political, national and economic interests of participating countries. China, as one of the founders of BRICS, considers this organization as not only a platform for developing economic relations with important suppliers of raw materials like Russia, Brazil and South Africa but also as a tool to confront the West and create an alternative model for international relations. In the framework of financial security and independence from the US dollar, the People's Republic of China contributed to the creation of the New Development Bank (formerly known as the BRICS Development Bank). It proposed making the yuan a working currency, which is used among other things in mutual settlements with BRICS countries. The use of "soft power" by China through promoting cultural, educational, and scientific cooperation, including within BRICS, allows it to occupy leading positions in political and economic spheres.

The article was prepared as part of the International Academic Mobility Program at the National Research Institute for Communications Development.

Keywords: BRICS, China, China's foreign policy, "soft power", Confucius Institute, New Development Bank, scientific and technical cooperation

For citation: Vardazaryan E.M. The Policy of "Soft Power" of China within the BRICS. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 1(15): 46-56, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-46-56](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-46-56)

Введение

На современном этапе международных отношений Китай является одной из самых густонаселенных стран мира и второй по величине экономикой, а также вкладывает значительные средства в модернизацию своей армии, сигнализируя о своем желании стать более сильным международным игроком. Параллельно это достигается за счет усиления «мягкой силы», при помощи которой усиливается международная привлекательность страны и ее способность влиять на другие страны и общество.

Китай и его партнеры стараются сделать все, чтобы квоты в МВФ (Международном валютном фонде) были пропорционально перераспределены между участниками.

Когда речь идет об организации БРИКС, надо отметить, что внутри самой организации существует не только сотрудничество, но и соперничество. Однако члены

БРИКС пытаются преодолеть действующие противоречия, объединив свой общий потенциал в серьезный инструмент, усиливая свое влияние на глобальные процессы, происходящие в мире.

Материалы и методы

Концепцию «мягкой силы» на рубеже XX–XXI вв. активно исследовали многие отечественные и зарубежные ученые. Однако «мягкая сила» в Китае пока еще недостаточно изучена [16]. Исследователи Ли Минцян из Сингапура и Дин Шэн из США относят «мягкую силу» к инструменту достижения позитивного имиджа Китая перед внешним миром [15; 19]. С 1996 г. в Пекине действует Центр исследования «мягкой силы» Китая¹. В 2014 г. при Институте международных отношений Пекинского университета учрежден Государственный центр по исследованиям «мягкой силы» в сфере культуры. Как считают ученые, феномен «мягкой силы» прошел длительный процесс адаптации к китайским реалиям и к настоящему времени стал неотъемлемой частью внешнеполитической стратегии КНР. Дискуссия на эту тему ведется на страницах известных печатных изданий по истории, политологии и т.д.

В статье используется широкий спектр научно-аналитических исследований, что позволяет говорить о качественном и объективном подходе при проведении исследования [1–3; 6–10; 12; 13; 17; 20–22]. Автором осуществлен анализ, на основе которого дана характеристика достижений по усилению влияния Китая (в рамках БРИКС) на международной арене. Дана оценка международного позиционирования КНР за счет распространения нескольких видов «мягкой силы» на мировой арене, среди них: экономическая, гуманитарная, культурная, дипломатическая. Цель исследования заключается в том, чтобы проследить роль «мягкой силы», ее ресурсов и инструментов в соответствии с новыми задачами внешней политики Китая.

Результаты исследования

Во внешней политике Китая за 70 лет менялись геополитические стратегии во многих аспектах: в частности, специалисты выделяют пять этапов концептуальных основ развития и приоритетов во внешней политике. Пятый период – становление Китая как новой сверхдержавы с начала 2000-х гг. по сегодняшний день. Китайские официальные лица и ученые подчеркивали важность китайской культуры в 2000-х гг., но впервые «мягкая сила» была явно упомянута в политике национального правительства на Семнадцатом национальном конгрессе Коммунистической партии Китая в 2007 г. В XXI в. быстрый рост и мощь китайской экономики дали Китаю возможность действовать по-новому, особенно использовать такой инструмент, как

¹ Центр исследования «мягкой силы» Китая. URL: http://www.chinassc.net/Zxjx_Info9.aspx.

«мягкая сила», которая обеспечивает геополитическое влияние страны. В частности, создание БРИК в 2008 г., а с 2010 г. – организации БРИКС стало для Китая аренной демонстрации своей «мягкой силы». Если попытаться определить, что легло в основу БРИКС, следует отметить, что ряд стран, обладающих определенной экономической мощью, пытаются действовать сообща на мировой арене и обрести определенную военно-политическую роль и значение в современном мире.

В 2012 г. под руководством Си Цзиньпина Китай продвигал концепции «Китайской мечты» и «Китайской модели», не давая четких определений, но особенностью китайской цивилизации является соблюдение внутренней и внешней политики, что позволяет утверждать, что «китайская мечта» и «китайская модель» экономического развития Китая предполагают также развитие окружающих его стран.

Стоит еще раз отметить, что в XXI в. Китай не только зафиксировал рекордный экономический рост, но и занял первое место в мире по объему ВВП и является одной из главных экономических сил в мире.

Китай пытается экспортировать свою экономическую модель развития, которая помогла сотням миллионов людей выбраться из бедности. Инициатива «Один пояс – один путь» Си Цзиньпина считается одним из главных инструментариев «мягкой силы», соединяя «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь» через обширную сеть железных дорог, трубопроводов, портов и телекоммуникационной инфраструктуры, что будет способствовать экономической интеграции Китая через Азию, Ближний Восток, Африку и укреплению региональных связей.

БРИКС сам по себе является интересной структурой. Государства-члены – Китайская Народная Республика, Российская Федерация, Индия, Бразилия и ЮАР – сильно различаются по уровню политической и экономической интеграции, более того, они представляют разные цивилизации, и их интересы не всегда совпадают, но, учитывая то обстоятельство, что все страны едины в своих намерениях построить многополярный и более справедливый мир, стараются координировать свои усилия в этом направлении.

Позиции Китая на международной арене как в экономическом, так и в политическом плане сильны как никогда, поэтому многие исследователи XXI в. называют «веком Китая»². Многие страны мира Китай считают не только экономическим, но и одним из главных политических партнеров. И это опять-таки связано с беспрецедентным экономическим ростом Китая, который в 2–3 раза превышает средний мировой показатель.

Экономическая экспансия Китая обусловлена его постоянно возрастающей политической ролью, посредством которой он достигает своих далеко идущих целей, важнейшая из которых – стать консенсусной моделью глобального Юга в новом мире.

Китай стремится стать лидером в глобальном мире, а также экономическим и политическим лидером в группе БРИКС, умело ведя внешнюю политику, используя «мягкую силу» в БРИКС для достижения своих целей [14]. Китай продолжает завоевы-

² Китаизация БРИКС: чем опасно доминирование КНР в группе? URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29753.

вать мир посредством экономической экспансии, а не военно-политическими средствами.

Роль Китая как крупного экспортера чрезвычайно важна, объясняется очень просто. С самого начала БРИКС создавался как экономическое объединение развивающихся стран, его внешнеполитический инструмент развития был очень прагматичным и предсказуемым.

На современном этапе многие эксперты рассуждают об организации БРИКС и о ее будущем. БРИКС, по мнению О'Нила, предоставляет идеальные возможности для руководителей России, Китая и других стран продвигать свои интересы, в которых Соединенные Штаты Америки не играют ведущей роли. В одном из своих интервью он признался, что не думал, что организация сможет работать столь рационально³. На современном этапе в рамках организации разрабатываются новые институты и форматы сотрудничества; скептический настрой и споры экспертов о будущем БРИКС с каждым годом становятся все меньше – организация является частью современного глобального управления, и в перспективе способна наращивать и использовать весь свой потенциал. «Сегодня БРИКС – одна из немногих международных структур, нацеленных на укрепление доверия на глобальном уровне, развитие культуры поиска взаимоприемлемых, компромиссных решений, основанных на неидеологических подходах, многосторонности и командной работе» [5]. Сегодняшняя цель БРИКС – не противостояние Западу, а реконструкция действующего миропорядка при помощи предлагаемой платформы вовлечения в глобальное управление развивающихся стран, представителями которых являются страны-члены объединения: «БРИКС – один из немногих международных институтов, нацеленных на укрепление доверия на глобальном уровне, развитие культуры поиска взаимоприемлемых, компромиссных решений на основе деидеологизированных подходов, многосторонности и коллективной работы»⁴.

Таким образом, Китайская Народная Республика в рамках БРИКС решает собственные важные задачи: повышает свою политическую роль и значение в современном мире, а в будущем – возможность перенять мировое лидерство у Соединенных Штатов Америки.

Тенденции и структуры внутренних отношений БРИКС точно описывает С.В.Уянаев: «В целом, внутри БРИКС можно отметить три тенденции, две из которых относятся к положительной динамике. Первой тенденцией является институционализация БРИКС, о которой говорилось выше. Здесь речь идет о механизмах конкретного развития самой организации. Второе направление – расширение и углубление сотрудничества. Вместе с первым это приведет к развитию деятельности БРИКС и спасет организацию от распада. Однако, есть и третья тенденция, которая относится к внутривнутриполитическим категориям, когда к власти приходят лидеры, не готовые продолжать политику своих предшественников в рамках БРИКС» [11].

³ O'Neill J. Brics grew more than I thought. URL: <https://www.bbc.com/news/business-37655987>.

⁴ Выступление Министра иностранных дел России Сергея Лаврова на встрече министров иностранных дел БРИКС, Пекин, 19 июня 2017 г. URL: https://www.mid.ru/fr/press_service/vizity-ministra/1548627/.

Термин «мягкая сила» был первый раз интерпретирован американским политиком Джозефом С.Наем в конце 1980-х гг. Сила – это способность влиять на других для получения желаемых результатов, и этого можно достичь путем принуждения или привлечения и убеждения. «Мягкая сила» – это способность добиваться желаемых результатов путем привлечения, а не принуждения и использования «жесткой силы» [18, р. 191]. Основными элементами «мягкой силы» являются экономическая, культурная и идеологическая экспансия, а также привлекательность и ценность системы для других субъектов международных отношений [4, с. 306].

Повышенное внимание к понятию «мягкая сила» в последние годы отражает изменение всей платформы международных отношений.

Многие страны, которые не имеют в арсенале набора традиционных ресурсов воздействия на международные процессы, с помощью «мягкой силы» влияют на события, происходящие в мире⁵. Более того, некоторые исследователи считают, что силовые центры разрабатывают собственную стратегию «мягкой силы», при помощи которой определяются их политический, экономический, социокультурный инструментарий и различия с остальными странами мира. Национальная версия китайской «мягкой силы» – это «мудрая сила». КНР успешно проводит «наступательные операции» без физического насилия, разрабатывая стратегию необходимости продвижения культуры Китая «мягкой силой» – путем демонстрации ее колоритных артефактов и распространения современных китайских ценностей по всему миру. Власти КНР уделяют все больше внимания повышению качества образования, поскольку фундаментальными элементами китайской «мягкой силы» являются культура и язык. Китай открыл первый Институт Конфуция в 2004 г. в Сеуле. Центры; некоммерческие организации, связанные с Министерством образования Китая, проводят уроки китайского языка, уроки кулинарии и каллиграфии, а также празднование китайских национальных праздников. На сегодняшний день в 92 странах существует более 350 Институтов Конфуция⁶. Инвестируя во всемирно известные учебные заведения, Пекин вызывает интерес к своему языку среди иностранцев по всему миру, предоставляя студентам разные гранты на обучение и льготные программы обмена. Однако есть и скептические оценки перспективы того, что Китай добьется положительных результатов в распространении своего культурного и медийного влияния, связанные с позицией, что в этих областях существует очень сильное государственное участие и руководство.

В 2023 г. зарубежных офисов китайского информационного агентства «Синьхуа» стало 180, а к 2025 г. планируется их увеличить до 200. Внутренний канал CCTV – государственная служба новостей телевизионного вещания (в декабре 2016 г. была переименована в China Global Television Network, транслируемую за рубежом) – имеет огромный потенциал приобретения популярности во всем мире. Мировая аудито-

⁵ Кореяба Я. Мягкая сила твердолобой дипломатии // ИноСМИ.RU: ежедн. интернет-изд., 14 окт. 2013. URL: <http://inosmi.ru/russia/20130114/204613900.html>.

⁶ Confucius Institute // Official website of the University of Nebraska-Lincoln. URL: <http://www.confuciusinstitute.unl.edu>.

рия канала уже насчитывает 85 млн зрителей на русском, французском, испанском и арабском языках⁷. Все эти инструменты дополняют китайскую стратегию современной политики, согласно которой страны могут получить выгоду от сотрудничества с Китаем, в то время как Китай больше выигрывает от отношений с ними, и «мягкая сила», набирая все большую популярность, становится неотъемлемой частью внешней политики⁸.

БРИКС является одной из главных платформ внешней политики КНР, которая считается одним из лидеров в организации. Китай проводит политику контроля, но нет прямого вмешательства и давления на остальные страны. Ярким примером вышесказанного является создание Нового банка развития (ранее известного как «Банк развития БРИКС») в 2014 г., и главной его целью является финансирование различных проектов как в странах-членах данной международной организации, так и в других развивающихся странах. Китай использует два основных аспекта, которые тесно связаны друг с другом, – политический и экономический, благодаря чему Китай играл главную роль на переговорах о создании Банка развития БРИКС. Китай предлагал сделать большой финансовый вклад и получить большую долю в банке, что означало бы больше голосов при принятии решений, ссылаясь на размер своего ВВП, который явно больше, чем у остальной части стран-членов организации. Китай также предложил сделать рабочей валютой юань, и стало понятно, что Банк развития в перспективе будет представлять собой альтернативу западной финансовой системе, где Пекин мог бы играть более заметную роль⁹. Своей политикой Китай не противоречит интересам своих партнеров, не выступает открыто против Запада и при этом использует БРИКС в качестве щита для своих интересов.

В научно-технической сфере Китайская Народная Республика, расширяя свои научные связи, закрепила за собой право принимать инновационные решения в области высоких технологий и перспективных исследований. Китай является лидером на мировой арене и конкурентом в области исследований природных ресурсов, промышленной модернизации, интеллектуальной защиты и электронной торговли, сотрудничая с мировыми лидерами данной сферы и предлагая свои передовые идеи и технологии. Инновации и сотрудничество являются сегодня важнейшими достижениями Китая, которые наделяют это государство исключительными правами на международные научно-технические, интеллектуальные ресурсы, что, в свою очередь, открывает перспективы для китайской промышленности.

⁷ Телеканалам наступают на рейтинги // Коммерсантъ, 24 сен. 2012. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2029195>.

⁸ Выступление Си Цзиньпина на юбилейном собрании в честь 70-летия провозглашения пяти принципов мирного сосуществования. URL: http://by.china-embassy.gov.cn/rus/zgxx/202406/t20240628_11444000.htm.

⁹ Макарова И.А. Реформирование финансово-правовых институтов стран БРИКС и международное право. URL: https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/0/1495635049c2920d9cd5bba8212c14313c5fae7dfc/Makarova_St.pdf.

Выводы

Возможности «мягкой силы» Китая и перспективы ее использования, несомненно, будут развиваться. КНР будет увеличивать и модернизировать «инструментарий» своей внешней политики, стремясь достичь своих целей. Во-первых, он рассчитывает уменьшить распространение антикитайских настроений по всему миру. Во-вторых, Пекин надеется сформировать международные институты, которые будут соответствовать интересам Китая, и обеспечивать их продвижение.

Сегодня ведущие страны делают все, чтобы укрепить свое место и роль на международной арене. Для этого они прибегают к разного рода мерам, которые называются «жесткой» или «мягкой силой». К какой силе обратиться или как сотрудничать с другими субъектами международных отношений, каждая страна решает сама. В современном мире все чаще используется «жесткая сила», но опыт Китая, в том числе в рамках БРИКС, наглядно демонстрирует возможности и перспективы создания новой реальности международных отношений с помощью консервативных идей и «мягкой силы».

Список источников

1. Бастрыкина Е.А. Использование инструментов «мягкой силы» во внешней политике КНР [The Usage of Soft Power Tools in China's Foreign Policy] // Амурский научный вестник. 2021. № 1. С. 4–11.
2. Бояркина А.В. «Мягкая сила» как политический инструмент реализации внешней политики КНР на рубеже XX–XXI вв. [“Soft Power” as a Political Instrument for Implementing China's Foreign Policy at the Turn of the 20th and 21st Centuries]: Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Владивосток, 2016. 234 с.
3. Васецова Е., Чжао На. Оценка «мягкой силы» КНР в работах российских и китайских ученых: сравнительный анализ [Assessment of China's “Soft Power” in the Works of Russian and Chinese Scientists: a Comparative Analysis] // Международная жизнь. 2022. № 5. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2667>.
4. Внешнеполитический процесс в странах Востока [Foreign Policy Process in the East Countries] / под ред. Д.В.Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2011. 352 с.
5. Выступление министра иностранных дел России С.В.Лаврова на торжественном собрании по случаю Дня дипломатического работника [Russian Diplomacy Is Working Hard in All Areas (S.V.Lavrov's Speech at the Ceremonial Meeting on the Occasion of Diplomatic Workers' Day)]. Москва, 8 февраля 2019 г. // Международная жизнь. 2019. № 2. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2146>.
6. Денисов И., Зуенко И. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР [From Soft Power to Discursive Power: New Ideologemes of China's Foreign Policy]. М., 2022. 24 с.
7. Зиневич О.В., Селезнева Н.В. Новая стратегия «мягкой силы» Китая [China's New Soft Power Strategy] // Вестник МГИМО-Университета. 2022. № 15(6). С. 36–54. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-6-87-36-54>.
8. Канафина Д.А. Концепция «мягкой силы» и страны БРИКС [The Concept of “Soft Power” and the BRICS Countries] // Вестник магистратуры. 2014. № 8(35). С. 76–80.
9. Кузнецов Д.В. «Острая сила» в современном политическом дискурсе стран Запада и внешняя политика России и Китая [“Sharp Power” in the Modern Political Discourse of Western Countries and the Foreign Policy of Russia and China] // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 3. С. 145–159. <https://doi.org/10.31857/S013128120015384-3>.
10. Селезнева Н.В. Новый вектор «мягкой силы» Китая: трансформация политики в отношении институтов Конфуция [China's New Soft Power Vector: Transforming Policy towards Confucius]

- Institutes] // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. № 27. С. 284–297.
11. Уянаев С.В. Сотрудничество в формате БРИКС в контексте основных тенденций в современном мире [Cooperation in the BRICS Format Within the Context of the Main Trends of the Modern World] // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2011. № 16. С. 44–74.
 12. Чжу Мацзе. Конкуренция «мягкой мощи» в международных отношениях в новом веке [Competition of «Soft Power» in International Relations in the New Century] // Мировой обозреватель. 2001. № 2. С. 9–13.
 13. Ширгазина Э.Р. «Мягкая сила» Китая и страны БРИКС [Soft Power of China and BRICS] // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 6. С. 13–25. <https://doi.org/10.31857/S013128120008002-3>.
 14. Ягья В.С., Ковалевская Н.В., Ли М. Стратегия «мягкой силы» во внешней политике КНР в Африке [“Soft Power” Strategy in China’s Foreign Policy in Africa] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 9. С. 77–84.
 15. Ding Sheng. Analyzing rising power from the perspective of soft power: a new look at Chi-na’s rise to the status quo power // Journal of Contemporary China. 2010. № 19(64). P. 255–272.
 16. Hunter A. Soft Power: China on the Global Stage // Chinese Journal of International Politics. Vol. 2(3), 2009. URL: <http://cjp.fordjournals.org/content/2/3/373>.
 17. Nye J.S. China and Soft Power: Kennedy School of Government, Harvard University, Cam-bridge, Massachusetts, USA. South African Journal of International Affairs. 2012. Vol. 19(2). P. 151–155.
 18. Nye J.S. Soft Power: The means to success in world politics. New York: Public Affairs, 2004. 206 p.
 19. Soft Power: China’s emerging strategy in international politics / Mingjiang Li (Ed et al). Plymouth, 2009.
 20. Yi X., He L. 从外在到内在：文化软实力建设之重心转移 [From the Outside to the Inside: the Focus of Cultural Soft Power Construction] // Journal of Henan Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition). 2020. Vol. 47(4). P. 1–7 [In Chinese]. <https://doi.org/10.16366/j.cnki.1000-2359.2020.04.001>.
 21. Zhang G., Liu C. 新時代背景下提昇文化軟實力。馬克思主義文化研究。(Xīn shídài bèijīng xià tīshēng wénhuà ruǎn shí lì. Mǎkèsī zhūyì wénhuà yánjiū) [The Promotion of Cultural Soft Power in the Context of the New Era] // Research on Marxist Culture. 2020. Vol. 9. P. 82–90 [In Chinese].
 22. Zhang S. 提昇文化軟實力需做好“形神並舉” [To Improve Cultural Soft Power, it is Necessary to Do a Good Job of “Both Form and Spirit”] // 青海聚會生活 [Qinghai party life]. 2021. Vol. 3. P. 30–33 [In Chinese].

Информация об авторе

ВАРДАЗАРЯН Ерем Марутович. Кандидат политических наук. Ассистент кафедры международных отношений и дипломатии Ереванского государственного университета. <https://orcid.org/0009-0002-9215-0227>. Адрес: Республика Армения, 0025, Ереван, ул. Алека Манукяна, 1. e.vardazaryan@ysu.am

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 7 декабря 2024 г. Одобрена после рецензирования: 25 января 2025 г. Принята к публикации: 30 января 2025 г. Опубликована: 5 марта 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Bastrykina E.A. The Usage of Soft Power Tools in China’s Foreign Policy. Amurskij nauchnyj vestnik [Amur Scientific Bulletin]. 2021; 1: 4–11 [In Russian].
2. Boyarkina A.V. “Soft Power” as a Political Instrument for Implementing China’s Foreign Policy at the Turn of the 20th and 21st Centuries: Theses ... CandSc (Political): 23.00.02. Vladivostok, 2016:234 [In Russian].
3. Vasetsova E., Zhao Na. Assessment of China’s “Soft Power” in the Works of Russian and Chinese Scientists: A Comparative Analysis. Mezhdunarodnaya Zhizn’ [International Affairs]. 2022; 5 [In Russian]. Available from: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2667>.
4. Foreign Policy Process in the East Countries / ed. by D.V.Streltsov. Moscow: Aspekt Press [Aspect Press], 2011:352 [In Russian].
5. Russian Diplomacy Is Working Hard in All Areas (S.V.Lavrov’s Speech at the Ceremonial Meeting on the Occasion of Diplomatic Workers’ Day). Moscow, February 8, 2019. Mezhdunarodnaya Zhizn’ [International Affairs]. 2019; 2 [In Russian]. Available from: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2146>.
6. Denisov I., Zuenko I. From Soft Power to Discursive Power: New Ideologemes of China’s Foreign Policy. Moscow, 2022:24 [In Russian].
7. Zinevich O.V., Selezneva N.V. China’s New Soft Power Strategy. estnik MGIMO-Universiteta [Bulletin of MGIMO-University]. 2022; 15(6):36–54 [In Russian]. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-6-87-36-54>.
8. Kanafina D.A. The Concept of “Soft Power” and the BRICS Countries. Vestnik Magistratury [Bulletin of the Magistracy]. 2014; 8(35):76–80 [In Russian].
9. Kuznetsov D.V. “Sharp Power” in the Modern Political Discourse of Western Countries and the Foreign Policy of Russia and China. Problemy Dal’nego Vostoka [Far Eastern Studies]. 2021; 3:145–159 [In Russian]. <https://doi.org/10.31857/S013128120015384-3>.
10. Selezneva N.V. China’s New Soft Power Vector: Transforming Policy towards Confucius Institutes. Kitaj v Mirovoj i Regional’noj Politike. Istoriya i Sovremennost’ [China in World and Regional Politics. History and Modernity]. 2022; 27:284–297 [In Russian].
11. Uyanaev S.V. Cooperation in the BRICS Format Within the Context of the Main Trends of the Modern World. Kitaj v Mirovoj i Regional’noj Politike. Istoriya i Sovremennost’ [China in World and Regional Politics. History and Modernity]. 2011; 16:44–74 [In Russian].
12. Zhu Matze. Competition of “Soft Power” in International Relations in the New Century // Mirovoj Obozrevatel’ [World Observer]. 2001; 2:9–13 [In Russian].
13. Shirgazina E.R. Soft Power of China and BRICS. Problemy Dal’nego Vostoka [Far Eastern Studies]. 2019; 6:13–25 [In Russian]. <https://doi.org/10.31857/S013128120008002-3>.
14. Yagya V.S., Kovalevskaya N.V., Li M. “Soft Power” Strategy in China’s Foreign Policy in Africa. Gumanitarnye i Social’no-Ekonomicheskie Nauki [Humane, Social and Economic Sciences]. 2015; 9:77–84 [In Russian].
15. Ding Sheng. Analyzing rising power from the perspective of soft power: a new look at Chi-na’s rise to the status quo power. Journal of Contemporary China. 2010; 19(64):255–272 [In English].
16. Hunter A. Soft Power: China on the Global Stage. Chinese Journal of International Politics. 2009; 2(3) [In English]. Available from: <http://cjp.fordjournals.org/content/2/3/373>.
17. Nye J.S. China and Soft Power: Kennedy School of Government, Harvard University, Cam-bridge, Massachusetts, USA. South African Journal of International Affairs. 2012; 19(2):151–155 [In English].
18. Nye J.S. Soft Power: The means to success in world politics. New York: Public Affairs, 2004:206 [In English].
19. Soft Power: China’s emerging strategy in international politics / Mingjiang Li (Ed et al). Plymouth, 2009 [In English].
20. Yi X., He L. 从外在到内在：文化软实力建设之重心转移 [From the Outside to the Inside: the Focus of Cultural Soft Power Construction]. Journal of Henan Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition). 2020; 47(4):1–7 [In Chinese]. <https://doi.org/10.16366/j.cnki.1000-2359.2020.04.001>.

21. Zhang G., Liu C. 新時代背景下提昇文化軟實力。馬克思主義文化研究。[The Promotion of Cultural Soft Power in the Context of the New Era]. Research on Marxist Culture. 2020; 9:82–90 [In Chinese].
22. Zhang S. 提昇文化軟實力需做好“形神並舉” [To Improve Cultural Soft Power, it is Necessary to Do a Good Job of “Both Form and Spirit”]. Qīnghǎi Jùhuì Shēnghuó [Qinghai party life]. 2021; 3:30–33 [In Chinese].

About the authors

Erem M. VARDAZARYAN. CandSc. (Polit.). Assistant Professor at the Department of International Relations and Diplomacy of Yerevan State University. <https://orcid.org/0009-0002-9215-0227>. Address: 1, Alex Manoogian St., Yerevan, 0025, Republic of Armenia. e.vardazaryan@ysu.am

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: December 7, 2024. Approved after review: January 25, 2025. Accepted for publication: January 30, 2025. Published: March 5, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

Политические науки

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-57-81](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-57-81)

Инструменты реализации пантюркизма в современной турецкой внешней политике и их восприятие основными региональными и внерегиональными акторами

Нелли Арташесовна Минасян✉

Институт арменоведческих исследований ЕГУ, Ереван, Армения
n.minasyan@ysu.am, <https://orcid.org/0000-0002-1372-111X>

Аннотация. В статье рассматриваются инструменты реализации политики пантюркизма и позиции региональных и внерегиональных игроков. В основе выявленных инструментов лежат основные принципы идеологии пантюркизма. С одной стороны, автор показывает эту связь, с другой – анализирует роль этих инструментов в контексте внешней политики Турции. Оценивается деятельность этих инструментов в политике тюркоязычных стран, в частности, анализируются программы и возможности Организации тюркских государств и «тюркской интеграции». Автор определяет позицию региональных и внерегиональных акторов по отношению к интеграционным программам Турции, а также выявляет специфику политики этих акторов. Аргументация статьи заключается в том, что ряд структур и организаций, созданных Турцией после распада СССР, такие как Международная тюркская академия, школы, университеты, Институты Юнус Эмре, ТІКА, TÜRKSOY, OTG, являются инструментами реализации пантюркизма или «тюркской интеграции», и главная цель – добиться создания политической единицы на этнолингвистической основе.

Статья подготовлена в рамках Программы международной академической мобильности НИИРК. Автор благодарит Комлеву Валентину Вячеславовну, Александра Дмитриевича Васильева и Елену Алексеевну Кузьменко за полезные советы и консультации.

Ключевые слова: тюркоязычные страны, «мягкая сила», пантюркизм, тюркская интеграция, ОТГ, ТИКА, TÜRKSOY

Для цитирования: Минасян Н.А. Инструменты реализации пантюркизма в современной турецкой внешней политике и их восприятие основными региональными и внерегиональными акторами // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 1(15). С. 57-81, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-57-81](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-57-81)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-57-81](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-57-81)

Implementation Instruments of Pan-Turkism in Modern Turkish Foreign Policy and their Perception by Key Regional and Extra-regional Actors

Nelli A. Minasyan✉

Institute for Armenian Studies YSU, Yerevan, Armenia

n.minasyan@ysu.am, <https://orcid.org/0000-0002-1372-111X>

Abstract: This article examines the instruments for implementing the pan-Turkism policy and the positions of regional and extra-regional actors. The fundamental principles of the ideology of pan-Turkism laid at the basis of the created instruments. On the one hand, the author shows this connection and on the other hand, she analyzes the role of these instruments in the context of Turkey's foreign policy. The activities of these instruments in Turkic-speaking countries are assessed particular the programs and possibilities of the Organization of Turkic States and "Turkic integration". The author analyzes the position of regional and extra-regional actors in relation to Turkey's integration projects, as well as the specifics of these actors' policies. The argument of the article is that a number of structures and organizations created by Turkey after the collapse of the USSR, such as the International Turkic Academy, schools, universities, Yunus Emre Institutes, TİKA, TÜRKSOY, OTS, are the instruments for the implementation of pan-Turkism or "Turkic integration", and their main goal is to achieve the creation of a political unit on an ethnolinguistic identity.

The article was prepared within the framework of the International Academic Mobility Program of the National Research Institute for Communications Development. The author would like to thank Valentina V.Komleva, Alexander D.Vasiliev and Elena A.Kuzmenko for their useful advices and consultations.

Keywords: Turkic-speaking countries, "soft power", pan-Turkism, Turkic integration, OTS, TİKA, TÜRKSOY

For citation: Minasyan N.A. Implementation Instruments of Pan-Turkism in Modern Turkish Foreign Policy and their Perception by Key Regional and Extra-regional Actors. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025. № 1(15). С. 57-81, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-57-81](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-57-81)

Введение

Идеология пантюркизма сформировалась в последние тридцать лет XIX в. в царской России, а затем получила распространение в Османской империи. Формирование концепции пантюркизма связано с именами двух известных мыслителей того времени – Юсуфа Акчуры и Зии Гекальпа. Крымский татарин Исмаил Гаспринский первым на страницах издаваемой им газеты «Терджуман» заговорил об объединении тюркоязычного населения на территории царской России, сохранении их культуры и языка. Идеи пантюркизма были разработаны и представлены как политическая доктрина Юсуфом Акчурой. В своей знаменитой брошюре «Три вида политики» он обращается к проблеме сохранения Османской империи и рассматривает ее в рамках трех знаменитых доктрин: османизма, панисламизма и пантюркизма [9]. Автор считает идеологию пантюркизма наиболее эффективной и под ней представляет объединение тюркоязычных народов, отводя важное место Османской империи.

Дальнейшую разработку теоретических основ концепции пантюркизма осуществил Зия Гекальп. В своем известном труде «Основы тюркизма» он много места уделяет этнокультурным вопросам, пытаясь разграничить понятия «османская» и «турецкая» [21]. Он также упоминает об объединении тюркоязычных народов и общей родине – мифическом Туране. Идеи пантюркизма Гекальпа получили широкую популярность в Османской империи, особенно в годы правления младотурок. Мустафа Кемаль также обратил внимание на тюркизм и националистические идеи Гекальпа в рамках своих реформ.

Идеи пантюркизма были восприняты политической элитой младотурок и стали частью государственной политики, особенно в годы Первой мировой войны. В первые два десятилетия существования Турецкой Республики идеи пантюркизма были отодвинуты на второй план. С одной стороны, это было связано с установлением советской власти в Закавказье и Центральной Азии, а с другой – с принятием западного курса. По мнению известного исследователя Якова Ландау, в 1920–1930-е гг. идеи пантюркизма не исчезли, а продолжали подспудно существовать [22]. Идеи пантюркизма начали открыто распространяться во время Второй мировой войны, главным образом через прессу и литературу. В 1960-е гг. активизировалась идеология пантюркизма, связанная с деятельностью Алпарслана Тюркеша. Последний заложил основу партии «Националистическое движение», тем самым институционализировавшей концепцию пантюркизма в политической системе Турции.

Распад СССР дал Турции возможность установить прямые контакты с тюркоязычными странами и разработать механизмы сотрудничества. Пантюркские идеи вновь поднялись и были озвучены политической элитой того времени. Президент Тургут Озал и премьер-министр Сулейман Демирель начали говорить о «тюркском мире» и заложили основы многоотраслевого сотрудничества с тюркоязычными странами. В начале 1990-х гг. пантюркистские идеи имели эмоциональный характер, однако позже турецкое руководство переформулировало свой подход, сделав упор на институционализацию сложившихся структур. В первый период своего правления

партия «Справедливость и развитие» (ПСР) сосредоточила основное внимание на процессе европейской интеграции, однако укрепление отношений с тюркоязычными странами оставалось в числе внешнеполитических приоритетов. Во второй период правления ПСР в сфере внешней политики наблюдались важные изменения, в основе которых лежали принципы концепции А.Давутоглу «Стратегическая глубина» [15]. С 2015 г. ПСР сформировала коалицию с пантюркистской партией «Националистическое движение». После событий 2015–2016 гг. он стал уделять больше внимания мусульманскому миру и тюркскому миру. Одна из целей Эрдогана – превратить Турцию в региональную и даже глобальную державу, несмотря на ограниченность ее ресурсов. В таких условиях руководство Турции стало уделять больше места интеграции тюркоязычных стран, ведь Турция может претендовать на статус мировой державы только в случае объединения тюркского мира под ее эгидой. В этом смысле географические карты являются частью турецкой пропаганды. Например, лидер партии националистического движения Девлет Бахчели не раз дарил Эрдогану карту «Турана», в состав которого входят тюркоязычные государства и автономные субъекты РФ¹. Фактически идеи пантюркизма и различные его интерпретации продолжают оставаться актуальными для политической элиты Турции.

Цели исследования: 1) рассмотреть основные инструменты внешней политики Турции в тюркоязычных странах и их связь с идеологией пантюркизма, 2) показать отношение региональных и нерегиональных игроков (Россия, Запад, Южный Кавказ, Центральная Азия, Иран, Китай) к идеологии пантюркизма и этим структурам.

Актуальность исследования определяется внешней политикой Турции в контексте современных геополитических событий, в частности, ее действиями в направлении «тюркской интеграции». В таких условиях в основу «тюркской интеграции» был положен ряд принципиальных аспектов идеологии пантюркизма, что вызвало определенный интерес у региональных и внерегиональных игроков.

Материалы и методы

Источниками исследования послужили уставы, годовые отчеты и документы стратегического планирования TİKA и TÜRKSOY, документы Организации тюркских государств (ОТГ), в частности стратегический документ «Видение-2040» и подписанные соглашения между Турцией и тюркоязычными государствами. Теоретическая основа исследования основана на работах Юсуфа Акчуры и Зии Гекальпа [9; 10; 20]. Использовались работы Х.Фидана, Р.Нурдун, Г.Озкана, М.Т.Демиръепе, М.Челика, К.Чинара, А.В.Аваткова, И.А.Алиева, А.Б.Бурашниковой, В.Надеина-Раевского и др. [1–3; 7; 14; 21; 25]

В исследовании использовались общенаучные методы, а также методы ретроспективного анализа и ивент-анализа.

¹ Эрдогану подарили карту «тюркского мира» с российской территорией // РИА Новости. 21 ноября 2021. URL: <https://ria.ru/20211117/erdogan-1759551187.html>

Результаты исследования

Теоретики пантюркизма сформулировали основные положения этой доктрины, однако у них не было возможности реализовать и институционализировать их на практике. Исмаил Гаспринский первым заговорил о культурном и возможном политическом объединении тюрко-татарской нации с включением тюрков Османской империи и Российской империи [10, с. 66-67]. По мнению Гаспринского, в конце XIX в. тюркское население оценивалось в 50 млн человек, включая казахов, кыргызов, узбеков, татар, якутов, ногайцев, крымчан, уйгуров, азербайджанцев, османов, и он отмечает: «...Объединим языки, пусть другие подумают о политическом единстве» [29, р. 41]. Для Гаспринского был важен общий язык, который должен был стать основой политического объединения. В этом контексте важное место он отводил образованию.

Наряду с подчеркиванием роли языка Юсуф Акчура большое место отводит истории, в том числе тюркологическим исследованиям, и особенно расе, в данном случае он имеет в виду этническую принадлежность. Последнюю считает главной основой тюркского единства. Для Зии Гекальпа язык и культура считаются важными основами объединения тюрков [29, р. 62–73, 77–78]. И для Акчуры, и для Гекальпа конечной целью является политическое объединение тюркских народов. Гекальп представляет это идеями «Турана» и «туранизма» (Turanıcılık). Можно сделать вывод, что теоретики пантюркизма делали акцент на языке, культуре, истории и этнической принадлежности для объединения тюркоязычных народов. Это фундаментальные принципы, на основе которых Турция начала формировать инструменты политики пантюркизма после распада СССР (таблица 1).

Таблица 1. Инструменты политики пантюркизма Турции
Table 1. Instruments of pan-Turkism policy of Turkey

Принципы пантюркизма	Структуры / инструменты, созданные Турцией
Общий язык, образование	Международная тюркская академия, школы, университеты, Институты Юнус Эмре, TİKA
Общая культура	TÜRKSOY, TİKA
Тюркское единство или общая политическая единица	ОТГ

Этническое единство	По тюркскому этносу
	Источник: составлено автором Source: compiled by the author

Таблица 2. Отношение региональных и нерегиональных государств к пантюркизму
Table 2. The attitude of regional and non-regional states towards pan-Turkism

Государства, чьи интересы совпадают в вопросах безопасности	Государства, которые считают это стратегическим ресурсом	Государства, политика которых неоднозначна
Россия, Армения, Грузия, Иран, Китай, Таджикистан	Европейский союз, США	Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан, Азербайджан

Источник: составлено автором
Source: compiled by the author

В исследовании возникает необходимость обратиться к восприятиям понятия «пантюркизм». Понятие «пантюркизм» в основном использовалось в конце XIX в. – начале XX в. В 1990-е гг. стала развиваться концепция «неопантюркизма», предполагавшая новую интерпретацию идей пантюркизма в соответствии с создавшимися геополитическими условиями. В последующие десятилетия политика Турции в этом направлении претерпела трансформации. Наблюдая действия Турции в контексте современных мировых процессов, ее политику можно охарактеризовать как интеграционную, миссией которой является формирование общего этнолингвистического пространства или единицы. В этом контексте целью структур, созданных Турцией, является достижение интеграции в языковой, образовательной, культурной, экономической и других областях под эгидой Организации тюркских государств. Иными словами, конечной целью такой политики является создание политической единицы, что также является основой концепции пантюркизма.

Региональные и нерегиональные государства следят за реализацией концепции пантюркизма, его различными интерпретациями и политикой Турции в этом отношении. Россию, Иран, Китай, Армению и Грузию, а также Запад на Южном Кавказе интересуют как идеология, так и действия, предпринимаемые в этом направлении. Центральная Азия, особенно отношения четырех тюркоязычных государств, является отдельным вопросом. С одной стороны, они являются основным объектом политики Турции, и эти государства являются членами или наблюдателями вышеупомянутых организаций; с другой стороны, они являются независимыми государствами и имеют свои собственные видения и стратегии развития.

Региональные и нерегиональные государства имеют разные взгляды на пантюркизм и программы «тюркской интеграции», реализуемые в настоящее время Турцией. Вызовы безопасности являются ключевыми, и на этой основе интересы России, Армении, Грузии, Ирана, Китая и Таджикистана совпадают. Для Запада это можно считать стратегическим вопросом, учитывая тот факт, что Турция является членом НАТО, и существует противостояние Запада с Россией, Ираном и Китаем. От-

ношение к Турции тюркоязычных стран Центральной Азии неоднозначное: с одной стороны, они сотрудничают с ней, особенно в рамках ОТГ, но с другой стороны, они воздерживаются от серьезных шагов в направлении политической интеграции (таблица 2).

Пантюркизм во внешней политике Турецкой Республики на современном этапе. Иерархия целей и задач. Инструменты влияния

После распада СССР Турция взяла курс на установление влияния на постсоветском пространстве. В качестве идеологии она стала применять пантюркизм, особо подчеркивая историческую, религиозную, языковую, этническую и культурную общность с тюркоязычными странами. Эти аспекты были положены в основу структур и организаций, созданных Турцией. Турция с 1990-х гг. смогла сформировать определенные инструменты распространения своего влияния и сумела добиться их определенной институционализации. Инструменты, ею созданные, имеют общую цель – добиться установления турецкого влияния, однако заметна определенная иерархия, когда основная роль отводилась ОТГ, а затем культурным, образовательным и другим структурам.

Организация тюркских государств как средство региональной политико-экономической интеграции

Первые шаги в направлении тюркской интеграции Турция сделала в начале 1990-х гг., организовав саммиты тюркоязычных стран. В ходе первого саммита (октябрь 1992 г.) президент Тургут Озал предложил сформировать общий экономический рынок, а также работать над углублением политического сотрудничества. Встречи тюркоязычных стран в таком формате продолжались до 2009 г., когда в ходе саммита, состоявшегося в Нахичеване, был создан Тюркский совет. На саммите, состоявшемся в Стамбуле в ноябре 2021 г., по инициативе президента Турции Р.Т.Эрдогана Тюркский совет был переименован в Организацию тюркских государств². Следует отметить, что на этот процесс повлияли результаты 44-дневной войны, когда Азербайджан добился победы при поддержке Турции. Это подняло репутацию Турции среди тюркоязычных стран, и она попыталась позиционировать себя как защитника интересов «тюркского мира». В ходе этого саммита был принят стратегический документ «Видение-2040», где были представлены основные цели организации и дорожная карта действий. В состав ОТГ вошли все структуры, созданные Турцией, кроме ТИКА.

«Видение-2040» представляет основы интеграции в экономической, образовательной, культурной, политической сферах и сфере безопасности³. Одной из основных

2 Членами ОТГ являются Турция, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Азербайджан, а статус наблюдателя имеют Туркменистан, Венгрия и Турецкая Республика Северного Кипра.
3 Turkic World Vision – 2040. URL: <https://turkicstates.org/assets/pdf/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf>.

целей организации является достижение региональной политико-экономической интеграции, и на этой основе конечной целью является создание военно-политического альянса или союза. В основе такой интеграции лежит общетюркская идентичность, важным элементом которой является этническая общность [23, р. 25].

Турция начала развивать экономические отношения с тюркоязычными странами в 1990-е гг., однако в условиях экономических кризисов и при ограниченных ресурсах она не смогла добиться влияния, но обеспечила свое присутствие. Интеграция в экономической сфере предполагает мобилизацию экономического потенциала и возможностей тюркоязычных стран. С этой точки зрения важным шагом стало создание Тюркского инвестиционного фонда, соглашение относительно которого было подписано в рамках чрезвычайного саммита глав государств-членов ОТГ 16 марта 2023 г. По соглашению фонд будет выполнять следующие функции: финансирование проектов малых и средних предприятий, поддержка проектов развития в областях, представляющих взаимный интерес, включая промышленное производство, транспорт, сельское хозяйство, туризм и «зеленую» экономику, а также поддержка создания и модернизации физической и цифровой инфраструктуры⁴. Президент Турции Р.Т.Эрдоган заявил: «Уверен, что Тюркский инвестиционный фонд с центром в Стамбуле будет способствовать экономической интеграции тюркского мира»⁵. Фактически экономическая интеграция подразумевает не только укрепление двустороннего сотрудничества, но и формирование интегрированных систем, целью которых является создание единой экономической системы в тюркском мире.

Конечной целью как пантюркизма, так и «тюркской интеграции» является создание единой политической структуры. ОТГ создавалась как политическая структура, вокруг которой планируется процесс политического объединения. Структура ОТГ предусматривает общие тенденции политической интеграции⁶. Основным директивным органом организации является Совет глав государств. Следующим важным органом является Совет министров иностранных дел, который разрабатывает документы и планы действий. Одной из важных функций Совета следует считать выработку единого курса и позиций в области внешней политики. В структуре ОТГ Совет старейшин имеет статус консультационного органа. В состав совета войдут известные политики и государственные деятели тюркского мира, и они должны способствовать развитию организации своим опытом и советами. Деятельность организации координирует Секретариат, расположенный в Стамбуле.

Органы, созданные с целью укрепления связей между государственными структурами, были объединены в структуру ОТГ. В связи с этим следует выделить Парламентскую ассамблею тюркоязычных стран (Türk Dili Konuşan Ülkeler Parlamenter Asamblesi

⁴ Соглашение о создании Тюркского инвестиционного фонда (г. Анкара, 16 марта 2023 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32659418&pos=4;-106#pos=4;-106.

⁵ Что будет финансировать Тюркский инвестиционный фонд // TRT на русском, 6 июня 2023. URL: <https://www.trtrussian.com/magazine/chto-budet-finansirovat-tyurkskiy-investicionnyj-fond-13513859>.

⁶ Principal organs of Organization of Turkic States. URL: <https://www.turkicstates.org/en/organizasyon-semasi>.

– TÜRKPA). Она входит в число международных парламентских институтов и является одним из механизмов турецкой парламентской дипломатии [18]. TÜRKPA является парламентским измерением для сотрудничества и интеграции тюркоязычных стран.

Одной из важных составляющих политической интеграции является обеспечение интеграционных процессов в сфере безопасности и военной сфере. По сути, главной целью Турции является достижение военно-политической интеграции. В этом плане в документе «Видение-2040», который формирует основу для дальнейшего сотрудничества, есть общие намеки. Это относится к формированию общих полицейских сил или аналогичных органов⁷.

Тюркское агентство сотрудничества и развития (ТІКА) как инструмент социально-гуманитарной помощи

Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию (Türk İşbirliği ve Kalkınma Ajansı – TİKA) было создано первым для работы на постсоветском пространстве. TİKA основано в 1992 г. при Министерстве иностранных дел⁸. В 1990-е гг. TİKA сосредоточило свое внимание на укреплении отношений между Турцией и тюркоязычными странами. TİKA организовала различные программы, в том числе культурные, образовательные, обучающие и т.д. В этот период организация уделяла особое внимание программам обучения для сотрудников государственной и банковской систем [8, с. 186–187, 182–189].

28 мая 1999 г. решением Совета министров TİKA была передана Государственному департаменту по координации связей с тюркскими республиками и родственными народами, который, в свою очередь, был подчинен аппарату премьер-министра. В 2001 г. изменения произошли снова⁹, тогда же был создан Экономический координационный совет и, несмотря на экономические трудности, бюджет TİKA был сохранен [3, с. 68]. Переформулирование и активизация внешней политики Турции во время ПСР привели к изменению политики в отношении TİKA. ПСР стремилась к региональному, а затем и к глобальному лидерству. Турция позиционирует себя как «государство-донор», и TİKA начинает реализацию различных программ помощи в разных регионах [20]. Если в 1990-е гг. ее деятельность была сосредоточена в основном в тюркоязычных странах, то с начала 2000-х гг. она стала широко осуществлять деятельность на Балканах, в Африке и других местах, по сути, превратившись в один из важных механизмов внешней политики Турции. В настоящее время TİKA имеет офисы в 61 стране, где действуют 63 координационных офиса, и уже реализовала более 30 000 проектов [27, с. 14–15].

TİKA была реорганизована в 2011 г., и, по указу президента от 2018 г., организация осуществляет свою деятельность в структуре Министерства культуры и туризма, но имеет собственный отдельный бюджет и статус государственного юридического

⁷ Turkic World Vision – 2040. URL: <https://turkicstates.org/assets/pdf/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf>.

⁸ Kanun Hükmünde Kararname // Resmi Gazete, 27 Ocak 1992. URL: <https://resmigazete.gov.tr/arsiv/21124.pdf>.

⁹ YÖNETMELİKLER // Resmi Gazete, 12 Mayıs 2001. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2021/05/20210512.pdf>.

лица. В результате этих преобразований ТІКА реструктурируется для удовлетворения потребностей международного сообщества по оказанию помощи в целях развития. Бюджет ТІКА увеличивается, а также растут количество и направления реализуемых проектов [25, pp. 657–660]. В этом формате направление Центральной Азии и Кавказа продолжает оставаться основным, и ТІКА продолжает реализовывать образовательные, культурные и социальные проекты в этих регионах. Эти регионы считались приоритетными и в стратегическом плане ТІКА на 2024–2028 гг. [28, s. 16]. С другой стороны, ТІКА также является одним из наиболее важных инструментов политики «мягкой силы» Турции [11].

Фактически ТІКА является одной из фундаментальных структур для реализации политики Турции в тюркоязычных странах. С другой стороны, ТІКА руководствуется идеями пантюркизма, и ее действия направлены не только на укрепление позиций Турции, но и на формирование тюркской идентичности.

Культурное измерение пантюркизма: Международная организация тюркской культуры (TÜRKSOY) и ее деятельность

Одной из основ идеологии пантюркизма является культура и формирование общетюркской культуры. С начала 1990-х гг. Турция делала упор на культурную политику, и в 1993 г. министры культуры Турции, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана и Узбекистана подписали соглашения о создании «Организации по совместному развитию тюркской культуры и искусства» (Türk Kültür ve Sanatları Ortak Yönetimi – TÜRKSOY)¹⁰. Выбранное имя символизирует общие этнические корни и подчеркивает единство на культурной основе. Статус наблюдателя в организации имеют субъекты Российской Федерации (Республики Алтай, Башкортостан, Хакасия, Якутия, Татарстан и Тыва). Позднее отношение российских властей изменилось из-за того, что в 2015 г. ВВС Турции был сбит российский самолет Су-24. Правительство России потребовало от упомянутых республик прекратить всякие отношения с TÜRKSOY. Однако на официальном сайте организации российские субъекты продолжают быть представлены в качестве членов-наблюдателей.

Хотя TÜRKSOY была создана по принципу общности интересов и равного участия стран-членов, однако Турция имеет доминирующее положение. Стратегия, планы и деятельность организации разрабатываются и координируются властями Турции и являются частью ее внешней политики. TÜRKSOY занимается вопросами культурной интеграции в структуре ОТГ.

В первое десятилетие своего существования TÜRKSOY преимущественно укрепила свои позиции в тюркоязычных странах. С этой точки зрения большое значение имела организация различных мероприятий, связанных с тюркской культурой. К таким мероприятиям привлекались представители тюркоязычных стран или реализовывались совместные проекты, например музыкальные и фотографические фестива-

ли, литературные конгрессы и т.п. [6, с. 615–616]. Одним из важных проектов TÜRKSOY является ежегодное избрание культурных столиц тюркского мира и организация там культурных мероприятий. TÜRKSOY сотрудничает с рядом международных организаций, в том числе с ЮНЕСКО. Цель TÜRKSOY – сделать единую тюркскую культуру известной всему миру. В связи с этим в Европе и США начали организовывать различные мероприятия, демонстрирующие общее культурное наследие. Среди традиционных мероприятий – празднование Навруза и памятные годы TÜRKSOY¹¹. Эта организация является одним из инструментов политики пантюркизма и в то же время одним из механизмов турецкой политики «мягкой силы».

Турецкие диаспоры как стратегический ресурс: Управление по делам тюрков за границей (YTB) и его деятельность

В период правления ПСР работа с турецкой диаспорой заметно активизировалась. В 2010 г. турецкое правительство создало «Президентство тюрков за рубежом и родственных сообществ» (Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı – YTB) – структуру с целью координации работы с диаспорой.

Турция отводит особое место «мягкой силе» и ее инструментам в своих внешнеполитических доктринах. Одним из них считается турецкая диаспора. YTB реализует образовательные и культурные программы с целью укрепления связей тюрков диаспоры с родиной. Образовательным программам придается большее значение, в частности, организуется обучение студентов из диаспоры в турецких вузах¹². В программах и деятельности данной организации большое место отведено преподаванию турецкого языка, в том числе как иностранного [26]. YTB также включает в свои программы тюркоязычные страны и общины, снова делая упор на культурные и образовательные программы¹³. В последние годы руководство Турции пытается сформировать механизмы сотрудничества с диаспорами тюркоязычных стран. На 2023 г. YTB упоминает сотрудничество с родственными сообществами среди своих стратегических целей¹⁴. Укрепление сотрудничества между диаспорами является частью тюркской интеграционной политики. В документе «Видение-2040» упоминается сотрудничество тюркских диаспор, в частности, в вопросах привлечения инвестиций, мобилизации академической диаспоры и обеспечения участия диаспор в проектах ОТГ¹⁵. Турецкая диаспора обладает огромным политическим и экономическим потенциалом, и в таких условиях сотрудничество с другими аналогичными сообществами

11 TÜRKSOY Faaliyet Raporu: Eylül 2021 – Ekim 2022, İstanbul, 2022; TÜRKSOY Faaliyet Raporu: Kasım 2022 – Eylül 2023, İstanbul, 2023.

12 Самым успешным проектом является «Стипендии Турции» (Türkiye Bursları), стартовавший в 2012 году при координации YTB. URL: <https://www.turkiyeburslari.gov.tr/hakkimizda>.

13 T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı. Faaliyet Raporu. 2019. S. 26–70. URL: https://ytbweb1.blob.core.windows.net/files/2020/2020Raporlar/2019%20FAAL%C4%B0YET%20RAPORU_WEB_-5e60b9bf7136e.pdf.

14 T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı. 2023 Yılı Performans Programı. S. 16–23. URL: <https://dkp.blob.core.windows.net/kurumsal-multimedia/2023%20Y%C4%B1l%C4%B1%20Performans%20Program%C4%B1.pdf>.

15 Turkic World Vision – 2040. P. 15–16. URL: <https://turkicstates.org/assets/pdf/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf>.

увеличит возможности и потенциал Турции, а также расширит географию ее деятельности. Турецкая диаспора активна в Центральной Европе, а сотрудничество с диаспорами тюркоязычных стран (Азербайджана и стран Центральной Азии) позволит Турции активизировать свою деятельность в других странах, в частности в России.

Научно-образовательное направление. Международная тюркская академия как средство интеграции

Турция уделила много места научной и образовательной деятельности, открыв школы и университеты в тюркоязычных странах. Первые школы в постсоветских тюркоязычных странах были открыты движением «Хизмет», принадлежавшим Ф.Гюлену. Уже в конце 1990-х гг. Гюлен создал широкую образовательную сеть в тюркоязычных странах и тем самым обеспечил участие Турции в образовательной сфере этих государств. Наряду с открытием учебных заведений большое место уделялось преподаванию и распространению турецкого языка [12, р. 162]. Преподавание в «гюленовских» школах было организовано в основном на английском языке, а вторым языком был турецкий. Гуманитарные предметы в основном преподавали на турецком языке, и большое место отводилось истории, литературе и географии. Одной из целей образовательной политики Турции было вытеснение русского языка как основного языка из региона и замена его английским и турецким языками. Эти школы фактически воспитали первые постсоветские поколения, которые стали частью формирующейся политической и интеллектуальной элиты, занявшей прозападную и протурецкую позицию.

«Гюленовские» школы были носителями политики исламского возрождения и тюркизма, а также пропагандировали пантюркские идеи [12, р. 153]. Исламский фактор беспокоил лидеров центральноазиатских государств, что было связано с событиями, происходящими в Афганистане, и фактором радикального ислама. Кроме того, были и политические причины, как в случае с Узбекистаном, когда эти школы были закрыты по указу президента И.Карымова. После неудавшейся попытки военного переворота в Турции в 2016 г. президент Эрдоган потребовал от лидеров тюркоязычных стран закрыть «гюленовские» школы. В результате школы в основном прекратили свою деятельность (остались в Казахстане и Кыргызстане) или были взяты под контроль государства и претерпели изменения (например, в Таджикистане). «Гюленовские» школы были одним из инструментов внешней политики Турции и поддерживали ее государственную политику в регионе. Разумеется, Турция не намерена терять эти инструменты, а предпринимает шаги, чтобы вновь их использовать – взять под контроль определенные сферы государств. В этом отношении политика Турции заключается в замене школ Гюлена школами «Маарифа», причем не только в тюркоязычных странах [14]. В Центральной Азии в Кыргызстане в 2021 г. открылась первая школа фонда «Маариф». Ожидается, что количество таких школ в регионе будет увеличиваться. Следует отметить, что проект «Маарифа» преследует более важные цели: интернационализировать турецкое образование и поднять имидж Турции в этой области. Как «гюленовские», так и школы «Маарифа» являются одним из инструментов турецкой политики «мягкой силы».

Два университета были основаны по инициативе Турции: Международный Казахско-Турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави (открылся в 1993 г.) и Кыргызско-Турецкий университет «Манас» – в 1995 г.¹⁶. Турция реализует системную политику в сфере высшего образования. В 2012 г. был основан Союз тюркских университетов, который в настоящее время входит в состав ОТГ¹⁷. Целью Союза является реализация программ обмена студентами и преподавателями, взаимное признание действительности дипломов, организация совместных мероприятий, в частности, по общей истории, культуре, литературе и т.д. С одной стороны, Турция стремится сформировать интегрированную систему образования, с другой – добиться формирования общей идентичности посредством образования. По словам В.Надеин-Раевского, «анти-русская и антиевропейская элита из тысяч выпускников как лицеев, так и турецких университетов составила новую правящую верхушку, ориентированную на Турцию (и/или Запад) и не склонную к развитию и укреплению отношений с Россией» [7, с. 101].

Турция также уделяет большое внимание развитию тюркологии и преподаванию турецкого языка. В 2012 г. в Астане была основана Международная Тюркская академия для проведения тюркологических исследований. Основной целью Академии является развитие научного и образовательного сотрудничества между тюркоязычными странами. Согласно своим учредительным документам, данная организация обеспечивает различные аспекты исследования тюркского мира, включая историю, археологию, этнологию, антропологию, литературу, лингвистику, терминологию, искусство и социально-экономические вопросы. На официальном сайте Тюркской академии миссия сформулирована как «способствовать интеграции тюркского мира в науку и образовании»¹⁸.

С точки зрения интеграции Тюркская академия в настоящее время инициировала два важных проекта. Первый касается разработки учебников, и на данный момент опубликовано три учебника: «Общая тюркская история», «Общая тюркская литература» и «География тюркского мира». Цель этой программы – «сформировать у молодого поколения представление об общности истории тюркских народов, укрепить языковое и культурное единство, а также способствовать развитию чувства общей идентичности и взаимного уважения в тюркском мире»¹⁹. Учебник «География тюркского мира» состоит из двух разделов: в первом разделе изложено формирование географической интеграции тюркских народов, а во второй части представлены географические особенности тюркского мира²⁰. Учебник «Общая тюркская история»

16 Турецкие частные университеты также открылись в Центральной Азии: Международный Туркмено-Турецкий университет, действовавший в 1994–2016 гг., Университет имени Сулеймана Демиреля, который открылся в 1996 г. в Алматы, и Международный университет Алатоо (открылся в 1996 г. в Бишкеке и принадлежит сообществу Гюлена).

17 Полный список вузов, входящих в Союз тюркских университетов, представлен на официальном сайте: Türk Üniversiteler Birliği. URL: <http://turkunib.org/tr/site/index>.

18 О Тюркской академии. URL: <https://turkicacademy.org/ru/about/ob-akademii>.

19 Учебники «Общая тюркская история», «Общая тюркская литература», «География тюркского мира». URL: <https://turkicacademy.org/ru/open-call/uchebniki-obshchaya-tyurkskaya-istoriya-obshchaya-tyurkskaya-literatura-geografiya-tyurkskogo-mira>.

20 Türk Dünyası Coğrafyası. Ortaöğretim için. Astana, 2022.

включает семь разделов, где представлена история тюркских народов и государств с древнейших времен до XV в.²¹ Учебник «Общая тюркская литература» состоит из двух разделов. В первом разделе представлено общее литературное наследие тюрков, а во втором – тюркские национальные литературы, в том числе народов Кавказа, Средней Азии и субъектов Российской Федерации²². Цель этих учебников – сформировать единое самосознание с общими ценностями, традициями, героями и мышлением.

Вторая инициатива Тюркской академии – разработка единого алфавита, в связи с чем была создана Комиссия по единому алфавиту тюркского мира. Работа последнего координируется с Секретариатом ОТГ. По итогам заседания Комиссии, прошедшего в Баку 9–11 сентября 2024 г., было объявлено о принятии единого тюркского алфавита, состоящего из 34 букв и основанного на турецкой латинице²³.

Важным компонентом образовательной политики Турции является распространение турецкого языка. Преподаванием турецкого языка занимается ряд фондов и центров, но наиболее обширную деятельность осуществляет Институт Юнуса Эмре, который был основан в 2007 г. Институты Юнуса Эмре также являются инструментом турецкой политики «мягкой силы». В этом плане их деятельность в тюркоязычных странах имеет преимущество, обусловленное языковой общностью. Принятие единого алфавита и распространение турецкого языка являются важными факторами укрепления коммуникации между Турцией и тюркоязычными странами. Это станет основой интегрированной образовательной системы, формирующей единое языковое пространство.

Военно-политический аспект пантюркизма и контуры военно-политического сотрудничества тюркских государств

В научных и особенно аналитических дискуссиях определенное место отводится военно-политическому аспекту пантюркизма. Речь идет о так называемой идее «Великого Турана». В условиях интеграции или создания единой политической структуры военный компонент имеет ключевое значение. Это также важно в контексте достижения политического влияния. Поэтому Турция делала упор на военное и военно-техническое сотрудничество в отношениях с тюркоязычными странами.

С начала 1990-х гг. Турция начала данное сотрудничество с тюркоязычными странами по следующим направлениям: подготовка офицеров, материально-техническое обеспечение, продажа оружия, совместные учения и совместное военное производство. Среди тюркоязычных стран Турция наладила тесное военное взаимодействие с Азербайджаном. После поражения в первой Арцахской войне Азербайджан отказался от модели советской армии и начал перестраивать свои вооруженные силы по турецкой модели. Турецкие военные посетили Азербайджан, азербайджанские офицеры начали получать образование и подготовку в турецких военных учреждениях, были созданы совместные военные производства, а также Турция начала

21 Ortak Türk Tarihi, (En Eski Dönemlerden XV. Yüzyıla Kadar), Uluslararası Türk Akademisi, 2022.

22 Ortak Türk Edebiyatı. Ders kitabı. Astana, 2022.

23 Declaration on Common Turkic Alphabet. Baku, 11 September 2024. URL: <https://www.turkicacademy.org/en/novost-akademii/declaration-common-turkic-alphabet>.

поставлять в Азербайджан оружие и боеприпасы, в частности, беспилотники, которые широко применялись во время войны 2020 г. В последнее время между Турцией и Азербайджаном идут интеграционные процессы в военной сфере. Совместные учения и интенсивное взаимодействие между сторонами продолжают, поэтому используется лозунг «Одна нация, два государства, одна армия»²⁴. По сути, целью политики Турции является установление того уровня военно-политического сотрудничества с тюркоязычными странами, который существует на данный момент в турецко-азербайджанских отношениях.

Военно-техническое и военное сотрудничество Турции с тюркоязычными странами Центральной Азии носит ограниченный характер. Турция стала уделять больше внимания этим направлениям после 44-дневной войны и начала войны на Украине. В октябре 2020 г. министр обороны Турции Хулуси Акар совершил официальный визит в Центральную Азию, который имел большое значение. Визит завершился обсуждением ряда важных стратегических вопросов, таких как развитие двусторонних отношений в оборонной и военной сферах. В ходе визита Акара широко обсуждалось видение создания «Туранской армии», которая считалась своеобразной функцией НАТО в Центральной Азии [13, р. 334]. В условиях сложившейся военно-политической ситуации в Центральной Азии, особенно в контексте политики России, Китая и США, концепция «Туранской армии» вряд ли станет реальностью. С другой стороны, после этого визита действительно заметно укрепление двусторонних отношений.

Реальные военные связи с Казахстаном начали развиваться после заключения соглашения 2020 г., которое касалось совместных оборонно-промышленных проектов. Протокол о сотрудничестве в сфере разведки был подписан в 2022 г. [24]. До 2022 г. стороны договорились о расширенном стратегическом партнерстве. В настоящее время турецкие дроны производятся в Казахстане.

Турция пытается использовать вопросы безопасности, в частности, столкновения на кыргызско-таджикской границе, для углубления военного сотрудничества с Кыргызстаном. Кыргызстан закупил у Турции дроны («ТВ2 Байрактар», «Аксунгур», «Анка») и, по сути, получает материально-техническую и консультативную поддержку от Анкары.

В 2022 г. Узбекистан подписал с Турцией соглашение о сотрудничестве в сфере обороны, которое включает обмен разведанными, совместные проекты по обучению и логистике. В ноябре 2022 г. было объявлено о новом протоколе, включающем в повестку дня военное образование и оборонно-промышленное сотрудничество. Узбекистан также приобрел турецкие беспилотники.

После обретения независимости Туркменистан заявил о нейтралитете, поэтому с Турцией у него в основном развиваются экономические и культурные связи, а военные весьма ограничены. Однако в последнее время заметны определенные изменения. В 2020 г. между Турцией и Туркменистаном было заключено несколько сде-

24 Can Kasapoglu, Can Turkish Drones Bolster NATO's Eastern Flank Against Russia? Eurasia Daily Monitor Volume: 18 Issue: 100. URL: <https://jamestown.org/program/can-turkish-drones-bolster-natos-eastern-flank-against-russia/>.

лок, в результате чего туркменское правительство начало закупать турецкие беспилотники. Это может привести к будущим сделкам и более тесному сотрудничеству в учебной, военно-технической и других областях.

Таким образом, Турция пока не наладила серьезных отношений сотрудничества в военной и военно-технической областях в Центральной Азии. Это доказывает, что в ближайшем будущем она не сможет претендовать на то, чтобы стать частью системы безопасности всего данного региона, а значит, добиться военно-политического влияния. Данный вывод подтверждается и действиями ОТГ, интеграционные процессы под влиянием которого в основном организуются в культурном, языковом, образовательном и экономическом направлениях.

Роль Азербайджана как важнейшего стратегического партнера в тюркском мире

Азербайджану отведено особое место в пантюркских проектах Турции, что обусловлено его географическим положением: он является мостом между Турцией и Центральной Азией. С другой стороны, среди тюркоязычных стран Азербайджан отдавал больше места пантюркистским идеям. А.Эльчибей, второй президент Азербайджана, был известен своими пантюркистскими идеями и говорил о создании «Великого Азербайджана». Он стал уделять большое место идеям тюркского единства во внешнеполитическом курсе Азербайджана и ориентировался на Анкару [4, с. 96]. Во времена президентства Гейдара Алиева турецко-азербайджанские двусторонние отношения укрепились в различных областях, и была утверждена концепция «Одна нация, два государства». За время его правления между Турцией и Азербайджаном был подписан ряд соглашений: Договор о дружбе и развитии всестороннего сотрудничества, Протокол о взаимопомощи и сотрудничестве между двумя странами, Соглашение о сотрудничестве в научной, технической, культурной и экономической сферах, Соглашение о политических консультациях, Соглашение о взаимном поощрении и защите инвестиций, а также Договор об углублении стратегического сотрудничества и ряд других. Укрепление отношений между двумя государствами было обусловлено наличием общих стратегических интересов. С другой стороны, идея общего врага, такого как Армения (в каком-то смысле – Россия), считалась важной, особенно в контексте поражения Азербайджана в первой Арцахской войне. В знак солидарности с Азербайджаном Турция закрыла армяно-турецкую границу в 1993 г., когда армянские войска взяли под контроль Карвачар / Кельбаджар, и поставила вопрос Нагорного Карабаха одним из предварительных условий урегулирования отношений с Арменией. После поражения в Арцахе Турция в основном поддерживала Азербайджан, в частности, в восстановлении вооруженных сил. С другой стороны, Азербайджан считался краеугольным камнем политики Турции на Южном Кавказе из-за его энергетических ресурсов и тюркского фактора.

Укрепление турецко-азербайджанских отношений продолжалось и во время правления Ильхама Алиева. В 2010 г. между Турцией и Азербайджаном было подписано соглашение о стратегическом сотрудничестве, согласно которому Турция должна была оказать военную помощь Азербайджану. Подписав такой документ, Баку полностью принял протурецкую ориентацию. Турецко-азербайджанское сотрудни-

чество получило особое значение во время 44-дневной войны, когда Турция оказала Азербайджану дипломатическую и военную поддержку. После войны президент Эрдоган принял участие в военном параде, организованном в Баку, выступил там с речью и процитировал стихотворение азербайджанского поэта Бахтияра Вагабаде «Араз-Араз», поддерживающее идею объединения тюркских народов²⁵. Подписанной в июне 2021 г. Шушинской декларацией были установлены союзнические отношения между Турцией и Азербайджаном.

После 44-дневной войны Турция начала продвигать политику «тюркской интеграции», и в этом контексте изменилась роль Азербайджана. По мнению российского тюрколога В.Аваткова, «Турецкая Республика стремится оказывать влияние на Баку с целью его превращения в опорную точку подконтрольного Анкаре “тюркского мира”...» [1, с. 1]. С другой стороны, отношения между Азербайджаном и тюркоязычными странами Центральной Азии стали более активными, и заметно расширение сотрудничества. За последние два года Алиев посетил Центральную Азию 16 раз. Он участвовал в саммитах стран Центральной Азии. Были представлены проекты двустороннего сотрудничества со всеми странами региона, например, проекты бассейна Каспийского моря, «Север-Юг» и «Средний коридор»²⁶. Заметна активизация сотрудничества в военно-технической сфере, где азербайджанские военные участвуют в совместных военных учениях. Так, в июле 2024 г. Азербайджан провел совместные военные учения с государствами Центральной Азии²⁷.

Таким образом, укрепление отношений между Азербайджаном и тюркоязычными странами является одним из важных элементов тюркской интеграции. Но использование Турцией Азербайджана в качестве инструмента имеет определенные ограничения. У Азербайджана есть свои интересы, которые на каком-то этапе могут не совпасть с интересами Турции. Это может быть связано с внутренними и внешними факторами, например, со сменой правящей элиты в Азербайджане и политикой великих держав на Южном Кавказе.

Восприятие пантюркизма в разных регионах

Региональные и нерегionalные государства имеют разные взгляды на пантюркизм и программы «тюркской интеграции», реализуемые в настоящее время Турцией. Формирование политической единицы на военно-политической или этнолингвистической основе полностью изменит геополитику Евразии. Именно по этой причине пантюркизм воспринимается государствами региона как вызов их безопасности.

25 МИД Ирана вызвал посла Турции из-за прочитанного Эрдоганом стихотворения, 11.12.2020, РИА Новости, <https://ria.ru/20201211/iran-1588784508.html>.

26 Константин Прохоров, Азербайджан осваивает Центральную Азию // Вестник Кавказа. 26 августа 2024 г. URL: <https://vestikavkaza.ru/analytics/azerbajdzan-osvaivaet-centralnuu-aziu.html>.

27 Страны Центральной Азии и Азербайджан проведут совместные военные учения // Avesta Information Agency. 8 июля, 2024 г. URL: <https://avesta.tj/2024/07/08/strany-tsentralnoj-azii-i-azerbajdzhan-provedut-sovmestnye-voennye-ucheniya/>.

Россия

Тюркоязычные народы на протяжении веков входили в состав Российского государства и подверглись российскому политическому и культурному влиянию. Идеи пантюркизма, превратившиеся в государственную доктрину в Османской империи, были направлены против царской России, поскольку целью было объединение тюркоязычных народов. С конца XIX в. Турция пыталась достичь влияния на Южном Кавказе и в Средней Азии, поэтому использовала пантюркизм в качестве идеологии. В настоящее время Турция также использует пантюркизм в качестве идеологии на постсоветском пространстве, особо подчеркивая общность с тюркоязычными народами. По этой причине для России пантюркистские проекты имеют стратегическое значение и рассматриваются в контексте угрозы национальной безопасности.

После распада СССР одной из политических целей Турции было достичь влияния на постсоветском пространстве, что реально может произойти за счет снижения российского влияния. Речь идет о Южном Кавказе и Центральной Азии, которые Россия считает зоной своих интересов. В этих регионах Турция сформировала ряд инструментов, в том числе в рамках политики «мягкой силы», целью которых является вытеснение российского влияния. На это направлена политика формирования тюркской идентичности, основанная на общем языке, истории, литературе и образовании. Кроме того, тюркские республики в составе Российской Федерации также являются объектами политики Турции. Турция пытается сформировать определенную идеологию в среде тюркских народов Российской Федерации и использует механизмы политики «мягкой силы» [2]. Фактически, с одной стороны, Россия пытается сохранить рычаги влияния на постсоветском пространстве, с другой стороны, ограничить действия Турции по отношению к своим субъектам.

Российско-турецкие отношения претерпели заметные изменения в период президентства В.Путина и Р.Т.Эрдогана. Особенно активно стали развиваться торгово-экономические отношения, и в двустороннем порядке увеличился товарооборот и объемы инвестиций. Однако Россия и Турция продолжают оставаться стратегическими противниками, особенно на постсоветском пространстве. В этом плане Турция является членом НАТО, и ее интересы в вопросах стратегии и безопасности больше совпадают с Западом, чем с Россией. С этой точки зрения, Россия рассматривает идеологию пантюркизма и присутствие Турции на постсоветском пространстве как угрозу. Растущее присутствие Анкары в тюркоязычных странах может быть использовано Западом для осуществления фундаментального вмешательства в российские сферы влияния.

Запад

Запад не выразил открытой позиции в отношении пантюркизма или тюркской интеграции. После распада СССР Запад начал поддерживать Турцию, особенно когда она представила тюркоязычным странам «турецкую модель». В 1990-е гг. Турция позиционировала себя как посредник между тюркоязычными странами и Западом, но со второго периода правления ПСР она в основном выработала собственную стратегию.

В настоящее время ЕС и США активны в Центральной Азии и на Южном Кавказе, пытаются усилить свое влияние в этих регионах. Конкуренция России и Запада на постсоветском пространстве продолжается, и растущая конкуренция Китая и Запада может проявиться и здесь, особенно в Центральной Азии. Хотя Турция в последние годы пытается проводить более независимую от Запада политику, она остается членом НАТО и не может полностью игнорировать позиции партнеров. В таких условиях программы пантюркизма или тюркской интеграции могут рассматриваться как стратегический ресурс в контексте геополитической конкуренции между Западом и Россией, с одной стороны, и Западом и Китаем – с другой. Следует отметить, что Иран также обеспокоен такой политикой Запада.

Южный Кавказ

Южный Кавказ занимает особое место в пантюркских планах Турции, поскольку является дорогой в Центральную Азию. Идеология пантюркизма Арменией и Грузией рассматривается с позиции безопасности, а Азербайджан воспринимает ее как возможность.

С начала XX в. Армения рассматривала пантюркизм как угрозу своей национальной безопасности. Обеспокоенность Армении по поводу этой идеологии вновь возобновилась после 44-дневной войны, когда Турция и Азербайджан заговорили о так называемом «Зангезурском коридоре» и «тюркском мире» и продемонстрировали открытые амбиции в отношении Сюникской области. Турция в основном упоминает экономические возможности «коридора» [19, р. 18]. Однако Армения рассматривает это прежде всего в контексте стратегических проектов, таких как пантюркизм или тюркская интеграция. Так называемый «Зангезурский коридор» является кратчайшим сухопутным маршрутом, соединяющим Нахичевань с Азербайджаном и фактически объединяющим Турцию с тюркоязычными странами. С одной стороны, это усилит позиции Турции и особенно ОТГ, с другой стороны, уменьшит зависимость от Ирана и ограничит его возможности [16, р. 46–64]. Армения рассматривает эти программы как угрозу с точки зрения территориальной целостности и национальной безопасности.

Хотя между Грузией и Турцией установлены тесные экономические и военно-технические связи, однако планы пантюркизма касаются и Грузии. Батуми имеет особенное место в пантюркистских программах. Следует отметить, что в этот город вложены огромные турецкие инвестиции, кроме того, в Грузии, особенно в Абхазии, действуют турецкие инструменты «мягкой силы». В октябре 2016 г. в Ризе, который находится в 100 милях от границы с Грузией, Эрдоган в своей речи отметил: «Наши физические границы отличаются от границ нашего сердца», и в качестве примера он спросил: «Возможно ли отделить Ризе от Батуми?»²⁸. Последнее выражение вызвало в Грузии большие дискуссии и опасения. В этой связи грузинское общество вновь обеспокоило пантюркские идеи, а власти выразили недовольство и рассматривали эти заявления в контексте национальной безопасности.

²⁸ Kucera J. Georgians Wary of Turkey's Rising Influence in Batumi // Eurasianet, Mar 9, 2017. URL: <https://eurasianet.org/georgians-wary-of-turkeys-rising-influence-in-batumi>.

Центральная Азия

Четыре из пяти государств Центральной Азии являются тюркоязычными: Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан и Узбекистан, – следовательно, они являются основными объектами пантюркистской политики Турции. Среди внешнеполитических приоритетов Турции центральноазиатское направление не имеет первостепенного значения, что обусловлено двумя основными причинами: политики крупных держав и ограниченность ресурсов Турции. Однако Центральная Азия имеет стратегическое значение для Турции, претендующей на статус сверхдержавы, поскольку единый тюркоязычный мир увеличит ее вес в международной политике.

В результате политики Турции в тюркоязычных странах сформировались протурецкие элиты, целью которых является ориентация в сторону Турции. Эти группы рассматривают Турцию как альтернативу, особенно в отношении баланса политики России и Китая. С другой стороны, среди правящих элит заметна определенная осторожность, что обусловлено текущей политической ситуацией в Турции, в частности, экономическим кризисом, курдской проблемой, угрозой терроризма, столкновением светских и исламских ценностей и т.д. Следует отметить, что для государств Центральной Азии соблюдение светских принципов является основой государственной политики, а усиление позиций ислама в Турции будет играть ограничивающую роль в двусторонних отношениях [5, с. 29–42]. Государства Центральной Азии в основе своей государственной политики ставят вопросы безопасности на первое место, особенно с учетом угроз со стороны Афганистана. В этом плане главным гарантом безопасности региона продолжает оставаться Россия, а Турция пока не предприняла каких-либо существенных шагов в этой сфере. Экономическое и военно-политическое присутствие Турции в регионе не создало для нее возможности выступить в качестве альтернативного игрока. Страны Центральной Азии входят в структуры, созданные Турцией, проявляют определенную активность в сотрудничестве в различных форматах, но эти отношения пока не носят стратегического характера. Политика Турции, идеи общности культуры, идентичности и общей судьбы до сих пор не являются доминирующими в отношениях Турции и государств Центральной Азии, но следует отметить, что они занимают важное место. Фактически при «тюркской интеграции» Турция руководствуется собственными стратегическими интересами, поэтому турецкое руководство будет действовать не в интересах «тюркского мира», а в интересах Анкары.

Иран

Иран рассматривает политику Турции на Южном Кавказе и в Центральной Азии сквозь призму пантюркизма, поэтому считает вопросы безопасности и территориальной целостности фундаментальными. Опасения по поводу пантюркизма связаны с тюркоязычным населением, проживающим в Иране. В начале 1990-х гг., с подъемом пантюркских идей в Турции, в Азербайджане стали звучать ирредентистские требования с призывами к созданию «Единого Азербайджана» [12, р. 52–53]. При Гейдаре Алиеве откровенно антииранская риторика изменилась, но амбиции в отношении северных территорий Ирана остались [30].

Интересы Ирана и Турции сталкиваются на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Одной из стратегических целей Ирана на Южном Кавказе является недопущение усиления позиций Турции, однако в результате войны 2020 г. статус-кво изменился в пользу Турции. Для Турции принципиально не допустить усиления позиций Ирана в Центральной Азии, в частности, не допустить распространения шиитских ценностей в регионе.

После 44-дневной войны в Иране снова выразили опасения по поводу пантюркизма. Победа Азербайджана в войне укрепила позиции Турции в регионе, поэтому фактор тюркоязычного населения может быть использован в будущем как Турцией, так и Западом. Разговоры об интеграции «тюркского мира» и «тюркской интеграции» усилили беспокойство Тегерана, и все это было воспринято как реальная угроза в контексте дискуссий о так называемом «Зангезурском коридоре». Иран объявил защиту и безопасность армяно-иранской границы своей «красной линией» и рассматривал ее как ключевой аспект национальной безопасности²⁹. Иран охарактеризовал эту политику Турции как «проект Турана».

Китай

Обеспокоенность Китая пантюркистскими проектами обусловлена существованием Синьцзян-Уйгурского автономного района (бывший Восточный Туркестан). Тюркское, мусульманское население Китая граничит с Центральной Азией, поэтому подчеркивается роль тюркского фактора. Распространение пантюркизма и ислама среди тюркоязычного населения, проживающего в Китае, считается вопросом национальной безопасности. Уйгурский вопрос несколько раз вызывал политическую напряженность между Турцией и Китаем. Турецкое руководство часто критиковало китайские власти за их политику в отношении уйгуров. В октябре 2021 г. Турция вместе с сорока двумя другими странами призвала правительство Китая уважать права уйгурской общины в Синьцзяне и обеспечивать соблюдение верховенства закона³⁰. По сути, в ответ на создание ОТГ и действия Турции президент Китая Си Цзиньпин созывает в январе 2022 г. саммит с лидерами Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Туркменистана и Таджикистана для укрепления экономических отношений в контексте инициативы «Один пояс – один путь» и развития культурного сотрудничества³¹.

И Россия, и Китай видят в ОТГ определенные опасности. У китайской стороны есть опасения, что организация будет проводить политику пантюркизма и это также будет направлено против Китая. Беспокойство Китая также связано с Центральной Азией, где деятельность ОТГ может привести к нестабильности.

²⁹ “Internationally recognized borders are our red line”, says Iranian foreign minister // Civilnet. 26 May 2021. URL: <https://www.civilnet.am/en/news/609077/internationally-recognized-borders-are-our-red-line-says-iranian-foreign-minister/>.

³⁰ 43 countries including Turkey call on China to respect Uyghur rights // Daily Sabah, Oct 22, 2021. URL: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/43-countries-including-turkey-call-on-china-to-respect-uyghur-rights>.

³¹ Kumenov A. China promises more investment at Central Asia summit // Eurasianet, Jan 26, 2022. URL: <https://eurasianet.org/china-promises-more-investment-at-central-asia-summit>.

Выводы

Одной из основных целей политики Турции является институционализация инструментов пантюркизма, которые практически продвигают интеграционную политику. В настоящее время Турция делает упор на лингвистическую, культурную и экономическую интеграцию, но ее цель – политическая интеграция с включением военного компонента.

В процессах «тюркской интеграции» после 44-дневной войны была отведена важная роль Азербайджану, связывающему Турцию и тюркоязычные страны. Азербайджан представляет жизнеспособность концепции «Одна нация, два государства», показывая государствам Центральной Азии, что Турция также может защитить их интересы.

Политика пантюркизма, или «тюркской интеграции», рассматривается региональными и нерегиональными государствами. Армения, Иран, Россия и Китай рассматривают это в контексте своей безопасности. Для Запада она может быть использована как стратегический ресурс в контексте борьбы с Россией, Ираном и Китаем. Тюркоязычные государства Центральной Азии рассматривают эту программу скорее в контексте отношений с Турцией, и хотя в последнее время заметна активизация экономических, языковых и военно-технических связей, однако они не обсуждаются на стратегическом уровне.

Список источников

1. Аватков В. Турция и Азербайджан: одна нация – одно государство? [Turkey and Azerbaijan: One Nation – One State?] // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 2. С. 90–100. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-90-100>.
2. Аватков В., Бадранов А. «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России [«Soft power» of Turkey in the domestic policy of Russia] // Право и управление. XXI век. 2013. № 2(27). С. 5–10.
3. Алиева А.И. Специфика современных подходов Турецкой Республики к оказанию помощи зарубежным государствам [The specifics of the modern approaches of the Turkish Republic to providing assistance to foreign countries] // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. № 1. С. 56–92.
4. Гаджиев К.С. Отношения Ирана и Турции с государствами Южного Кавказа [Relations of Iran and Turkey with the States of the South Caucasus] // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 2. С. 94–106.
5. Грозин А. Политика Турции в постсоветской Азии: подходы, институты, перспективы [Turkey's Politics in the Post-Soviet Asia: Approaches, Institutions, Prospects] // Постсоветский материк. 2021. № 2(30). С. 25–48. https://doi.org/10.12345/2311-6412_2021_2_25.
6. Енюкан В.А. Значимость «мягкой силы» во внешней политике Турции в 2002–2022 гг. [The Importance of “Soft Power” in Turkey's Foreign Policy in 2002–2022] // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 4. С. 609–619.
7. Надеин-Раевский В. История пантюркизма и его современные сторонники. Часть 2. Новый этап пантюркистских надежд [History of Pan-Turkism and its Modern Supporters. Part 2. New Stage of Pan-Turkist Hopes] // Перспективы. Электронный журнал. 2022. № 2. С. 94–108.
8. Уразова Е.И. Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию (TİKA): Новые задачи, Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г. [Turkish Cooperation and Development Agency (TİKA): New Tasks. Turkey on the Eve and After the Parliamentary and Presidential Elections of 2007]. М., 2008. 260 с.
9. Akçura Y. Üç Tarz-I Siyaset, Türk Tarih Kurumu Basımevi (Три стиля политики, Типография Турецкого исторического общества) [Three Styles-I Politics, Turkish Historical Society]. Ankara, 1976 [In Turkish].

10. Akçura Y. Yeni Türk Devletinin Öncüleri: 1928 yılı yazıları (Пионеры нового турецкого государства: сочинения 1928 г.) [Pioneers of the New Turkish State: Writings of 1928]. Ankara: Kültür Bakanlığı, 1981 [In Turkish].
11. Akilli E., Çelenk B. TİKA's Soft Power: Nation Branding in Turkish Foreign Policy // Insight Turkey. 2019. Vol. 21. No. 3. <https://doi.org/10.25253/99.2018EV.05>.
12. Balci B. Fethullah Gülen's Missionary Schools in Central Asia and their Role in the Spreading of Turkism and Islam // Religion, State & Society. 2003. No. 31(2). P. 151–177.
13. Biró D. The Turan Army. Opportunities for a new military cooperation led by Turkey. Nuova Antologia Militare // Gruppo Editoriale Tab. 2021. № 8(2). P. 333–359. <https://doi.org/10.36158/978889295289811>.
14. Çelik M. Flexibility and Advantages of Turkish Maarif Foundation in Global Education Market due to its Hybrid Structure // Adam Akademi Sosyal Bilimler Dergisi. 2023. No. 13(1). P. 127–150.
15. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu (Стратегическая глубина: международное положение Турции) [Strategic Depth: Turkey's International Position]. Ankara: Küre Yayınları, 2001. 584 s. [In Turkish].
16. Demir C. The Organization of Turkic States: Implications for the Regional Balance of Power // Güvenlik Stratejileri Dergisi. 2022. 39–71. <https://doi.org/10.17752/guvenlikstrjt.1104776>.
17. Djalili M–R. Iran and the Caucasus: Maintaining Some Pragmatism // Connections: The Quarterly Journal. 2002. No. 3. P. 49–58.
18. Durdular E. Parliamentary Assembly of Turkic-Speaking Countries (TurkPA): Beyond Parliamentary Diplomacy // Perceptions. 2017. Vol. XXII. No 1. P. 115–142.
19. Fidan H. Turkish Foreign Policy at the Turn of the ‘Century of Türkiye’: Challenges, Vision, Objectives, and Transformation // Insight Turkey. 2023. Vol. 25. No. 3. P. 11–25.
20. Fidan H., Nurdun R. Turkey's Role in the Global Development Assistance Community: the Case of TİKA (Turkish International Cooperation and Development Agency) // Journal of Southern Europe and the Balkans. 2008. Vol. 10. No. 1. P. 93–111.
21. Gökalp Z. Türkçülüğün Esasları (Основы тюркизма) [Fundamentals of Turkism]. Istanbul: Varlık Yayınevi, 1968 [In Turkish].
22. Landau M. Jacob, Pan-Turkism in Turkey: A Study of Irredentism. London: C. Hurts & Company, 1981.
23. Minasyan N. Turkish Initiatives in the Direction of Turkic Integration: Prerequisites and Tendencies // Contemporary Eurasia: International Journal of Eurasian Geopolitics. 2022. Vol. XI. No. 2. P. 22–39. <https://doi.org/10.52837/2579-2970-2022.11.2-22>.
24. Outzen R. Security and Military Cooperation Among the Turkic States in the 2020s. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2023. P. 1–10.
25. Özkan G., Demirtepe M.T. Transformation of a Development Aid Agency: TİKA in a Changing Domestic and International Setting // Turkish Studies. 2012. No. 13(4). P. 647–664. <https://doi.org/10.1080/14683849.2012.746442>.
26. Şahin M.M. Activities of the presidency for Turks Abroad and Related Communities within the scope of Turkish language teaching // Turkophone. 2022. No. 9(3). P. 97–110. <https://dx.doi.org/10.55246/turkophone.1130650>.
27. Türk İşbirliği ve Kalkınma Ajansı Faaliyet Raporu (Годовой отчет Турецкого агентства по сотрудничеству и развитию) [Turkish Cooperation and Development Agency. Activity report]. Ankara: TİKA Yayınları, 2024 [In Turkish].
28. Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı 2024–2028 Stratejik Planı (Стратегический план Турецкого агентства по сотрудничеству и координации на 2024–2028 гг.) [Turkish Cooperation and Development Agency. Activity report]. Ankara: TİKA Yayınları, 2024 [In Turkish].
29. Uzer U. An Intellectual History of Turkish Nationalism: Between Turkish Ethnicity and Islamic Nationalism. Salt Lake City: The University of Utah Press, 2016.
30. Zarifian J. Iran and Its Two Neighbours Armenia and Azerbaijan: Resuming Relationship Under America's Suspicious Eyes // Iran and the Caucasus. 2009. No. 13. P. 383–400. <http://doi.org/10.1163/157338410X12625876281541>.

Информация об авторе

МИНАСЯН Нелли Арташесовна. Кандидат исторических наук. Доцент. Научный сотрудник отдела стратегических исследований отношений сопредельных с Арменией государств и стран ближнего зарубежья Института арменоведческих исследований ЕГУ. <https://orcid.org/0000-0002-1372-111X>. Адрес: Республика Армения, 0025, г. Ереван, ул. Алека Манукяна, 1. n.minasyan@ysu.am

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12 ноября 2024 г. Одобрена после рецензирования: 25 января 2025 г. Принята к публикации: 30 января 2025 г. Опубликовано: 5 марта 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Avatkov V. Turkey and Azerbaijan: One Nation – One State? *Mirovaya-Jekonomika-i-Mezhdunarodnye-Otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2022; 66(2):90–100 [In Russian]. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-90-100>.
2. Avatkov V., Badranov A. “Soft power” of Turkey in the domestic policy of Russia. *Pravo-i-Upravlenie. XXI Vek* [Law and Management. XXI century]. 2013; 2(27):5–10 [In Russian].
3. Alieva A.I. The specifics of the modern approaches of the Turkish Republic to providing assistance to foreign countries. *Vestnik Moskovskogo-Universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye-Otnosheniya-i-Mirovaya-Politika* [Bullitin of Moscow. University. Ser. 25: International Relations and World Politics]. 2017; 1:56–92 [In Russian].
4. Gadzhiev K.S. Relations of Iran and Turkey with the States of the South Caucasus. *Rossiya i Novye Gosudarstva Evrasii* [Russia and the New States of Eurasia]. 2020; 2:94–106 [In Russian].
5. Grozin A. Turkey's Politics in the Post-Soviet Asia: Approaches, Institutions, Prospects. *Post-Sovetskiy-Materik* [Post-Soviet Continent]. 2021; 2(30):25–48 [In Russian]. https://doi.org/10.12345/2311-6412_2021_2_25.
6. Enokyan V.A. The Importance of “Soft Power” in Turkey's Foreign Policy in 2002–2022. *Vestnik RUDN. Seriya Mezhdunarodnye Otnosheniya* [RUDN Bulletin. Series: International Relations]. 2023; 23(4):609–619 [In Russian].
7. Nadein-Raevsky V. History of Pan-Turkism and its Modern Supporters. Part 2. New Stage of Pan-Turkist Hopes. *Perspektivy* [Prospects]. *Electronic Journal*. 2022; 2:94–108 [In Russian].
8. Urazova E.I. Turkish Cooperation and Development Agency (TIKA): New Tasks. Turkey on the Eve and After the Parliamentary and Presidential Elections of 2007. Moscow, 2008:260 [In Russian].
9. Akcura Y. Three Styles-I Politics, Turkish Historical Society. Ankara, 1976 [In Turkish].
10. Akcura Y. Pioneers of the New Turkish State: Writings of 1928. Ankara: Kültür Bakanlığı [Ministry of Culture], 1981 [In Turkish].
11. Akilli E., Celenk B. TIKA's Soft Power: Nation Branding in Turkish Foreign Policy. *Insight Turkey*. 2019; 21(3) [In English]. <https://doi.org/10.25253/99.2018EV.05>.
12. Balci B. Fethullah Gulen's Missionary Schools in Central Asia and their Role in the Spreading of Turkism and Islam. *Religion, State & Society*. 2003; 31(2):151–177 [In English].
13. Biro D. The Turan Army. Opportunities for a new Military Cooperation Led by Turkey. *Nuova Antologia Militare. Gruppo Editoriale Tab*. 2021; 8(2):333–359 [In English]. <https://doi.org/10.36158/978889295289811>.
14. Celik M. Flexibility and Advantages of Turkish Maarif Foundation in Global Education Market due to its Hybrid Structure. *Adam Akademi Sosyal Bilimler Dergisi* [Adam Academy Journal of Social Sciences]. 2023; 13(1):127–150 [In English].
15. Davutoglu A. Strategic Depth: Turkey's International Position. Ankara: Küre Yayınları [Kure Publications], 2001:584 [In Turkish].
16. Demir C. The Organization of Turkic States: Implications for the Regional Balance of Power. *Güvenlik Stratejileri Dergisi* [Journal of Security Strategies]. 2022:39–71 [In English]. <https://doi.org/10.17752/guvenlikstrjtj.1104776>.

17. Djalili M–R. Iran and the Caucasus: Maintaining Some Pragmatism. *Connections: The Quarterly Journal*. 2002; 3:49–58 [In English].
18. Durdular E. Parliamentary Assembly of Turkic-Speaking Countries (TurkPA): Beyond Parliamentary Diplomacy. *Perceptions*. 2017; XXII(1):115–142 [In English].
19. Fidan H. Turkish Foreign Policy at the Turn of the ‘Century of Türkiye’: Challenges, Vision, Objectives, and Transformation. *Insight Turkey*. 2023; 25(3):11–25 [In English].
20. Fidan H., Nurdun R. Turkey's Role in the Global Development Assistance Community: the Case of TIKA (Turkish International Cooperation and Development Agency). *Journal of Southern Europe and the Balkans*. 2008; 10(1):93–111 [In English].
21. Gokalp Z. Fundamentals of Turkism. Istanbul, Varlık Yayınevi [Varlic Publishing House], 1968 [In Turkish].
22. Landau M- Jacob, Pan-Turkism in Turkey: A Study of Irredentism. London: C. Hurts & Company, 1981 [In English].
23. Minasyan N. Turkish Initiatives in the Direction of Turkic Integration: Prerequisites and Tendencies. *Contemporary Eurasia: International Journal of Eurasian Geopolitics*. 2022; XI(2):22–39 [In English]. <https://doi.org/10.52837/2579-2970-2022.11.2-22>.
24. Outzen R. Security and Military Cooperation among the Turkic States in the 2020s. *Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program*, 2023:1–10 [In English].
25. Ozkan G., Demirtepe M.T. Transformation of a Development Aid Agency: TIKA in a Changing Domestic and International Setting. *Turkish Studies*. 2012; 13(4):647–664 [In English]. <https://doi.org/10.1080/14683849.2012.746442>.
26. Sahin M.M. Activities of the Presidency for Turks Abroad and Related Communities within the Scope of Turkish language Teaching. *Turkophone*. 2022; 9(3):97–110 [In English]. <https://dx.doi.org/10.55246/turkophone.1130650>.
27. Turkish Cooperation and Development Agency. Activity report. Ankara: TİKA Yayınları [TIKA Publications], 2024 [In Turkish].
28. Turkish Cooperation and Development Agency 2024–2028 Strategik Plan. Ankara: TİKA Yayınları [TIKA Publications], 2024 [In Turkish].
29. Uzer U. An Intellectual History of Turkish Nationalism: Between Turkish Ethnicity and Islamic Nationalism. Salt Lake City: The University of Utah Press, 2016 [In English].
30. Zarifian J. Iran and Its Two Neighbours Armenia and Azerbaijan: Resuming Relationship Under America's Suspicious Eyes. *Iran and the Caucasus*. 2009; 13:383–400 [In English]. <http://doi.org/10.1163/157338410X12625876281541>.

About the authors

Nelli A. MINASYAN. CandSc. (Hist.). Associate Professor. Researcher at the Department of Strategic Studies of Relations between neighboring states and Neighboring Countries of the Institute of Armenian Studies of YSU. <https://orcid.org/0000-0002-1372-111X>. Address: 1, Alek Manukyan str., Yerevan, 0025, The Republic of Armenia. n.minasyan@ysu.am

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: November 12, 2024. Approved after review: January 25, 2025. Accepted for publication: 30 January 30, 2025. Published: March 5, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Роль водных ресурсов в странах Центральной Азии: на примере Кыргызской Республики

Асел Нурдиновна Нурдинова ✉

Дипломатическая академия имени К.Дикамбаева при МИД
Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызстан
Taggert2503@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-8227-978X>

Аннотация. В статье исследуется ситуация в сфере водных ресурсов в Центрально-Азиатском регионе. Из-за неравномерного распределения и односторонних шагов по использованию водных ресурсов трансграничных водотоков происходит обострение межгосударственных отношений. В статье выявлена степень управления водными ресурсами странами Центральной Азии. На примере Кыргызской Республики рассматриваются усилия по регулированию трансграничных водных рек. Дана оценка способности руководства стран региона бесконфликтно решать водные проблемы друг с другом. Рассмотрены международные водные проекты стран региона для ослабления напряженности. Выделен ряд особенностей водной политики стран Центральной Азии, которые не урегулировали проблемные вопросы после распада Советского Союза. В статье выявлена роль водных ресурсов для развития стран Центральной Азии.

Статья подготовлена в рамках Программы международной академической мобильности, организованной Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций для молодых ученых зарубежных стран.

Ключевые слова: Центральная Азия, водные ресурсы, международное сотрудничество, климатические условия, гидроресурсы Кыргызской Республики, конфликт, водная политика Кыргызской Республики, ГЭС

Для цитирования: Нурдинова А.Н. Роль водных ресурсов в странах Центральной Азии: на примере Кыргызской Республики // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 1(15). С. 82-97, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-82-97](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-82-97)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-82-97](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-82-97)

Political Sciences

The Importance of Water Resources in Central Asian Countries: Case Study of the Kyrgyz Republic

Asel N. Nurdinova ✉

Diplomatic Academy named after K.Dikambaev of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan
Taggert2503@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-8227-978X>

Abstract. The article examines the situation in the field of water resources in the Central Asian region. Due to the uneven distribution of water resources and unilateral steps taken by some countries to use them from transboundary watercourses, interstate relations have been exacerbated. The article reveals the level of water resource management by the Central Asian states. Using the example of the Kyrgyz Republic, efforts to regulate transboundary water resources are considered. An assessment is being made of the ability of state governments in the region to resolve water issues without conflict. International water projects in the states of the region are considered to ease tensions. A number of features of the water policy in Central Asian countries which have not been resolved as problematic issues since the collapse of the Soviet Union are highlighted. The article reveals the importance of water resources for development of the Central Asian states.

The article was prepared within the framework of the International Academic Mobility Program organized by the National Research Institute for the Communication Development for young scientists from foreign countries.

Keywords: Central Asia, water resources, international cooperation, climatic conditions, water resources of the Kyrgyz Republic, conflict, water policy of the Kyrgyz Republic, hydroelectric power stations

For citation: Nurdinova A.N. The Importance of Water Resources in Central Asian Countries: Case Study of the Kyrgyz Republic. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025. № 1(15). P. 82-97, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-82-97](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-82-97)

Введение

Вопросы изменения климатических условий и экологические проблемы мира являются объектом научных исследований не первый десяток лет. При этом активное практическое изучение данной области с точки зрения разных стран показал высокий уровень интереса мирового сообщества и прогнозный потенциал для дальнейшего анализа в более высокочувствительных регионах мира, в частности в Центральной Азии. Географическое положение региона и уязвимость к климатическим погодным изменениям при нижеследующих причинах косвенно и прямо влияют на национальную и региональную безопасность государств Центральной Азии (ЦА).

Неравномерное распределение и управление водными ресурсами пятью странами Центральной Азии, а также Афганистаном является одной из сложных задач. После распада СССР интересы Афганистана в водной сфере игнорировались, в связи с чем переговоры и подписание соответствующих документов велись без участия представителей Афганистана [5]. В условиях активизации политической деятельности афганского государства считается необходимым рассмотрение ситуации водных ресурсов с учетом расширения субъектов активного водопользования в Центрально-Азиатском регионе.

Изменение климатических условий – один из факторов, обуславливающих актуальность исследования данной темы. Принимая во внимание, что отрасль сельского хозяйства является одним из значимых секторов экономики государств региона с показателями около 20% в ВВП и занятостью от 20 до 50% человеческих ресурсов¹, стоит подчеркнуть его прямую зависимость от проведения политики использования водных ресурсов. При этом, учитывая влияние климата на пахотные земли Центральной Азии, стоит отметить периодические засухи. В этой связи уровень водного стресса на орошаемых площадях определяется как высокий или очень высокий и в обозримом будущем может стать нормой². Значение стоков рек, тепловые волны и изменчивость сроков и количества осадков также влияют на орошаемость земледелия, в частности, значимого в регионе хлопководства и рисоводства. Кроме того, снижение уровня урожайности сельскохозяйственных культур способствует распространению вредителей и болезней. Поскольку изменение климата вносит корректировки в водообеспеченность в регионе, претензии в отношении ресурсов становятся все более напряженными. Поэтому политика экономической модели Центрально-Азиатских стран должна формироваться с учетом изменения климатических условий и его влияния на ситуацию в сфере водных ресурсов.

Дефицит воды и стремление каждой из стран максимально использовать водные ресурсы исключительно в своих интересах приводят к обострению геополитической ситуации в регионе. Политика регулирования ирригационного режима

водных ресурсов уже приводила к разногласиям Центрально-Азиатских стран и напряженностью в регионе. Показателен случай с водораспределительным узлом «Головной», который стал предметом спора и причиной одного из самых крупных столкновений в 2021 г. Для Кыргызстана управление этим объектом – вопрос национального суверенитета, а для Таджикистана – жизненно важный ресурс, от которого зависит водоснабжение сельских районов. В этой связи проблемы с водой и ее нерациональное использование, включая отрицательное изменение климатических условий, могут воздействовать на продовольственную и энергетическую безопасность Центрально-Азиатских государств. В свою очередь, это порождает дестабилизацию региона и может обострить социально-политическую напряженность.

Современная ситуация с водными ресурсами Центральной Азии перешла из разряда экологических вопросов в политическую сферу, затрагивая ряд взаимосвязанных вопросов, и несет социально-экономическую подоплеку.

Данная статья ставит целью выявить особенности ситуации с водной политикой стран Центральной Азии, поскольку вода приобрела ключевое значение для обеспечения безопасности, а также установить влияние водных ресурсов на развитие Кыргызской Республики.

Материалы и методы

Проблематика совместного использования водных ресурсов начала активно изучаться еще в XX в., когда строительство водохранилищ обрело массовый характер. В рамках данного исследования автором были проанализированы работы ученых, внесших вклад в исследование водных ресурсов [1–10; 12–14].

К эмпирической базе исследования относятся: статистические и аналитические материалы, в частности, взятые из Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан³, Национального статистического комитета Кыргызской Республики⁴, Агентства национальной статистики при Президенте Республики Узбекистан⁵, Национального банка Таджикистана⁶. Особую важность представляли данные, собранные в результате анализа международно-правовых документов и национальных законодательств стран региона.

Результаты международных научных дискуссий и круглых столов по проблемам использования водных ресурсов отражены в публикациях российских, центральноазиатских и зарубежных ученых, представленных на страницах журнала «Проблемы постсоветского пространства», «Центральная Азия и Кавказ». Кроме это-

¹ UNECE. Доля сельского хозяйства в ВВП. URL: <https://w3.unece.org/PXWeb/ru/Charts?IndicatorCode=6>.

² Табах А. Рост экономик Центральной Азии: удачно сошлись все звезды. URL: https://raexpert.ru/researches/regions/economic_central_asia_2024/.

³ Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам // РК. URL: <https://stat.gov.kz/ru/>

⁴ Национальный статистический комитет КР. URL: <https://www.stat.gov.kg/ru/>.

⁵ Агентство национальной статистики при Президенте РУз. URL: <https://stat.uz/ru/>.

⁶ Национальный банк РТ. URL: <https://nbt.tj/ru/>.

го, особую важность составляют статистические данные, подготовленные экспертами Евразийского банка развития, Всемирного банка, а также Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН.

В исследовании применялись общенаучные методы, а также методы сравнительного и ретроспективного анализа, в частности, исторический подход и системный анализ.

Результаты исследования

В мире имеется около 263 международных бассейнов, которые пересекают государственные границы между двумя или тремя странами, и 40% народонаселения проживают на территориях водных образований. Согласно заявлению Организации Объединенных Наций, 153 страны пользуются трансграничными водными ресурсами и примерно три миллиарда человек проживают непосредственно в бассейнах рек, в связи с чем вопрос совместного пользования трансграничными водными ресурсами – актуальный для всего человечества⁷.

На протяжении длительного периода времени человечество пытается решить вопрос использования трансграничных водных ресурсов путем дипломатии и международного сотрудничества. Одним из первых шагов по урегулированию режима правовой части водной политики является два международных документа – Конвенция по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 1991 г. и Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 г.⁸ Имея важное политическое значение, данные документы акцентируют внимание на экологических проблемах и носят лишь рекомендательный характер, в незначительной степени затрагивая саму проблему использования гидроресурсов.

Понятие «международный речной бассейн», введенное Хельсинкской ассоциацией международного права и отраженное в Хельсинкских правилах использования вод международных рек от 20 августа 1966 г., является основополагающим термином межнационального соглашения по использованию трансграничных вод. Вторая статья вышеуказанного документа гласит: «это географический район, расположенный в пределах двух или более государств и определяющийся границами водораздела, включая поверхностные и подземные воды, впадающие в общие потоки общего значения»⁹. Продолжение данного правового режима было закреплено в последующих протокольных документах по трансграничным гидроресурсам Лондонского протокола по проблемам воды и здоровья 1999 г. и Киевского протокола 2003 г. о гражданской

⁷ Еще 10 стран присоединятся к Конвенции по трансграничным водам. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/03/1439047>.

⁸ Конвенции и соглашения ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/.

⁹ Хельсинкские правила использования вод международных рек от 20 августа 1966 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900698>.

ответственности и компенсации за ущерб, причиненный трансграничным воздействием промышленных аварий на трансграничные воды. Помимо указанных официальных документов в международном отношении имеется порядка 3 600 соглашений и договоров, что уже является достижением. Однако при более детальном рассмотрении правового режима данной области можно отметить наличие ряда недостатков, в частности, недоработки положений мониторинга, механизмов принуждения и конкретного порядка распределения водных ресурсов, которые учитывали бы вариативность водных потоков и изменение потребностей.

Ни одна из международных конвенций не обязывает верхние страны водных течений согласовывать все свои решения с нижними странами. Более того, международное сообщество не определило единым понятием использование трансграничных водных ресурсов. В этой связи умение правильно и в своих интересах апеллировать знаниями существующих международных документов водной политики в большинстве случаев является важным компонентом успешной политики гидроресурсов.

С учетом вышеизложенного, а также рассматривая международно-правовую ситуацию с водными ресурсами в Центральной Азии, стоит обратить внимание на крайне неравномерное распределение водных объектов между странами региона. 90% водных ресурсов региона сосредоточены в современном Таджикистане и Кыргызстане, где сток главных артерий бассейна Аральского моря формируется реками – Сырдарья (80% в Кыргызстане) и Амударья (83% в Таджикистане). При этом крупнейшими потребителями воды являются Казахстан и Узбекистан. Учитывая различие интересов, масштабы и структуры экономики, страны верхнего и нижнего течения имеют разные взгляды и оценку ситуации с водными ресурсами.

«Водная» ситуация в Центральной Азии на современном этапе

Период Советского Союза в сфере использования и проведения водной политики в регионе Центральной Азии характеризовался как бесконфликтный этап. Союзная система межреспубликанских водных отношений подразумевала сбалансированное экономическое развитие всех пяти государств и максимально взаимовыгодное использование водных артерий. Построенные водохранилища позволяли регулировать использование водных ресурсов, не допуская конфликтных ситуаций между соседями. С распадом Советского Союза страны Центральной Азии столкнулись с необходимостью самостоятельно достигать межгосударственные договоренности в водной политике и встретились с рядом сопутствующих проблем.

Две крупнейшие водные системы густонаселенной Ферганской долины формируются в горах Памира и Тянь-Шаня – Амударья и Сырдарья. В постсоветский период они перешли под контроль к уже независимым государствам региона – Кыргызстану и Таджикистану. Сырдарья берет начало в Кыргызстане и, протекая через Таджикистан, «спускается» в Узбекистан и Казахстан. Амударья из Таджикистана течет в Узбекистан и Туркменистан. При этом в Узбекистане и Казахстане сосредоточена подавляющая часть земель, пригодных для ведения сельского хозяйства, которое

объективно определяет заинтересованность этих стран в эффективном использовании водных резервов региона. В этой связи перед Центрально-Азиатскими государствами предстала задача разработать институциональные механизмы сотрудничества в рамках региона.

Началом переговорного процесса по данной проблематике стало Заявление руководителей водохозяйственных органов республик региона, принятое на совещании в Ташкенте в 1991 г.¹⁰ Документ определил, что «только объединение и совместная координация действий может способствовать эффективному решению водохозяйственных проблем региона в условиях возрастающей экологической напряженности», и положил действенные шаги к последующему международному взаимодействию. Вышеуказанное Заявление затронуло еще одну проблемную сферу – сохранение экологии бассейна Аральского моря, которое является одной из главных болевых точек новообразованных государств региона. Спустя год государства Центральной Азии подписали Соглашение «О сотрудничестве в сфере совместного управления, использования, охраны водных ресурсов межгосударственных источников», тем самым обозначив согласие на общие условия использования гидроресурсов, равные права на эксплуатацию и договорились о создании условий для строгого соблюдения согласованного порядка и правил эксплуатации водных резервов¹¹. Этим же Соглашением был создан единый орган для обеспечения коллегиальности в принятии решений по общим водохозяйственным вопросам – Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия Центральной Азии. Однако неоднократные заявления руководителей государств о создании общей стратегии и формировании экономических механизмов управления гидроресурсами остались без практической реализации. Более того, упоминалось об организации водозащитного консорциума Центральной Азии, учреждение которого осталось лишь на бумаге.

Ныне, несмотря на наличие государственных, международных правовых документов, вопрос о рациональном использовании водных ресурсов стоит остро. Стоит отметить, что, вопреки приверженности стран региона принципам глобализации и региональной интеграции, решения в сфере развития определяются национальными приоритетами продовольственной, экономической, энергетической безопасности, а также надежностью и безопасностью водного хозяйства. В этой связи преобладает приоритет собственных интересов республик региона, что означает раздел единой водной системы, которая не может функционировать на отдельно взятой территории. Поэтому задачу по выработке единой позиции использования водных резервов нельзя рассматривать изолированно от попыток разработать эффективные экономические модели развития каждой из стран.

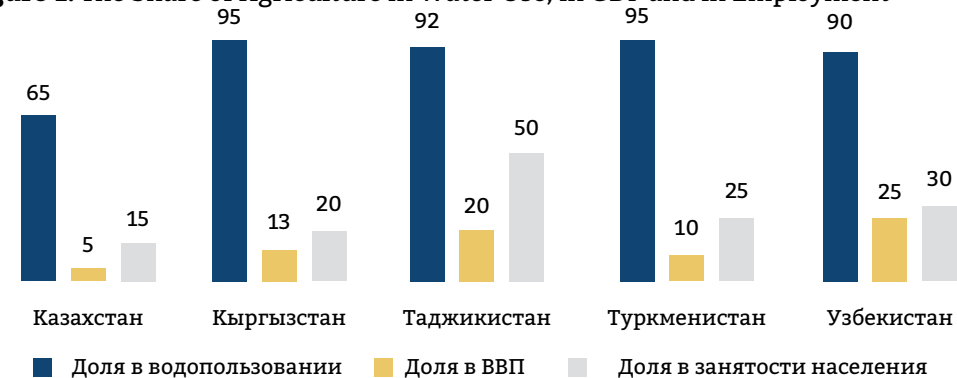
Согласно исследовательской работе Всемирного банка, экономики Центральной Азии не используют свой водный потенциал в полной мере. Учитывая, что доля

сельского хозяйства в ВВП стран в Таджикистане и Узбекистане составляет свыше 15%, а в остальных трех государствах – чуть менее 15%, отмечается низкая продуктивность водных ресурсов и необходимость повышения экономической эффективности ирригации¹².

Как показывают статистические данные, водные ресурсы, имея высокое значение в отрасли сельского хозяйства, влияют на динамику развития экономики государств ЦА (рисунок 1). Водохозяйственная политика стран региона подчинена нуждам сельского хозяйства и обеспечению орошаемости земель поливной водой, в связи с чем 86% используемой воды в регионе расходуется на ирригационные цели.

Рисунок 1. Доля сельского хозяйства в водопользовании, в ВВП и в занятости населения

Figure 1. The Share of Agriculture in Water Use, in GDP and in Employment

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка развития [11]

Source: compiled by the author based on data from the World Development Bank [11]

Национальная политика в сфере продовольственной безопасности региональных стран не способствует эффективному использованию водных ресурсов с учетом их климатических особенностей. Уровень региональной специализации в сельском хозяйстве является одной из причин дальнейшего нарастания дефицита водных ресурсов и конкуренции за воду¹³.

В результате перед угрозой растущего дефицита ресурсов и изменения климата благополучие населения, дальнейший экономический рост и стабильность в регионе будут зависеть от развития и укрепления процессов управления водными ресурсами. Поэтому, принимая во внимание высокую значимость водных ресурсов для стран ЦА на нынешнем этапе, считается целесообразным формировать высокоэффективную экономику, создавая конкурентоспособную продукцию и выделяя финансовые ресурсы для поддержания в надлежащем состоянии гидроэнергетические, водохозяйственные объекты.

¹⁰ Заявление руководителей водохозяйственных органов республик Средней Азии и Казахстана, принятое на совещании, г. Ташкент, 12 октября 1991 г.

¹¹ МКВК Центральной Азии: 30 лет совместной работы. URL: <http://www.icwc-aral.uz/30years/index.htm>.

¹² Central Asia: Towards Water-Secure Sustainable Economies. World Bank Group, 2020.

¹³ Укрепление знаний по устойчивому управлению земельными ресурсами в Центральной Азии. URL: <https://cac-program.org/ru/news/detail/361/>.

Гидроэнергетический потенциал региона: энергетический рынок

В свете продвигаемой климатической повестки гидроэнергетический ресурс является составным элементом экономики государств. Более того, сфера гидроэнергетики значимее в силу его рациональности использования, нежели аналоги солнечной или ветряной энергетики.

Энергетический сектор в широком смысле, включая все виды энергоресурсов, выступает крупным потребителем водных ресурсов. Данный сектор экономики играет особую роль в Центральной Азии, и его развитие имеет большое значение для управления водными запасами в регионе и в сфере сельского хозяйства.

Гидрографическая сеть Центральной Азии – это крайне неравномерное распределение ее водных запасов. Водно-энергетический комплекс региона обладает крупнейшим энергетическим потенциалом, достигающим, по экспертным оценкам, 5,5% эффективного экономического гидропотенциала мира. По показателю годовой гидроэнергетической возможности особо отличаются Кыргызстан и Таджикистан в силу наличия больших водных запасов.

В период Советского Союза для оптимального использования водно-энергетических ресурсов, а также для повышения надежности энергоснабжения и ирригационного водообеспечения существовала объединенная энергосистема Центральной Азии, которая охватывала все пять государств. Логика ее строительства была такова: большая часть электроэнергии, вырабатываемой в бассейне рек Сырдарья и Амударья в летний период каскадами ГЭС передавалась Кыргызстаном и Таджикистаном соседним республикам, при этом взамен из союзного резерва получали материально-технические ресурсы в виде природного газа, угля и мазута для работы тепловых электростанций. С образованием независимых государств Центральной Азии централизованное обеспечение материально-техническими и финансовыми ресурсами водохозяйственной и энергетической хозяйственности прекратилось. В этой связи нависшая угроза потери управляемости водно-энергетическим комплексом потребовала принятия решений по выходу из кризисной ситуации [11].

В настоящее время, учитывая роль энергетического сектора в политике государств и жизнь народонаселения, внимание к данной сфере уделяется все больше. По оценкам ЕАБР, Центральная Азия является одним из немногих регионов мира, где гидроэнергетический потенциал освоен менее чем на 25%. В настоящее время в регионе действует более 80 гидроэлектростанций, суммарная установленная мощность которых около 14 000 МВт. В период до 2035 г. планируется увеличить мощность гидроэлектростанций в регионе на 8 900 МВт за счет модернизации существующих и строительства новых ГЭС¹⁴.

Нижеприведенная таблица предлагает к рассмотрению основные ГЭС региона ЦА.

14 Николай Подгузов: до 2035 года мощность гидроэлектростанций в Центральной Азии вырастет на 8 900 МВт. URL: <https://eabr.org/press/releases/nikolay-podguzov-do-2035-goda-moshchnost-gidroelektrostantsiy-v-tsentralnoy-azii-vyrastet-na-8900-mv/>.

Таблица. Каскады ГЭС стран Центральной Азии
Table. Cascades of Hydroelectric power plants in Central Asian countries

Казахстан							
Валовый теоретический гидроэнергoпотенциал (Gross theoretical capability)			170 ТВт ч/год				
Общий технический гидроэнергoпотенциал (Technically exploitable capability)			62 ТВт ч/год				
Экономический гидроэнергoпотенциал (Economically exploitable capability)			29 ТВт ч/год				
Бухтарминское водохранилище 675 МВт	Иртышский каскад ГЭС 1 708,2 МВт	Усть-Каменогорская ГЭС 331, МВт	Шульбинская ГЭС 702 МВт				
Кыргызстан							
Валовый теоретический гидроэнергoпотенциал (Gross theoretical capability)			163 ТВт ч/год				
Общий технический гидроэнергoпотенциал (Technically exploitable capability)			99 ТВт ч/год				
Экономический гидроэнергoпотенциал (Economically exploitable capability)			55 ТВт ч/год				
Нижнеарын- ский каскад ГЭС 2 870 МВт	Токтогульская ГЭС 1 200 МВт	Курпскайская ГЭС 800 МВт	Ташкумыр- ская ГЭС 450 МВт	Шамалдысайская ГЭС 240 МВт	Учкурган- ская ГЭС 180 МВт		
Таджикистан							
Валовый теоретический гидроэнергoпотенциал (Gross theoretical capability)			527 ТВт ч/год				
Общий технический гидроэнергoпотенциал (Technically exploitable capability)			264 ТВт ч/год				
Экономический гидроэнергoпотенциал (Economically exploitable capability)			264 ТВт ч/год				
Вахшский каскад ГЭС 4 744,05 МВт	Нурекская ГЭС 2 700 МВт	Байпазин- ская ГЭС 600 МВт	Сангту- динская ГЭС-1 670 МВт	Сангтудин- ская ГЭС-2 220 МВт	Перепад- ная ГЭС 29,95 МВт	Головная ГЭС 269 МВт	Рогунская ГЭС Проектная мощность 3 600 МВт

Узбекистан			
Валовый теоретический гидроэнергopotенциал (Gross theoretical capability)		88 ТВт ч/год	
Общий технический гидроэнергopotенциал (Technically exploitable capability)		27 ТВт ч/год	
Экономический гидроэнергopotенциал (Economically exploitable capability)		15 ТВт ч/год	
Каскад Урта-Чирчик- ских ГЭС 905,5 МВт	Чарвакская ГЭС 620,5 МВт	Ходжикентская ГЭС 165 МВт	Газалекнтская ГЭС 120 МВт
Туркменистан			
Гиндукушская (Мургабская) ГЭС 1,2 МВт			

Источник: составлено автором на основе анализа данных сайта «Мировая энергетика»¹⁵
Source: compiled by the author based on the analysis of data from the “World Energy” website¹⁵

В настоящее время мощность электростанций энергосистемы Центральной Азии составляет примерно 24 000 МВт с крупнейшими станциями в системе – Нурекская ГЭС (2 700 МВт) в Таджикистане и Токтогульская (1 200 МВт) в Кыргызстане. При этом основной гидропотенциал в этих странах идет на внутреннее потребление и является важным источником экспортных доходов.

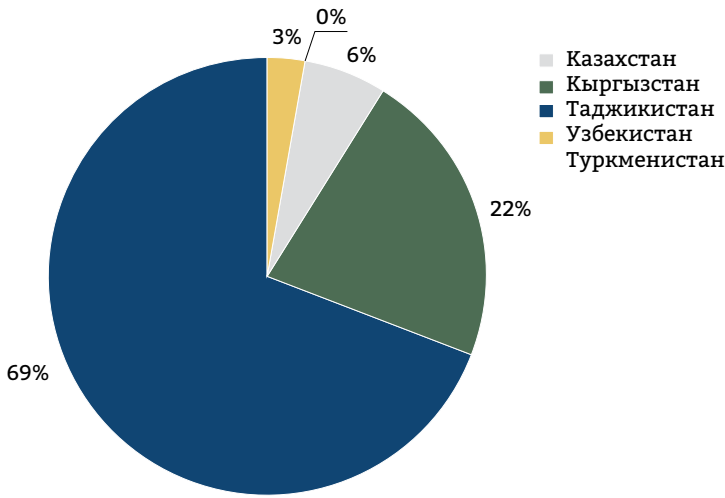
Соответственно, учитывая важность энергетического рынка в современном мире, страны Центральной Азии стремятся внести свой вклад в данный сектор. Большая доля в энергосекторе принадлежит Таджикистану (69%), который амбициозно наращивает свой водно-энергетический потенциал (рисунок 2). Одним из приоритетных проектов является строительство Рогунской ГЭС, которая должна стать самой крупной в регионе с мощностью в 3 600 МВт и самой высокой плотинной в мире.

Вторая по величине доля в энергетическом рынке принадлежит Кыргызстану – 22%. При этом страна также имеет приоритетный проект – строительство Камбаратинской ГЭС-1 с мощностью в 1 860 МВт. В ее возведении заинтересованы два соседних государства – Узбекистан и Казахстан, между которыми в 2023 г. был подписан План совместной работы. Министр энергетики Кыргызстана отмечал, что строительные работы начнутся в 2025 г.¹⁶

Гидроэнергетика становится одним из основных источников роста производства электроэнергии и способствует обеспечению энергетической безопасности и поступлению экспортных доходов. Однако реализация строительных проектов ГЭС,

¹⁵ Мировая энергетика. URL: <https://www.eeseaec.org/svedenia-o-sajte-i-avtorah-publikacij>.
¹⁶ В Бишкеке состоялся круглый стол по выбору типа плотины для Камбаратинской ГЭС-1 // Официальный сайт Министерства энергии КР. URL: <https://minenergo.gov.kg/ru/news/617>.

Рисунок 2. Доля ГЭС ЦА в энергетическом рынке
Figure 2. Share of Central Asian Hydroelectric power plants in the Energy Market

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка развития [11]
Source: compiled by the author based on data from the World Development Bank [11]

направленных на приоритетную эксплуатацию энергетического потенциала рек Амударья и Сырдарья, вызывают некоторые опасения в странах, расположенных в нижней части течения.

Выводы

Таким образом, регион Центральной Азии – один из самых обеспеченных энергоресурсами территорий в мире. Большая часть этого потенциала приходится на Таджикистан, однако его освоение находится на низком уровне. В сфере энергетического рынка основным источником у Кыргызстана и Таджикистана является гидроресурс. Казахстан, являясь завершающим звеном в цепи гидроэнергетических систем, ежегодно сталкивается с затоплением, нехваткой питьевой воды и засолением устьев рек, что сопровождается возникновением ряда социальных и экономических проблем. В целом гидроэнергетический потенциал используется не более чем на 10%. Анализ данного потенциала требует повышенного внимания и коллективного решения проблемы для усиления драйвера развития гидроэнергетики.

После распада СССР распределение водных ресурсов сыграло большую роль в межгосударственных отношениях. Во время Советского Союза для регулирования водных вопросов была создана Единая объединенная энергосистема Центральной Азии с Координационно-диспетчерским центром в Ташкенте. В период «парада суверенитетов»

страны организовали систему работы путем достигнутого «Соглашения о параллельной работе энергетических систем Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Туркменистана и Республики Узбекистан» с учреждением предприятия «Объединенное диспетчерское управление энергосистемами Средней Азии» с его финансированием на долевой основе участниками Соглашения¹⁷. Фактически в ответственность данной структуры, называемой «Сырдарья» (в честь одной из главных водных артерий региона, соединяющих Узбекистан, Таджикистан и Казахстан), были переданы все сооружения, находящиеся по реке с головным офисом в Ташкенте.

Самостоятельное межгосударственное регулирование водных ресурсов начало проводиться с обретением независимости и подписанием в 1992 г. Алма-Атинского соглашения.

Кыргызстан, находясь в верховьях трансграничных рек и не имея других существенных природных богатств, вынужден обеспечивать деятельность народного хозяйства за счет гидроэнергетики. В этой связи накопление воды в летний сезон и использование ее в зимний период являются основой водной политики страны. Это ведет к водным дисбалансам с точки зрения стран, которые расположены ниже по течению трансграничных рек.

В последние годы Кыргызстан усилил внимание к водной проблематике, рассматривая различные варианты решения данного вопроса. Среди основных мер: достижение договоренностей с соседними государствами и реализация совместных гидроэнергетических объектов. Однако на достигнутые решение и продвижение в этом направлении большую роль будет играть уровень дефицита водных ресурсов. В последнее десятилетие он значительно усилился, что вносит коррективы в политику центральноазиатских государств.

Список литературы

1. Аюпов А.Н. Гидроэнергетический потенциал Центральной Азии в контексте евразийской интеграции [Hydropower Potential of Central Asia in the Context of Eurasian Integration] // Россия и новые государства Евразии. 2016. № 3(32). С. 89–98.
2. Бактыбекова Т. Конфликты в Центральной Азии при использовании водных ресурсов [Conflicts in Central Asia over the Use of Water Resources] // Реформа. 2018. № 2(78). С. 56–63.
3. Байбориев А.Ж., Исраилова А.А., Кадыркулов А.К. К вопросу конфликтного потенциала водных ресурсов Кыргызской Республики [On the Issue of the Conflict Potential of Water Resources of the Kyrgyz Republic] // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10. № 4. С. 446-451. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/101/52>.
4. Доскожаева А.К., Харланов А.С. Ресурсы водной экономики как геополитический актив стран ЕАЭС в формировании суверенных стратегий развития [Water Economy Resources as a Geopolitical Asset of the EAEU Countries and the Formation of Sovereign Development Strategies] // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 4(10). С. 69–81. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3\(9\)-23-3-4\(10\)-69-81](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3(9)-23-3-4(10)-69-81).
5. Жильцов С.С. Проблема дефицита водных ресурсов в Центральной Азии: фактор Афганистана [The Problem of Water Scarcity in Central Asia: the Factor of Afghanistan] // Проблемы постсоветского пространства. 2023. № 10(2). С. 110–119. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-2-110-119>.

¹⁷ Энергетический рынок Центральной Азии: кто есть кто? URL: <https://asiaplustj.info/news/tajikistan/economic/20210116/elektroenergeticheskii-rinok-tsentralnoi-azii-kto-est-kto>.

6. Жильцов С.С., Бименова А. Политика стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов трансграничных рек [Politics of Central Asia: Water and Energy Aspects] // Центральная Азия и Кавказ. 2015. Т. 18. № 1. С. 90–100.
7. Лагутин Е.И. Водные ресурсы Центральной Азии на современном этапе (проблемы и перспективы) [Water Resources of Central Asia at the Present Stage (Problems and Prospects)] // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2019. № 4. С. 230–232.
8. Муталиева Л.М., Байтенова Л.М. Тенденции развития водно-энергетической системы стран Центральной Азии [Tendencies of Development of Water and Energy Systems in Central Asia] // Новости науки Казахстана. 2015. № 1(123). С. 34–51.
9. Первых К.В. Общие водные ресурсы в Центральной Азии: к постановке проблемы [Shared Water Resources in Central Asia: Setting a Problem] // Международные отношения и региональные процессы: Материалы III Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Омск, 2024. С. 208–212.
10. Рахмонов А.С., Пардаев С.А. Современные угрозы безопасности Республики Таджикистан и Центральной Азии и использования водно-энергетического потенциала – важный фактор укрепления суверенитета и устойчивости развития региона [Modern Threats to the Security of the Republic of Tajikistan and Central Asia and the Use of Water and Energy Potential are an Important Factor in Strengthening the Sovereignty and Sustainable Development of the Region] // Приоритетные направления устойчивого социально-экономического развития государств в условиях усиления внешних рисков: Сборник материалов международно-научной конференции. Киров, 2022. С. 180–185.
11. Регулирование водно-энергетического комплекса Центральной Азии. Доклады и рабочие документы [Regulation of the Water and Energy Complex of Central Asia. Reports and Working Papers] // Евразийский Банк Развития. 2022. URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/regulirovanie-vodno-energeticheskogo-kompleksa-tsentralnoi-azii-/>.
12. Сидоров О. Водные ресурсы Центральной Азии как источник региональных конфликтов [Water Resources of Central Asia as a Source of Regional Conflicts] // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 5. С. 183–190.
13. Сидорова Л. Государства Центральной Азии: проблемы совместного использования трансграничных водных ресурсов [Problems of the Joint Use of Transboundary Water Resources in Central Asia] // Центральная Азия и Кавказ. Водно-энергетическая политика. 2008. № 1(55). С. 92–104.
14. Юсупова Д., Пеньковцев Р.В. Водный конфликт в Центральной Азии [Water Conflict in Central Asia] // Университет управления «ТИСБИ». 2021. С. 326–332.

Информация об авторе

НУРДИНОВА Асел Нурдиновна. Докторант философии PhD по международным отношениям. Дипломатическая академия имени К.Дикамбаева при МИД Кыргызской Республики. Главный специалист управления международного военного сотрудничества Министерства обороны Кыргызской Республики. <https://orcid.org/0009-0006-8227-978X>. Адрес: Кыргызская Республика, 720047, г. Бишкек, ул. Эркиндик, 36. Taggert2503@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14 ноября 2024 г. Одобрена после рецензирования: 15 января 2025 г. Принята к публикации: 25 января 2025 г. Опубликовано: 5 марта 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Ayupov A.N. Hydropower Potential of Central Asia in the Context of Eurasian Integration. Rossiya i Novye Gosudarstva Evrazii [Russia and New States of Eurasia]. 2016; 3(32): 89–98 [In Russian].
2. Baktybekova T. Conflicts in Central Asia over the Use of Water Resources. Reforma [Reform]. 2018; 2(78):56–63 [In Russian].
3. Baiboriev A.Zh., Israilova A.A., Kadyrkulov A.K. On the Issue of the Conflict Potential of Water Resources of the Kyrgyz Republic. Byulleten' nauki i praktiki [Bulletin of Science and Practice]. 2024; 10(4):446–451 [In Russian]. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/101/52>.
4. Doskozhaeva A.K., Kharlanov A.S. Water Economy Resources as a Geopolitical Asset of the EAEU Countries and the Formation of Sovereign Development Strategies. Rossiya i Mir: nauchnyj dialog [Russia & World: Scientific Dialogue]. 2023; 4(10):69–81 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3\(9\)-23-3-4\(10\)-69-81](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3(9)-23-3-4(10)-69-81).
5. Zhiltsov S.S. The Problem of Water Scarcity in Central Asia: the Factor of Afghanistan. Problemy Postsovetского Prostranstva [Problems of the Post-Soviet Space]. 2023; 10(2):110–119 [In Russian]. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-2-110-119>.
6. Zhiltsov S.S., Bimenova A. Politics of Central Asia: Water and Energy Aspects. Central'naya Aziya i Kavkaz [Central Asia and the Caucasus]. 2015; 18(1):90–100 [In Russian].
7. Lagutin E.I. Water Resources of Central Asia at the Present Stage (Problems and Prospects) // Nauka, novye tekhnologii i innovacii Kyrgyzstana [Science, New Technologies and Innovations in Kyrgyzstan]. 2019; 4:230–232 [In Russian].
8. Mutaliev L.M., Baitenova L.M. Tendencies of Development of Water and Energy Systems in Central Asia. Novosti nauki Kazakhstana [News of Kazakhstan Science]. 2015; 1(123):34–51 [In Russian].
9. Pervykh K.V. Shared Water Resources in Central Asia: Setting a Problem. International Relations and Regional Processes: Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Omsk, 2024:208–212 [In Russian].
10. Rakhmonov A.S. Pardaev S.A. Modern Threats to the Security of the Republic of Tajikistan and Central Asia and the Use of Water and Energy Potential are an Important Factor in Strengthening the Sovereignty and Sustainable Development of the Region. Priority Areas of Sustainable Socio-Economic Development of States in the Context of Increasing External Risks: Proceedings of the International Scientific Conference. Kirov, 2022:180–185 [In Russian].
11. Regulation of the Water and Energy Complex of Central Asia. Reports and Working Papers. Eurasian Development Bank. 2022. Available from: <https://eabr.org/analytics/special-reports/regulirovanie-vodno-energeticheskogo-kompleksa-tsentralnoy-azii/>.
12. Sidorov O. Water Resources of Central Asia as a Source of Regional Conflicts. Central'naya Aziya i Kavkaz [Central Asia and the Caucasus]. 2003; 5:183–190 [In Russian].
13. Sidorova L. Problems of the Joint use of Transboundary Water Resources in Central Asia. Central'naya Aziya i Kavkaz. Vodno-energeticheskaya politika [Central Asia and the Caucasus. Water and energy policy]. 2008; 1(55):92–104 [In Russian].
14. Yusupova D., Penkovtsev R.V. Water conflict in Central Asia. Kazan: Universitet menedzhmenta TISBI [University of Management TISBI]. 2021:326–332 [In Russian].

About the author

Asel N. NURDINOVA. Doctoral Student of Philosophy PhD in International Relations of the Diplomatic Academy named after K.Dikambaev of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic. Chief specialist of the International Military Cooperation Department at the Ministry of Defence of the Kyrgyz Republic. <https://orcid.org/0009-0006-8227-978X>. Address: 36, Erkindik str., Bishkek, 720047, Kyrgyz Republic. Taggert2503@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: November 14, 2024. Approved after review January 15, 2025. Accepted for publication: January 25, 2025. Published: March 5, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-98-113](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-98-113)

Политические науки

Факторы формирования и развития отношений между странами Центральной и Юго-Восточной Азии

Санобар Рузикуловна Толибова✉

Академия наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан
tolibovasanobar2908@gmail.com

Аннотация. В последние годы региональные интеграционные процессы создали ряд возможностей для обеспечения взаимных экономических связей между странами мира. В связи с этим страны Юго-Восточной Азии все чаще рассматриваются как одни из потенциальных партнеров для ускорения интеграционных процессов в Центральной Азии и межрегионального сотрудничества. Цель статьи – показать, что страны Юго-Восточной Азии являются важным вектором диверсификации экономических отношений стран Центральной Азии, и раскрыть основные направления развития их взаимоотношений. На основе сравнительного анализа изучены состояние политических, торгово-экономических и культурно-гуманитарных отношений между странами Центральной и Юго-Восточной Азии, факторы, влияющие на медленное развитие сотрудничества, и возможности его улучшения в будущем. В условиях нестабильной ситуации в мире активное участие стран Центральной Азии в интеграции дает импульс укреплению контактов со странами Юго-Восточной Азии, имеющими исторический опыт в этом отношении. Этот процесс показывает необходимость развития экономических, политических и культурно-гуманитарных связей между странами двух регионов. В заключении обосновываются сходства и различия между этими странами, достижения и недостатки, а также возможности дальнейшего развития отношений.

Статья подготовлена в рамках Программы международной академической мобильности НИИРК.

Ключевые слова: Центральная Азия, страны Юго-Восточной Азии, диверсификация экономики, сотрудничество, возможности развития отношений

Для цитирования: Толибова С.Р. Факторы формирования и развития отношений между странами Центральной и Юго-Восточной Азии // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 1(15). С. 98-113, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-98-113](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-98-113)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-98-113](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-98-113)

Political Sciences

Formation and Development Factors in the of Relations between the Countries of Central and Southeast Asia

Sanobar R. Tolibova✉

Republic of Uzbekistan Academy of Sciences, Tashkent, Uzbekistan
tolibovasanobar2908@gmail.com

Abstract. In recent years, regional integration processes have created a number of opportunities for ensuring mutual economic ties between countries of the world. In this regard, the countries of Southeast Asia are increasingly considered as one of the potential partners for accelerating integration processes in Central Asia and interregional cooperation. The purpose of the article is to show that the countries of Southeast Asia are an important vector for the diversification of economic relations of Central Asia countries, and to reveal the main directions of their interrelation's development. Based on a comparative analysis, the state of political, trade, economic, cultural and humanitarian relations between the countries of Central and Southeast Asia, the factors influencing the slow development of cooperation and the possibilities for its improvement in the future are studied. In the context of the world unstable situation, the active participation of the Central Asian countries in integration gives impetus to strengthening contacts with the countries of Southeast Asia, which have historical experience in this regard. This process shows the need to develop economic, political, cultural and humanitarian ties between the countries of the two regions. In conclusion, the similarities and differences between the countries of these regions, achievements and shortcomings, as well as opportunities for further development of relations are substantiated.

The article was prepared as part of the International Academic Mobility Program at the National Research Institute for Communications Development.

Keywords: Central Asia, Southeast Asian countries, economic diversification, cooperation, relationship development opportunities

For citation: Tolibova S.R. Formation and Development Factors in the of Relations between the Countries of Central and Southeast Asia. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025. № 1(15). P. 98-113, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-98-113](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-98-113)

Введение

В современных международных отношениях XXI в. интеграционный процесс регионов ориентирован не только на улучшение отношений со странами региона, но и на установление связей с другими регионами и государствами мира. В сегодняшний период обострения межгосударственных противоречий перед странами Центральной Азии стоят актуальные вопросы обеспечения взаимного мира и развития, усиления интеграционных процессов между странами региона, диверсификации своих экономических партнеров.

В настоящее время активизация интеграционных процессов в Центрально-Азиатском регионе показывает, что у образующих его государств существует стремление к диверсификации экономических отношений. В этой связи страны Центральной Азии уделяют особое внимание развитию двустороннего и многостороннего сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии, которые всё больше укрепляют свое влияние на мировом рынке. Это создает необходимость выявления сходств и различий между двумя регионами и изучения возможностей развития отношений между ними в будущем.

В момент, когда в мире идет острая борьба и столкновение интересов, необходимо разработать конкретные меры для дальнейшего развития политических и торгово-экономических отношений обоих регионов и укрепления межрегионального сотрудничества. При этом сходство внешнеполитических принципов стран Центральной Азии и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), гармония подходов и взглядов по всем вопросам международных отношений, поддержка открытых, конструктивных отношений, основанных на равноправии, служат развитию взаимного сотрудничества.

Материалы и методы исследования

В процессе анализа факторов, способствующих развитию двустороннего и многостороннего сотрудничества между государствами Центральной и Юго-Восточной Азии, был изучен и проанализирован целый ряд научных источников. В зависимости от исследуемой проблемы их целесообразно разделить на три группы. Первая группа включает исследования центральноазиатских авторов, таких как Г.М.Джураева [3], М.А.Жанабегенова [8], С.С.Сафаев [12], Х.Б.Пайвандов [11], Ж.А.Искакова [9], А.А.Ша-рапов [15] и других, в которых рассматриваются возможности применения «модели АСЕАН» для развития сотрудничества между двумя регионами, а также интеграционных процессов в Центральной Азии. Во второй группе представлены исследования зарубежных авторов, таких как Е.В.Колдунова [1], К.А.Ефремова [4–7; 16], А.А.Байков [2] и других, посвященные анализу роли государств Юго-Восточной Азии на международной арене, особенностям организации АСЕАН и сравнительному анализу процес-

сов межрегиональной интеграции. Третью группу составляют научные работы исследователей Юго-Восточной Азии, посвященные двусторонним и многосторонним отношениям стран Центральной Азии с государствами АСЕАН. В частности, работы авторов, таких как Парадорн Рангсимапорн¹, Юхон Ли, Алексей Асирян² и Билахари Каусикан [10], в которых анализируется возможность интеграции в Центральной Азии и важность изучения «пути АСЕАН» в этом процессе.

Цель статьи – показать, что страны Юго-Восточной Азии являются важным вектором диверсификации экономических партнеров Центральной Азии, и раскрыть основные направления развития взаимоотношений между двумя регионами. В ходе исследования были проанализированы документы Национального архива Узбекистана, отчеты АСЕАН, официальные данные внешнеэкономических министерств стран Центральной Азии, а также заявления официальных лиц зарубежных стран. Автор использовал методы системного анализа, синтеза и сравнительного анализа для подробного раскрытия темы исследования.

Результаты исследования

Интересы Центральной Азии в развитии сотрудничества с регионом Юго-Восточной Азии

В современном мире ни одна страна не может развиваться без установления связей с другими странами. Каждая страна становится членом международных или региональных организаций исходя из своих геополитических и геоэкономических интересов. Поэтому, исходя из своих национальных интересов, страны стараются объединиться в различных интеграционных объединениях для достижения своих целей.

Сегодня в мире существует более 50 экономических объединений. Их формирование связано с длительным историческим периодом. В первые десятилетия после окончания Второй мировой войны большая часть усилий, направленных на региональное сотрудничество развивающихся стран, была связана с попытками защитить региональные рынки и преодолеть ситуацию, вызванную деколонизацией в странах Азии и Африки. Однако в последние годы интеграционный процесс регионов ориентирован не только на улучшение их взаимоотношений внутри региона, но и на установление связей с другими регионами и странами мира. В частности, страны Центральной Азии, получившие независимость в 1991 г., в первые годы стремились к внутрирегиональному сотрудничеству. Этот процесс начался усилиями стран региона: Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, а позднее и Таджикистана. В 2004 г.

¹ Parador N Rangsimaporn. Uzbekistan and Southeast Asia: Exploring the Opportunities for Strengthening Relations. URL: <https://silkroadjournal.online/article/id/1274/>.

² Lee J., Asiryan A., Butler M. Integration of the Central Asian Republics: the ASEAN example. URL: <https://www.e-ir.info/2020/09/17/integration-of-the-central-asian-republics-the-asean-example/>.

участницей этого процесса также стала Российская Федерация. Однако региональное сотрудничество долгое время не реализовывалось по ряду причин.

Необходимость преодолеть конфликт интересов между странами региона способствовала ускорению интеграционных процессов в Центрально-Азиатском регионе. А в последние годы государства региона наряду с сотрудничеством со своими основными торговыми партнерами (Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой, США, Турцией, странами СНГ и Европейского союза) уделяют большое внимание укреплению взаимовыгодных связей с другими развитыми и развивающимися странами Азиатского региона. В этом отношении Центральная Азия все чаще рассматривает страны Юго-Восточной Азии и их региональную организацию – Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии как одного из важных партнеров.

Следует отметить, что сотрудничество стран Центральной и Юго-Восточной Азии уходит корнями в многовековую историю Великого Шелкового пути. Этот долгий исторический процесс продолжается и в современных отношениях.

Основные черты сходства между двумя регионами:

- географическое положение является важным фактором, определяющим приоритетные направления и цели внешней политики. Центральная Азия и Юго-Восточная Азия обладают геостратегическими и геополитическими особенностями, в частности, Центральная Азия является ключевым регионом в Евразии, а Юго-Восточная Азия – в Азиатско-Тихоокеанском регионе;

- оба региона имеют развивающиеся темпы роста экономик. В частности, страны АСЕАН являются одним из крупных экономических центров мира. По состоянию на 2017 год их ВВП составил 2,8 трлн долл. США, а годовой темп роста – 4,7%. Страны Юго-Восточной Азии занимают четвертое место среди регионов-экспортеров (7% мирового экспорта), а 5% мирового импорта поступает в этот регион, который является одним из глобальных центров потребления. ВВП стран Центральной Азии в 2018 г. составил 286 млрд долл. США, а в 2019 г. этот показатель вырос до 1,026 млрд долл. США;

- в системе внешних связей интересы двух регионов совпадают в борьбе с религиозным экстремизмом, терроризмом, организованной преступностью и наркотрафиком;

- в обоих регионах имеются государства с разными экономическими потенциалами и демографическим состоянием;

- Центральная Азия – это многонациональные и многоконфессиональные территории, являющиеся одними из самых древних цивилизационных центров (подобное сходство можно наблюдать и в странах Юго-Восточной Азии);

- существование общих черт в религии, духовном мире, обычаях и традициях народов Центральной и Юго-Восточной Азии способствует развитию взаимовыгодных связей между ними.

Если говорить о различиях между двумя регионами, прежде всего следует отметить, что система управления в странах Юго-Восточной Азии отличается от таковой в странах Центральной Азии. Кроме того, тот факт, что страны Юго-Восточной Азии были колониями различных европейских держав, находит свое отражение в их

современной внешней политике. Центральная Азия же была частью только Российской империи, и на сегодняшний день во внешней политике стран региона можно наблюдать общие черты.

Как отметил известный американский эксперт по Центральной Азии Фредерик Старр, Центральная Азия имеет геополитическое значение для стран Юго-Восточной Азии, поскольку этот регион окружен ядерными державами и является ключевым узлом, связывающим взаимодействие великих держав в международных отношениях. Страны АСЕАН заинтересованы в развитии стабильности в Центральной Азии, что можно достичь через конструктивное сотрудничество, которое поможет сохранить Центральную Азию от экономической зависимости или внешнего гегемонизма. В свою очередь, Центральная Азия рассматривает страны АСЕАН как перспективный рынок для своих товаров и выгодных инвесторов.

Оба региона заинтересованы в том, чтобы избежать влияния крупных государств в своей внешней политике и складывания экономической зависимости от них, стимулировать новые рыночные возможности, а также расширять географию сотрудничества. Сотрудничество между государствами Центральной Азии и государствами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии началось с первых лет независимости и продолжается последовательно. Оба региона активно участвуют в международных отношениях, между ними существует долгосрочная историческая связь. В последние годы встречи руководителей государств двух регионов, межпарламентское сотрудничество, деятельность посольств и обществ дружбы привели к тому, что отношения между странами Центральной Азии и АСЕАН приняли новые формы. Центрально-азиатские страны ведут сотрудничество в экономической, социально-политической и культурно-гуманитарной сферах с ведущими государствами Юго-Восточной Азии, такими как Сингапур, Малайзия и Индонезия.

Страны Центральной Азии имеют свои специфические цели и задачи, которые определяются политическими и экономическими условиями для развития отношений с каждой из стран-членов АСЕАН. Сотрудничество Узбекистана с государствами АСЕАН началось в 1992 г., и на сегодняшний день республика поддерживает двусторонние и многосторонние политические, социально-экономические и культурно-гуманитарные отношения с 10 из 11 стран региона. Стоит особо отметить активность Узбекистана в сотрудничестве с ведущими странами региона, которые являются членами АСЕАН. В частности, по итогам 2019 г. между Узбекистаном и Сингапуром товарооборот составил 181 536,7 млн долл. США, в том числе экспорт составил 34 219,2 млн долл. США, а импорт – 147 317,5 млн долл. США³.

Малайзия также является активным торговым партнером региона среди стран АСЕАН. В 2023 г. товарооборот между Узбекистаном и Малайзией вырос в три раза по сравнению с 2017 г. и достиг 190 млн долл. США. 22 малайзийские компании инвестировали в Узбекистан. Эти компании ведут деятельность в таких сферах, как не-

³ Текущий архив Координационно-методического центра по вопросам новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан. Сборник статистических документов. 2020 г.

фтегазовая («UzMalOil», «Petronas Sarigali Operating Company»), электротехническая («Algoritm-Malayziya»), мебельная («Fayz Mint Plaza»), текстильная («Malika Tielvay», «Zobit», «Fikenteks») и финансово-экономическая («Uzbek Leasing International») отрасли. Несмотря на то, что эти страны являются важными торговыми партнерами Узбекистана в рамках АСЕАН, приведенные данные свидетельствуют о несоответствии между возможностями и потенциалом обеих сторон во внешней торговле.

Во внешней политике Казахстана укрепление и расширение отношений с государствами АСЕАН являются одним из приоритетных направлений. Среди стран Центральной Азии Казахстан активно развивает экономические связи с государствами АСЕАН. Основными товарами экспорта из Казахстана в страны АСЕАН являются: сырая нефть – 2,4 млрд долл. США (с долей 86,6%), ферросплавы – 241,4 млн долл. США (8,6%), необработанный свинец – 56,3 млн долл. США (2%), необработанный цинк – 43,7 млн долл. США (1,6%), горячекатаный плоский прокат из нелегированной стали – 20 млн долл. США (0,72%), асбест – 4 млн долл. США (0,14%), холоднокатаный плоский прокат из нелегированной стали – 1,5 млн долл. США (0,05%) [8]. Экспорт из Казахстана в страны АСЕАН в 2022 г. увеличился на 24,6% и составил 2,8 млрд долл. США. Импорт же в Казахстан из стран АСЕАН в 2022 г. вырос на 55% и составил 1,1 млрд долл. США.

Следует подчеркнуть, что в развитии межгосударственного сотрудничества важную роль играют встречи руководителей государств и работа посольств. В настоящее время Казахстан имеет посольства в семи странах региона (Малайзия, Индонезия, Сингапур, Вьетнам, Камбоджа, Таиланд и Филиппины). Кроме того, развитие внешнеэкономической деятельности закреплено в Концепции внешней политики Казахстана на 2020–2030 гг., где одной из задач внешней политики страны является обеспечение нового уровня «экономизации» внешней политики и дальнейшее укрепление позиций Казахстана в системе мировых хозяйственных связей⁴. Однако, несмотря на богатство природных ресурсов в Центральной Азии и растущий экономический потенциал Казахстана, страна пока не добилась ожидаемых результатов в торгово-экономических отношениях с государствами АСЕАН.

Сотрудничество Кыргызстана с государствами Юго-Восточной Азии началось в 1992 г. Однако в первые годы сотрудничества политическая нестабильность в Кыргызстане ослабила интерес стран АСЕАН к установлению тесных связей. Актуальная задача, стоящая перед правительством Кыргызстана, заключается в восстановлении утраченного доверия. С этой целью с 2010 г. Кыргызстан начал предпринимать попытки оживить двустороннее сотрудничество с Сингапуром [10, с. 121]. Этот процесс особенно активизировался в последние годы. Например, с 23 по 26 июля 2024 г. прошел первый раунд переговоров между Кыргызской Республикой и Республикой Сингапур по вопросу заключения соглашения об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов на доходы. Согласно предваритель-

ным оценкам, соглашение об избежании двойного налогообложения окажет положительное влияние на инвестиционный климат Кыргызстана, что, в свою очередь, будет способствовать стабильному экономическому росту. Инвесторы получают дополнительные гарантии и стимулы для ведения бизнеса в республике, что укрепит позиции Кыргызстана на международной арене⁵.

Следует отметить, что в Юго-Восточной Азии у Кыргызстана есть только посольство в Малайзии. Сотрудничество между Кыргызстаном и Малайзией началось в начале 1990-х гг. В последние годы взаимные отношения двух стран вышли на новый уровень. Например, в 2024 г. новый посол Малайзии в Кыргызстане Ильхам Туа Бин Иллиас в своем интервью отметил, что сотрудничество между двумя странами развивается в области туризма и образования, особенно с акцентом на «халяль-туризм». Он также добавил, что торгово-экономические связи между двумя странами в прошлом году составили 35 млн долл. США⁶. Конечно, эти цифры значительно ниже потенциала и возможностей обеих стран. Однако в последние годы усилия президента Кыргызстана Садыра Жапарова по решению пограничных, водных и энергетических проблем с соседними странами Центральной Азии, а также активизация торгово-экономической и инвестиционной деятельности республики привлекают внимание инвесторов из Юго-Восточной Азии.

В середине 1990-х гг. Республика Таджикистан начала налаживать сотрудничество с государствами Юго-Восточной Азии, такими как Малайзия и Индонезия. Характер развития этих отношений был медленным, что в первую очередь свидетельствует о недостаточной инициативности со стороны таджикского руководства, которое в тот период было больше занято внутреннеполитическими проблемами.

Визит президента Таджикистана Эмомали Рахмона в Сингапур в 2010 г. стал важным импульсом для оживления двусторонних отношений. В 2016 г. во время следующего визита Эмомали Рахмона в Юго-Восточную Азию были подписаны несколько нормативно-правовых документов по различным вопросам. В частности, между Таджикистаном и Индонезией был подписан меморандум о взаимном освобождении от визовых требований для дипломатов и владельцев служебных паспортов, а также соглашение по переподготовке кадров, которое продолжает действовать и в настоящее время.

В последние годы Таджикистан активно работает над стимулированием своих экономических возможностей. В Концепции внешней политики республики указано, что Республика Таджикистан, с целью выхода на быстроразвивающиеся рынки капитала, технологий, сырья и промышленной продукции, заинтересована в укреплении взаимовыгодных отношений со странами Юго-Восточной Азии, включая Таиланд, Индонезию, Малайзию, Вьетнам, Сингапур и другие страны региона, рассматривая это направление как одно из важнейших в своей внешней политике. Достигнутый

⁴ О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-konceptcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody.

⁵ Кыргызстан и Сингапур утвердили проект соглашения об избежании двойного налогообложения доходов. URL: <https://kg24.news/ekonomika/kyrgyzstan-i-singapur-utverdili-proekt-soglasheniya-ob-izbezhanii-dvoynogo-nalogooblozheniya-dohodov.html>.

⁶ Перспективы сотрудничества Кыргызстана и Малайзии – интервью посла. URL: <https://kabar.kg/news/interv-iu-posla-malaizii/>.

уровень двусторонних отношений с этими странами создает благоприятные условия для достижения этой цели⁷. Следует отметить, что Таджикистан ведет сотрудничество с государствами Юго-Восточной Азии, такими как Малайзия, Индонезия, Сингапур, Бруней-Даруссалам и Вьетнам в областях торговли, экономики, а также культурно-гуманитарных сфер. Для Таджикистана Малайзия является важным партнером, однако значительного товарооборота между странами не наблюдается. В частности, общий объем таджикско-малайзийского товарооборота за девять месяцев 2023 г. составил всего 3,7 млн долл. США. Этот показатель полностью отражает импорт из Малайзии в Таджикистан. На данный момент в стадии рассмотрения находится проект 15 нормативно-правовых документов в различных сферах⁸. Кроме того, согласно данным на 2018 г., товарооборот Таджикистана с Бруней-Даруссаламом составил 100 тыс. долл. США, с Вьетнамом – 3 307 тыс. долл. США, с Камбоджей – 25,8 тыс. долл. США, а с Сингапуром – 2 524 тыс. долл. США⁹. В целом у Таджикистана есть важные направления для развития взаимных отношений с государствами региона. Однако страна в основном развивает связи с государствами Юго-Восточной Азии в таких областях, как образование, наука и туризм.

Туркменистан является одним из ключевых игроков на глобальном энергетическом рынке. Рост потребностей стран Юго-Восточной Азии в энергетических ресурсах открывает возможности для улучшения отношений с Туркменистаном в этой сфере, о чем свидетельствует международная конференция «Нефть и газ Туркменистана-2011», которая прошла в Сингапуре. В последние годы отношения Туркменистана с государствами АСЕАН вышли на новый уровень. 7 сентября 2023 г. посол Туркменистана в Малайзии, представитель Туркменистана при АСЕАН М.Машалов принял участие в брифинге по итогам 43-й сессии Ассоциации и сопутствующих сессий. В тот же день состоялась его встреча с Генеральным секретарем АСЕАН доктором Као Ким Хурном, в ходе которой стороны обсудили пути развития отношений между Туркменистаном и АСЕАН, а также обменялись мнениями по перспективам дальнейшего сотрудничества¹⁰. В целом в период правления первого президента Туркменистана Сапармурата Ниязова эта страна долгое время проводила закрытую внешнюю политику. Однако с приходом к власти Гурбангулы Бердымухамедова и нынешнего президента Сердара Бердымухамедова страна постепенно начинает открывать свои двери для сотрудничества. В рамках этого процесса создаются возможности для активного сотрудничества с государствами АСЕАН в энергетической и других сферах.

7 Концепция внешней политики Республики Таджикистан. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/4255/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan>.

8 Отношения Таджикистана с Малайзией. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/20/otnosheniya-tadzhikistana-s-malaiziei>.

9 Отношения со странами Азии и Африки. URL: <https://mfa.tj/ru/main/vneshnyaya-politika/dvustoronnie-otnosheniya/otnosheniya-so-stranami-azii-i-afriki>.

10 Встречи представителя Туркменистана при АСЕАН. URL: <https://mfa.gov.tm/ru/articles/946>.

Важные направления развития взаимоотношений между странами Юго-Восточной и Центральной Азии

Страны Юго-Восточной Азии занимают особое место в мировой политике и экономической системе. В 1967 г. усилиями пяти стран (Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда и Филиппин) была создана региональная межправительственная организация – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). К началу 2000 г. все десять стран региона объединились в рамках этой организации, и к ним применяется термин «страны АСЕАН». Некоторые страны Юго-Восточной Азии [14], такие как Малайзия, Сингапур, Бруней, Таиланд, Филиппины, Индонезия и Вьетнам, укрепляют свое влияние в мировой политике и известны как «азиатские тигры» и «малые драконы». Экономика АСЕАН в 2022 г. достигла номинального объема ВВП в 3,6 трлн долл. США, заняв 5-е место в мире и 3-е место в Азии. В 2022 г. номинальный ВВП на душу населения в АСЕАН составил 5 395 долл. США, что на 37,6% больше, чем в 2015 г.¹¹ Основными экспортерами и импортерами АСЕАН являются Китай, США, ЕС и Япония, однако в последние годы нестабильная и тревожная международная ситуация побуждает страны Юго-Восточной Азии расширять круг своих экономических партнеров.

В начале распада Советского Союза постсоветские страны, в том числе страны Центральной Азии, в своей экономической политике большое значение придавали развитию партнерства с зарубежными странами. В таких условиях, с учетом сохранившихся со времен СССР хозяйственных связей, основным и важнейшим партнером, конечно, была Российская Федерация. В начале 1990-х гг. такие страны Юго-Восточной Азии, как Малайзия, Сингапур и Индонезия, пытались наладить сотрудничество с Центральной Азией и установить связи во всех сферах. Однако этот процесс не был успешно реализован из-за внутренней политической и экономической нестабильности в большинстве стран Центральной Азии.

К середине 1990-х гг. экономическая активность стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) все больше привлекала внимание Центральной Азии. Для того чтобы войти на развивающиеся рынки Азиатско-Тихоокеанского региона и извлечь из этого выгоду, было многократно подчеркнuto, что необходимо укрепить сотрудничество с региональными структурами, такими как АТЭС и АСЕАН. В частности, в июне 1997 г. Министерство иностранных дел Казахстана предложило участвовать в интеграционных процессах Азиатско-Тихоокеанского региона, чтобы «войти на быстро развивающиеся рынки новых технологий и промышленной продукции»¹².

В июне 1992 г. состоялся официальный визит первого Президента Республики Узбекистан И.А.Каримова в Индонезию¹³ и Малайзию¹⁴. По итогам визита с Малайзии

11 ASEAN statistical highlights 2023. URL: <https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2023/10/ASH-2023-v1.pdf>.

12 Fatima Paizullaeva Urazaeva, "The Role of ASEAN in the Foreign Policy of the Republic of Kazakhstan: Results and Prospects for Cooperation," KazNU Bulletin, International Relations and International Law Series 56, no. 6 (2011): 76.

13 Национальный архив Узбекистана. Ф. М-37, оп. 1, д. 1280, л. 25.

14 Там же, л. 43.

ей было подписано 47 межправительственных документов. С этого времени Узбекистан стал уделять особое внимание развитию экономических связей с государствами Юго-Восточной Азии. Однако в 1997–1998 гг., вследствие мирового экономического кризиса, отношения между странами Центральной и Юго-Восточной Азии значительно ослабли. Начиная с 2017 г. страны Юго-Восточной Азии начали проявлять особое внимание к Центральной Азии. Интерес государств АСЕАН к данному региону можно оценить следующим образом.

Во-первых, два региона географически расположены далеко друг от друга и состоят из народов, имеющих разные культуры. Тем не менее все транспортные маршруты, проходящие через территорию Центральной Азии, включая Срединный путь и железную дорогу Китай–Кыргызстан–Узбекистан, простираются до Юго-Восточной Азии, что создает возможности для дальнейшего укрепления связей между двумя регионами. В этом контексте страны АСЕАН заинтересованы в развитии экономических отношений с Центральной Азией. Более того, страны Юго-Восточной Азии могут быть заинтересованы в расширении торговли с Центральной Азией, так как этот регион активно развивает свою инфраструктуру и логистику, например, через инициативу «Один пояс – один путь».

Во-вторых, Центральная Азия сталкивается с влиянием Запада и Китая в контексте кризиса на Украине, в то время как Юго-Восточная Азия борется с последствиями конкурентной борьбы США и Китая, а также обострением ситуации вокруг Тайваня. В таких условиях страны АСЕАН стремятся ускорить процессы экономической интеграции с Центральной Азией, чтобы создать возможности для торговли на едином рынке, а не только с отдельными странами региона.

В-третьих, для стран Юго-Восточной Азии Центральная Азия представляет собой регион, богатый природными ресурсами, однако этот потенциал используется не в полном объеме. Например, такие страны, как Казахстан, Узбекистан и Туркменистан, являются крупными экспортерами углеводородов и других природных ресурсов. В свою очередь, Юго-Восточная Азия испытывает высокий спрос на эти ресурсы для своей индустриализации. В частности, учитывая развитую текстильную промышленность в странах АСЕАН, они заинтересованы в развитии торговых отношений с Узбекистаном по поставкам хлопковой продукции, с Казахстаном – по нефти и металлам, с Туркменистаном – по нефти и газу.

В-четвертых, страны Юго-Восточной Азии могут быть заинтересованы в укреплении культурных и образовательных связей с Центральной Азией. Существуют различные программы обмена студентами, научные сотрудничества и культурные инициативы, способствующие улучшению взаимопонимания и установлению долгосрочных связей. Центральная Азия также интересна как рынок образовательных услуг, и страны Юго-Восточной Азии могут быть привлекательными для студентов из Центральной Азии. Кроме того, такие страны, как Малайзия и Индонезия, стремятся наладить сотрудничество по сохранению и изучению исламской культуры, а также рукописей, имеющих в странах Центральной Азии.

Нужно также отметить, что каждая страна Юго-Восточной Азии проявляет особый интерес к Центральной Азии. Например, Сингапур активно развивает экономическое сотрудничество и помогает в реализации инфраструктурных проектов. Вьетнам и Индонезия также заинтересованы в улучшении торговых и инвестиционных связей, особенно в области энергетики и сельского хозяйства. Таиланд и Малайзия могут стремиться к укреплению связей в области торговли и технологий.

Проблемы и перспективы развития сотрудничества двух регионов

Малайзия и страны Юго-Восточной Азии являются регионами с огромным населением, экономическим потенциалом и богатыми природными ресурсами. Однако результаты исследований показывают, что существует ряд факторов, которые оказали влияние на медленное развитие взаимных отношений между двумя регионами. Эти факторы включают:

- во-первых, расстояние и отсутствие устойчивых транспортных коридоров между странами Центральной Азии и Юго-Восточной Азии, которые создают сложности для развития взаимных экономических отношений;
- во-вторых, экономический кризис, произошедший в странах Юго-Восточной Азии в 1997–1998 гг., который оказал влияние на торговые связи с Центральной Азией, и эта ситуация продолжала сказываться на экономических отношениях в последующие десятилетия;
- в-третьих, проблемы, связанные с недостаточной инициативой со стороны государственных органов и предпринимательских кругов стран Центральной Азии по привлечению прямых иностранных инвестиций, а также существующие барьеры в механизме привлечения иностранных капиталов до 2017 г., которые не способствовали значительному росту торговых отношений между двумя регионами и не позволили добиться крупных цифр во взаимной торговле.

Следует отметить, что в ряде стран Центральной Азии, таких как Узбекистан и Казахстан, существует заметная экономическая активность в отношении Юго-Восточной Азии. Оба государства стремятся развивать сотрудничество с государствами АСЕАН в различных областях. В частности, Президент Республики Узбекистан Ш.Мирзиёев подчеркнул важность активного продвижения экономических отношений с Организацией экономического сотрудничества, Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива, Евразийским экономическим союзом, АСЕАН и другими организациями, а также поиска возможностей для реализации взаимосвязанных инициатив¹⁵.

Кроме того, в ходе 41-й Генеральной Ассамблеи Межпарламентского союза АСЕАН председатель Парламента Казахстана Нурлан Нигматулин заявил, что в условиях сложной геополитической ситуации важно восстановить глобальные цепочки

¹⁵ Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на встрече в формате «ШОС плюс». URL: <https://president.uz/ru/lists/view/7374>.

поставок, обеспечить прозрачность и безопасность транспортных и логистических маршрутов. В связи с этим он отметил актуальность стратегической идеи первого Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева об установлении партнерских отношений по всей Евразии¹⁶. По его мнению, существует большой потенциал для развития сотрудничества с АСЕАН через сеть Евразийского экономического союза, что позволит углубить торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество.

На наш взгляд, в перспективе укрепление взаимного экономического сотрудничества стран Центральной Азии и Юго-Восточной Азии в новых форматах «ШОС+АСЕАН», «ЕАЭС+АСЕАН» и «ЦА+АСЕАН» будет способствовать региональному развитию, экономическому росту и процветанию.

Следует особо подчеркнуть, что процессы, происходящие в настоящее время на международной арене, оказывают влияние на межрегиональные отношения, на проведение взаимовыгодной и прагматичной внешней политики, основанной на доверии, а также на экономические, культурные и гуманитарные связи. В условиях нынешней политической сложности существует несколько ключевых факторов, способствующих активизации отношений между двумя регионами, среди которых следующие:

- во-первых, стремление стран Центральной Азии укреплять отношения с государствами Юго-Восточной Азии и вести многоплановую внешнюю политику, а также диверсифицировать свои экономические партнерства;
- во-вторых, ключевая роль Центральной Азии в инициативе Китая «Один пояс – один путь» привлекла внимание стран Юго-Восточной Азии, так как они стремятся выйти на рынки Центральной Азии и Европы¹⁷;
- в-третьих, модель интеграции Центральной Азии по примеру Ассоциации государств Юго-Восточной Азии признана важным направлением в этом процессе.

Выводы

В целом сотрудничество между странами Центральной и Юго-Восточной Азии является важным вопросом будущего. Сходство принципов внешней политики стран региона, согласованность подходов и взглядов по всем вопросам международных отношений, а также поддержка принципов мира, равенства, открытости и конструктивизма в их отношениях способствуют развитию сотрудничества между Центральной и Юго-Восточной Азией. Для этого целесообразно создать формат «АСЕАН +5» (государства АСЕАН + Центральная Азия) и организовать официальные встречи глав государств Центральной Азии и стран АСЕАН в рамках данного формата. Также следует разработать «Дорожную карту» для развития политического, торгово-экономи-

ческого и инвестиционного сотрудничества, укрепить партнерство в рамках китайской инициативы «Один пояс – один путь», применить богатый опыт Сингапура и Индонезии в диверсификации и модернизации экономики стран Центральной Азии, развивать сельское хозяйство и рыбную промышленность в сотрудничестве с Вьетнамом и Камбоджей, а также развивать пищевую промышленность с Малайзией под брендом «халяль». В свою очередь, целесообразно наладить экспорт сухофруктов и других национальных товаров в страны АСЕАН, что откроет новые возможности для взаимного сотрудничества.

Список источников

1. АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы [ASEAN on the Path to Integration: Achievements, Challenges, Dilemmas]: монография / под ред. В.М.Мазырина и Е.В.Колдуновой. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2023. 608 с.
2. Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии [Comparative Integration. Experience and Patterns of Integration in the United Europe and Asia Pacific]. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2012. 255 с.
3. Джурбаева Г.М. АСЕАН в системе современных международных отношений в АТР [ASEAN in the System of Modern International Relations in the Asia-Pacific Region]: монография. Ташкент: «Navro'z», 2018. 176 с.
4. Ефремова К.А. АСЕАН как потенциальный субъект глобального управления: предпосылки, возможности и перспективы [ASEAN as Potential Subject of Global Governance: Prerequisites, Possibilities and Prospects] // Полис. 2020. № 3. С. 44–55.
5. Ефремова К.А. От регионализма к трансрегионализму: теоретическое осмысление новой реальности [From Regionalism to Transregionalism: Theoretical Understanding of the New Reality] // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 2. С. 58–72.
6. Ефремова К.А. Понятие регионального комплекса: от теории к практике [The concept of a Regional Complex: from Theory to Practice] // Материалы X Юбилейного Южно-российского политологического конвента «Политическая власть в условиях социальной турбулентности: региональные и глобальные аспекты» / отв. ред. Р.А.Пупыкин, К.П.Пилюгина. Ростов-на-Дону–Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2020. С. 61–64.
7. Ефремова К.А. Сравнительный анализ теоретических подходов к определению регионального комплекса [Comparative Analysis of Theoretical Approaches to Defining a Regional Complex] // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 2. С. 5–19.
8. Жанабергенова М.А., Шегирбаев О.А., Азатбек Т.А., Велеско С. Возможности казахстанского экспорта в регионе Юго-Восточной Азии в условиях текущих геополитических потрясений [Kazakhstan's Export Opportunities in the Southeast Asian Region in the Context of Current Geopolitical Turmoil] // Вестник университета «Туран». 2023. № 4. С. 280–292. <https://doi.org/10.46914/1562-2959-2023-1-4-280-292>
9. Исакова Ж.А. АСЕАН в региональных интеграционных процессах [ASEAN in Regional Integration Processes]: дис. ... д-ра наук по профилю: 6D020200 – Международные отношения. Астана, 2019. 135 с.
10. Каусикан Б. Как выжить в противоречивом мире [How to Survive in a Contradictory World]. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2024. 208 с.
11. Пайвандов Х.Б. Хамкориҳои ҷумҳурии Тоҷикистон бо кишварҳои рушдефтаи Осиёи Ҷануби Шарқӣ (Сотрудничество Республики Таджикистан с развитыми странами Юго-Восточной Азии) [Cooperation of the Republic of Tajikistan with Developed Countries of Southeast Asia]. Тожикистан, 2023. 137 с. [In Uzbek].
12. Сафоев С.С. Марказий Осиёдаги геосиёсат (Геополитика Центральной Азии) [Geopolitics in Central Asia]. Т.: Изд-во «Патент Пресс», 2005 [In Uzbek].
13. Страны Индокитая в АСЕАН: ключевые аспекты развития [Indochina Countries in ASEAN: Key Aspects of Development]: коллективная монография / отв. ред. В.М.Мазырин. М.: ИККА РАН, 2024. 308 с.
14. Тўхлиев Н. Осиё тараққийет модели (Азиатская модель развития) [Asia Development Model]. Тошкент, Ўзбекистон, 2015. 4 б [In Uzbek].

¹⁶ Казахстан намерен расширять отношения со странами АСЕАН. URL: https://oz.inform.kz/news/kozogiston-asean-mamlakatlari-bilan-alokalarini-kengaytirish-niyatida_a3692092/.

¹⁷ Paradorng Rangsimaporn. Uzbekistan and Southeast Asia: Exploring the Opportunities for Strengthening Relations. URL: <https://silkroadjournal.online/article/id/1274/>.

15. Шарапов А.А. Интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Хозяйство и право [Integration Processes in the Asian-Pacific Region. Business and Law]. Т., 2020.
16. Efremova K. Normative Power ASEAN? Globalisation of Asian Values and Its Limits // Journal of International Analytics. 2021. Vol. 12. № 2. P. 93–106.
17. Starr S.F. «Why Central Asia Counts», Middle East Insights // National University of Singapore. 2017. No. 175. P. 2–3.

Информация об авторах

ТОЛИБОВА Санобар Рузикуловна. Доктор философии (PhD) в области исторических наук. Старший научный сотрудник Координационно-методического центра по новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан. Адрес: Республика Узбекистан, 100047, г. Ташкент, ул. Яхъё Гулямова, 70. tolibovasanobar2908@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12 ноября 2024 г. Одобрена после рецензирования: 27 января 2025 г. Принята к публикации: 30 января 2025 г. Опубликовано: 5 марта 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. ASEAN on the Path to Integration: Achievements, Challenges, Dilemmas: Monograph ed. by V.M.Mazaryn and E.V.Koltunova. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press» [Aspect Press Publishing House], 2023:608 [In Russian].
2. Baykov A.A. Comparative Integration. Experience and Patterns of Integration in the United Europe and Asia Pacific. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press» [Aspect Press Publishing House], 2012:255 [In Russian].
3. Juraeva G.M. ASEAN in the System of Modern International Relations in the Asia-Pacific Region. Monograph. Tashkent: «Navro'z», 2018:176 [In Russian].
4. Efremova K.A. ASEAN as Potential Subject of Global Governance: Prerequisites, Possibilities and Prospects. Polis [Polis]. 2020; 3:44–55 [In Russian].
5. Efremova K.A. From Regionalism to Transregionalism: Theoretical Understanding of the New Reality. Sravnitel'naya politika [Comparative Politics]. 2017; 8(2):58–72 [In Russian].
6. Efremova K.A. The Concept of a Regional Complex: from Theory to Practice. Proceedings of the 10th South-Russian Political Science Convention Anniversary Political Power in the Context of Social Turbulence: Regional and Global Aspects ed. R.A.Pupykin, K.P.Pilyugin. Rostov-on-Don–Taganrog: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta [Publishing House of the Southern Federal University], 2020:61–64 [In Russian].
7. Efremova K.A. Comparative Analysis of Theoretical Approaches to Defining a Regional Complex. Sravnitel'naya politika [Comparative politics]. 2019; 10(2):5–19 [In Russian].

8. Zhanabergenova M.A., Shegirbaev J.A., Azatbek T.A., Velesco S. Kazakhstan's Export Opportunities in the Southeast Asian Region in the Context of Current Geopolitical Turmoil. Vestnik universiteta «Turan» [Bulletin of the University «Turan»]. 2023; 4:280–292 [In Russian]. <https://doi.org/10.46914/1562-2959-2023-1-4-280-292>.
9. Iskakova J.A. ASEAN in Regional Integration Processes: Theses ... DSc. in the profile: 6D020200 – International Relations. Astana, 2019:135 [In Russian].
10. Kausikan B. How to Survive in a Contradictory World. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press» [Aspect Press Publishing House], 2024:208 [In Russian].
11. Payvandov Kh.B. Cooperation of the Republic of Tajikistan with Developed Countries of Southeast Asia. Tajikistan, 2023:137 [In Uzbek].
12. Safoev S.S. Geopolitics in Central Asia. Tashkent: Izdatel'stvo Patent Press [Patent Press Publishing House], 2005 [In Uzbek].
13. Indochina Countries in ASEAN: Key Aspects of Development: Collective Monograph ed. V.M.Mazyryn. Moscow: IKSA RAN [IKSA of the Russian Academy of Sciences], 2024:308 [In Russian].
14. Tukhliov N. Asia Development Model. Toshkent: Uzbekiston, 2015:4 [In Uzbek].
15. Sharapov A.A. Integration Processes in the Asian-Pacific Region. Business and Law. Toshkent, 2020 [In Russian].
16. Efremova K. Normative Power ASEAN? Globalisation of Asian Values and Its Limits. Journal of International Analytics. 2021; 12(2):93–106 [In English].
17. Starr S.F. Why Central Asia Counts, Middle East Insights. National University of Singapore. 2017; 175:2–3 [In English].

About the authors

Sanobar R. TOLIBOVA. PhD (Doctor of Philosophy in Historical Sciences). Senior Researcher at the Coordination and Methodological center of Uzbekistan's contemporary history at the Republic of Uzbekistan Academy of Sciences. Address: 70, Yahye Gulyamova str., Tashkent, 100047, Republic of Uzbekistan. tolibovasanobar2908@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: November 10, 2024. Approved after review: January 27, 2025. Accepted for publication: January 30, 2025. Published: March 5, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты
и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes.
Political Sociology

В совокупности иностранные студенты обеспечили существенный вклад в экономику США и ее отдельных штатов... Несмотря на заявленное официальными представителями американского правительства равномерное распределение иностранных студентов по регионам США, более 60% из них обучаются в университетах северо-восточных и южных штатов, а около половины сконцентрированы в 5 штатах.

Головко-Охременко А.А., Честнягина К.С.

Иностранные студенты образовательных программ США: феномен американской образовательной иммиграции

Для повышения эффективности работы государственных служащих большое значение имеет развитие личной мотивации и повышение уровня ответственности, где ключевую роль играют механизмы стимулирования сотрудников, улучшение условий их работы и признание индивидуальных достижений.

Коростылева Н.Н., Маннанова Н.Х.

Развитие «мягких» навыков государственных служащих: опыт Российской Федерации

Основными источниками потоков внешней трудовой миграции из Кыргызстана стали Ошская, Джалал-Абадская и Баткенская области... недостаточное развитие производственной и социальной инфраструктуры, а также отсутствие возможностей для использования избыточных трудовых ресурсов привели к избытку рабочей силы на юге Кыргызстана.

Медетбекова Ы.М.

Факторы миграции сельского населения Кыргызстана

Иностранные студенты образовательных программ США: феномен американской образовательной иммиграции

Александра Андреевна Головки-Охременко^{1a}, Ксения Сергеевна Честнягина^{2b}

^{1,2} Институт США и Канады имени академика Г.А.Арбатова РАН, Москва, Россия
^a a.golovko-okhremenko@iskran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4598-8126>
^b k.chestnyagina@iskran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6499-8066>

Аннотация. Иностранных студентов, обучившихся в американских университетах и по американским программам, обоснованно рассматривают как высококвалифицированных специалистов, обладающих актуальными теоретическими знаниями и прикладными навыками в своих областях (особенно в естественнонаучных, математических, компьютерных и технических специальностях). В процессе обучения в США они обретают профильные связи с представителями американских академических и деловых кругов, а также приобщаются к американской культуре и ценностям. В совокупности это делает зарубежных выпускников американских высших учебных заведений, вернувшихся в родную страну, потенциальными посредниками для налаживания международного сотрудничества с участием США в научной, образовательной и деловой сферах. Изучение параметров американской образовательной иммиграции представляет интерес, в том числе в целях совершенствования системы привлечения иностранных граждан для обучения на российских образовательных программах высшего образования.

Ключевые слова: иностранный студент, образовательная иммиграция, образовательные визы, США, университет, рейтинг, образовательные программы, возвратная миграция

выпускников

Для цитирования: Головки-Охременко А.А., Честнягина К.С. Иностранные студенты образовательных программ США: феномен американской образовательной иммиграции // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 1(15). С. 116-134, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-116-134](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-116-134)

Original article
[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-116-134](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-116-134)

Sociological Sciences

International Students of US Educational Programs: the Phenomenon of American Educational Immigration

Alexandra A. Golovko-Okhremenko^{1a}, Ksenia S. Chestnyagina^{2b}

^{1,2}The Institute for USA and Canadian Studies named after Academician G.A.Arbatov of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
^a a.golovko-okhremenko@iskran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4598-8126>
^b k.chestnyagina@iskran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6499-8066>

Abstract: International students who studied at the American universities are reasonably considered highly qualified specialists with relevant theoretical knowledge and applied skills in their field, especially in natural sciences, mathematics, computer science, and technical specialties. During their studies, they establish connections with the American academic and business communities, and gain an understanding of American culture and values. Together, these factors make foreign graduates of American higher education who have returned to their home country potential mediators for establishing international cooperation involving the United States in scientific, educational, and business fields. The study of the parameters of American educational immigration is of interest, among other things, in order to improve the system of attracting foreign citizens to study at Russian higher education programs.

Keywords: international student, educational immigration, educational visas, USA, university, rating, educational programs, return migration of graduates

For citation: Golovko-Okhremenko A.A., Chestnyagina K.S. International Students of US Educational Programs: the Phenomenon of American Educational Immigration. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025. № 1(15). P. 116-134, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-116-134](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-116-134)

Введение

Одной из 17 Целей в области устойчивого развития, заявленных Генассамблеей ООН в плане на 2016–2030 гг., является обеспечение всеохватного и справедливого, качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех. В связи с целями обеспечения устойчивого экономического роста и глобального партнерства в интересах устойчивого развития это делает международное образование одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на их достижение.

Одним из ключевых игроков на мировом рынке образовательных услуг являются США. В данной работе были рассмотрены такие параметры американской образовательной иммиграции, как география и масштаб входящей образовательной миграции, ее демографическая и профильная структура, статистика возвратной миграции зарубежных выпускников американских образовательных программ, сегментация рынка образовательных программ для зарубежных учащихся, а также правовые основания предоставления образовательных услуг иностранцам в США.

Материалы и методы

Авторы исследования придерживались междисциплинарного подхода при предварительном рассмотрении тем, связанных с международным образованием и местом США в нем. В рамках данного исследования был проведен обзор источников, а именно – официальных публикаций международных организаций (ЮНЕСКО), американских министерств и связанных с ними исследовательских и профессиональных организаций, где представлена статистика по обучающимся иностранным студентам и местам их обучения. Для определения проблемных зон и перспектив развития концепций наставничества в США и за их пределами, подразумевающих привлечение зарубежных выпускников, были использованы методы синтеза и обобщения.

В рамках исследования входящей образовательной миграции в США был уточнен состав категории иностранных учащихся, соответствующей определению «иностранный студент». Во-первых, это иностранцы, имеющие полное среднее образование. Во-вторых, это обладатели неиммиграционных виз категорий F-1 (для получающих академическое образование), M-1 (для получающих профессиональное образование) и частично J-1 (для участников программ обмена) (будет рассмотрено ниже. – Авт.). Таким образом, в исследовании не были рассмотрены несовершеннолетние учащиеся частных средних школ (54,5 тыс. в 2023 г.), учащиеся краткосрочных курсов, въехавшие по визе B-1 (деловая поездка), и участники ряда программ обмена, не связанных с высшими учебными заведениями («Summer Work Travel», «Camp Counselor», «Trainee», «Au Pair», «Government Visitor», «Internship», «Teacher» и т.д.).

Гипотеза исследования предполагала, что лидерство США в образовательной сфере, в частности, в привлечении иностранных студентов, обусловлено качеством

образовательных услуг, программ поддержки и взаимодействия с выпускниками университетов, способствующих развитию и выстраиванию корпоративной идентичности выпускников американских вузов.

Результаты обсуждения

География и масштабы входящей образовательной миграции в США, профессиональная и демографическая структура

В настоящий момент США является лидером в сфере международных образовательных услуг (таблица 1). 27 из ста и 56 из трехсот лучших университетов в мире по версии рейтингового агентства «Куакварелли Симонс» («Quacquarelli Symonds») представлены американскими высшими учебными заведениями¹. Высокий уровень качества не только образовательной, но и исследовательской деятельности американских университетов подтверждается тем, что около 71% всех Нобелевских премий взяли американцы (около 30% из них – иммигранты)².

По данным Института международного образования (International Institute of Education, IIE), за 2022–2023 учебный год из более 6,4 млн студентов, обучающихся за рубежом по всему миру, чуть больше 1 млн обучались в США (28% впервые поступили), что составляет 5,6% от общего числа обучающихся в американских учебных заведениях высшего образования³. Для сравнения: доля иностранных студентов в соседней Канаде достигала 18,6% от общей численности обучающихся в учебных заведениях высшего образования. По мнению авторов доклада «Обзор поступления международных студентов осенью 2023 г.» Дж.Бэр и М.Мартела, это свидетельствует о потенциально большом запасе мест в американских колледжах и университетах для возможных будущих зарубежных студентов⁴. Подобная ситуация в области предоставления образовательных услуг для иностранцев соседствует с наметившимся сокращением доли молодых американцев, поступающих в учреждения высшего образования (с 41% в 2012 г. до 39% в 2022 г.)⁵, и продолжением падения уверенности американцев в американском высшем образовании – с 57% в 2015 г. до 36% в 2023 г.⁶

1 QS World University Rankings 2024: Top global universities. URL: <https://www.topuniversities.com/world-university-rankings/2024>.

2 All Nobel Prizes // The Nobel Prize Organization. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/lists/all-nobel-prizes/>.

3 International students: all places of origin // International Institute of Education, Open Doors Report 2023. URL: <https://opendoorsdata.org/data/international-students/all-places-of-origin/>.

4 Julie Baer and Mirka Martel. Fall 2023 Snapshot on International Student Enrollment // International Institute of Education, November, 2023. URL: <https://www.iie.org/publications/fall-2023-snapshot-on-international-student-enrollment/>.

5 College enrollment rate // The National Center for Education Statistics. URL: <https://nces.ed.gov/programs/coe/indicator/cpb/college-enrollment-rate>.

6 Brenan M. Americans' Confidence in Higher Education Down Sharply // Gallup, Inc. URL: <https://news.gallup.com/poll/508352/americans-confidence-higher-education-down-sharply.aspx>.

Таблица 1. 10 стран с наибольшим количеством обучающихся иностранных студентов**Table 1.** 10 countries with the largest number of international students

Страна	Число вузов, входящих в топ-300 вузов по рейтингу QS (2024)	Место в рейтинге по представленности вузов страны в топ-300 рейтинга QS (2024)	Количество обучающихся иностранных студентов, ЮНЕСКО ⁷ (2022)	Место в списке по количеству обучающихся иностранных студентов, ЮНЕСКО (2022)	Доля от студентов, получающих высшее образование, ЮНЕСКО (2022)
Австралия	19	3	382 007	4	23%
Великобритания	36	2	674 931	2	21,6%
Германия	17	4	403 473	3	11,9%
Канада	12	7	336 837	6	18,6%
Китай	14	5	210 903	9	0,4%
Нидерланды	12	6	135 535 (2021)	11 (2021)	13,7% (2021)
США	56	1	1,057,188 ⁸	1	5,6%
Франция	8	9	263 459	7	9,1%
Республика Корея	8	10	123 280	12	4,4%
Япония	10	8	199 298	10	5,1%

Источник: составлено авторами

Source: compiled by the authors

Несмотря на спад в 2020 г., численность ежегодно обучающихся в США иностранных студентов к 2023–2024 учебному году уже превысила допандемийные значения⁹. Среди них можно найти представителей более 210 стран мира, однако больше половины приехали из двух стран: Индии и Китая. За ними с большим отставанием в пятерку входят студенты из Республики Корея, Канады и Вьетнама; 71,2% всех иностранных учащихся в США приехали из стран Азии. При детальном рассмотрении других регионов мира следует отметить наиболее высокие темпы роста численности иностранных студентов из стран субсахарской Африки, в первую очередь Нигерии и Кении, и заметное сокращение численности студентов из Саудовской Аравии после 2016 г. Средняя доля иностранных студентов мужского пола в 2023 г. составила 51,4%, однако у 3 стран из 5 с наибольшей численностью учащихся в высших учебных заведениях США она превысила средний уровень: по 52% у китайских (включая студентов из Тайваня) и южнокорейских студентов и 62% у индийских студентов. У Нигерии и Мексики доля мужчин также превышает средний показатель: 55 и 52% соответственно.

⁷ Inbound internationally mobile students by continent of origin // UNESCO Institute for statistics, Sustainable developmental goals. URL: <https://data.uis.unesco.org/index.aspx?queryid=3804>.

⁸ Данные за 2022 г. у ЮНЕСКО отсутствуют: Global Flow of Tertiary-Level Students // UNESCO Institute for statistics, Sustainable developmental goals. URL: <https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>.

⁹ International students: enrollment trends // IIE, Open Doors 2023-2024 Report. URL: <https://opendoorsdata.org/data/international-students/enrollment-trends/>.

Таблица 2. 15 стран с наибольшим количеством студентов, учащихся в США
Table 2. 15 countries with the largest number of international students studying in the USA

Страна	Численность граждан, получающих высшее образование за рубежом, тыс. чел. (2022) ¹⁰	Численность граждан, получающих высшее образование в США, тыс. чел. (2023–2024) ¹¹	Доля граждан среди общего числа зарубежных студентов, получающих высшее образование в США, % (2023–2024) ¹²	Изменение по сравнению с 2022/2023 учебным годом, % ¹³
Китай	1 052,283 ¹⁴	277,398	24,6	-4,2
Тайвань		23,157	2	+6,1
Индия	621,623	331,602	29,4	+23,3
Республика Корея	87,535	43,149	3,8	-1,6
Канада	51,819	28,998	2,6	+3,9
Вьетнам	134,141	22,066	1,9	+0,8
Нигерия	112,416	20,029	1,8	+13,5
Бангладеш	63,936	17,099	1,5	+26,1
Бразилия	87,337	16,877	1,5	+5,3
Непал	95,092	16,742	1,5	+10,9
Мексика	36 992	15,474	1,4	+6,4
Саудовская Аравия	44 265	14,828	1,3	-7,3
Япония	31 286	13,959	1,2	-13,0
Иран	85 729	12,430	1,1	+15,0
Пакистан	90 614	10,988	1,0	+8,1
США	115,026	х	х	х

Источник: составлено авторами

Source: compiled by the authors

В 2023–2024 учебном году 342,875 тыс. иностранных студентов обучались по 2-х и 4-х летним бакалаврским программам, чуть больше 502 тыс. – по программам магистратуры и докторантуры и 38,7 тыс. – по программам без предоставления степени¹⁵. Отдельно в статистике учитываются зарубежные студенты, продлившие учебную

¹⁰ Inbound internationally mobile students by continent of origin // UNESCO, Institute for Statistics. URL: <https://data.uis.unesco.org/index.aspx?queryid=3804#>.

¹¹ International students: all places of origin // IIE, Open Doors 2023–2024 Report. URL: <https://opendoorsdata.org/data/international-students/all-places-of-origin/>.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ Без учета 200 тыс. студентов, обучающихся в рамках программ обмена.

¹⁵ International students: academic level and places of origin // IIE, Open Doors 2023–2024 Report. URL: <https://opendoorsdata.org/data/international-students/academic-level-and-places-of-origin/>.

визу на 1–2 года для прохождения практики: 242,7 тыс. человек¹⁶. Говоря о доле зарубежных студентов, впервые защитившихся по докторским программам, при общем показателе 32,8% в 2023 г. в таких сферах, как физика и социальные науки, она достигала 38 и 34%, а в таких сферах, как компьютерные и информационные науки, математика и статистика, технические науки, бизнес, численность иностранных аспирантов превысила численность аспирантов с американским гражданством¹⁷. В пятерку стран с наибольшим количеством аспирантов, получивших докторскую степень в США, входят Китай (35%), Индия (14,6%), Республика Корея (5,8%), Иран (3,4%) и Бангладеш (2,9%).

Правовые основы экспорта образовательных услуг

Описание и анализ международных и межгосударственных соглашений в области образования и науки с участием США заняло бы отдельную статью, в связи с чем авторы данного исследования ограничиваются кратким описанием большого количества соглашений, действующих в данной области. Более подробно об особенностях деятельности США в этой сфере можно ознакомиться в работах Н.А.Цветковой [7], Р.Р.Асмятуллина [1] и В.А.Галичина [3]. Далее будут представлены нормы регулирования пребывания иностранцев в американских университетах, чьи главные корпуса расположены на территории США.

По мнению профессора Бостонского колледжа Ханса де Вита, до пандемии основной тенденцией в международном образовании, характерной и для США, был отбор лучших и талантливых студентов с дальнейшей их подготовкой для вовлечения в экономику принимающей страны [11]. В целом это соотносилось с эксклюзивным характером высшего образования для иностранцев в США, предлагавшегося преимущественно в форме очного обучения на территории кампуса. Обучение по программе высшего образования в США, включая программы с элементами онлайн-образования или с выдачей совместных или двойных дипломов, для иностранцев возможно лишь при наличии соответствующей визы, чтобы иметь возможность посещения занятий в американском кампусе.

Как правило, иностранец не может обучаться в американском университете в полностью дистанционном режиме (за исключением граждан Канады и Мексики); кроме того, образовательные учреждения, ориентирующиеся на предоставление преимущественно онлайн-услуг, не смогут быть аккредитованы Министерством национальной безопасности США для работы с зарубежными студентами из-за несоответствия такому требованию, как «непосредственное участие в преподавании курсов»¹⁸. Американские колледжи и университеты, прошедшие аккредитацию и

получившие соответствующий сертификат, входят в базу Программы студентов и посетителей по обмену (SEVP) и обязаны вносить в нее данные об обучении у них иностранцев. По состоянию на 2023 г. в базу входили 7 417 сертифицированных учебных заведений (6 238 предоставляли услуги высшего образования)¹⁹, из них 6 268 приняли на обучение в 2023 г.²⁰ хотя бы одного зарубежного студента или ученика, однако 54% всех сертифицированных учебных заведений находятся в 10 штатах, причем 13,2% приходится на Калифорнию.

Описанная система контроля за пребыванием иностранных студентов в США существует в том числе как следствие ужесточения борьбы с уязвимостями миграционной системы США после теракта 11 сентября 2001 г. Для этого были приняты Патриотический акт 2001 г. и Закон об усиленной пограничной безопасности и въездной визе 2002 г. Помимо них в сфере контроля за пребыванием иностранных студентов были разработаны, но не приняты следующие акты: H.R. 3002 (о создании системы мониторинга студентов в течение 180 дней); H.R. 3003 (о выделении средств на работу такой системы); S. 1518/H.R. 3077 (о расширении системы отслеживания иностранных студентов, включая сбор информации о сопровождающих родственниках); H.R. 2988 и S. 1455 (о регулировании мониторинга и подтверждения личности иностранных студентов в сфере гражданской авиации). В совокупности это привело к усовершенствованию системы информирования об иностранных студентах и студентах по обмену (Student and Exchange Visitor Information System, SEVIS) и созданию в 2003 г. Программы для иностранных студентов и студентов по обмену (Student and Exchange Visitor Program, SEVP) для автоматического мониторинга студентов с визами категории «F», «J» и «M» под надзором Министерства национальной безопасности и Государственного департамента США.

На сегодняшний день для получения разрешения на обучение в США иностранцам можно подать заявку на оформление одной из 4-х видов виз:

F-1 – для студентов очной формы обучения в колледже, университете или старшей школе либо для тех, кто поступает на программы практики языка с возможностью участвовать в трудовой деятельности непосредственно в той области обучения, по которой учатся, на территории кампуса их учебного заведения;

M-1 – в основном используется для обучения в профессионально-технических учебных заведениях и на практических учебных курсах без права ведения трудовой деятельности;

F-3 или M-3 – для граждан Канады и Мексики при очном или заочном обучении в научном или профессионально-техническом учебном заведении;

¹⁶ Ibid
¹⁷ Survey of earned doctorates (SED) // National Center for Science and Engineering Statistics. URL: <https://nces.nsf.gov/surveys/earned-doctorates/2023#data>.

¹⁸ SEVP's governing regulations for students and schools // U.S. Department of Homeland Security. U.S. Immigration and Customs Enforcement. URL: <https://www.ice.gov/sevis/schools/reg#2141>.

¹⁹ School Search Map // U.S. Department of Homeland Security. URL: https://studyinthestates.dhs.gov/school-search?field_school_name_value=&field_location_city_value=&field_location_state_value=&field_location_zip_value=&field_education_level_value=1.

²⁰ Student and Exchange Visitor Program (SEVP) 2022 SEVIS by the Numbers Report // U.S. Department of Homeland Security. U.S. Immigration and Customs Enforcement. URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/2024-05/22_0406_hsi_sevp-cy22-sevis-btn.pdf.

J-1 – для участников программ обмена (для студентов – без права ведения трудовой деятельности, для преподавателей и научных сотрудников – в зависимости от типа программы и требований спонсоров)²¹. По визе данной категории возможно обучение по краткосрочным (до полугода) и среднесрочным (до двух лет) программам на базе американского высшего учебного заведения в рамках программ обмена, реализуемых при поддержке частных или государственных спонсоров. Примерами последних служат программы, поддерживаемые Государственным департаментом США: «Fulbright Program», «College and University Student», «Professor», «Research Scholar», «Short-Term Scholar» и «The Academic Training STEM Extension».

Для обладателей виз типа F-1, обучающихся по программам магистратуры и аспирантуры, в США можно оформить один из двух типов трудовой практики: Опциональную практическую подготовку (Optional Practical Training, OPT) или Учебную практическую подготовку (Curricular Practical Training, CPT). OPT нацелена на разрешение временного трудоустройства иностранных студентов в США сроком до 12 месяцев (или 36 месяцев для студентов в STEM – естественные науки, технологии, инженерия и математика) как во время обучения, так и после завершения академической программы. Для продления длительности программы необходимо получение разрешения от сертифицированного сотрудника, который осуществляет вспомогательную деятельность в отношении студентов с таким визовым статусом и Службы гражданства и иммиграции США (USCIS). CPT является своего рода подработкой (во время обучения) не более 20 часов в неделю, однако если студент более года проходит этот вид практики, то претендовать на OPT он уже не может. Для участия необходимо проучиться как минимум один год по выбранной специальности. Для аспирантов прохождение CPT является обязательным для получения диплома. Для студентов очной магистратуры прохождение CPT является необязательным (если обратного не требуется для получения диплома). Разрешения на работу выдает отделение Министерства национальной безопасности, в оформлении документов для которого оказывает помощь уполномоченный сотрудник университета. После окончания обучения и при условии заинтересованности работодателя в трудоустройстве студента, необходимо подать прошение по форме I-129 для получения рабочей визы H-1B. В 2022 году было зарегистрировано почти 172 тыс. разрешений на трудоустройство в OPT. В 2021 году было выдано почти 116 тыс. разрешений на OPT не в сфере STEM²².

21 Exchange Visitors // U.S. Citizenship and Immigration Services. URL: <https://www.uscis.gov/working-in-the-united-states/students-and-exchange-visitors/exchange-visitors>.

22 STEM (Science, Technology, Engineering, and Mathematics) – обобщающий термин для обозначения естественнонаучных, технических, инженерных и математических дисциплин в контексте описания интегрирующего тренда в образовательной политике и образовательных программах; предложен в 2001 г. учеными Национального научного фонда США наравне с термином HASS (Humanities, Arts, and Social Sciences) для аналогичного обозначения гуманитарных и общественных наук.

Основным отличием визы категории J-1 от других неиммиграционных виз является т.н. «Ценз оседлости», требование оставаться по завершению обучения в родной стране на протяжении 1–2 лет. Оно призвано способствовать обмену навыками и опытом, полученными участниками обмена во время программы, для использования их в своей стране. Однако требование о проживании распространяется не на всех участников обмена в статусе J-1. При определенных обстоятельствах «ценз оседлости» может быть отменен, в таком случае выдается «исключение» (J Waiver). Чтобы его получить, необходимо предоставить письмо об отсутствии возражений из страны рождения, в котором говорится о необязательности возвращения участника программы на родину. Запрос проходит несколько этапов заверения (Государственным департаментом США и Бюро гражданства и иммиграции). Помимо очевидных причин для применения такого рода исключений (преследование на родине, угроза жизни и здоровью участнику или его семье), Министерство здравоохранения и социальных служб США может отменить ценз оседлости для определенных профессий, необходимых для правительственных учреждений, и предоставить участнику программы работу.

Несмотря на то, что большинство иностранных студентов допускают в страну с визами, где указан точный срок их пребывания в стране, на некоторых визах может стоять отметка на «срок статуса» (duration of status), который соответственно длится до тех пор, пока подтверждается статус студента. Такой режим не дает возможности точно знать, пребывают ли студенты дольше назначенного им срока, так как он не имеет фиксированной даты. До внесения соответствующих изменений статус студента необходимо было подтверждать раз в год. Теперь же с целью «устранить бумажную волокиту» требования к отчетности сократили, и по сей день остаются в практике визы с пометкой на «срок статуса».

Несмотря на описанное упрощение, с 2016 г. наблюдался преимущественно ограничительный тренд в отношении законов, регулирующих пребывание иностранцев, и проектов реформирования системы мониторинга иностранных студентов. Д.Трамп предпринимал неоднократные попытки ввести список стран (7 в 2017 г., 13 в 2020 г.²³), для граждан которых действовал полный или частичный запрет на въезд в США, прекратившиеся лишь со сменой администрации. Помимо этого, принимались ограничительные меры в отношении китайских Институтов Конфуция²⁴. Ограничения продолжились и при администрации Дж.Байдена, но чаще носили косвенный характер. В 2022 г. был принят список критических и новых технологий, являющихся важными для национальной безопасности США²⁵. Руководителям департаментов

23 Travel Ban: NAFSA Resources // NAFSA: Association of International Educators. URL: <https://www.nafsa.org/professional-resources/browse-by-interest/executive-order-travel-ban-nafsa-resources>.

24 Girard B. The Rise and Fall of Confucius Institutes in the US // The Diplomat, November 28, 2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/11/the-rise-and-fall-of-confucius-institutes-in-the-us/>.

25 Critical and Emerging Technologies List Update // A Report by the Fast Track Action Subcommittee on Critical and Emerging Technologies of the National Science and Technology Council. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/02-2022-Critical-and-Emerging-Technologies-List-Update.pdf>.

и агентств, отвечающих за привлечение талантливых студентов из-за рубежа, была дана рекомендация руководствоваться этим списком при рассмотрении кандидатур на те или иные направления высшего образования, в первую очередь исследовательской направленности.

Профильная и ценовая сегментация рынка образовательных программ для зарубежных учащихся

Согласно статистике Института международного образования, иностранные студенты выбирали в 2023–2024 учебном году в качестве основной области изучения одну из перечисленных ниже: математические и компьютерные науки (24,9%), технические науки (18,65%), бизнес и управление (14,1%), общественные науки (8,1%), естественные науки (7,9%), искусство (4,8%), медицина (3,25%), журналистика и коммуникации (1,9%), юриспруденция и правоохранительная деятельность (1,4%), гуманитарные науки (1,4%), образование (1,4%)²⁶, ускоренные курсы по изучению английского языка (0,8%) и иные (9%). То, что на долю математических, компьютерных и технических специальностей приходится больше 40% всех учащихся в США иностранных студентов, во многом объясняется действующим еще с 2006 г. Законом об обеспечении инноваций в области знаний и лидерства (Securing Knowledge Innovation and Leadership Act) [2]. Наблюдаются различия в распределении зарубежных студентов по областям знаний в зависимости от региона. Вне зависимости от региона на первой или второй позиции обычно представлены технические науки. У студентов из стран-членов ОЭСР на первом месте, как правило, сфера бизнеса и управления, также она на первой или второй позиции у студентов из стран – торговых партнеров США в Юго-Восточной Азии (Вьетнам) и Южной Америки (Бразилия)²⁷. У ближневосточных студентов на первом месте (часто с большим отрывом) идет обучение по техническим направлениям.

В общей сложности на конец 2022–2023 учебного года в США насчитывалось 3 896 учебных заведений высшего образования, из них 1 599 в общественном секторе и 2 297 в частном. Они могут ранжироваться по уровню доступных программ, качеству образования и типу финансирования. Согласно мнению А.И.Кубышкина, на первых местах по известности и популярности в США находятся крупнейшие национальные исследовательские университеты (research universities) с тысячами и десятками тысяч студентов (Гарвардский университет, Йельский университет, Принстонский университет, Мичиганский университет), обучаемых по программам бакалавриата, магистратуры и докторантуры. За ними идут не менее престижные, сравнительно немногочисленные (до 2 500 студентов) частные колледжи и университеты «свободных искусств» (liberal arts colleges), имеющих программы бакалаври-

ата, реже – магистратуры и докторантуры (колледжи «малой тройки»: Амхерст-колледж (Массачусетс), Уэслианский университет (Коннектикут), Уильямс-колледж (Массачусетс); «большая тройка штата Мэн»: Бэйтс, Колби, Боудин; исторически женские и черные колледжи и др.) [6, с. 91]. Далее следуют региональные университеты и колледжи, а замыкают рейтинг общественные колледжи (community colleges), предлагающие 2-летние, реже – 4-летние бакалаврские программы, по окончании которых выдается профессиональный сертификат или степень ассоциата [6, с. 105]. По типу финансирования выделяют такие категории университетов и колледжей, как частные (private non-profit), коммерческие (private for-profit) и общественные (public) [6, с. 144]. Ключевую роль в финансировании третьей группы играет штат, что приводит к удешевлению итоговой стоимости обучения для студентов, проживающих в том же штате. Коммерческие высшие учебные заведения (Международный университет Шиллера (Флорида), Университет Финикса (Аризона)) отличаются от других частных меньшей долей общеобразовательного компонента в предлагаемых программах и сравнительно большим стремлением к количественному росту контингента учащихся.

Мировыми и региональными (в Северной Америке) лидерами в научной и образовательной деятельности признаются частные некоммерческие американские учебные заведения из т.н. «Лиги Плюща» (Ivy League; Гарвардский университет, Йельский университет, Принстонский университет, Колумбийский университет, Пенсильванский университет, Дартмутский колледж, Брауновский университет, Корнелльский университет), или «Лиги Плюща Плюс» (дополнительно: Стэнфордский университет, Массачусетский технологический институт, Чикагский университет, Университет Дьюка, Университет Джонса Хопкинса). Они располагаются в штатах северо-восточного региона США, а помимо них – в Пенсильвании, Иллинойсе, Северной Каролине, Мэриленде и Калифорнии. В общем списке рейтингового агентства «Куакуарелли Симонс» 12 из 13 университетов «Лиги Плюща Плюс» входят в первую сотню лучших высших учебных заведений мира, а в профильных рейтингах половина и более первой десятки состоит из наименований данных университетов. В отличие от других общественных и коммерческих университетов, численность обучающихся в них студентов на 2- и 4-летних программах оставалась стабильной на протяжении последних 10 лет. Однако стоимость обучения в них является серьезной проблемой для поступающих на бакалаврские и магистерские либо докторские программы, особенно для иностранцев. При средней стоимости года обучения по программе бакалавра в 2024–2025 учебном году 45 708 долларов для общественного и 58 628 для частного учебного заведения средняя стоимость года обучения в одном из университетов «Лиги Плюща Плюс» обходится в 65 670 долларов. С ними сравнима стоимость годового обучения в университетах, входящих в первую десятку того или иного профиля обучения мирового рейтинга QS. Это частные и общественные университеты Калифорнии (подразделения Университета Калифорнии в Беркли, Лос-Анджелесе и Сан-Франциско, Калифорнийский технологический университет), Пенсильва-

²⁶ International students: fields of study // IIE, Open Doors 2023-2024 Report. URL: <https://opendoorsdata.org/data/international-students/fields-of-study/>.

²⁷ International students: fields of study by place of origin // IIE, Open Doors 2023-2024 Report. URL: <https://opendoorsdata.org/data/international-students/fields-of-study-by-place-of-origin/>.

нии (Университет Карнеги Мэллон), Иллинойса (Университет Иллинойса в Урбана-Шампейн), Джорджии (Технологический университет Джорджии) и Нью-Йорка (Нью-Йоркский университет). От них не отстают колледжи «свободных искусств»: из-за небольшого количества студентов на курсе стоимость года обучения в бакалавриате в 2024–2025 учебном году в одном из колледжей неофициальной группы «Малых плющей» (Little Ivies) составляет в среднем 68 547 долларов. Следует отметить, что приведенная цена не включает в себя прочие расходы (питание, жилье, страховка, иные взносы), которые могут составлять до 25–30% от итоговой стоимости годового обучения. Годовое обучение по магистерским и докторским программам в среднем дороже на 5–10% и зависит от объема проходимой программы, однако итоговая стоимость для магистерских направлений ниже из-за меньшего срока обучения, вдобавок в случае поступления на магистерскую и докторскую программу иностранный студент может рассчитывать на частичную или полную оплату за счет принимающей стороны.

Почти каждый пятый (19,5%) иностранный студент в США обучается в основном за счет средств американского учебного заведения, но больше половины (56%) учащихся в качестве основного источника оплаты учебы за рубежом указывают личные и семейные средства, еще у 19% обучающихся основным плательщиком является их текущий работодатель. Для сравнения: в 2010 г. доли первых двух категорий основных источников оплаты обучения равнялись 24 и 63,5%, а второе место занимали гранты и стипендии (36,5%). Помимо таких источников оплаты обучения за рубежом, как образовательные программы, курируемые правительством или учебным заведением в родной стране, и средств частных спонсоров, в США возможна оплата кратко- и среднесрочных программ обмена за счет средств Госдепартамента США. Также иностранцам могут предложить подать прошение о получении гранта или займа у Департамента образования США (Free Application for Federal Student Aid, FAFSA) либо обратиться за банковским займом²⁸.

В результате поиска соотношения качества и доступности образования наибольшее количество зарубежных студентов обучаются в высших учебных заведениях 5 штатов: Калифорнии (15,8%), Нью-Йорке (11,3%), Техасе (8,1%), Массачусетсе (7,1%) и Флориде (5,8%). При этом экономический вклад от иностранных обучающихся превысил 1 млрд долларов в 9 штатах в 2022–2023 учебном году: Калифорния (6 млрд), Нью-Йорк (5,8 млрд), Массачусетс (3,6 млрд), Флорида (1,4 млрд), Иллинойс (2,1 млрд), Мичиган (1,3 млрд), Огайо (1,2 млрд), Пенсильвания (2 млрд) и Техас (2,2 млрд). В 20 высших учебных заведениях на начало 2023–2024 учебного года обучалось 20% всех зарубежных студентов в США, все они расположены в 10 штатах: Нью-Йорк, Пенсильвания, Массачусетс на северо-востоке, Иллинойс и Индиана на Среднем Западе, Калифорния и Вашингтон на западе и Техас на юге страны. В таких штатах, как Мичиган, Иллинойс, Техас и Аризона, темп прироста

численности иностранных студентов с 2021–2022 учебного года до 2022–2023 учебного года был выше. В случае с Мичиганом, Техасом и Аризоной это как раз можно объяснить более низкой средней стоимостью обучения в колледжах штатов (до 30 000 долларов в общественных учебных заведениях, до 40 000 – в частных).

При учете более мелких учебных заведений распределение иностранных студентов в США выглядит следующим образом: 29,8% – на северо-востоке, 28,9% – на юге, 24,8% – на западе и 19,7% – в штатах Среднего Запада. Согласно докладу Департамента нацбезопасности США «SEVIS by the Numbers», во всех регионах в 2023 г. наблюдался рост численности иностранных студентов по сравнению с предыдущим: 10,5% – на северо-востоке, 5,7% – на западе, 13,4% – на юге и 13,2% – на Среднем Западе. Общий объем средств, полученных от иностранных студентов за 2022–2023 учебный год, составил более 40 млрд долларов²⁹, превысив 40% от бюджетных расходов федерального правительства и штатов США на высшее образование в 2022 г.³⁰ Из них стоимость курсов интенсивного изучения английского языка составила менее 1% (370 млн долларов), а обучение в общественных колледжах – 3,7% (1,5 млрд долларов).

Статистика возвратной миграции зарубежных выпускников американских образовательных программ

Говоря о факторах развития сферы международного образования, зарубежные исследователи часто опираются на модель «push-pull»³¹, в которой есть факторы, толкающие абитуриента к выезду за рубеж и тянущие его к поступлению в вуз в той или иной стране. Аналогичные факторы действуют и в случае описания возвратной миграции иностранных студентов. Речь о факторах внешних участников (pull) и внутренних условий стран исхода (push). В первом случае это законодательство США, условия участия в обменных программах и участие в иных программах страны исхода. Во втором – особенности рынка труда, уровень дохода для местных специалистов с высокой квалификацией, возможность аккультурации, а также возраст и брачный статус.

Поскольку ранее перечисленные категории образовательных виз относятся к неиммиграционным, то в соответствии с американским иммиграционным законодательством при прекращении действия условий, дававших право на пребывание на территории США, или при истечении срока действия виз студенты / выпускники обязаны в течение месяца покинуть США. Для обладателей виз J-1 действует дополнительное ограничение на получение виз на въезд на территорию США длительно-

²⁸ Wood S. 20 U.S. Colleges That Offer the Most Financial Aid to International Students // U.S. News, December 28, 2023. URL: <https://www.usnews.com/education/best-colleges/paying-for-college/articles/colleges-that-offer-the-most-financial-aid-to-international-students>.

²⁹ Stuart E. New NAFSA Data Reveal International Student Economic Contributions Continue to Rebound // NAFSA: Association of International Educators. URL: <https://www.nafsa.org/about/about-nafsa/new-nafsa-data-reveal-international-student-economic-contributions-continue>.

³⁰ State Higher Education Funding // National College Attainment Network. URL: <https://www.ncan.org/page/StateFunding>.

³¹ Delphine N. Banjong, Myrna R. Olson. Issues and Trends of International Students in the United States // International Journal of Education, vol. 4, #1, 2016. URL: <https://www.nationalforum.com/Electronic%20Journal%20Volumes/Banjong,%20Delphine%20Issues%20and%20Trends%20of%20International%20Students%20in%20the%20United%20States%20IJE%20V4%20N1%202016.pdf>.

стью 2 года. Обязательство по данному типу визы действует даже в случае вступления обладателя визы в брак с гражданином США и ограничивает его возможность участия в розыгрыше гринкарты. Возможность на получение неиммиграционной рабочей визы H-1B есть у обладателей визы F-1, если в процессе ОРТ они успевают договориться с работодателем о продлении трудового договора. Однако ее использование труднодостижимо по следующим причинам:

- ограниченное количество ежегодно выдаваемых рабочих виз (65 000 + 20 000 для получивших высшее образование в США с дипломом не ниже магистерского);
- ограниченное количество свободных рабочих мест в высших учебных заведениях, для работы в которых рабочие визы оформляются вне общего конкурса.

Среди других юридических факторов, влияющих на закрепление иностранных студентов в США, помимо ранее упомянутых законов о регулировании их деятельности на территории страны, следует упомянуть меры администрации Д.Трампа по ужесточению контроля над выдачей и продлением неиммиграционных виз в рамках программы «Buy American and Hire American» (2017 г.) и ограничению иммиграции из «террористических» ближневосточных стран, Венесуэлы и КНР.

Возвратная миграция иностранных учащихся в США может быть отложенной, но на довольно продолжительный срок. Согласно данным доклада ОЭСР 2022 г., 57% получателей визы на временное трудоустройство высококвалифицированного сотрудника (H-1B) до того владели визой F-1. Возможность трудоустройства напрямую связана с областью знаний и уровнем полученной подготовки. Наибольшим преимуществом обладают обученные в рамках магистерских или докторских программ по математике, информатике и техническим наукам. Это важно учитывать, поскольку в 2021–2022 гг. 37% всех выдаваемых докторских степеней в США в данных научных областях приходилось на зарубежных учащихся, при среднем значении в 12,1% во всех научных областях.

Более 75% обладателей докторской степени в математических (78%) и технических (83%) областях, преимущественно из Китая и Индии, опрошенные Национальным научным фондом США в течение 2010-х гг., рассчитывали остаться в США как минимум на год после окончания обучения по сравнению с 59% обладателей докторских степеней в общественных науках. Исследования 2021 г. показали, что в среднем 71 и 65% обладателей докторской степени с неиммиграционными визами оставались в США в течение 5 или 10 лет. Максимальный срок пребывания, 10 лет, чаще наблюдался среди докторов технических наук (72%), реже – у докторов общественных наук (41%). Также наибольшие сроки пребывания наблюдались у докторов математических и технических наук с гражданством КНР (88% – в течение 5 лет и 81% – в течение 10 лет)³². Выпускники магистерских и аспирантских программ из Южной Кореи и

стран Европы значительно реже коллег из Индии и Китая рассчитывают задержаться в США после окончания обучения.

Выводы

США занимают лидирующие позиции в рейтингах высшего образования, оценивающих количество и качество образовательных организаций и их выпускников, несмотря на внутренние кризисные явления. Образовательные программы в США являются самыми популярными среди населения планеты; в США находятся одни из самых престижных университетов, по праву входящих в рейтинги лучших университетов мира. Америка доминирует в области глобальных исследований, что признается во всем мире.

В совокупности иностранные студенты обеспечили существенный вклад в экономику США и ее отдельных штатов. Вместе с этим стоит отметить факт существования программ, позволяющих частично или полностью погасить стоимость обучения для тех иностранных студентов, кто получает ученую степень. Несмотря на заявленное официальными представителями американского правительства равномерное распределение иностранных студентов по регионам США, более 60% из них обучаются в университетах северо-восточных и южных штатов, а около половины сконцентрированы в 5 штатах.

В этой связи наблюдается повышенный спрос среди граждан других стран (особенно Китая, Республики Корея, Индии) на обучение именно в США, так как они ищут место, где можно получить качественное образование и возможности для дальнейшего карьерного роста и развития. Вопреки сложностям в оформлении виз и трудностям в обучении, высокой стоимости высшего образования в США (в прошлом учебном году иностранные студенты пополнили бюджет страны на 40 млрд дол.) продолжается рост численности обучающихся иностранных студентов, преимущественно из стран Азии.

Вклад студентов-иностранцев огромен и выходит за рамки лишь экономической выгоды, а также охватывает социокультурные, религиозные, ценностные и национальные аспекты. Такие студенты привлекательны для американских университетов и научных организаций, так как приносят новые перспективы, видение и здоровую конкуренцию. Студенты иностранного происхождения играют ключевую роль в развитии принимающих университетов, принимающей страны и собственной родины; способствуют улучшению и обмену образовательным и культурным опытом в ходе учебы и проживания за границей. В данном исследовании нами были рассмотрены параметры въезжающей образовательной миграции в США, специально обращено внимание на определении «иностранного студента» и категориях неиммиграционных виз для студентов, планирующих обучение в высших учебных заведениях США.

32 Deitz, Steven and Freyman, Christina. The State of U.S. Science and Engineering 2024: Demographic Composition of the STEM Workforce // U.S. National Science Foundation, National Science Board. March 13, 2024. URL: <https://ncses.nsf.gov/pubs/nsb20243/talent-u-s-and-global-stem-education-and-labor-force>.

Список литературы

1. Асмятуллин Р.Р. Экспортные стратегии университетов на мировом рынке образовательных услуг [Export Strategies of Universities in the Global Market of Educational Services]: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14. М.: РУДН, 2021. 271 с.
2. Вартанян А.А. Международная образовательная миграция: региональный аспект [International Student Migration: Regional Aspect] // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 2. С. 113–121. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-2-113-121>.
3. Галичин В.А. Международный рынок образовательных услуг: основные характеристики и тенденции развития [International Market of Educational Services: Main Characteristics and Development Trends] // Век глобализации. 2013. № 2. С. 101–112.
4. Галушина Н.С. Механизмы формирования идентичности в социальных движениях: на материале русскоязычного Интернета [Mechanisms of Identity Formation in Social Movements. By the Material of Russian-Speaking Internet] // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. № 8(41). С. 134–154. <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-8-134-154>.
5. Гиндес Е.Г., Троян И.А., Кравченко Л.А. Наставничество в высшем образовании: концепция, модель и перспективы развития [Mentorship in Higher Education: a Concept, a Model and Development Prospects] // Высшее образование в России. 2023. № 8–9. С. 110–129. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-110-129>.
6. Кубышкин А.И. Город и мантия. Американский университет в структуре гражданского общества [Town and gown. The American University in the Structure of Civic Society]: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2021. 280 с.
7. Цветкова Н.А. Американский университет за рубежом: практика создания и развития [American University Abroad: Models of the Establishment and Development] // США и Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 11(527). С. 087–097. EDN RRTZCJ.
8. Agbonlahor O. Review of Engaging International Alumni as Strategic Partners by Gretchen Dobson and Sandra Rincon // Journal of Educational Research and Practice. 2023. No. 13. P. 15–18.
9. Ansoglenang G. Corporate Identity: The Case of the University for Development Studies // Journal of Education and Practice. 2018. Vol. 9. No. 20. P. 39–48.
10. Banjong D.N., Olson M.R. Issues and Trends of International Students in the United States // International journal of education. 2016. Vol. 4. No. 1. URL: https://www.researchgate.net/publication/299376618_Issues_and_Trends_of_International_Students_in_the_United_States.
11. De Wit H. Internationalisation in Higher Education: A Western Paradigm or a Global, Intentional and Inclusive Concept? // International Journal of African Higher Education. Special Issue: Internationalisation of Higher Education in the New Era of World (Dis) Order. 2020. Vol. 7. No. 2. P. 31–37. <https://doi.org/10.6017/ijahe.v7i2.12891>.
12. Chia H., Jones E.L., Grandhama L.P. Enhancing Mentoring between Alumni and Students via SmartAlumni System // Procedia Computer Science. 2012. No. 9. P. 1390–1399.
13. Karaosmanoglu E. Corporate identity: Concept, components and contribution // Journal of General Management. 2005; 31(1):59–81.
14. Taras V., Gunkel M., Assouad A., Tavoletti E., Kraemer J., Jiménez A., Svirina A., Weng Si Lei, Shah G. The predictive power of university pedigree on the graduate's performance in global virtual teams // European Journal of International Management. 2021. Vol. 16. № 4. P. 555–584.

Информация об авторах

ГОЛОВКО-ОХРЕМЕНКО Александра Андреевна. Младший научный сотрудник отдела внутриполитических исследований Института США и Канады имени академика Г.А.Арбатова РАН. <https://orcid.org/0000-0002-4598-8126>. Адрес: Российская Федерация, 121069, г. Москва, Хлебный пер., 2/3. a.golovko-okhremenko@iskran.ru

ЧЕСТНЯГИНА Ксения Сергеевна. Младший научный сотрудник отдела внутриполитических исследований Института США и Канады имени академика Г.А.Арбатова РАН. <https://orcid.org/0000-0001-6499-8066>. Адрес: Российская Федерация, 121069, г. Москва, Хлебный пер., 2/3. k.chestnyagina@iskran.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16 декабря 2024 г. Одобрена после рецензирования: 20 января 2025 г. Принята к публикации: 30 января 2025 г. Опубликовано: 5 марта 2025 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Asmyatullin R.R. Export Strategies of Universities in the Global Market of Educational Services: Theses ... CandSc (Economic): 08.00.14. Moscow.: RUDN [RUDN], 2021: 271 [In Russian].
2. Vartanyan A.A. International Student Migration: Regional Aspect. Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2016; 60(2):113–121 [In Russian]. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-2-113-121>.
3. Galichin V.A. International Market of Educational Services: Main Characteristics and Development Trends. Vek Globalizacii [Age of Globalization]. 2013; 2:101–112 [In Russian].
4. Galushina N.S. Mechanisms of Identity Formation in Social Movements. By the Material of Russian-Speaking Internet. Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya [RSUH Bulletin. Series: Literature Theory. Linguistics. Cultural studies]. 2018; 8(41):134–154 [In Russian]. <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-8-134-154>.
5. Gindes E.G., Troyan I.A., Kravchenko L.A. Mentorship in Higher Education: a Concept, a Model and Development Prospects. Vysshee Obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia]. 2023; 8–9:110–129 [In Russian]. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-110-129>.
6. Kubyshkin A.I. Town and gown. The American University in the Structure of Civic Society. Monograph. St.Petersburg: Izd-vo RGPU im. A.I.Gercena [Publishing House of the Russian State Pedagogical University named after A.I.Herzen], 2021:280 [In Russian].
7. Tsvetkova N.A. American University Abroad: Models of the Establishment and Development. SSHa i Kanada: Ekonomika, Politika, Kul'tura [USA and Canada: Economics, Politics, Culture]. 2013; 11(527):087–097 [In Russian]. EDN RRTZCJ.
8. Agbonlahor O. Review of Engaging International Alumni as Strategic Partners by Gretchen Dobson and Sandra Rincon. Journal of Educational Research and Practice. 2023; 13:15–18 [In English].
9. Ansoglenang G. Corporate Identity: The Case of the University for Development Studies. Journal of Education and Practice. 2018; 9(20):39–48 [In English].
10. Banjong D.N., Olson M.R. Issues and Trends of International Students in the United States. International journal of education. 2016; 4(1) [In English]. Available from: https://www.researchgate.net/publication/299376618_Issues_and_Trends_of_International_Students_in_the_United_States.
11. De Wit H. Internationalisation in Higher Education: A Western Paradigm or a Global, Intentional and Inclusive Concept? International Journal of African Higher Education. Special Issue: Internationalisation of Higher Education in the New Era of World (Dis) Order. 2020; 7(2):31–37 [In English]. <https://doi.org/10.6017/ijahe.v7i2.12891>.
12. Chia H., Jones E.L., Grandhama L.P. Enhancing Mentoring between Alumni and Students via SmartAlumni System. Procedia Computer Science. 2012; 9:1390–1399 [In English].
13. Karaosmanoglu E. Corporate identity: Concept, components and contribution // Journal of General Management. 2005; 31(1):59–81 [In English].
14. Taras V., Gunkel M., Assouad A., Tavoletti E., Kraemer J., Jiménez A., Svirina A., Weng Si Lei, Shah G. The predictive power of university pedigree on the graduate's performance in global virtual teams. European Journal of International Management. 2021; 16(4):555–584 [In English].

About the authors

Alexandra A. GOLOVKO-OKHREMENKO. Junior researcher in the Department of Domestic Policy Studies at the Institute for USA and Canadian Studies named after Academician G.A.Arbatov of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0002-4598-8126>. Address: 2/3, Khlebny Lane, Moscow, 121069, Russian Federation. a.golovko-okhremenko@iskran.ru

Ksenia S. CHESTNYAGINA. Junior researcher in the Department of Domestic Policy Studies at the Institute for USA and Canadian Studies named after Academician G.A.Arbatov of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0001-6499-8066>. Address: 2/3, Khlebny Lane, Moscow, 121069, Russian Federation. k.chestnyagina@iskran.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: December 16, 2024. Approved after review: January 20, 2025. Accepted for publication: January 30, 2025. Published: March 5, 2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political Sociology

Научная статья

Социологические науки

УДК 35.08

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-135-147](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-135-147)

Развитие «мягких» навыков государственных служащих: опыт Российской Федерации

Наталья Николаевна Коростылева^{1a}, Нилуфар Ходжакбаровна Маннанова^{2b}

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

² Координационно-методический центр новейшей истории Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан

^a korostyleva-nn@ranepa.ru, <http://orcid.org/0009-0003-4230-7609>

^b nilufar2627@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2617-4928>

Аннотация. В статье рассматривается развитие «мягких» навыков у государственных служащих на примере опыта Российской Федерации. Методологической основой написания статьи послужил компетентностный подход, который активно используется в теории и практике государственного управления. На основании компетентностного подхода разработаны и изданы методологические рекомендации по установлению квалификационных требований для замещения должностей государственной гражданской службы и по оценке профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих. В них указываются группы компетенций, которыми должны обладать государственные гражданские служащие, в том числе и «мягкие» навыки. В регламентационных документах по государственной гражданской службе не выделяется понятие «мягкие» навыки, однако они вписаны в компетенции государственных служащих и являются их неотъемлемой частью. В статье приведен пример формирования и оценивания «мягких» навыков государственных служащих на примере работы Московского областного учебного центра. Показана их связь с развитием цифровых навыков. Авторы приходят к выводу о необходимости дальнейшего развития «мягких»

навыков государственных служащих, построения их моделей с учетом формирования цифрового общества.

Статья подготовлена в рамках Программы международной академической мобильности, организованной Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций для молодых ученых зарубежных стран.

Ключевые слова: государственная служба, компетентностный подход, компетенции государственных служащих, «мягкие» навыки

Для цитирования: Коростылева Н.Н., Маннанова Н.Х. Развитие «мягких» навыков государственных служащих: опыт Российской Федерации // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 1(15). С. 135-147, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-135-147](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-135-147)

Original Article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-135-147](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-135-147)

“Soft” Skills Development for Civil Servants: the Experience of the Russian Federation

Natalya N. Korostyleva^{1a}✉, Nilufar K. Mannanova^{2b}✉

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

² Coordination and Methodological Center for Modern History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

^a korostyleva-nn@ranepa.ru

^b nilufar2627@mail.ru

Abstract. The article considers the development of “soft” skills among civil servants using as an example, the experience of the Russian Federation. The methodological basis for writing this article was the competence-based approach, which is actively used in the theory and practice of public administration. Based on this approach, methodological recommendations were developed and published to set qualification requirements for filling civil service positions, and to assess the professional service activities of civil servants. These recommendations specify groups of competencies that civil servants should possess, including “soft” skills. Regulatory documents on the civil service do not explicitly mention the concept of “soft” skills, but include them as a part of the required competencies for civil servants and are an integral part of their work. The article provides an example of how “soft” skills are developed and assessed by civil servants using the Moscow Regional Training Center as an example. Their connection with the development of digital skills is demonstrated. The authors conclude that there is a need for further improvement of “soft” skills among civil servants, and they propose building models based on the formation of a digital society.

The article was prepared within the framework of the International Academic Mobility Program organized by the National Research Institute for the Development of Communications for young scientists from foreign countries.

Keywords: civil service, competency-based approach, civil servants competencies, “soft” skills

For citation: Korostyleva N.N., Mannanova N.K. “Soft” Skills Development for Civil Servants: the Experience of the Russian Federation. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025. 1(15): 135-147, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-135-147](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-135-147)

Введение

Деятельность государственных служащих является основным элементом системы государственного управления: от того, как работают служащие, напрямую зависит эффективность всего аппарата. Поэтому в настоящее время уделяется много внимания развитию навыков государственных служащих в рамках компетентностного подхода.

Государственные служащие должны обладать как профессиональными, так и прикладными компетенциями, а также личностными качествами и умениями для надлежащего выполнения обязанностей, от которых зависит результативность работы государства и социально-экономическое развитие страны. Без развития и совершенствования компетенций государственный служащий не может формироваться как профессионал и как личность. Постоянное совершенствование навыков заложено в его профессиональном развитии.

О постоянном развитии государственных служащих не раз в своих выступлениях говорил Президент России В.В.Путин. Выступая на встрече с выпускниками мастерской управления «Сенеж», он отметил, что «главное для любого управленца – это, безусловно, умение слышать людей, чувствовать и понимать проблемы страны, понимать проблемы граждан... Какой бы пост человек ни занимал, он, прежде всего, должен оставаться человеком. Только при этом условии знания, передовые знания, безусловно, и компетенции будут работать на достижение главной цели – благополучия страны»¹.

Помимо профессиональных качеств «мягкие» навыки государственным служащим необходимы. Это обуславливает актуальность темы исследования.

Материалы и методы исследования

Материалом для подготовки статьи послужили нормативно-правовые акты по государственной гражданской службе: Федеральные законы «О системе государственной службы Российской Федерации» (Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ), «О государственной гражданской службе» (Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ), а также методические разработки Минтруда России, такие как «Методиче-

¹ О качествах госслужащего говорил Президент с выпускниками мастерской управления «Сенеж» // 1TV: сайт. URL: https://www.1tv.ru/news/2020-08-20/391773o_kachestvah_gossluzhashego_govoril_prezident_s_vypusknikami_masterskoy_upravleniya_senezh.

ский инструментарий по установлению квалификационных требований для замещения должностей государственной гражданской службы. Версия 4.0» и «Методический инструментарий по внедрению комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих (включая общественную оценку)», методические рекомендации по организации и проведению оценки квалификации государственных гражданских служащих в сфере проектной деятельности. В качестве примера в работе описана деятельность Московского областного учебного центра при Администрации губернатора Московской области, Центра оценки и кадрового развития специалистов в области цифровой трансформации (Рекрутингового центра) Президентской академии, приведены вторичные социологические исследования.

Результаты исследований

Компетентностный подход помогает развивать знания и умения, способствует формированию самостоятельности и саморегуляции, что является важным для адаптации в современном мире. Поэтому в настоящее время он активно используется в гуманитарных науках, в том числе в теории и практике государственного управления.

В основу компетентностного подхода заложено понятие «компетенция». В научной литературе нет единого прочтения этого термина. Существует несколько подходов к его определению. Есть европейский и американский подходы. Так, европейский подход рассматривает компетенции как функциональную правовую заданность, включающую как описание должностных функций, рабочих задач, так и ожидаемых результатов профессиональной деятельности. И в нем «компетенция» выражается как способность сотрудника работать в соответствии со стандартами поведения, принятыми в организации. Американский компетентностный подход определяет компетенцию как основную характеристику работника, при обладании которой он способен показывать рациональное поведение, вследствие чего сотрудник добивается четких результатов труда.

В Российской практике используется интегрированный компетентностный подход, соединяющий функциональный и поведенческий аспекты в единых моделях компетенций. При этом компетенции представляют собой характеристики специалиста, которые важны для выполнения профессиональной работы на соответствующей должности. Объединяя рассмотренные методологические подходы, понятие «компетенция» определяем как интегрированный результат готовности работника применять полученные знания, навыки и умения для эффективного осуществления своей профессиональной деятельности.

Именно такое видение компетентностного подхода положено в основу требований к замещению должностей на государственной гражданской службе.

Таблица 1. Дефиниции и классификации «мягких» навыков (soft skills)
Table 1. Definitions and Classifications of «Soft» Skills

Авторы (источники)	Определения и перечень «мягких» навыков	Ключевое значение в определении
«Кембриджский словарь» ²	В словаре «мягкие» навыки понимаются как способности индивидов выстраивать отношения друг с другом и продуктивно работать вместе	Способность
Dr. Manoj Kumar, Kirti [7]	В статье приводится деление «мягких» навыков на социальные, коммуникативные языковые навыки, включая личностные привычки, эмоциональный интеллект и выстраивание позитивных отношений в коллективе	Социальные, коммуникативные и языковые навыки
В.Шипилов ³	Ученый полагает, что «мягкие» навыки – это прежде всего социально-психологические, коммуникативные, лидерские, командные и публичные навыки	Социально-психологические и коммуникативные навыки
О.Сосницкая ⁴	Автор выделяет коммуникативные и управленческие таланты. Полагает, что к ним относятся: умение убеждать, вести за собой, управлять, находить нужный подход к людям, включая способность разрешать конфликтные ситуации, а также ораторское искусство, умение делать презентации	Коммуникативные и управленческие таланты
Д.С.Ермаков, Ж.А.Амантай [4]	Ученые полагают, что «мягкие» навыки – это те, которые основаны на социально-психологических навыках и, возможно, будут полезны в разных аспектах жизни. Например, это коммуникативные, лидерские навыки, умение работать в команде, навыки, основанные на мышлении. Сюда же относятся универсальные навыки, которые базируются на социально-трудовых характеристиках человека и необходимы для успешного выполнения работы. Авторы полагают, что «мягкие» навыки включают и личные качества, которые будут способствовать результативности труда и взаимодействию в командной работе	Социально-психологические навыки, личностные качества
Е.В.Астапенко, О.В.Шмурыгина [2]	Ученые делают акцент на умениях. Так, они выделяют умение взаимодействовать с командой, принимать самостоятельные решения, брать ответственность на себя, быстро и качественно обучаться новому, умение договариваться, избегать конфликтов, умение работать со временем, управлять им	Умения, связанные с самоорганизацией
Т.Н.Ануфриева [1]	Автор считает, что «мягкие» навыки – это комплекс многофункциональных умений и навыков, которые лучше всего сформировать в специализированных учебных заведениях, а также посредством самообразования	Многофункциональные умения и навыки

Источник: составлено авторами
Source: compiled by the authors

2 Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ni>.
3 Шипилов В. Перечень навыков soft skills и способы их развития. URL: https://www.cfin.ru/management/people/dev_val/soft-skills.shtml.
4 Сосницкая О. Soft skills: мягкие навыки твердого характера. URL: <https://www.dw.com/ru/soft-skills-мягкие-навыки-твердого-характера/a-4837922>.

В «Методическом инструментарии по установлению квалификационных требований для замещения должностей государственной гражданской службы. Версия 4.0» мы находим подобное определение компетенции. Согласно ему, компетенция – это, прежде всего, «комплекс проявляемых в поведении гражданского служащего профессиональных и личностных качеств, свидетельствующий о наличии необходимых для эффективного и результативного исполнения должностных обязанностей знаний, умений, а также опыта профессиональной деятельности»⁵.

Через поведенческие критерии государственных служащих оценивается наличие или отсутствие у них соответствующих компетенций. В таком прочтении компетенции не являются конечной единицей анализа, они имеют более сложную композицию, состоящую из компонентов знаний, умений, навыков, опыта, личностных характеристик. Также компетенции делятся на «твердые», или профессиональные, навыки (hard skills) и «мягкие», или гибкие, навыки (soft skills).

Остановимся на «мягких» навыках более подробно. В научных исследованиях существуют разные подходы к понятию «мягких» навыков. В разное время исследованием проблем «мягких» и «твердых» (профессиональных) навыков занимались такие ученые, как Е.Гайдученко, О.Л.Чуланова, Ю.В.Сорокопуд, О.Сосницкая, Д.Татаурщикова, В.Шипилов, Н.В.Уварина, Н.Ю.Корнеева, Ю.В.Микрюков.

В частности, в работе О.Л.Чулановой «мягкие» навыки изучались как гибкие компетенции, к которым относились коммуникативные, управленческие, самоорганизационные, мыслительные навыки и эмоциональные компетенции [6].

Обратимся к «мягким» навыкам и опишем их с точки зрения разных взглядов ученых и научных школ на данную проблему (таблица 1).

В результате анализа понятия заключаем, что есть разные интерпретации определения «мягких» навыков. С нашей точки зрения, более обобщенные профессиональные действия и личностные качества будут представлять собой «мягкие» навыки, тогда как навыки, представляющие профессионализм любого работника, можно трактовать как «жесткие» навыки.

В подтверждение важности «мягких» навыков ученые Н.В.Уварина, Н.Ю.Корнеева, Ю.В.Микрюков провели социологическое исследование. Исследователи на основе полученных данных пришли к выводу, что почти все опрошенные работодатели (91%) высказывали мнение о том, что «продемонстрированная способность критически мыслить, четко общаться и решать сложные проблемы важнее, чем степень бакалавра (кандидата)» [5]. Это говорит о том, что работодателю нужен профессионал, который проявляет широкий набор гибких навыков, а не просто сотрудник, который имеет академические знания и соответствующие дипломы [5].

На государственной гражданской службе важны специалисты, которые могут проявлять как «жесткие», так и «мягкие» навыки в служебной деятельности.

⁵ Методический инструментарий по установлению квалификационных требований для замещения должностей государственной гражданской службы. Версия 4.0». М.: Минтруд, 2023. С. 8.

Е.В.Васильева провела социологическое исследование по теме ранжирования компетенций государственных служащих и пришла к выводу, что «мягкие» навыки на государственной службе довольно востребованы. В рейтинге компетенций сами государственные служащие поставили на первое место навыки социального взаимодействия и сотрудничества, на второй позиции оказались навыки сотрудничества в коллективе, на третьем уровне – умение мотивировать и стимулировать специалистов для достижения значимых целей [3, с. 129].

В регламентирующих документах о государственной гражданской службе не выделяется понятие «мягкие» навыки, однако они вписаны в компетенции государственных служащих и являются их неотъемлемой частью.

Так, в Методических инструментариях по установлению квалификационных требований и Методических инструментариях по внедрению комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих, а также в Методических рекомендациях по организации и проведению оценки квалификации государственных гражданских служащих в сфере проектной деятельности указана необходимость развивать для всех категорий и групп должностей следующие надпрофессиональные (общие) навыки и умения:

- умение мыслить системно (стратегически);
- умение планировать, рационально использовать служебное время и достигать результата;
- коммуникативные умения;
- умение управлять изменениями.

А для занятия должностей управленческого уровня добавляются также общеуправленческие навыки и умения:

- умение руководить подчиненными, эффективно планировать, организовывать работу и контролировать ее выполнение;
- умение оперативно принимать и реализовывать управленческие решения⁶.

Эти навыки и умения прописываются в поведенческих индикаторах и представляют собой системно ориентированный подход к определению степени выраженности у государственных служащих этих общих компетенций. Заметим, что все они являются обобщенными надпрофессиональными навыками, то есть, по сути, «мягкими» навыками. Все компетенции государственных служащих подлежат оценке.

В «Методическом инструментарии по внедрению комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих (включая общественную оценку)» описывается более подробно каждый из навыков по группам и сравнивается компетенция с профессиональными и личностными качествами. Приведем пример из «Методологического инструментария» по оценке по одному блоку общих компетенций (таблица 2).

⁶ Методический инструментарий по установлению квалификационных требований для замещения должностей государственной гражданской службы. Версия 4.0». М.: Минтруд, 2023. С. 20.

Таблица 2. Соотношение групп профессиональных и личностных качеств⁷
Table 2. The Ratio of Groups of Professional and Personal Qualities⁷

Группы профессиональных качеств	Профессиональные качества	Личностные качества
Прикладные профессиональные качества	Сбор и анализ информации	Аналитическое, вербальное мышление, системность, методичность мышления, память, концентрация и переключаемость внимания, синтез, абстракция, конкретизация, классификация, обобщение
	Качественная подготовка документов	Внимательность, ответственность, аккуратность, добросовестность, пунктуальность, следование нормам, трудолюбие, склонность к проверке ошибок
	Ориентация на обеспечение защиты законных интересов граждан	Добросовестность, ответственность, обязательность, честность, равнодушие, беспристрастность
	Саморазвитие	Открытость новым знаниям, обучаемость, адекватность самооценки, мотивация на развитие, активная жизненная позиция
	Передача опыта и знаний (наставничество)	Терпение, доброжелательность, позитивность мышления, сотрудничество, открытость, социальная уверенность
	Убедительность коммуникаций	Аналитическое мышление, память, системность, логика, коммуникабельность, уверенность в себе, эрудиция, социальная уверенность
	Работа в команде	Коммуникабельность, организованность, целеустремленность, доброжелательность, толерантность, тактичность, стрессоустойчивость
	Творческий подход, инновационность	Активная жизненная позиция, открытость новому, целеустремленность, позитивность, мотивация на развитие, нестандартность мышления, широта кругозора, эрудиция

Мы видим, как обстоятельно описывается каждая компетенция. Это необходимо для полной оценки государственных служащих. Оценка, основанная на компетенциях, нужна для аттестации государственных служащих, для проведения квалификационного экзамена, для написания характеристики на государственного служащего, а также всесторонняя оценка является основанием для профессионально-должностного развития сотрудников государственного органа.

Для дальнейшей разработки методологии анализа компетенций государственных служащих, для развития «мягких» навыков в регионах Российской Федерации образуются учебные центры.

⁷ Методический инструментарий по внедрению комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих (включая общественную оценку). М.: Минтруд, 2013. С. 160-162.; Методические рекомендации по организации и проведению оценки квалификации государственных гражданских служащих в сфере проектной деятельности // Минтруд. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/1267>.

Рассмотрим деятельность одного из таких центров, обратив внимание на формат формирования и развития «мягких» навыков государственных служащих.

Учебный центр Московской области (Центр) предназначен для развития компетенций и представляет собой единую образовательную и профессиональную среду для государственных и муниципальных служащих, а также для работников бюджетной сферы, сотрудников и управленцев организаций Подмосквья. В учебном центре есть целый отдел, который занимается диагностикой и развитием компетенций. В этом отделе ведется оценка личностного и управленческого потенциала сотрудников и проводится диагностика команд. В Центре творчески подошли к развитию «мягких» навыков, путем анализа наработанного многолетнего опыта сотрудники учебного заведения определили восемь основных гибких навыков: аналитическое мышление, ответственность и результативность, открытость новому и инновационность, лидерство, клиентоцентричность, стрессоустойчивость, работа в команде, эффективная коммуникация. По этим «мягким» навыкам проходит тщательная диагностика государственного служащего и определяется его индивидуальная модель компетенций⁸.

Система оценки компетенций организуется в четыре этапа: сначала формируется официальный запрос, далее составляется дорожная карта диагностики, затем проводится сама диагностика и в итоге анализируются полученные результаты.

Для развития компетенций государственных служащих в Учебном центре Московской области применяется многоуровневая система. В эту систему входят: разработка треков развития, составление дорожной карты развития (командной и индивидуальной), осуществление самого процесса обучения и проведение мониторинга эффективности.

Помимо формирования индивидуального трека развития компетенций государственного служащего осуществляется и командная работа.

К видам диагностики команд можно отнести следующие:

- оценка текущего уровня приоритетных компетенций сотрудников;
- выявление сильных сторон и актуальных зон роста;
- диагностика вовлеченности и уровня лояльности в команде;
- определение управленческого потенциала команды;
- построение системы обучения и развития сотрудников;
- мониторинг эффективности оценки и развития компетенций.

Для достижения высоких результатов на государственной службе важную роль играет не только диагностика, но и последующее внедрение инструментов развития и поддержки сотрудников, нацеленных на развитие как профессиональных, так и личностных качеств. Это позволяет повысить адаптивность, стрессоустойчивость и коммуникативные навыки, а также значимым аспектом является создание среды, способствующей обмену опытом, мотивации и вовлеченности. Такое взаимо-

⁸ Отчет о результатах самообследования ГБОУ ДПО «Московский областной учебный центр» за 2023 г. URL: <https://moutc.ru/upload/iblock/a9a/cdre65qwt2ufjeaxb2t50yhqfr6tf0f9.pdf>.

действие помогает формировать новые подходы к решению сложных задач, стоящих перед государственными органами.

Обсуждение результатов

Мы полагаем, что для повышения эффективности работы государственных служащих большое значение имеет развитие личной мотивации и повышение уровня ответственности, где ключевую роль играют механизмы стимулирования сотрудников, улучшение условий их работы и признания индивидуальных достижений. Необходимо, чтобы каждый государственный служащий осознавал личный вклад в достижение общих целей.

Еще одним фактором повышения эффективности государственной службы являются ускорение обмена информацией и процесс цифровизации. Сейчас наряду с профессиональными и гибкими навыками все большее значение приобретают цифровые навыки. Государственная служба не отстает от нововведений. Как отмечает М.Шклярчук, в настоящее время ключевой историей является «переход к управлению, основанному на данных. Это сложная история: меняется культура взаимодействия, надо учиться принимать решения, точнее прогнозируя их последствия»⁹. В учебных заведениях, связанных с подготовкой государственных служащих, активно разрабатываются программы обучения цифровым навыкам. Так, в РАНХиГС (в Высшей школе государственного управления) был открыт Центр оценки и кадрового развития специалистов в области цифровой трансформации (Рекрутинговый центр). Он обучает государственных служащих цифровым навыкам и одновременно оказывает помощь подразделением цифровой трансформации государственных органов власти в поиске и оценке перспективных кадров в сфере IT-технологий. Центр успешно решает ряд задач в области оценки кадров государственных служащих, составления профилей кадров в сфере искусственного интеллекта, разрабатывает инструменты оценки личностных и профессиональных компетенций государственных служащих, формирует кадровый резерв специалистов по цифровой трансформации¹⁰.

Деятельность учебных центров значительно повышает производительность труда и открывает существенные возможности для профессионального развития государственных гражданских служащих.

Необходимо заметить, что прослеживается прямая связь между развитием «мягких» навыков государственных служащих с их цифровыми навыками. Работа в цифровой среде предполагает наличие продвинутых «мягких» навыков. Так, коммуникационные навыки тесно совмещены с навыками использования видео-конфе-

⁹ Шклярчук М. Госуправления без цифры больше нет // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3896046>.

¹⁰ Центр оценки и кадрового развития специалистов в области цифровой трансформации (Рекрутинговый центр). URL: <https://cdto.work/about/>.

ренц-связи, а умения работы с большими массивами данных – с общеуправленческими и организационными навыками.

Институт государственной службы благодаря развитию информационных технологий вместе с «мягкими» навыками активно меняется. Он становится открытым, эффективным в вопросах принятия взвешенных решений, более клиентоориентированным.

Выводы

Проведенный анализ доказывает актуальность развития навыков, отнесенных к категории «мягких», у государственных служащих. Поэтому для оптимизации деятельности государственных служащих большое значение имеет совершенствование механизмов планомерного и систематического оценивания этих навыков с последующим обучением им.

В Российской Федерации создана система оценивания служебной деятельности государственных служащих на основе компетентностного подхода, которая состоит из нормативно-правового, организационно-управленческого и технологического блоков. В данном механизме особое внимание уделяется «мягким» навыкам. На основе их диагностики создаются наборы учебных программ, направленных на их дальнейшее развитие. Гибкие навыки позволяют быстро адаптироваться к имеющимся условиям, результативно выстраивать коммуникационные треки, находить нестандартные управленческие решения, быстро разрешать конфликтные ситуации и т.д. К ним активно присоединяются и цифровые навыки, происходит их симбиоз, при котором трудно будет предугадать, где будет заканчиваться граница гибких и начинаться черта цифровых навыков.

Без надпрофессиональных навыков государственным служащим невозможно быть успешными и конкурентоспособными, качественно оказывать услуги населению, эффективно развивать институт государственной службы.

Список литературы

1. Ануфриева Т.Н. Контент-анализ понятия «гибкие навыки» (soft skills) [Content Analysis of the Concept «Soft Skills»] // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. № 2. С. 120–132. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-2-120-132>.
2. Астапенко Е.В., Шмурыгина О.В. Надпрофессиональные навыки преподавателя профессионального образования [Soft Skills for VET Teachers] // Профессиональное образование и рынок труда. 2022. Т. 10. № 3. С. 21–34. <https://doi.org/10.52944/PORT.2022.50.3.001>.
3. Васильева Е.В. Компетентностный подход в государственной службе: какие знания и навыки выбирают госслужащие? [Competence Approach in Public Service: What Knowledge and Skills do Civil Servants Choose?] // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 4. С. 120–141.
4. Ермаков Д.С., Амантай Ж.А. Модель мягких навыков. Современное образование и soft skills [Soft Skills Model on the School Digital Platform “Sberclass”] // Образовательная политика. 2021. № 4(88). С. 42–51. <https://doi.org/10.22394/2078-838X-2022-1-42-50>.

5. Уварина Н.В., Корнеева Н.Ю., Микрюков Ю.В. Soft skills: актуальность, история, перспективы развития [Soft Skills: Relevance, History, Development Prospects] // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2021. № 4(44). С. 40–46.
6. Чуланова О.Л. Социально-психологические аспекты управления: эмоциональная компетентность руководителя в структуре soft skills (значение, подходы, методы диагностики и развития) [Socio-Psychological Aspects of Management: Emotional Competence Leader in the Structure of Soft Skills (the value approach, diagnosis and development methods)] // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». 2017. Т. 9. № 1. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/07EVN117.pdf>.
7. Dr. Manoj Kumar K. A study of influencing factors of soft skills // International Journal of Creative Research Thoughts (IJCRT). 2023. Vol. 11. Issue 4. P. 830–839.

Информация об авторах

КОРОСТЫЛЕВА Наталья Николаевна. Доктор социологических наук. Доцент. Профессор кафедры управления персоналом Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Адрес: Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, 82. korostyleva-nn@ranepa.ru

МАННАНОВА Нилуфар Ходжакбаровна. PhD по социологическим наукам. Научный сотрудник Координационно-методического центра новейшей истории Академии наук Республики Узбекистан. Адрес: Республика Узбекистан, 100047, г. Ташкент, ул. Яхъё Гулямова, 70. nilufar2627@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25 ноября 2024 г. Одобрена после рецензирования: 18 января 2025 г. Принята к публикации: 30 января 2025 г. Опубликовано: 5 марта 2025 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Anufrieva T.N. Content Analysis of the Concept “Soft Skills”. Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. 2023; 2:120–132 [In Russian]. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-2-120-132>.
2. Astapenko E.V., Shmurygina O.V. Soft Skills for VET Teachers. Professional'noe Obrazovanie i Rynok Truda [Vocational Education and Labor Market]. 2022; 10(3):21–34 [In Russian]. <https://doi.org/10.52944/PORT.2022.50.3.001>.
3. Vasilyeva E.V. Competence Approach in Public Service: What Knowledge and Skills do Civil Servants Choose? Voprosy Gosudarstvennogo i Municipal'nogo Upravleniya [Public Administration Issues]. 2018; 4:120–141 [In Russian].

4. Ermakov D.S., Amantai Zh.A. Soft Skills Model on the School Digital Platform “Sberclass”. Obrazovatel'naya Politika [Educational Policy]. 2021; 4(88):42–51 [In Russian]. <https://doi.org/10.22394/2078-838X-2022-1-42-50>.
5. Uvarina N.V., Korneeva N.Yu., Mikryukov Yu.V. Soft Skills: Relevance, History, Development Prospects. Professional'noe Obrazovanie v Rossii i za Rubezhom [Professional Education in Russia and Abroad]. 2021; 4(44):40–46 [In Russian].
6. Chulanova O.L. Socio-Psychological Aspects of Management: Emotional Competence Leader in the Structure of Soft Skills (the value approach, diagnosis and development methods). Internet journal “NAUKOVEDENIE” [Science Studies]. 2017; 9(1) [In Russian]. Available from: <http://naukovedenie.ru/PDF/07EVN117.pdf>.
7. Dr. Manoj Kumar, K. A study of influencing factors of soft skills. International Journal of Creative Research Thoughts (IJCRT). 2023; 11(4):830–839 [In English].

About the authors

Natalia N. KOROSTYLEVA. DSc. (Sociol.). Associate Professor. Professor of the Personnel Management Department of the Institute of Public Administration and Management of the Presidential Academy of National Economy and Public Administration. <http://orcid.org/0009-0003-4230-7609>. Address: 82, Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russian Federation. korostyleva-nn@ranepa.ru
Nilufar K. MANNANOVA. PhD (Sociol.). Scientific Researcher of the Coordination and Methodological Center for Modern History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. <http://orcid.org/0000-0002-2617-4928>. Address: 70, Yakhyo Gulyamova str., Tashkent, 100047, Republic of Uzbekistan. nilufar2627@mail.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: November 25, 2024. Approved after review: January 18, 2025. Accepted for publication: January 30, 2025. Published: March 5, 2025.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Факторы миграции сельского населения Кыргызстана

Ырыс Медетбековна Медетбекова✉

Институт истории, археологии и этнологии имени Б.Джамгерчинова
Национальной академии наук Кыргызской Республики, Бишкек,
Кыргызстан
vrysmedetbekova47252@gmail.com

Аннотация. Трудовая миграция населения – это один из сложнейших социальных процессов, возникновение которого обусловлено размещением производства, изменениями экономической и политической ситуации и ростом трудовой и социальной мобильности населения. В статье рассмотрены процессы внутренней и внешней миграции населения Кыргызстана и ее основные причины, определены ее положительные и отрицательные стороны для страны. Современные тенденции миграционного движения населения Кыргызстана являются отражением череды сдвигов в социально-экономическом развитии страны, изменений ее политической ситуации. По мнению автора, наиболее значимыми факторами внешней миграции сельской молодежи являются стремление к повышению образовательного уровня и желание сельского населения изменить состояние – как материальное, так и социально-экономическое. Наряду с этнической эмиграцией на передний план выходит экономическая, обусловленная снижением уровня жизни, неопределенностью жизненных перспектив, неэффективностью социальной защиты населения. Как отметил автор, сельская молодежь проявляет себя наиболее подвижной, и вполне возможно, что если ситуация в Кыргызстане, особенно в южных регионах, будет продолжать ухудшаться, то возрастет число мигрантов среди молодежи в другие страны, такие как Россия, Болгария, Турция, Корея, Япония, Великобритания.

Статья подготовлена в рамках Программы международной академической мобильности, организованной Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций для молодых ученых зарубежных стран.

Ключевые слова: Кыргызстан, сельское население, молодежь, миграция, факторы, социально-экономические проблемы, безработица

Для цитирования: Медетбекова Ы.М. Факторы миграции сельского населения Кыргызстана // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 1(15). С. 148-163, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-148-163](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-148-163)

Migration Factors of the Rural Population in Kyrgyzstan

Yrys M. Medetbekova✉

Institute of History, Archaeology and Ethnology named after B.Dzhamgerchinov
at the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan
vrysmedetbekova47252@gmail.com

Abstract: Labor migration of the population is one of the most complex social processes, the occurrence of which is caused by changes in the location of production, economic and political situations, as well as growth in labor and social mobility. The article examines internal and external migration processes in Kyrgyzstan, its main causes and positive and negative effects on the country. Current trends in migration movements in Kyrgyz society reflect a series of changes in socio-economic development and political situation. The author identifies the most significant factors influencing external migration among young people of rural areas, including the desire for improved education and the desire to change material and socioeconomic status. Along with ethnic emigration, economic emigration is becoming more prominent, caused by a decline in living standards, uncertainty about future prospects, and ineffective social protection for the population. The author notes that rural youth are the most mobile, so it is possible that, if the situation continues to worsen in Kyrgyzstan, especially in the southern regions, the number of young people who migrate to other countries such as Russia, Bulgaria, Turkey, Korea, Japan, and Great Britain will increase.

The article was prepared within the framework of the International Academic Mobility Program organized by the National Research Institute for the Communication Development for young scientists from foreign countries.

Keywords: Kyrgyzstan; rural population; youth; migration; factors; socio-economic issues; unemployment

For citation: Medetbekova Y.M. Migration Factors of the Rural Population in Kyrgyzstan. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025. № 1(15). С. 148-163, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-148-163](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-148-163)

Введение

Кыргызстан издавна является аграрным регионом. В сельской местности сегодня проживает около 2/3 всего населения. Распад Советского Союза, образование суверенных государств положили основу новым экономическим, социально-культурным реалиям обществ, тем самым провозглашение политики либерализации, деиндустриализации изменили на корню жизнь всего общества. В свою очередь, реформирование аграрного сектора как отрасли, где сконцентрирована основная часть населения (70%) страны, практически привело к деинституционализации колхозов и совхозов.

Изменение форм собственности сказалось на сельском хозяйстве Кыргызстана. Массовое разрушение коллективных хозяйств привело к появлению множества убыточных районов и обнищанию определенной части сельского населения. Согласно исследованиям Министерства труда и социальной защиты, в 2005 г. 43% населения жило за чертой бедности¹. Наиболее бедными являлись жители Баткенской области (60%), и чуть менее бедными – Жалалабатской и Ошской областей (по 56%). Наиболее благополучными регионами являются г. Бишкек и прилегающая к нему Чуйская область². Молодежь оказалась под ударом безработицы, так как она является наименее защищенной категорией населения. Переход к новым формам собственности сопровождался массовым разрушением системы коллективных хозяйств, что привело к появлению множества депрессивных районов. Основная часть населения осталась практически без работы, без пособий, без пенсии, увеличились такие социальные слои, как незащищенная часть населения, многие семьи попали в тяжелые жизненные условия. Эти обстоятельства стали катализатором как активного переселения сельской молодежи в г. Бишкек и Чуйскую долину, так и внешней миграции – в Российскую Федерацию и Казахстан.

Материалы и методы

Разнообразие аспектов данной проблемы потребовало использование автором общенаучного и дедуктивного методов исследования, что позволило комплексно выявить и оценить поставленную проблему, а именно – всестороннее исследовать факторы миграции кыргызского сельского населения, а также определить возможные последствия данного явления для региона, осветить экономические и социально-демографические процессы. В процессе исследования

¹ Уровень жизни населения Кыргызской Республики 2005–2009 // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Бишкек, 2010. URL: <https://stat.gov.kg/media/publicationarchive/dd6b8ce0-09a2-4fd9-b831-e5aa0322357a.pdf>.

² Омурбекова М.О. Актуализация проблемы бедности в современных условиях развития Кыргызстана. URL: <https://arch.kyrlibnet.kg/uploads/OMURBEKOVA%20M.O.pdf>.

применялись методы статистики и прикладной аналитики, что позволило обеспечить научную обоснованность, комплексность и достоверность результатов исследования.

Сокращение рабочих мест, низкий уровень оплаты труда, ухудшение условий проживания и качества жизни, рост числа депрессивных территорий, социально-политическая нестабильность, усиление напряженности в межэтнической сфере, – вот только часть основных социально-экономических и политических причин, вызвавших масштабную миграцию [10; 14–17].

Исследование факторов миграции Кыргызстана в условиях евразийской интеграции основывается на работах, выполненных по темам, близким к изучению экономической, социальной и интеграционной тематики [1–6; 9; 11–13; 18–24].

Результаты обсуждения

Основными источниками потоков внешней трудовой миграции из Кыргызстана стали Ошская, Джалал-Абадская и Баткенская области. Эти области ранее были преимущественно аграрными, и население в них составляло 65–70% сельских жителей. Однако в результате деинституционализации колхозов и совхозов весь регион охватила кризисная ситуация, в отличие от северных областей. Недостаточное развитие производственной и социальной инфраструктуры, а также отсутствие возможностей для использования избыточных трудовых ресурсов привели к избытку рабочей силы на юге Кыргызстана. Это привело к постоянному оттоку населения, вызванному сложившимся кризисным социально-экономическим положением, дефицитом рабочих мест для квалифицированных специалистов и молодежи, напряженностью на рынке труда, а также перенаселенностью и дефицитом земельных и водных ресурсов [14]. В результате значительная часть жителей сел и поселков городского типа Кыргызстана вынуждена была мигрировать за пределы своих мест проживания.

Во внешней миграции особенно заметно региональное различие: потоки переселенцев отличаются в северных и южных областях. Например, количество внешних трудовых мигрантов из Ошской, Джалал-Абадской и Баткенской областей, по статистическим данным, в пять раз выше, чем из других территорий. В свою очередь, число мигрантов из Таласской, Чуйской и Иссык-Кульской областей, отбывающих в другие страны, намного ниже, а в Нарынской области процент внешних мигрантов очень низок. Причиной этому является то, что в Нарынской области 65% сельского населения в основном занимаются животноводством, что дает им систематический доход от продаж мяса, молока и шерсти [22]. Доход от туризма (как летом, так и зимой) получает сельское население Иссык-Кульской области, основная часть которого занимается в сфере оказания сервиса и услуг. Эти факторы являются основными причинами показателей внешней миграции не только молодежи, но всего населения регионов.

Но, несмотря на эти условия, существует множество факторов, которые влияют на переезд населения, зависят от пола, возраста, семейного положения, образования, языкового потенциала. В целом внешняя миграция в стране обусловлена прежде всего трудовыми причинами, затем – экономическими, а на третьем месте – негативным настроением населения.

В селах каждый житель получил в советское время участок в размере нескольких соток, и в среднем на каждую семью приходится по 0,35 га земли. Кыргызы земледельческих районов на этих земельных участках в основном сеют пшеницу, кукурузу, хлопок, табак, а в предгорных и горных районах – ячмень, картошку, пшеницу. Однако этот небольшой участок земли не удовлетворяет полностью потребности сельского населения. В сельской местности отсутствуют мелкие и крупные промышленные предприятия. Некоторые кыргызы работают зимой в городах, в основном в торговле, и возвращаются домой весной для ведения полевых работ [10]. В ближайшем будущем не ожидается появления промышленных объектов, которые бы перерабатывали сельскохозяйственную продукцию.

Как можно понять из вышеизложенного, в сельском хозяйстве не ожидается улучшений. Это означает, что отсутствие работы будет продолжать играть важную роль в миграции кыргызов. Следовательно, молодежь будет продолжать покидать родные места и переезжать в другие страны. Мы полагаем, что миграция молодого поколения будет увеличиваться. Население на юге Кыргызстана, особенно в сельской местности, будет уменьшаться, так как люди уезжают из этих мест в детородном возрасте.

Молодые люди, окончившие школы и получившие паспорта, уезжают из села, чтобы получить высшее или среднее специальное образование. Стремление повысить образовательный уровень является одним из важных факторов миграции, он занимает второе место. Молодые люди, получившие образование и определившиеся в профессиональном плане, обычно не возвращаются в сельскую местность, так как знают, что там нет работы, особенно по полученной специальности. В городах больше возможностей для трудоустройства, чем в сельской местности [10]. Определенная часть сельского населения переезжает в города или за рубеж по семейным обстоятельствам, например, чтобы быть ближе к детям, которые там учатся или работают.

Еще одной причиной миграции сельского населения является стремление улучшить свое социально-экономическое состояние, изменить качество жизни. В селах, особенно в таких отдаленных районах страны, как Ак-Талинский, Тянь-Шанский, Базар-Коргон, несмотря на то, что каждая семья имеет земельные наделы, из-за нехватки технических средств на вспашку и обработку земли, покупку хороших семян, острой проблемы с поливной водой участки остаются без эффективного использования, что не только способствует снижению социально-экономического состояния семьи, но и ухудшает ее морально-психологический климат. В целом традиционно жизнь населения сельской местности была значительно ниже по качеству, чем в городах. Поэтому многие сельские жители уезжают в другие места в надежде на лучшую жизнь [12, с. 57].

Еще одним важным фактором миграции является отсутствие жилья в сельской местности. Получить земельный участок для строительства жилого дома очень сложно, и стройматериалы для домов слишком дороги для сельского населения. Поэтому часть людей также уезжает в города, чтобы заработать денег на покупку квартиры или строительство дома [10].

Семейные обстоятельства вынуждают к миграции 29% мужчин и 71% женщин Кыргызстана³. По данным опросов, женщины чаще среди причин миграции указывают семейные обстоятельства, возможно, на это влияет активная роль женщин в семье, ее главенствующие функции в ведении хозяйства и воспитании детей.

Все возрастные группы в равной степени указывают на безработицу как причину отъезда с сельских территорий.

В последние годы наблюдается массивный отток миграции за пределы Кыргызстана из Баткенской области: население приграничных районов с Таджикистаном существенно уменьшается, оставляя жилье и землю. Основной причиной отъезда кыргызов из родных сел выступают крайне низкие стандарты жизни на границе: отсутствие развитой социальной инфраструктуры, безработица в сочетании с глубокой нищетой. Местные жители указывают на усиление психологического давления со стороны таджикских сообществ, стремящихся к расширению своего влияния и заселению пустующих домов и освоению покинутых земель.

В районе Лейлека проживает около 110 тыс. человек, однако половина населения (кыргызы) уже покинула эти земли в поисках лучших условий жизни в Бишкеке, Казахстане или России. В приграничных зонах наблюдается явная демографическая асимметрия: кыргызские села заметно уступают по численности таджикским поселениям, что способствует постоянному давлению на местное население со стороны граждан соседней страны.

Независимо от конкретных факторов миграции – экономических, социальных, культурных и психологических аспектов жизни – ключевым мотивом для переезда становится стремление к улучшению качества жизни. Это означает, что многие граждане Кыргызстана оставляют свои семьи, дома, земли, села.

Интенсивность миграции, ее размеры непосредственно связаны с показателями жизни. Меньше всего выбывают из тех мест, где материальные условия оказываются лучшими [20].

Основными причинами трудных жизненных условий и тяжелого социально-экономического положения являются многодетность семей, низкие гарантированные государством пособия, отсутствие стартового капитала для начала фермерского бизнеса или других источников дохода, которые в достаточной степени могли бы обеспечить ежедневные потребности.

Считается, что главным ресурсом каждого государства является его народ, забота об этом народе, по сути, остается делом самого народа и каждой семьи, взятой в отдельности. Несмотря на то, что власти Кыргызстана предпринимают различные

³ Основными причинами внутренней миграции в Кыргызстане являются семейные обстоятельства, – Нацстатком // АКИpress. 1 мая 2017 г. URL: <https://kg.akipress.org/news:1380196/>.

меры по обеспечению достойного уровня, социальные проблемы в целом все-таки остаются нерешенными. Такие понятия, как стабильность и благополучие семьи, для сельского населения остаются на страницах принятых законов, указов, постановлений. Поэтому каждый кыргызстанец самостоятельно решает вопросы обеспечения социально-экономической стабильности своей семьи, чтобы дать более или менее достойное образование своим детям. При этом в стране острая нехватка в государственных школах учителей (в одном классе могут сидеть по 45–50 детей, за одной партой – по три школьника), в медицинских учреждениях недостаточно врачей, есть проблемы и с другими специалистами социальной сферы, поэтому кыргызы вынуждены становиться мигрантами – как внутренними, так и внешними. В этом случае миграция является одним из механизмов улучшения социального статуса своей семьи. Однако ни одна из стран Центральной Азии, являющихся поставщиками рабочей силы, не смогла эффективно реализовать свои стремления по созданию рабочих мест внутри страны.

Особо тяжелые условия у сельской молодежи южного региона Кыргызстана; осознание того, что, они неспособны создать для себя и своей семьи желаемые условия жизни и удовлетворить свои социальные потребности, вынуждает их становиться мигрантами.

Миграционное поведение кыргызского населения после временного отъезда – это своеобразная адаптационная стратегия населения, отвечающая новым потребностям человека и новым требованиям социальной ситуации. Мигранты используют как легальные, так и нелегальные методы, чтобы приспособиться к новым условиям, избежать обнищания, компенсировать резкое снижение доходов, получить опыт жизни в рыночной экономике, изменить свои жизненные ориентиры, в том числе связанные с трудовой деятельностью, предпринять другие адаптивные действия в надежде на позитивный эффект [21].

Однако такая стратегия адаптации имеет не только положительные стороны, но и несет в себе угрозу распада этнических сообществ и семей в условиях миграции. Особенно это заметно по возвращении из миграции (например, образовательной или трудовой) – добавляются негативные последствия. По итогам переписи населения и жилищного фонда 2022 г. получены данные о числе лиц, ранее проживавших в других странах и вернувшихся в Кыргызстан (данный вопрос в истории переписей населения задавался впервые: «Проживали ли Вы непрерывно 1 год и более в другой стране?»). Из 148 тыс. человек, положительно ответивших на данный вопрос, 52,2 тыс. человек (35,2%) основной причиной возвращения назвали семейные обстоятельства, а 45,5 тыс. человек (30,7%) – возвращение на прежнее место жительства, 17,2 тыс. человек (11,6%) нашли работу в Кыргызстане. Следует отметить, что основная часть вернувшихся (около 83%) – это население в трудоспособном возрасте. При этом количество мужчин составило 66%, женщин – 34% [7]. Под влиянием политики «мягкой силы» определенная часть мигрантов становится носителем приобретенной культуры, «новых» моделей поведения, образа жизни, которые полностью или частично противо-

Таблица 1. Численность постоянного населения, населения в трудоспособном возрасте и временно отсутствующие на территории (человек)

Table 1. The Number of Permanent Population, Working-Age Population and People Temporarily Absent from this Territory (people)

	Всего, человек	Из них в трудоспособном возрасте	Из общей численности – временно отсутствующие	В процентах к общей численности населения	В процентах к численности населения в трудоспособном возрасте
Кыргызская Республика	6 936 156	3 935 969	1 094 514	15,8	27,8
Баткенская область	561 443	294 875	124 071	22,1	42,1
Джалал-Абадская область	1 292 420	683 788	277 359	21,5	40,6
Иссык-Кульская область	534 472	293 294	59 082	11,1	20,1
Нарынская область	306 573	172 534	45 311	14,8	26,3
Ошская область	1 439 633	765 710	245 620	17,1	32,1
Таласская область	271 950	43 180	56 589	20,9	39,5
Чуйская область	1 056 758	593 901	106 636	10,1	18,1
Бишкек	1 120 827	769 309	157 569	14,1	20,5
Ош	353 080	219 378	22 277	6,3	10,2

Источник: [7, с. 8]

Source: [7, p. 8]

речат менталитету местного населения, откуда они являются выходцами, своих исконных семей, родственников, друзей. Происходит если не полное, то частичное социальное и культурное отчуждение. Это приводит к формированию новой национальной идентичности.

Отметим еще одну специфику внутренней миграции: люди едут в города, которые являются для них безаналоговым местом притяжения, где можно работать незарегистрированным в данном месте, хотя бы ограниченный срок.

Возрастно-половой состав населения, покидающего Кыргызстан, представлен человеческими ресурсами в наиболее экономически активном и репродуктивном возрасте. Так, в 2022 г. мигранты трудоспособного возраста составили 27,8% от их общего числа в целом по республике (таблица 1). Из общего числа временно отсутствовавших 876,9 тыс. человек (80%) выехали за пределы страны, а 217,6 тыс. человек (20%) мигрировали внутри страны. Наибольшее число временно отсутствующих отмечено в Баткенской, Джалал-Абадской и Таласской

областях (более 20% к общей численности, 40 и более процентов – к численности населения в трудоспособном возрасте). В половозрастной структуре временно отсутствующего населения значительных различий в соотношении мужчин и женщин не наблюдается, и только в возрасте 55 лет и старше количество женщин заметно превалирует. В трудоспособном возрасте в числе временно отсутствующего населения в 2022 г. находились 492,5 тыс. мужчин и 443,5 тыс. женщин. Основная часть уехавших на заработки мужчин и женщин приходится на возрастную группу от 20 до 40 лет [7].

В настоящее время основные потоки внешней трудовой миграции Кыргызстана направлены в Южную Корею, Великобританию, Чехословакию, Польшу, Российскую Федерацию и Казахстан. В этих странах кыргызские внешние мигранты в основном заняты в строительстве, сельском хозяйстве и торговле, то есть неквалифицированным ручным трудом. В зависимости от характера работы они делятся на три основные категории: сезонные сельскохозяйственные рабочие, наемные рабочие и частные предприниматели [3].

В Кыргызстане для выезда из страны не требуется никаких разрешений, так что каждый взрослый гражданин имеет возможность в любое время выехать за границу без указания цели выезда и вернуться обратно. В стране действуют многочисленные рекрутинговые агентства, которые предоставляют услуги организованного набора рабочей силы на проекты за рубежом.

Основная часть находившихся за пределами страны (872,9 тыс. человек (99,5%)) выехали в страны СНГ, а 4 тыс. человек (0,5%) – в страны вне СНГ. Наиболее предпочтительными странами пребывания для временно отсутствующего населения являются Россия (870,3 тыс. человек), Казахстан (2,2 тыс. человек), Турция (1,8 тыс. человек) (таблица 2).

Анализ статистических данных Департамента внешней миграции при Министерстве иностранных дел Кыргызской Республики показывает, что на декабрь 2024 г. 640 тыс. кыргызов работают в России, 35 тыс. – в Казахстане, 30 тыс. – в Турции, 15 тыс. – в США, 5,5 тыс. – в Италии, 5 тыс. – в Корею, 5 тыс. – в Германии, 3 тыс. – в ОАЭ, около 2 000 наших соотечественников – в Великобритании⁴. Из них 27% являются представителями сельской молодежи.

В миграционном пространстве Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Астаны и Алматы появляются диаспоры, которые стараются поддержать «своих», особенно выходцев из сельской местности. Например, существующая диаспора кыргызов в Екатеринбурге систематически оказывает материальную и моральную поддержку и способствует успешной адаптации новым прибывшим мигрантам из Кыргызстана.

Кыргызские трудовые мигранты в России и Казахстане в основном заняты в строительстве, сельском хозяйстве и других отраслях, связанных с физическим тру-

⁴ Жээнбеков: трудовые мигранты перевели в Киргизию за десять лет 19 млрд долларов // Парламентская газета. 02.08.2019. URL: <https://www.pnp.ru/economics/zheenbergov-trudovye-migranty-pereveli-v-kirgiziyu-za-10-let-19-mlrd-dollarov.html>.

Таблица 2. Численность временно отсутствующего населения по причинам отсутствия и месту пребывания

Table 2. Number of Temporarily absent Persons by Reason for Absence and Place of Residence

Кыргызская Республика	1 094 514	964 630	41 365	77 372	11 147
В том числе отсутствующие за пределами Кыргызской Республики	876 883	857 605	2 548	14 821	1 909
На территории стран СНГ	872 874	855 156	1 777	14 177	1 764
Казахстан	2 158	1 221	107	740	90
Россия	870 304	853 849	1 619	13 227	1 609
Узбекистан	291	42	29	169	51
Другие страны СНГ	121	44	22	41	14
На территории стран Балтии	60	59	1	–	–
На территории стран вне СНГ	3 949	2 390	770	644	145
В том числе:					
Германия	336	166	135	24	11
Южная Корея	240	184	32	20	4
США	255	129	56	59	11
Турция	1 828	1 169	242	358	59

Источник: [7, с. 9–10]

Source: [7, p. 9–10]

дом [21]. По приказу Омбудсмана Кыргызской Республики проводится мониторинг по охране прав трудовых мигрантов г. Алматы и Алматинской области, где проживает более 13 тыс. кыргызов. Мигранты, проживающие в Алматинской области и занятые в сельском хозяйстве, в основном прибыли из Ноокатского, Кара-Суйского, Узгенского районов Ошской области⁵. Есть тенденции освоения мигрантами сельских районов Московской и других областей Российской Федерации. Основные проблемы этих мигрантов: низкая оплата труда, плохие условия труда и отсутствие документов, удостоверяющих личность.

За последние годы страну официально покинуло больше женщин, чем мужчин, и национальная статистика за последние пять лет показывает, что доля женщин в межрегиональной миграции каждый год выше, чем мужчин. За последние 10 лет примерно треть всего населения республики поменяла свое место жительства. Основной отток населения идет из сельской местности в города [16].

⁵ «Совершенствование правового регулирования статуса сезонных трудовых мигрантов, занятых в сельском хозяйстве» – результаты исследования // Караван: медиапортал. URL: <https://www.caravan.kz/news/sovershenstvovanie-pravovogo-regulirovaniya-statusa-sezonnykh-trudovykh-migrantov-zanyatykh-v-selskom-khozyajstve-rezultaty-issledovaniya-376621/>.

Более 90% мигрантов (и мужчин, и женщин) составляют люди в наиболее работоспособном возрасте (от 20 до 49 лет). Данные об образовании мигрантов показывают преобладание лиц с общим средним образованием – 61,6%; работники с законченным или незаконченным высшим образованием составляют 13,8%, с начальным или средним профессиональным образованием – 14,2%, с основным средним или ниже – 10,4%. Сравнение с данными о возрастной и образовательной структуре рабочей силы в Кыргызстане показывает, что в целом трудовые мигранты более молоды и менее образованы, чем те, кто работает или ищет работу в стране [23, с. 65]. Этот вывод соответствует общей логике процесса: трудовая миграция позволяет повысить доходы ее участникам, но в социальном смысле представляет собой «лифт вниз». Поэтому на нее решаются или молодые люди, которым еще нечего терять, или работники со сравнительно невысоким социальным статусом, который коррелирует с уровнем образования.

В то же время внешняя трудовая миграция имеет множество негативных последствий для Кыргызстана с точки зрения безопасности государства – сохранения его целостности [8]. Во-первых, в результате миграции сокращаются трудовые ресурсы. Села пустеют, растет нехватка рабочей силы в сельскохозяйственном и промышленном секторах. Миграция также способствует усилению ряду социальных проблем. Семьи распадаются, дети растут без родительской опеки, родители – пожилые люди – оказываются брошенными [13]. Всё это приводит к ухудшению семейно-брачных отношений. Таким образом, согласно анализу данных, проблема стабилизации выездных миграционных потоков граждан Кыргызстана сохраняется в силу ограниченности охвата трудовой деятельностью, форм занятости и видов занятий.

Обобщение представленных данных наглядно демонстрирует закономерность взаимозависимости двух факторов: уровня экономического развития страны и интенсивности миграционного процесса.

Для Кыргызстана имеет большое практическое значение решение проблемы сокращения существующих диспропорций в экономическом развитии и расширения сферы охвата трудовой деятельностью путем установления интегрированных отношений с другими странами СНГ, и в первую очередь с соседними государствами Центрально-Азиатского региона.

В Кыргызстане есть возможность найти работу или трудоустроиться внутренним мигрантам в таких городах, как Бишкек, Ош, Джалал-Абад. Есть частные фирмы легкой промышленности, кооперативы, перерабатывающие сельхозпродукцию, строительные компании, но из-за низкой оплаты труда молодежь не спешит занимать вакантные рабочие места, предпочитая внешнюю миграцию. По данным Министерства труда и социальной защиты Кыргызстана, в среднем оплата в указанных организациях и учреждениях составляет 100–150 долларов США. Основная часть внешних мигрантов старается попасть за рубеж, минуя официальные органы по трудоустройству, консульские департаменты при Министерстве иностранных дел. Часто они принимают приглашение своих близких или родственников, которые уже нашли определенную работу в той или иной стране.

Выводы

В современной кризисной ситуации внешняя трудовая миграция стала объективной реальностью и характеризуется устойчивой миграционной тенденцией сельского населения, стремящегося в города. Согласно аналитическим данным, менее 35% внешних мигрантов – выходцы из южных областей, среди которых большинство из Джалал-Абадской области (около 22%), тогда как участие Ошской области в данном процессе незначительно – всего 2%. Наиболее сильный внешний миграционный отток сельских кыргызов наблюдался в Оше, в Джалал-Абаде. Из-за недостаточного развития приграничных территорий, отсутствия социальной инфраструктуры, высокой безработицы и бедности местные жители подвергаются психологическому давлению со стороны таджикских сообществ, которые заинтересованы в заселении большего количества домов и земель на приграничной территории.

Сельская молодежь проявляет себя наиболее мобильной, и вполне возможно, что, если ситуация в Кыргызстане, особенно в южном регионе, будет продолжаться ухудшаться, возрастет число мигрантов среди молодежи в другие страны, такие как Россия, Болгария, Турция, Корея, Япония, Великобритания.

В заключение хочется отметить необходимость создания правовых условий, которые смогут воспрепятствовать не только внешней, но и внутренней миграции. Прежде всего нужно проводить экономическую политику, создающую рабочие места и условия для достойной жизни всего общества.

Список источников

1. Абжамилова А.Ш., Давлетшина Е.М. Трудовая миграция как инструмент устойчивого социально-экономического развития Кыргызстана [Labor Migration as a Tool for Sustainable Socio-Economic Development of Kyrgyzstan] // Вестник Вологодского государственного университета. 2024. № 2. С. 384–394. https://doi.org/10.52754/16948610_2024_2_38.
2. Вартанова М.Л. Анализ социально-экономического потенциала кыргызских трудовых мигрантов при возвращении на Родину [Analysis of the Socio-Economic Potential of Kyrgyz Labor Workers upon Returning to their Homeland] // ЕГИ. 2023. № 6(50). С. 99–106.
3. Градировский С., Есипова Н. Миграционная политика киргизского правительства: противостояние или приспособление к сильным человеческим течениям? [Migration Policy of the Kyrgyz Government: Confrontation or Adaptation to Strong Human Currents?] // Демоскоп Weekly. 2010. № 415–416. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2010/0415/analit05.php>.
4. Джавадова С.Р. Потенциальные риски миграционных процессов в странах Центральной Азии [Potential Risks of Migration in Central Asian Countries] // Казанский вестник молодых учёных. 2021. № 4. С. 62–72.
5. Лукьянец А.С., Тышкевич А.И. Миграционные процессы в Кыргызстане как фактор усиления интеграции на постсоветском пространстве [Migration Processes in Kyrgyzstan as a Factor of Strengthening Integration in the Post-Soviet Space] // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 11 (часть 1). С. 132–138. <https://doi.org/10.17513/vaael.2541>.
6. Мерсалова А.А. Миграционные процессы в Кыргызстане и их социально-экономические последствия [Migration Processes in Kyrgyzstan and their Socio-Economic Consequences] // Экономика и социум. 2015. № 2–3(15). С. 526–529.
7. Миграция населения Кыргызской Республики [Migration of the Population in the Kyrgyz Republic] // Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2022 года: Книга II (часть 3). Бишкек, 2024. 150 с.

8. Миграция, продовольственная безопасность и питание в Кыргызской Республике [Migration, Food Security and Nutrition in the Kyrgyz Republic]. Бишкек, 2021. 20 с.
9. Муратова Ч.К., Аскаралиев Ш.А., Стамбекова А.Н. Миграция населения Кыргызстана в контексте региональной экономической интеграции [Migration of the Kyrgyz Population in the Context of Regional Economic Integration] // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 3–2(90). С. 102–105. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-3-2-102-105>.
10. Нажимудин Г. Мотивы миграции южных кыргызов [The Motives for Migration of South of the Kyrgyz] // Концептуальные пути развития гуманитарных и социальных наук: сборник материалов XIII-й Международной очно-заочной научно-практической конференции. М., 2019. С. 68–72.
11. Полуянова И.С. Миграционные тенденции: миграция как глобальный вызов для Российской Федерации [Migration tendencies: migration as a global challenge for Russian Federation] // Казанский вестник молодых ученых. 2021. Т. 5. № 4. С. 124–134.
12. Прудникова Т.А. Миграционные процессы и их влияние на общественную и национальную безопасность: теоретико-методологические аспекты [Migration Processes and their Impact on Public and National Security: Theoretical and Methodological Aspects]: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. 149 с.
13. Саманчина Ж.Б. Трудовая и студенческая миграция из Кыргызстана: утечка мозгов или развитие потенциала страны? [Professional and Student Migration from Kyrgyzstan: Brain Drain or Development Potential of the Country?] // Наука и новые технологии. 2012. № 4. С. 263–267.
14. Ситуационный и экономический анализ в сфере миграции и предоставления медицинских услуг в связи с ВИЧ в Кыргызской Республике [Situational and Economic Analysis of Migration and Provision of Medical Services Related to HIV in the Kyrgyz Republic]. Бишкек, 2023. 70 с.
15. Тoleyов Ж.С. Регулирование внешних миграционных процессов молодежи в странах Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан) [Youth Migration Control in Central Asia (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan and Tajikistan)] // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 1. С. 33–43. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-1-33-43>.
16. Тукубашева А.И., Пурдилова З.Е. Гендерные аспекты трудовой миграции в Кыргызстане [Gender Aspects of Labor Migration in Kyrgyzstan] // Бюллетень науки и практики. 2023. № 2. С. 253–257. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/87/30>.
17. Турдиев Т.И. Социо-эколого-экономические последствия трудовой миграции населения Кыргызстана [Socio-Ecological and Economic Consequences of Labor Migration in Kyrgyzstan] // Региональная экономика: теория и практика. 2018. № 11(458). С. 2166–2176. <https://doi.org/10.24891/re.16.11.2166>.
18. Ульмасов Р.У. Глобализация и миграция: эволюция на российском рынке труда [Globalization and Migration. Russian Labor Market Evolution] // Роль Российско-Таджикского (Славянского) университета в становлении и развитии науки и инновационного образования в Республике Таджикистан: Материалы международной научно-практической конференции (Душанбе, 15–16 октября 2021 г.). Ч. II. Душанбе, 2021. С. 134–149.
19. Усанова Ж.У., Тарыкчиев З.М. Миграция молодежи в системе научных знаний [Youth Migration in the System of Scientific Knowledge] // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 3–2. С. 154–159. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-3-2-154-159>.
20. Цапенко И.П. Трансформации внешней миграции населения [Transformations of Global Migration of Population] // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 8. С. 65–76. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-8-65-76>.
21. Чыныкеева Г.Э., Жоошбекова А.Р., Абдувапова А.Т. Миграционные и этнодемографические процессы юга Кыргызстана на современном этапе [Migration and Ethnodemographic Processes in the South of Kyrgyzstan at the Present Stage] // West Bohemian Historical Review. 2021. Vol. XI. No. 1. P. 91–115.
22. Шейшекеева Г.М. Миграция населения Кыргызстана в Российскую Федерацию: исторический анализ [Migration of the Population from Kyrgyzstan to the Russian Federation: A Historical Analysis] // Наука, образование и культура. 2017. № 4(19). С. 20–23.
23. Экономическое положение Кыргызстана. Трудовая миграция из Кыргызстана в Российскую Федерацию: тенденции, проблемы и возможности [The Economic Situation in Kyrgyzstan: Labor Migration from Kyrgyzstan to the Russian Federation: Trends, Problems, and Opportunities]. М., 2022. 107 с.

24. Юн С.М., Погорельская А.М., Трофимов В.А., Таалайбек-кызы Ж. Трудовая и образовательная миграция из Кыргызстана в Россию в условиях международного кризиса 2022–2023 гг. [Labour and educational migration from Kyrgyzstan to Russia under international crisis 2022–2023] // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 133–142. <https://doi.org/10.17223/19988613/89/16>.

Информация об авторе

МЕДЕТБЕКОВА Ырыс Медетбековна. Младший научный сотрудник Центра гуманитарных исследований в Центральной Азии Института истории, археологии и этнологии имени Б.Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики. Адрес: Кыргызская Республика, 720071, г. Бишкек, проспект Чуй, 265а. yrysmedetbekova47252@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 8 декабря 2024 г. Одобрена после рецензирования: 25 января 2025 г. Принята к публикации: 30 января 2025 г. Опубликовано: 5 марта 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Abzhamilova A.Sh., Davletshina E.M. Labor Migration as a Tool for Sustainable Socio-Economic Development of Kyrgyzstan. Vestnik Vologodskogo Universiteta [Bulletin of the Vologda State University]. 2024; 2:384–394 [In Russian]. https://doi.org/10.52754/16948610_2024_2_38.
2. Vartanova M.L. Analysis of the Socio-Economic Potential of Kyrgyz Labor Workers upon Returning to their Homeland. Estestvenno-Gumanitarnye Issledovaniya [Natural Sciences and Humanities Studies]. 2023; 6(50):99–106 [In Russian].
3. Gradirovsky S., Esipova N. Migration Policy of the Kyrgyz Government: Confrontation or Adaptation to Strong Human Currents? Demoskop Weekly [Demoscope Weekly]. 2010; 415–416 [In Russian]. Available from: <https://www.demoscope.ru/weekly/2010/0415/analit05.php>.
4. Dzavadova S.R. Potential Risks of Migration in Central Asian Countries. Kazanskij Vestnik Molodyh Uchyonyh [Kazan Bulletin of Young Scientists]. 2021; 5(4):62–72 [In Russian].
5. Lukanets A.S., Tyshkevich A.I. Migration Processes in Kyrgyzstan as a Factor of Strengthening Integration in the Post-Soviet Space. Vestnik Altajskoj Akademii Ekonomiki i Prava [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]. 2022; 11(part 1):132–138 [In Russian]. <https://doi.org/10.17513/vael.2541>.
6. Mersalova A.A. Migration Processes in Kyrgyzstan and their Socio-Economic Consequences. Ekonomika i Cocium [Economics and Society]. 2015; 2–3(15):526–529 [In Russian].
7. Migration of the Population in the Kyrgyz Republic. Perepis' Naseleniya i Zhilishchnogo Fonda Kyrgyzskoj Respubliki 2022 Goda Kniga II (Chast' 3) [Population and Housing Census of the Kyrgyz Republic 2022: Book II (Part 3)]. Bishkek, 2024:150 [In Russian].

8. Migration, Food Security and Nutrition in the Kyrgyz Republic. Bishkek, 2021; 20 [In Russian].
9. Muratova Ch.K., Askaraliev Sh.A., Stambekova A.N. Migration of the Kyrgyz Population in the Context of Regional Economic Integration. *Mezhdunarodny Zhurnal Gumanitarnykh i Estestvennykh Nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2024; 3-2(90):102-105 [In Russian]. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-3-2-102-105>.
10. Nazhimudin G. The Motives for Migration of South of the Kyrgyz. Conceptual Paths of Development of Humanitarian and Social Sciences: Proceeding of the XIII International In-Person and Correspondence Scientific-Practical Conference. Moscow, 2019:68-72 [In Russian].
11. Poluyanov I.S. Migration tendencies: migration as a global challenge for Russian Federation. *Kazanskij Vestnik Molodyh Uchenykh* [Kazan Bulletin of Young Scientists]. 2021; 5(4):124-134 [In Russian].
12. Prudnikova T.A. Migration Processes and their Impact on Public and National Security: Theoretical and Methodological Aspects: Monograph. Moscow: UNITI-DANA: Zakon i Pravo [UNITI-DANA: Law and Right], 2011:149 [In Russian].
13. Samanchina Zh.B. Professional and Student Migration from Kyrgyzstan: Brain Drain or Development Potential of the Country? *Nauka i Novye Tekhnologii* [Science and New Technologies]. 2012; 4:263-267 [In Russian].
14. Situational and Economic Analysis of Migration and Provision of Medical Services Related to HIV in the Kyrgyz Republic. Bishkek, 2023:70 [In Russian].
15. Toleuov Zh.S. Youth Migration Control in Central Asia (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan and Tajikistan). *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Politicheskie, Sociologicheskie i Ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences]. 2020; 5(1):33-43 [In Russian]. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-1-33-43>.
16. Tukubasheva A., & Purdilova Z. Gender Aspects of Labor Migration in Kyrgyzstan. *Byulleten' Nauki i Praktiki* [Bulletin of Science and Practice]. 2023; 9(2):253-257. [In Russian]. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/87/30>.
17. Turdiev T.I. Socio-Ecological and Economic Consequences of Labor Migration in Kyrgyzstan. *Regional'naya Ekonomika: Teoriya i Praktika* [Regional Economics]: Theory and Practice. 2018; 11(458):2166-2176 [In Russian]. <https://doi.org/10.24891/re.16.11.2166>.
18. Ulmasov R.U. Globalization and Migration. Russian Labor Market Evolution. The Role of the Russian-Tajik (Slavic) University in the Formation and Development of Science and Innovative Education in the Republic of Tajikistan: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Dushanbe, October 15-16, 2021). Part II. Dushanbe, 2021:134-149 [In Russian].
19. Usanova Zh.U., Tarykchiev Z.M. Youth Migration in the System of Scientific Knowledge. *Ekonomika i Biznes: Teoriya i Praktika* [Economy and Business: Theory and Practice]. 2022; 3-2:154-159 [In Russian]. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-3-2-154-159>.
20. Tsapenko I.P. Transformations of Global Migration of Population. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2018; 62(8):65-76 [In Russian]. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-8-65-76>.
21. Chynykeeva G.E., Zhooshebekova A.R., Abduvapova A.T. Migration and Ethnodemographic Processes in the South of Kyrgyzstan at the Present Stage. *West Bohemian Historical Review*. 2021; XI(1):91-115 [In Russian].
22. Sheyshekeeva G.M. Migration of the Population from Kyrgyzstan to the Russian Federation: A Historical Analysis. *Nauka, Obrazovanie i Kul'tura* [Science, Education and Culture]. 2017; 4(19):20-23 [In Russian].
23. The Economic Situation in Kyrgyzstan: Labor Migration from Kyrgyzstan to the Russian Federation: Trends, Problems, and Opportunities. Moscow, 2022:107 [In Russian].
24. Yun, S.M., Pogorelskaya, A.M., Trofimov, V.A., Taalaibek kyzy, Zh. Labour and educational migration from Kyrgyzstan to Russia under international crisis 2022-2023. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univer-siteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History]. 2024; 89:133-142 [In Russian]. <https://doi.org/10.17223/19988613/89/16>.

About the authors

Yrys M. MEDETBEKOVA. Junior Researcher at the Center for Humanitarian Research in Central Asia of Institute of History, Archaeology and Ethnology named after B.Dzhamgerchinov at the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic. Address: 265a, Chui Avenue, Bishkek, 720071, Kyrgyz Republic. vrysmedetbekova47252@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: December 8, 2024. Approved after review: January 25, 2025. Accepted for publication: January 30, 2025. Published: March 5, 2025.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

История международных отношений
и внешней политики

HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY

History of International Relations
and Foreign Policy

Активное внедрение цифровых технологий и построение единых информационных систем, объединяющих данные о разных аспектах учета населения, переход на реестровую модель предоставления данных ускоряют многие процессы, связанные с оформлением въезда и выезда граждан.

Медведева О.В.

Документирование учета миграции населения: история и современность

Концепт «дружба народов» был надэтническим понятием советских людей, в особенности интеллигенции. В журналах «Коммунист Таджикистана» и «Агитатор Таджикистана» статьи, посвященные дружбе народов, публиковали люди или с учеными степенями, или председатели райкомов, горкомов или обкомов Таджикской ССР.

Каландаров Т.С., Джумаева М.М.

Русско-таджикская дружба на страницах научно-популярных изданий Таджикистана советского периода

Уникальные аспекты его личного вклада, такие как стратегическое видение формирования кыргызской государственности, участие в разработке политических и экономических инициатив, требуют переосмысления вклада И.Айдарбекова. Он не только был первым руководителем автономии, но и активно участвовал в разработке ее институциональных основ, что позволяет рассматривать его деятельность как важнейший элемент формирования кыргызской государственности.

Кадыралиева М.К.

Иманалы Айдарбеков и его участие в становлении Кара-Кыргызской автономной области

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

**РОССИЯ
И МИР**
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Документирование учета миграции населения: история и современность

Ольга Владимировна Медведева✉

Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина,
Тамбов, Россия
movlad2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7680-6479>

Аннотация. В статье рассматривается документирование учета миграции населения в дореволюционной России, СССР и современных странах СНГ. Документирование учета миграции населения связано в первую очередь с введением паспортной системы. Уже в древних государствах вводился паспортный режим, позволявший вести учет перемещения населения. В XVIII в. вводятся разные виды паспортов и начинается становление российской паспортной системы. Учет внутренней миграции главным образом вводится в 1920-х гг., и в течение XX столетия в СССР была построена одна из лучших систем учета миграции населения. На современном этапе с этой целью используется целый ряд информационных систем и несколько видов документов: паспорт, разрешение на временное проживание, вид на жительство и др. В разных странах СНГ на основе схожего законодательства применяются сопоставимые по своим функциям, но различные документы (идентификационная карта, миграционная карта и др.), что вызывает определенные проблемы в учете международной миграции и требует совершенствования и гармонизации национальных информационных систем.

Ключевые слова: Россия, СССР, СНГ, учет населения, документирование учета населения, учет миграции населения, паспорт

Для цитирования: Медведева О.В. Документирование учета миграции населения: история и современность // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 1(15). С. 166-180, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-166-180](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-166-180)

Recording the Process of Population Movement: from the Past to the Present

Olga V. Medvedeva ✉

Tambov State University named after G.R.Derzhavin, Tambov, Russia
movlad2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7680-6479>

Abstract. The article examines the documentation of population migration records in pre-revolutionary Russia, the USSR, and modern CIS countries. Documentation of population migration records is primarily associated with the introduction of the passport system. Already in ancient states, a passport system was introduced that allowed recording of population movements. In the 18th century, different types of passports were introduced, and the formation of the Russian passport system began. Internal migration records were mainly introduced in the 1920s. During the 20th century, one of the best systems of recording population migration was built in the USSR. At the present stage, a number of information systems and several types of documents are used for this purpose: passports, temporary residence permits, residence permit, etc. In different CIS countries, based on similar legislation, different but comparable in their functions documents (identification cards, migration cards, etc.) are used. This causes certain problems with accounting for international migration and requires the improvement and harmonization of national information systems.

Keywords: Russia, USSR, CIS, population registration, documenting population registration, population migration registration, passport

For citation: Medvedeva O.V. Recording the Process of Population Movement: from the Past to the Present. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 1(15): 166-180, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-166-180](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-166-180)

Введение

Потребность в учете населения возникла в глубокой древности и была связана с политическими, хозяйственными и военными потребностями древних государств, нуждающихся в сведениях о количестве населения, которое способно платить налоги или быть призванным в армию. Известно, что еще в Древнем Египте существовал строгий паспортный режим, никто не имел права покинуть свой округ без разрешения властей. Такие паспорта изготавливались в форме папирусных свитков. В Исламском халифате паспортом служил своего рода чек об уплате специальных налогов, который был пропуском в другие районы.

Само слово «паспорт» имеет итальянское происхождение. Оно состоит из двух слов: «пасса» («проходить») и «порто» («гавань», «порт»). Именно в этом смысле слово «паспорт» проникло в европейские страны – Германию и Францию – и стало применяться для обозначения любых письменных документов, разрешающих проезд через границу.

Первые прообразы современного паспорта в Европе появились в эпоху Ренессанса. В XIV–XVI вв. многие правительства начали выдавать отдельным людям письменные свидетельства, содержавшие сведения об их имени и роде занятий. Кроме того, в годы войн или эпидемий помимо свидетельств путешественникам выдавались специальные сертификаты, удостоверяющие их личность, особые приметы, здоровье и даже поведение.

В России же существовали «проезжие и прохожие грамоты», которые были разовым, временным документом и давались иностранным купцам и тем русским «гостям» (то есть купцам, ведущим заморскую, внешнюю или транзитную торговлю), которым приходилось пересекать несколько русских воеводств, проезжать по многим городам и провинциям, пересекать границы нескольких княжеств. Право выдавать подобные грамоты принадлежало исключительно царю, затем, с конца XVI в., также центральным учреждениям – Приказам (Посольскому, Иноземскому, Сибирскому, Разрядному).

Материалы и методы

Статья подготовлена на основе анализа документов правового характера, закрепляющих нормы миграционной политики и требования к документированию учета миграции населения на разных этапах истории государства. Публикации таких авторов, как К.К.Гасанов, Д.Н.Шурухнова, Л.С.Комовкина [1; 7], помогли проанализировать вопросы документирования въезда и выезда граждан на современном этапе, когда используется реестровая модель предоставления государственных услуг. Научные работы С.В.Рязанцева, И.Н.Молодиковой, О.Д.Воробьевой, Н.Р.Махмадуллозода и др. [6; 8–11] дали возможность проанализировать особенности правового регулирования миграции в странах СНГ.

Применение общенаучных методов анализа и синтеза позволило исследовать выявленные документы научного и правового характера. Методы исторического и сравнительного анализа, аналогии и обобщения были применены для изучения становления российской системы документирования учета миграционных процессов в исторической ретроспективе, а также в сравнении со странами СНГ на современном этапе.

Результаты обсуждения

В 1724 г. Петр I и Сенат издают ряд указов, вводящих для значительной части населения внутри страны разного рода документы, идентичные (по современным

понятиям) паспортам. Такие «паспорта» выдавались только специалистам – мастерам, знания и опыт которых могли быть использованы в строительстве. Владельцы таких документов переставали быть крепостными и получали право свободно передвигаться по территории России. Тогда же Петр I пересмотрел свое распоряжение о свободном выезде дворян за границу. Начиная с 1725 г. он обязал «отъезжающих за море не иначе отпускать, как токмо с паспортом от Коллегии Иностранных Дел», то есть фактически обязал снабжать лиц дворянского сословия, выезжающих за границу по делам или на учебу, дипломатическим паспортом [2, с. 72].

Со временем роль различных документов, идентичных паспорту, в России постепенно меняется, и из документов, разрешающих проезд по России, они превращаются в документы, разрешающие тому или иному лицу отлучаться из постоянного места жительства. По существу, этими документами разрешалась миграция населения на всей территории России, и они приобретали статус паспорта. Так, в России появляется паспорт-абшид, который обычно выдавался иностранцам, специалистам разного рода ремесел, приехавшим в молодости в Россию и оставшимся после многолетней службы в качестве пенсионеров государства [4]. Абшид соединял в себе свойства нескольких документов – удостоверения личности, трудовой книжки, характеристики и паспорта. Паспорта были и у заводских рабочих, присланных помещиками на время, в них отмечалось, кто их хозяин, кто платит за них подушные подати и на какой срок они направлены на завод или фабрику¹.

Что касается выдачи заграничных паспортов, то здесь можно отметить следующие особенности. Во-первых, для каждого сословия были свои льготы и препятствия для получения заграничного паспорта. Во-вторых, заграничные паспорта делились на выдаваемые Министерством иностранных дел (для дипломатов, крупных капиталистов, видных частных лиц) и выдаваемые канцеляриями губернаторов по просьбе частных лиц (в основном дворян, интеллигенции, желающей поехать за границу по сугубо личным делам – на лечение, прогулку, учебу и т.п.). Для всех других сословий вводились так называемые таможенные паспорта, которые выдавались лишь жителям пограничных губерний вдоль западной границы России, морякам торгового флота, а также жителям Архангельской губернии, совершающим регулярные рейсы вдоль Мурманского побережья в Норвегию. Все остальное население российской глубинки не имело права получить заграничный паспорт [3].

Крушение Российской империи, революционные потрясения, мировая и гражданская войны вызвали перемещение больших масс населения, в том числе бывших военнообязанных, появились беженцы и эмигранты. Для решения этих вопросов в составе НКВД² РСФСР, комиссариатов по внутренним делам и исполкомов на местах были созданы иностранные отделы. В этот же период НКВД РСФСР издало нормативные акты, регулирующие вопросы въезда в Россию и выезда за границу. В их числе: приказ НКВД РСФСР № 89 (1917 г.) «О выезде за границу граждан воюющих с нами

1 Российский историко-бытовой словарь / под ред. Н.С.Михалкова. М., 1999. С. 365.
2 Народный комиссариат внутренних дел.

стран с места их постоянного жительства»; приказ НКВД³ РСФСР (1918 г.) «О правилах въезда в Россию из-за границы русских граждан»; циркулярное письмо НКВД РСФСР (1918 г.) «Правила въезда в Россию» и др.⁴

Учет внутренней миграции был начат на базе административных данных о прописке и выписке (конец 1920-х – начало 1930-х гг.). Повсеместный унифицированный учет миграционных передвижений населения начался с 1953 г., основывался на паспортной системе и велся органами внутренних дел. Благодаря наличию системы прописки текущий учет миграции на постоянное место жительства, учет переселений был организован в бывшем СССР гораздо лучше, чем в большинстве стран мира.

В 1990-х гг. во всех странах СНГ были созданы новые институты для управления и мониторинга новых форм и тенденций миграционных процессов. К ним относятся национальные миграционные службы, специальные департаменты в министерствах труда и иностранных и/или внутренних дел. Был издан ряд законодательных и других нормативных актов, направленных на обоснование управления миграцией и регистрации населения.

Особенности документирования учета миграции населения в Российской Федерации

На современном этапе в России в соответствии со ст. 7 ФЗ «О Порядке выезда и въезда в Российскую Федерацию» основными документами, удостоверяющими личность гражданина Российской Федерации, по которым граждане осуществляют выезд и въезд в РФ, признаются: общегражданский заграничный паспорт, дипломатический и служебный паспорта. Какое-то время этот список дополнял еще и паспорт моряка (удостоверение личности моряка).

Дипломатический паспорт выдается лицам, которые, в соответствии с Венской конвенцией 1961 г. о дипломатических сношениях и другими международными договорами Российской Федерации, при выезде за пределы территории Российской Федерации для исполнения возложенных на них служебных обязанностей обладают дипломатическим иммунитетом; членам Совета Федерации Федерального Собрания; депутатам Государственной Думы Федерального Собрания и др. Указанный перечень формируется федеральным органом исполнительной власти, ведающим вопросами иностранных дел, и пересматривается по мере необходимости⁵.

Служебный паспорт выдается штатным работникам дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации, официальных представительств РФ при международных организациях либо официальных представительств федеральных органов исполнительной власти, находящихся за пре-

делами территории Российской Федерации; военнослужащим, направляемым для прохождения военной службы за пределы территории Российской Федерации, и лицам, выезжающим в служебные командировки за пределы территории Российской Федерации. Дипломатический и служебный паспорта оформляются и выдаются на срок до пяти лет и являются собственностью РФ. После завершения срока служебной командировки паспорта подлежат возврату в организацию, направившую гражданина на служебную командировку.

Для всех остальных граждан РФ существует два вида общегражданских паспортов: заграничный паспорт с пятилетним сроком действия (без электронного носителя информации) и паспорт нового поколения со сроком действия 10 лет (биометрический паспорт). Единственная особенность получения биометрического паспорта заключается в том, что для сбора персональных данных владельца паспорта, записываемых на электронный носитель информации, гражданин подлежит цифровому фотографированию, осуществляемому в федеральном органе исполнительной власти или его территориальном органе либо в дипломатическом представительстве или консульском учреждении Российской Федерации, к компетенции которых отнесен прием заявлений о выдаче паспорта.

Гражданин Российской Федерации, выезжающий за рубеж и желающий сняться с регистрационного учета по месту жительства в пределах Российской Федерации, может обратиться в управление по вопросам миграции по месту регистрации с заявлением о снятии его с регистрационного учета по месту жительства, в котором указывает государство, в которое выезжает, и обратиться в соответствующее российское загранучреждение в стране проживания для свидетельства подлинности подписи на таком заявлении.

Что же касается въезда иностранных граждан в Россию, то на государственной границе, непосредственно перед самым въездом на территорию Российской Федерации, каждый иммигрант получает визовый документ. Российская виза – это наклейка в загранпаспорте иностранца, в которой содержится информация о заявителе (ФИО на латинице и кириллице, пол, дата рождения, гражданство, данные паспорта, дата выдачи въездного документа и возможный срок проживания в РФ, номер приглашения, цель поездки и кратность визы). Визы бывают нескольких типов, каждый из которых связан с конкретными целями приезда, имеет свои сроки и стоимость, предполагает подготовку определенного набора документации. После прохождения пограничного контроля иммигрант получает миграционную карту, которая состоит из въездной и выездной частей (талоны «А» и «Б»). Талон «А» остается у пограничников, талон «Б» со штампом о пересечении границы РФ передается иностранцу. Срок действия миграционной карты ограничен тремя месяцами. С данного момента именно эти два документа и являются доказательством законности временного пребывания иммигранта на территории российского государства.

Миграционный учет осуществляется в соответствии с «Правилами осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 15 января 2007 г. С момента въезда в страну в течение семи календар-

³ Народный комиссариат по иностранным делам.

⁴ Юридический энциклопедический словарь / под ред. Т.Е.Абова. М.: Научн. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2002.

⁵ О порядке выезда и въезда в Российскую Федерацию: Федеральный закон: принят 15.08.1996: № 114-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>.

ных дней иностранный гражданин обязан уведомить о своем прибытии территориальный орган Министерства внутренних дел Российской Федерации⁶. В уведомлении указываются основные персональные данные, документы, подтверждающие право пользования жилым помещением.

Следующим этапом является оформление разрешения на временное проживание, которое является документом, официально позволяющим иммигранту находиться на территории чужой страны достаточно длительное время. Для России этот период составляет три года. Параллельно с разрешением на временное проживание оформляется и регистрация по временному месту проживания.

Вид на жительство – документ, дающий любому иммигранту право легально проживать на территории чужого государства, спокойно покидать эту страну или возвращаться туда в любой момент обратно. Вид на жительство выдается не ранее чем через год проживания в России на основании поученного ранее разрешения на временное проживание.

Первичным документом при учете миграций является листок статистического учета прибытий. Сведения, содержащиеся в листках, обрабатываются по краткой статистической программе раз в квартал, а по полной программе – раз в год. С октября 2002 г. талоны не заполняют иностранные граждане. Важно отметить, что поскольку все граждане бывшего СССР, не получившие или не принявшие гражданства в упрощенном порядке, стали иностранными гражданами, учет их въезда на протяжении последних лет очень недостоверен. Кроме того, не регистрируются в качестве мигрантов граждане, зарегистрированные по месту пребывания, а не жительства, то есть временно. Таким образом, очень большая часть мигрантов, особенно в крупных городах, выпадает из текущего учета миграции.

Построенная паспортная система в России и, соответственно, система регистрации населения обеспечили документирование его учета в целом и учета миграции населения в частности. В настоящее время учет ведется с использованием специальных автоматизированных систем. Еще в 1998 г. было принято постановление коллегии Госкомсвязи России о создании автоматизированной системы «Персона». В том же 1998 г. были введены в эксплуатацию первые фрагменты АС «Машиночитываемые паспорта и визы». В настоящее время в МВД одновременно функционирует большое число внутренних сервисов и специализированных программных продуктов, созданных в разное время для решения различных задач («Российский паспорт», «Территория», «Реадмиссия», «Вынужденные переселенцы» и мн. др.). Минцифры России работает над созданием Единой цифровой платформы миграционных процессов и трудовых ресурсов, которая должна содержать профили иностранных граждан с биометрией, информацию об их правовом статусе и месте работы и жительства в России, обеспечивать доступ к государственным услугам, заключать трудовые договоры с работодателями и проч.

⁶ Главное управление по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/emvd/guvvm/>.

На современном этапе многие права граждан и лиц без гражданства могут быть реализованы в форме предоставления государственных услуг, то есть в электронной форме, что получило название «реестровой модели предоставления данных». К сожалению, процесс цифровизации пока не может защитить от возникновения информационно-коммуникационных экосистем, помогающих нелегальным мигрантам жить и работать в «серой зоне», избегая контроля со стороны страны пребывания [5]. Таким образом, цифровизация позволяет оптимизировать и увеличить точность процесса учета миграции населения, но тем не менее еще остаются проблемы с получением достоверной информации о въезде-выезде из РФ всех категорий иностранных граждан, в связи с чем данная система нуждается в корректировке и дальнейшем совершенствовании.

Итак, основными источниками миграционных сведений в России являются: территориальные органы Министерства внутренних дел Российской Федерации – управления по вопросам миграции, которые передают в Главное управление по вопросам миграции региональные миграционные данные; данные переписей населения; центральный банк данных по учету иностранных граждан и лиц без гражданства; сведения, поступающие от взаимодействующих международных, федеральных, региональных и местных органов, организаций, учреждений и объединений. Для целенаправленного изучения миграционных процессов применяются статистические исследования их динамики, методы математического моделирования и др.

Сравнение документирования учета миграции населения в странах СНГ

С начала 1990-х гг. почти во всех странах СНГ были созданы новые системы сбора данных для регистрации явлений, которые не существовали (или были незначительными) до распада СССР. Первые изменения в сборе данных были вызваны необходимостью особым образом регистрировать абсолютно новые и незнакомые потоки вынужденных и трудовых мигрантов. Позже, чтобы восполнить пробел в информации, касающейся мобильного населения на границах, несколько стран начали использовать миграционные или пограничные карты в качестве дополнительного источника данных.

В настоящее время во всех странах СНГ существует несколько систем регистрации и контроля мобильного населения: данные пограничного контроля, данные о беженцах и лицах, ищущих убежище, статистика рабочей силы, статистика иностранных студентов и др., а также административные данные о потоках, основанные на личной регистрации. Также собираются традиционные статистические данные: данные переписи об иностранцах и лицах, родившихся за границей, и статистика потоков, основанная на информации из административных источников. Система статистического учета миграции населения в большинстве стран СНГ основана на обработке информации из первичных учетных документов при смене места постоянного проживания⁷.

⁷ Administrative data and migration statistics in the CIS countries. Expert Group on Migration Statistics. URL: https://unece.org/sites/default/files/2024-04/6.Admin%20WP7%20CIS%20Kiseleva%20ENG_0.pdf.

Существовавшая ранее система сбора данных о миграции (в национальных статистических институтах) в некоторых странах была изменена одновременно с изменениями в административной системе регистрации населения (так называемой «прописке»). Основные принципы регистрации и сбора данных о миграции не были отменены, но появились некоторые новые возможности. Более либеральные условия регистрации, большая свобода передвижения (и более либеральное законодательство в целом), – все эти факторы повлияли на традиционную систему регистрации. С середины 1990-х гг. во многих странах министерства внутренних дел начали применять два вида регистрации: по месту пребывания и по месту жительства. Статистика миграции касается только мигрантов, выявленных с помощью второго вида регистрации. Эта особенность стала основной причиной беспрецедентной недооценки долгосрочных мигрантов в Российской Федерации, поскольку не было никаких временных ограничений на «пребывание», и фактически тысячи мигрантов годами жили в месте назначения, но не были включены в статистику миграции. До настоящего времени многие страны региона все еще регистрируют мигрантов способом, очень похожим на советский. Национальные статистические институты получают от органов полиции бумажные статистические формы с информацией о мигрантах – как иностранцах, так и гражданах страны (Россия, Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Армения и Азербайджан).

Большая часть бывшего СССР, включая страны СНГ, пыталась найти новые формы регистрации населения и миграции, часто при значительной поддержке международных организаций или стран с высокоразвитыми системами регистрации. Молдова была первым государством среди стран СНГ, заменившим старую систему на новую. С 1998 г. в ней действует регистр населения, который стал основным источником данных о международных миграционных потоках.

К документам, подтверждающим право иностранцев находиться на территории государства, относятся⁸:

- вид на жительство (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан);
- документ, удостоверяющий личность (Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан);
- разрешение на временное или постоянное проживание (Армения, Казахстан);
- удостоверение о регистрации (Азербайджан).

Разнообразие в определениях и подходах к миграционному учету существенно затрудняет сбор сопоставимой статистической информации. Представляется, что работу по совершенствованию статистики необходимо проводить в тесном контакте с миграционными службами, МВД, органами по труду и другими ведомствами, на которые возложена ответственность за управление миграционными процессами.

Миграционная карта, как документ учета временно пребывающих на территории государства Содружества, рекомендованный Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ, принята в законодательных актах Армении, Беларуси, Казахстана и России.

Миграционные карты в Таджикистане используются не только для иностранцев, въезжающих в страну, но и для граждан, выезжающих за границу. Иностранец получает карту при въезде и возвращает ее обратно сотруднику пограничной службы при выезде. Данные собираются и обрабатываются Миграционной службой Таджикистана. Поскольку официальная статистика, собираемая национальной статистической службой, представляется ненадежной, с 1 января 2004 г. была создана новая система сбора данных для мониторинга эмиграции граждан. Карточки граждан заполняются при выезде сотрудниками пограничной службы, ввод и обработка данных осуществляется Государственной миграционной службой (Министерство труда и социальной защиты). Обобщенные данные должны быть переданы в Национальный статистический комитет.

Однако до сих пор в Российской Федерации, Беларуси, Узбекистане, Туркменистане и Таджикистане действует внутренняя паспортная система с несколько измененными процедурами регистрации и сбора миграционных данных. В Казахстане и Азербайджане внутренние паспорта были заменены идентификационными картами, однако порядок сбора данных в случае миграции на новое место жительства существенно не изменился. Во многих странах СНГ были расширены вопросники для последних переписей населения, чтобы отслеживать новые тенденции и явления в области миграции. Программы переписи населения во многих странах бывшего СССР включали вопросы о временном пребывании за границей (для граждан) или в стране (для иностранцев), о статусе беженца и т.д. Перепись населения считается основным источником данных для оценки численности мигрантов. Гражданство является предпочтительным критерием, поскольку большинство населения, родившегося за границей, переехало до распада СССР, поэтому эти люди были гражданами одной страны и не могли считаться международными мигрантами.

Страны СНГ, за исключением Молдовы, имеют много общего в области регистрации мигрантов и сбора данных – как в национальных статистических институтах, так и в административных органах. Такое сходство можно обнаружить в отношении основных проблем, связанных со статистикой международной миграции. Отсутствие координации между органами, ответственными за сбор данных, препятствует эффективному и своевременному составлению разнообразных статистических данных о международной миграции. Частые изменения в законодательстве в области регистрации, а также постоянные реформы в национальных миграционных органах препятствуют наращиванию потенциала в области статистики международной миграции. Национальные статистические институты иногда оказываются в подчиненном положении и не получают достаточной информации от административных органов. Бюджетные ограничения и низкий уровень квалификации персонала препятствуют интенсивной компьютеризации сбора

8 Актуальные проблемы миграционной статистики на пространстве СНГ (по материалам Статкомитета СНГ) // Интернет-портал стран СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3049/78437/>.

данных и своевременной обработке информации из административных систем. Доступ к административным данным и публикация этих статистических данных являются очень важными вопросами в странах СНГ. Хотя сейчас публикуется больше данных, чем в советский период, по-прежнему ощущается очевидный дефицит информации, необходимой для адекватного анализа и принятия решений. Как правило, миграционные органы не публикуют даже общих данных; например, найти официальную информацию о выданных видах на жительство практически невозможно. Визовая статистика и данные о задержаниях на границах отсутствуют вообще. Данные существуют, но недоступны для беспристрастного и независимого анализа. Аналитические возможности национальных административных органов иногда не очень сильны. Неправильная интерпретация данных (даже если данные были собраны надлежащим образом) приводит к ложным приоритетам в миграционной политике, увеличивает риски неэффективных затрат на такую политику и дезинформирует общественное мнение. В любом случае пользователи должны понимать, что с начала 1990-х гг. в странах СНГ были созданы различные системы сбора миграционной статистики, и в них собирались различные данные о международной миграции.

Все страны бывшего СССР имеют свои собственные системы сбора миграционных данных, более или менее эффективно организованный пограничный контроль, национальные миграционные органы для регулирования новых видов миграции, новых типов данных и новых или пересмотренных схем сбора данных. Конечно, сбор данных и регулирующие органы, возможно, были не очень эффективны, но они работали в пределах своих возможностей и пытались найти решение проблем в условиях ограниченности финансовых, управленческих и квалифицированных кадров. Сейчас страны продолжают модифицировать свои национальные системы сбора и обработки миграционных данных.

В Государственном регистре населения информация представлена по гражданам Республики Армения, в том числе получившим двойное гражданство, проживающим в данном государстве или за рубежом; иностранцам с видом на жительство (временным, постоянным) и специальным видом на жительство; лицам, получившим статус беженца или утратившим его; лицам без гражданства, постоянно проживающим в Армении; гражданам, имеющим политическое убежище, или утратившим его.

Как правило, иностранец должен иметь вид на жительство, чтобы быть зарегистрированным в качестве резидента. Единственным исключением является Казахстан, где законодательство позволяет иностранцу, который намерен оставаться в месте назначения в течение шести месяцев и более, зарегистрироваться в этом месте жительства без вида на жительство. Статистические формы, собранные местными органами регистрации (в Казахстане – Министерством юстиции), направляются в региональные статистические управления для обработки.

Информация о миграции между Азербайджанской Республикой и странами СНГ и другими зарубежными странами поступает в результате обработки данных,

указанных в отрывном талоне к листку статистического учета прибывших (выезжающих) мигрантов, составляемых местными органами Миграционного управления МВД и из официального статистического отчета по Форме № 1 (Миграция) «Об иностранцах в Азербайджанской Республике и лицах без гражданства» (ежеквартальная – по краткой программе и раз в год – по полной программе)⁹.

В Республике Беларусь создана Белорусская интегрированная сервисно-расчетная система (БИСРС)¹⁰, которая разработана с целью идентификации пользователей (физических и юридических лиц) с применением идентификационных карт в целях оказания им электронных услуг. Ее компонентом, в частности, является программно-аппаратный комплекс Национальной инфраструктуры открытых ключей машиносчитываемых проездных документов, который должен упростить процесс идентификации граждан Республики Беларусь при выезде из страны.

В Киргизской Республике на основании закона от 30 июля 2002 г. № 133 «О внутренней миграции» применяется Единый государственный реестр населения. По аналогии с подобными ресурсами в других странах он представляет собой автоматизированный цифровой комплекс индивидуального учета граждан Киргизской Республики, который создан для оперативного аккумулирования и анализа сведений о гражданах, подлежащих регистрации. Подобный механизм позволяет эффективно определять масштаб и направления миграции, а также служит действенным инструментом межведомственного информационного взаимодействия для органов государственной власти Киргизской Республики.

В Узбекистане основными направлениями развития системы сбора данных по миграции населения названы следующие: создание электронного реестра населения республики, развитие обмена информацией между государственными органами, повышение качества и обеспечение международной сопоставимости статистики по миграции, обеспечение открытости и прозрачности статистики миграции. За последние годы там было принято около 15 нормативно-правовых актов для регулирования внешней трудовой миграции. На заседании Совета глав государств Содружества Независимых Государств в 2020 г. президентом Узбекистана инициировано создание Программы сотрудничества государств-участников СНГ по созданию единого механизма взаимного признания документов трудовых мигрантов на 2021–2026 гг.¹¹ В стране также принято решение разработать стратегию Республики Узбекистан в направлении миграционной политики до 2030 г.

⁹ О практике стран Содружества в области статистического наблюдения за процессами миграции населения (информационный материал). URL: https://new.cisstat.org/documents/20143/472622/2021_Infmateril_migr.pdf.

¹⁰ Официальный сайт Министерства связи и информатизации Республики Беларусь. URL: <https://mpt.gov.by/ru/o-bisrs>.

¹¹ Узбекистан предлагает принять программу сотрудничества по трудовой миграции в СНГ // Газета.uz. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/12/18/summit/>.

Выводы

Специалисты развитых стран ищут методы гармонизации национальных систем сбора данных, чтобы сделать статистику международной миграции более сопоставимой. Развиваются технологии сбора, обработки и анализа больших данных, разрабатываются архитектура баз данных и алгоритмы автоматического выбора релевантных событий в больших массивах неструктурированных данных в Интернете, расширяется использование искусственного интеллекта. Технологические инновации расширяют использование информации (в том числе о международной миграции), содержащейся в новых источниках данных на мобильных устройствах, в социальных сетях, спутниковых снимках и при использовании интернет-платформ для проведения измерений. Наблюдается рост интереса к статистике миграционных карточек, вызванный необходимостью восполнить пробел в обычных данных в условиях неэффективности обычных систем регистрации мигрантов.

Активное внедрение цифровых технологий и построение единых информационных систем, объединяющих данные о разных аспектах учета населения, переход на реестровую модель предоставления данных ускоряют многие процессы, связанные с оформлением въезда и выезда граждан. Однако это же создает и новые проблемы, наиболее очевидными из которых являются зависимость от технических устройств и периодическое изменение программного обеспечения и форматов данных, возможности утечки персональной информации, фальсификации и проч.

Вместе с тем частые изменения в законодательстве в области регистрации, а также постоянные реформы в национальных миграционных органах препятствуют наращиванию потенциала в области статистики международной миграции. Бюджетные ограничения и низкий уровень квалификации персонала препятствуют интенсивной компьютеризации сбора данных и своевременной обработке информации из административных систем. Доступ к административным данным и публикация этих статистических данных являются очень важными вопросами в странах СНГ. Хотя сейчас публикуется больше данных, чем в советский период, по-прежнему ощущается очевидный дефицит информации, необходимой для адекватного анализа и принятия решений.

Список источников

1. Гасанов К.К. Анализ опыта отдельных государств-участников СНГ в сфере регистрационного учета граждан по месту пребывания и по месту жительства с использованием реестровой модели оказания государственных услуг [Analysis of the Experience of Individual CIS Member States in the Field of Registration of Citizens at the Place of Stay and at the Place of Residence Using the Registry Model for the Provision of Public Services] // Вестник экономической безопасности. 2021. № 5. С. 59–64. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2021-5-59-64>.
2. Медведева О.В., Савинкова К.Ю. Из истории документов, удостоверяющих личность [From the History of Identity Documents] // Библиотечно-информационная деятельность в современной системе информации, документных коммуникаций и

культуры: Материалы 18-й Междунар. науч. конф. (Москва, 24–26 апреля 2013 г.). Ч. 1. М., 2013. С. 72–76.

3. Михайлова Н.В., Абдель Джалиль Н.А. Причины миграции в рамках стран СНГ и стратегия миграционной политики Российской Федерации на современном этапе [Reasons for Migration within the CIS Countries and the Strategy of Migration Policy of the Russian Federation at the Present Stage] // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2017. Т. 19. № 3. С. 259–266. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-3-259-266>.
4. Многоликая миграция [The Many Faces of Migration] / под общ. ред. О.Д.Воробьевой, А.В.Топилина. М.: Экон-информ, 2014. 261 с.
5. Попова С.М. Цифровизация миграционной сферы в России: состояние и перспективы [Digitalization of the Migration Sphere in Russia: Status and Prospects] // Право и политика. 2021. № 9. С. 118–131. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2021.9.36488>.
6. Ткаченко М.Ф., Мигранян А.А. Россия и СНГ: Проблемы методологии учета трудовой миграции [Russia and the CIS: Problems of the Methodology of Accounting for Labor Migration] // Обозреватель – Observer. 2017. № 7(330). С. 71–80.
7. Шурухнова Д.Н., Комовкина Л.С. Реестровая модель предоставления государственных услуг [Registry Model for the Provision of Public Services] // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2021. № 3. С. 199–205.
8. Mahmaddullozoda N.R. Features of the Legal Regulation of Labor Migration in the CIS States at the Present Stage of Social Development // European and Asian Law Review. 2022. No. 5 (4). P. 51–58. https://doi.org/10.34076/27821668_2022_5_4_51.
9. Ryazantsev S.V., Molodikova I.N., Vorobeva O.D. Between the Eurasian and European Subsystems: Migration and Migration Policy in the CIS and Baltic Countries in the 1990s–2020s // Baltic Region. 2022. Vol. 14. No. 2. P. 115–143. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-8>.
10. Tarasyev A., Cao G., Rovenskaya E. Migration Flows and Effects in the CIS Countries – Dynamic Modelling // Modern Economy. 2016. No. 7. P. 799–814. <https://doi.org/10.4236/me.2016.77082>.
11. Vorotnikov V.V., Habarta A. Migration from Post-Soviet Countries to Poland and the Baltic States: Trends and Features // Baltic Region. 2021. Vol. 13. No. 4. P. 79–94. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-5>.

Информация об авторе

МЕДВЕДЕВА Ольга Владимировна. Кандидат исторических наук. Доцент. Доцент кафедры библиотечно-информационных ресурсов Тамбовского государственного университета имени Г.Р.Державина. <https://orcid.org/0000-0002-7680-6479>. Адрес: Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33. movlad2009@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 1 декабря 2024 г. Одобрена после рецензирования: 15 января 2025 г. Принята к публикации: 30 января 2025 г. Опубликовано: 5 марта 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Gasanov K.K. Analysis of the Experience of Individual CIS Member States in the Field of Registration of Citizens at the Place of Stay and at the Place of Residence Using the Registry Model for the Provision of Public Services. Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti [Bulletin of Economic Security]. 2021; 5:5964 [In Russian]. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2021-5-59-64>.
2. Medvedeva O.V., Savinkova K.Yu. From the History of Identity Documents. Library Science 2013: Library and Information Activities in the Modern System of Information, Document Communications and Culture: Proc. of the 18th int. sci. conf. (Moscow, April 24-26, 2013). Part 1. Moscow, 2013:72–76 [In Russian].
3. Mikhailova N.V., Abdel Jalil N.A. Reasons for Migration within the CIS Countries and the Strategy of Migration Policy of the Russian Federation at the Present Stage. Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya [Bulletin of the RUDN. Series: Political Science]. 2017; 19(3):259–266 [In Russian]. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-3-259-266>.
4. The Many Faces of Migration / ed. O.D.Vorobyeva, A.V.Topilina. Moscow: Ekon-Inform, 2014:261 [In Russian].
5. Popova S.M. Digitalization of the Migration Sphere in Russia: Status and Prospects. Pravo i politika [Law and Politics]. 2021; 9:118–131 [In Russian]. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2021.9.36488>.
6. Tkachenko M.F., Migranyan A.A. Russia and the CIS: Problems of the Methodology of Accounting for Labor Migration. Obozrevatel' – Observer. 2017; 7(330):71–80 [In Russian].
7. Shurukhnova D.N., Komovkina L.S. Registry Model for the Provision of Public Services. Policiya i Obshchestvo: Problemy i Perspektivy Vzaimodejstviya [Police and Society: Problems and Prospects of Interaction]. 2021; 3:199–205 [In Russian].
8. Mahmaddullozoda N.R. Features of the Legal Regulation of Labor Migration in the CIS States at the Present Stage of Social Development. European and Asian Law Review. 2022; 5(4):51–58 [In English]. https://doi.org/10.34076/27821668_2022_5_4_51.
9. Ryazantsev S.V., Molodikova I.N., Vorobeva O.D. Between the Eurasian and European Subsystems: Migration and Migration Policy in the CIS and Baltic Countries in the 1990s2020s. Baltic Region. 2022; 14(2):115–143 [In English]. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-8>.
10. Tarasyev A., Cao G., Rovenskaya E. Migration Flows and Effects in the CIS Countries – Dynamic Modelling. Modern Economy. 2016; 7:799–814 [In English]. <https://doi.org/10.4236/me.2016.77082>.
11. Vorotnikov V.V., Habarta A. Migration from Post-Soviet Countries to Poland and the Baltic States: Trends and Features. Baltic Region. 2021; 13(4):79–94 [In English]. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-5>.

About the author

Olga V. MEDVEDEVA. CandSc. (Hist.). Associate Professor. Associate Professor of the Department of Library and Information Resources at Tambov State University named after G.R.Derzhavin. <https://orcid.org/0000-0002-7680-6479>. Address: 33, Internatsionalnaya str., Tambov, 392000, Russian Federation. movlad2009@yandex.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: December 1, 2024. Approved after review: January 15, 2025. Accepted for publication: January 30, 2025. Published: March 5, 2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ
История международных отношений и внешней политики
HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY
History of International Relations and Foreign Policy

Научная статья

Исторические науки

УДК 930.85

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-181-193](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-181-193)

Русско-таджикская дружба на страницах научно- популярных изданий Таджикистана советского периода

Тохир Сафарбекович Каландаров^{1a}✉, Манзура
Мамадовна Джумаева^{2b}✉

¹ Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

² Худжандский государственный университет имени академика

Б.Г.Гафурова, Худжанд, Таджикистан

^a tohir_s70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8454-1784>

^b manzurka_8710@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена русско-таджикской дружбе в советское время. Авторы анализировали статьи двух научно-популярных журналов Центрального комитета Коммунистической партии Таджикистана – «Агитатор Таджикистана» и «Коммунист Таджикистана» советского периода, материалы архива Института этнологии и антропологии РАН в Москве и иные документы. Авторами выделено четыре категории статей, в зависимости от их содержания: юбилейные статьи, о русских рабочих-мастерах, о межнациональных браках, о дружбе между таджиками и русскими в таджикской поэзии. В журналах «Коммунист Таджикистана» и «Агитатор Таджикистана» статьи, посвященные дружбе народов, публиковали люди или с учеными степенями, или председатели райкомов, горкомов и обкомов Таджикской ССР. Конечно, взгляд с позиции 2024 г. на тему дружбы народов в советское время коренным образом отличается от позиции, которая была у авторов 1970–1980-х гг. Исследование показало, что концепт «дружба народов» был надэтническим понятием советских людей.

Статья подготовлена в рамках Программы международной академической мобильности, организованной Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций для молодых ученых зарубежных стран.

Ключевые слова: Таджикистан, СССР, «дружба народов», советская идентичность, таджики, русские

Для цитирования: Каландаров Т.С., Джумаева М.М. Русско-таджикская дружба на страницах научно-популярных изданий Таджикистана советского периода // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 1(15). С. 181-193, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-181-193](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-181-193)

Original Article

Historical Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-181-193](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-181-193)

Russian-Tajik Friendship in the Pages of Popular Science Publications of Tajikistan in the Soviet Period

Tohir S. Kalandarov^{1a}✉, Manzura M. Dzhumayeva^{2b}✉

¹The Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

²Khujand State University named after Academician B.G.Gafurov, Khujand, Tajikistan

^atohir_s70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8454-1784>

^bmanzurka_8710@mail.ru

Abstract. The article focuses on Russian-Tajik relations during the Soviet era. The authors have analyzed articles from two popular science magazines published by the Central Committee of the Communist Party of Tajikistan: "Agitator of Tajikistan" and "Communist of Tajikistan", as well as materials from archives of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences in Moscow, and other documents. The authors identified four categories of articles, depending on their content: anniversary articles, articles about Russian workers-craftsmen, articles about interethnic marriages, and articles about friendship between Tajiks and Russians in Tajik poetry. In the journals "Communist of Tajikistan" and "Agitator of Tajikistan", articles dedicated to the friendship of these nations were published by people with academic degrees or chairmen of district, city or regional committees of the Tajik Soviet Socialist Republic. Of course, the view from the position in 2024 on the topic of the friendship between peoples in Soviet times differs from the view that the authors held in the 1970s and 1980s. The study showed that the concept of "friendship of peoples" was a super-ethnic concept for Soviet people.

The article was prepared within the framework of the International Academic Mobility Program organized by the National Research Institute for the Development of Communications for young scientists from foreign countries.

Keywords: Tajikistan, USSR, friendship of peoples, Soviet identity, Tajiks, Russians

For citation: Kalandarov T.S., Djumaeva M.M. Russian-Tajik Friendship in the Pages of Popular Science Publications of Tajikistan in the Soviet Period. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 1(15): 181-193, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-181-193](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-181-193)

Введение

Советский Союз был многонациональной страной. Национальность в данном контексте означает этнос; другими словами, в СССР хотели на основе разных национальностей (этносов) создать единый советский народ. Так как наций и народностей было много¹, концепт «плавильного котла»² не совсем подходил для нациестроительства, поэтому «дружба народов» была простым и наиболее подходящим идеологическим концептом нового Советского государства.

Таджикские исследователи истоки этой дружбы видели до появления СССР, а именно – после присоединения Средней Азии к Российской империи. Так, кандидат исторических наук О.Б.Бакиев пишет: «Одним из важнейших прогрессивных последствий присоединения Средней Азии к России считается то, что положено начало истинной братской дружбы среднеазиатских народов, в том числе таджиков с великим русским народом» [4, с. 61].

«Дружба народов» – один из основных идеологических терминов СССР. В данной статье мы под термином «дружба народов» вслед за академиком В.А.Тишковым понимаем «взаимоуважение и сотрудничество представителей разных национальностей» [21, с. 9]. На страницах партийных журналов авторы пытались определить понятие «дружба народов». Например, кандидат исторических наук К.Джамолов пишет: «Определяя понятие "дружба народов", следует руководствоваться общими методологическими указаниями основоположников научного коммунизма о том, что она складывалась исторически в процессе воплощения принципа пролетарского интернационализма» [11, с. 71]. Советская власть, наряду с решением экономических вопросов, была заинтересована, чтобы в новых союзных республиках не происходили межнациональные конфликты. Поэтому государство в средствах массовой информации всячески пропагандировало дружбу между разными нациями, живущими бок о бок.

Материалы и методы исследования

Материалами для данной работы стали статьи, опубликованные в научно-популярных журналах Центрального комитета Коммунистической партии Таджикистана – «Агитатор Таджикистана» и «Коммунист Таджикистана». Эти

- 1 Согласно первой переписи СССР, в 1926 г. в стране было 194 этнических общности.
- 2 Концепция «плавильного котла» нашла своих сторонников и в XIX в. Она была поддержана одним из влиятельных интеллектуалов – американцем Р.Эмерсоном. Концепция в полной мере была развита в трудах Ф.Дж.Тернера, который говорил о так называемом факторе границы. То есть иммигранты, прежде чем попасть в тигель, проходили разные ассимиляционные процессы, связанные с географическим фактором или «окружением». Они проходили через разные географические регионы, всё более освобождаясь от Старого Света и воспитываясь под влиянием новых условий, смешивались в американскую расу [1].

журналы были достаточно популярными в Советском Таджикистане. «Агитатор Таджикистана» выходил 24 номера в год с января 1975 г., журнал «Коммунист Таджикистана» – 12 номеров в год с января 1936 года. Оба журнала были органами Центрального комитета Коммунистической партии Таджикистана. Кроме мониторинга этих журналов авторы использовали архив Института этнологии и антропологии РАН в Москве, где хранятся неопубликованные материалы Л.Ф.Моногаровой, которая долгие годы занималась изучением этнографии таджиков. Также были использованы материалы заседаний Коммунистической партии Таджикистана, структурных подразделений разного уровня, данные ЗАГС г. Душанбе за 1965 г. относительно межнациональных браков, а также иные архивные материалы.

Методологической основой исследования служат принципы историзма, объективности, достоверности и научности. В соответствии с поставленной целью потребовалось применить следующие методы исследования: историко-генетический, что позволило последовательно проследить эволюцию дружбы народов в представленных временных рамках; историко-сопоставительный, который дает возможность исследователям на основе сопоставительного материала делать свои научные выводы относительно того или иного феномена межнациональной коммуникации; метод комплексного анализа, что позволило учесть исторический контекст, оказавший влияние на специфику этих отношений.

Результаты исследований

Статьи, которые были посвящены теме дружбы между таджиками и русскими, можно разделить на несколько категорий. В первую категорию входят юбилейные статьи, посвященные политическим лидерам Коммунистической партии Советского Союза. Ко второй категории можно отнести статьи о русских рабочих-мастерах, которые работали на промышленных заводах и фабриках Таджикистана и выполняли роль наставников для молодого поколения таджикистанцев. К третьей категории относятся статьи о межнациональных браках между таджиками и русскими. В четвертую категорию вошли статьи, где речь идет о дружбе между таджиками и русскими в таджикской поэзии.

Обсуждая тему дружбы между таджикским и русским народами, журнал регулярно посвящал статьи юбилеям лидеров Коммунистической партии Советского Союза. Например, в № 21 1975 г. журнала «Агитатор Таджикистана» были опубликованы статьи о «всесоюзном старосте» М.И.Калинине, так как в том году отмечали 100-летие со дня его рождения. В частности, в одной статье автор пишет: «М.И.Калинин побывал во многих городах Средней Азии – Ташкенте, Ашхабаде, Бухаре, Фрунзе, побывал на заводах, многих железнодорожных станциях, встречался с рабочими и дехканами, со стариками и молодыми, с юными пионерами. Десятки тысяч трудящихся с радостью встречали всесоюзного старосту. В ярких и простых выступле-

ниях и беседах М.И.Калинина трудящиеся края находили ясные ответы на многие волновавшие их вопросы» [6, с. 24]. Таких материалов было немало. К примеру, в одном из номеров «Коммунист Таджикистана» была опубликована статья к 100-летию со дня рождения видного партийного деятеля Г.К.Орджоникидзе [9, с. 75-80]. Также к 100-летию со дня рождения С.М.Кирова была приурочена статья в журнале «Коммунист Таджикистана» [7, с. 188-190].

Как уже упоминалось выше, на страницах этих журналов были статьи о русских мастерах, которые работали на заводах и фабриках Таджикистана. Известно, что даже в 1970-е гг. технических работников из местных таджиков не хватало на предприятиях Душанбе и других крупных городов республики. Чтобы поднять промышленность республики, из центральных районов РСФСР были направлены технические работники. На страницах журналов «Коммунист Таджикистана» и «Агитатор Таджикистана» часто публиковались статьи о таких наставниках. В них рассказывалось о положительной роли этих русских наставников в обучении местной молодежи техническим навыкам прямо в цехах заводов и фабрик. Об одном наставнике – токаре предприятия «Таджикэнергоремонт» Николае Гавриловиче Шувалове – была опубликована статья в журнале «Агитатор Таджикистана» в рубрике «Опыт, инициатива, планы». В частности, там говорится о том, как токарь 6-го разряда Н.Г.Шувалов со своим учеником делают детали для Курской атомной электростанции [6, с. 24].

Особо ценились так называемые «технари», которые, помимо своей основной работы, занимались и общественным делом – выступали политинформаторами в коллективах. Об одном таком мастере – горном технике Николае Николаевиче Загребе – говорилось в статье в журнале «Агитатор Таджикистана»: «Своим серьезным отношением к обязанности горного мастера, к выполнению общественных поручений он с первых дней привлек внимание горняков шахты Замбарак³, заслужил их уважительное отношение. Всякий раз, как только выкроится 15–20 минут во время перерыва или после работы, Николай Николаевич не упустит момента, чтобы поговорить с рабочими о важнейших событиях в стране, за рубежом» [13]⁴.

Партийные руководители на местах в своих статьях всячески подчеркивали роль наставников-учителей в обучении детей. В честь 50-летия образования Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Республики Таджикистан (1975 г.) первый секретарь обкома Коммунистической партии Таджикистана опубликовал статью «Полвека в едином строю» в журнале «Агитатор Таджикистана». В своей статье он пишет о том, что в юбилейный год 32 555 детей обучаются в 265 общеобразовательных школах, а их воспитанием занимаются 2 921 учитель [10].

³ Данный участок находился на севере Таджикистана, тогда Ленинабадской области Таджикской ССР.

⁴ Такие материалы о наставниках выпускались достаточно регулярно: о машинисте депо Александре Николаевиче Струнаеве, который готовил молодых машинистов из местных жителей [18, с. 47-50]; об инженерере Валентине Ивановне Абдусаматовой, [26, с. 44-48]; о директоре душанбинского комбината ремонтно-строительных изделий Ю.С.Хегай [24, с. 79-84] и др.

Что немаловажно, на страницах этих журналов часто публиковались научные сотрудники академических институтов Таджикской ССР. Выше мы уже упомянули о статье О.Б.Бакиева. Другой пример: кандидат философских наук Д.Балхов пишет о том, что дружба между нациями приводит к интернационализму. Относительно таджиков он, в частности, пишет: «Таджики, как и все граждане нашей страны, осознают свою принадлежность не только к своей нации. Они прежде всего гордятся своей принадлежностью к великому советскому народу – народу, утверждающему мир, счастье и братство всех народов на земле...» [5, с. 51]. «Советский патриотизм таджикского народа глубоко интернационален», – пишет этот автор [5, с. 52].

Таджикские авторы на страницах этих журналов писали о том, что память о победе советского народа над фашистской Германией помогает росту дружеских отношений между таджиками и русскими. Так, член Советского комитета ветеранов войны (СКВВ), председатель душанбинской секции СКВВ М.Бабаджанов пишет о том, как в 1983 г. группа школьников душанбинской школы под руководством ветеранов войны выехала в г. Волгоград, чтобы познакомиться с местами героических сражений на Волге [3, с. 58].

Тема Великой Отечественной войны часто освещалась на страницах этих журналов. Интересным является очерк таджикского поэта М.Хайдаршо о почетном гражданине Ленинграда таджике Музаффар Мостакове. Накануне войны Мостаков служил в рядах Красной армии в Ленинграде, и, когда началась война, он стал ее участником. Пройдя всю войну, Мостаков после Победы снова вернулся в Ленинград, там женился и остался. После войны он продолжил свое служение в группе саперов, которые разминировали неразорвавшиеся бомбы. После отставки герой очерка возвращается в Таджикистан и работает преподавателем сельскохозяйственного института в Душанбе, а в Ленинграде остаются его дети – сын и дочь. По словам М.Хайдаршо, Мостаков «часто бывает гостем города на Неве, навещает своих сослуживцев, коллег, родных и близких. Город Ленина всегда радушно встречает своего почетного гражданина, коммуниста Мазафара Мостакова» [23, с. 67].

В журнальных статьях также писалось о заботе об эвакуированных в Таджикской ССР в годы Великой Отечественной войны. Кандидат исторических наук С.Рахимов отмечает, что к началу 1945 г. в Таджикской ССР насчитывалось, по неполным данным, 110 359 эвакуированных семей. «В годы войны только в Шахринауском детском доме из Москвы, Ленинграда, Киева, Винницы, Душанбе, Хорога, Белоруссии нашли приют более 700 осиротевших детей», – пишет С.Рахимов [17, с. 59].

Говоря о межнациональных браках, стоит сказать, что этнографы отмечали преобладание однонациональных браков в Таджикской ССР [14, с. 62]. Однако, несмотря на это, в этих двух партийных журналах достаточно регулярно появлялись статьи о межнациональных браках. Дело в том, что такие браки, с точки зрения идеологов социалистического / коммунистического строительства, были показателями концепта «дружбы народов» в СССР. Обычно в таких межнациональных браках говорили на русском языке, особенно если один из супругов был русскоязычным.

В одной из статей, посвященных этой теме, отмечалось: «В стране постоянно растет количество смешанных браков. Так, в 1959 году на каждую 1 000 семей в нашей

стране приходилось 102 межнациональных семьи, в 1970 – 135, а в 1979 уже – 149... если в Таджикистане в 1959 году на 1 000 семей доля этнически смешанных семей составляла 94, то в 1979 году их количество достигло 130» [11, с. 76].

Л.Ф.Моногарова многие годы занималась этнографией таджикского народа, в 1960-е гг. работала в ЗАГС г. Душанбе и собирала материал о межнациональных браках в Душанбе за 1957 г. Она не только фиксировала национальность семейных пар, но и выписывала в своих полевых дневниках национальную идентичность детей от межнациональных браков. Изучая такие семьи, она пришла к выводу, что не всегда дети брали национальность своих отцов. К примеру, отец таджик, его жена русская и их ребенок-подросток при получении паспорта записан русским⁵. Изучая документы только одного ЗАГС в г. Душанбе, она выписала около 100 семейных пар, которые состояли в межэтнических браках. Ее документы подтверждают, что еще в 1950-е и 1960-е гг. межэтнические браки в городах Таджикистана были обычным делом.

Согласно переписи 1959 г., в Таджикской ССР насчитывалось 320 тыс. русских и украинцев, которые составляли 14,7% из общего населения [15, с. 665]. Количество русских в городах Таджикской ССР было намного больше, чем в сельских местах. Так, в 1970 г. русских в Душанбе было 42% от общего числа населения города [14, с. 6].

Варианты национально-смешанных браков были достаточно многообразны, особенно в городах Таджикской ССР. Ведь известно, что в городах в советское время жили люди разных национальностей. Однако уровень урбанизации в Таджикской ССР не был высоким. Возможно, поэтому этнограф Л.Ф.Моногарова отмечает, что «у таджиков доля национально-смешанных браков от общего числа заключенных не превышала пяти процентов в 1960 г. и семи процентов в 1979 г.» [14, с. 64].

Доля людей с русской идентичностью увеличивалась еще от национально-смешанных браков малочисленных наций, которые в советское время жили в Таджикской ССР. Полевые материалы Л.Ф.Моногаровой свидетельствуют о том, что даже в случае однонационального мордовского брака подростки в значительном большинстве случаев брали себе русскую национальность, осознавали себя русскими [14, с. 68]. Конечно, следует еще добавить, что и в глазах таджиков эти подростки были русскими. Другими словами, их язык индоктринируется как культурный код национальности, так как эти подростки говорили на русском языке и в большинстве случаев русский язык считали своим родным языком. Русский язык открывал этим подросткам широкие просторы для самореализации. Кстати, перспективы русского языка и сегодня, в постсоветское время, остаются весьма широкими. Тут можно согласиться с мнением А.Л.Оверчука о том, что «...русский язык, вобравший в себя элементы неславянских языков, в первую очередь тюркских, закрепился в качестве универсального средства межнационального общения и исправно выполняет эту функцию по сей день» [16, с. 13].

Мы выше говорили о том, что в четвертую категорию входят статьи, где речь идет о дружбе между таджиками и русскими в таджикской поэзии. Мы поддерживаем ту мысль, что сила советской многонациональной литературы в ее интернационализме

5 Архив ИЭА РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д 4632. Л. 77–80.

и гуманизме (подробнее об этом см.: [20, с. 440-448]). На страницах этих двух партийных журналов часто публиковались стихи таджикских поэтов, прославляющие дружбу между народами в целом и между русскими и таджиками в частности. В этой статье мы коротко остановимся на творчестве народного поэта Таджикской ССР Мирзо Турсун-заде⁶. Он в своих произведениях воспевал единство советских народов, показывал роль русского народа в исторических судьбах таджикского народа. Наиболее значительными стихотворениями, посвященными этой теме, являются «Орел» и «Язык мира и братства». В 1964 г. он совместно с другим таджикским поэтом (Боки Рахимзода) пишет поэму о любви к русскому брату [22]. Мирзо Турсун-заде пишет о дружбе:

Насколько вы можете, не теряйте друзей,
Не теряйте дорогих друзей,
Трудно в мире без друзей,
Не теряйте лучшего друга!

Мирзо Турсун-заде в своих произведениях подчеркивает прогрессивное значение русского языка для творчества многоязычных культурных деятелей Советского Союза. К примеру, он пишет:

На языке, что светит нам по-пушкински светло,
На языке, что нам принес Чайковского тепло,
На языке, что прогремел с «Авроры» над Невой,
Я говорю: «Прекрасен мир, и он – навеки мой».
И если мир узнал о том, что счастлив стал таджик,
Что сын казахов, наш Джамбул, среди певцов велик,
Что щедрый край Узбекистан сверкает, как цветник, –
То это ты возвысил нас, о русский наш язык! [Цит. по: 2, с. 93]

В стихотворении «Законы братства» Мирзо Турсун-заде пишет об объединяющем факторе русского языка:

Внимали радостно Париж,
Варшава и Берлин
Тебе. О русский наш язык,
Бессмертный исполин.
То голос был родной Москвы.
Сказал он: «Мой народ
Защита мира на земле,
Простых людей оплот» [22, с. 84].

⁶ Мирзо Турсун-заде (1911–1977) – один из классиков таджикской литературы. Указом Президента Республики Таджикистан в 2001 г. ему присвоено высшее звание современного Таджикистана – Героя Таджикистана.

Выводы

На наш взгляд, концепт «дружба народов» был надэтническим понятием советских людей, в особенности интеллигенции. В журналах «Коммунист Таджикистана» и «Агитатор Таджикистана» статьи, посвященные дружбе народов, публиковали люди или с учеными степенями, или председатели райкомов, горкомов и обкомов Таджикской ССР. Конечно, взгляд с позиции 2024 г. на тему дружбы народов в советское время коренным образом отличается от позиции, которая была у авторов 1970–1980-х гг. Не следует сегодня спорить или критиковать тех авторов. Они в своих статьях писали о реальных вещах и людях, которые их окружали. Статьи, которые мы анализировали в этой работе, в большинстве своем не имели теоретического характера, а просто освещали и анализировали то, что «было на земле». Для авторов этих статей национальный вопрос не был слабым звеном в архитектуре того здания, которое называлось СССР. Пожалуй, можно согласиться с председателем правительства СССР Н.Н.Рыжковым, который писал: «На протяжении большей части XX века мир с удивлением и восхищением взирал на то, как в СССР была решена проблема межнациональных отношений» [18, с. 23].

Конечно, уже к середине 1970-х гг., в том числе благодаря концепту «дружба народов», уже не слышно было о разделении народов по «образу жизни» («оседлые», «кочевые», «бродячие»), о котором говорил Ю.Селезкин относительно управления народами накануне Февральской революции 1917 г. [26, р. 426].

В 1960–1970-е гг. сформировалась новая историческая общность – советский народ. Обычно противники существования этой общности пишут о том, что советский народ был идеологическим конструктом или этой общности вообще не было⁷. По нашему мнению, такая общность, как советский народ, существовала в реальной жизни советских людей. Причем такая общность была не только в головах идеологов в Москве, но и на периферии СССР. Один из авторов данной статьи в силу возраста родился и вырос в национальной республике, считал и считает себя таджиком, однако это не помешало ему в 1970-е и 1980-е гг. чувствовать себя и советским человеком. Причем советская идентичность была отнюдь не хрупкой и поверхностной. Это не советская идентичность советских людей виновата в том, что распался Советский Союз, о чем убедительно пишет Н.И.Рыжков, говоря о перестройке в Советском Союзе: «Множество случайностей пришлось и на период перестройки – тех случайностей, которые здорово вредили делу ее, тормозили его. Чернобыль, Армения. Национальные конфликты...» [19, с. 374].

Сегодня, через 33 г. после распада СССР, в самых отдаленных уголках бывшего Союза с удовольствием смотрят советские фильмы, читают своим детям советские сказки и слушают советскую музыку. Это говорит о том, что советская идентичность была крепка, как и дружба между советскими нациями.

⁷ О дискуссиях на эту тему см.: [9].

Список литературы

- Арзиева Н.Т. Концепция «Плавильного тигеля» как модель этнического развития [The Concept of the Melting Pot as a Model of Ethnic Development] // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 5–1. С. 45–47. <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-10856>.
- Атоева М.М., Абдулвахобова Т.К. Мирзо Турсун-заде – поэт с мировым именем [Mirzo Tursunzade is a World-Famous Poet] // Вестник ТГУПБП. 2011. № 2(46). С. 90–95.
- Бабаджанов М. Секция ветеранов в действии [The Section of Veterans in Action] // Коммунист Таджикистана. 1985. № 2. С. 56–59.
- Бакиев О. Истоки братской дружбы таджикского и русского народов [The Origins of Fraternal Friendship between the Tajik and Russian Peoples] // Коммунист Таджикистана. 1985. № 7. С. 60–67.
- Балхов Д. Единство национального и интернационального в духовной жизни таджикского народа [The Unity of the National and the International in the Spiritual Life of the Tajik People] // Коммунист Таджикистана. 1985. № 7. С. 46–52.
- Бобоназарова О. Выражая чаянья трудящихся... (М.И.Калинин и образование Советских национальных республик Средней Азии) [Expressing the Aspirations of the Working People... (M.I.Kalinin and the Formation of the Soviet National Republics of Central Asia)] // Агитатор Таджикистана. 1975. № 21. С. 24.
- Борец, воспитатель, трибун. К 100-летию со дня рождения С.М.Кирова [Fighter, Educator, Tribune. On the 100th Anniversary of the Birth of S.M.Kirov] // Коммунист Таджикистана. 1986. № 3–4. С. 188–190.
- Булыгина Т.А., Амбарцумян К.Р. Советское государство как историко-культурный феномен [The Soviet State as a Historical and Cultural Phenomenon] // История: факты и символы. 2022. № 3. С. 52–62.
- Быкова В. Товарищ Серго. К 100-летию со дня рождения Г.К.Орджоникидзе [Comrade Sergo. On the 100th Anniversary of the Birth of G.K.Ordzhonikidze] // Коммунист Таджикистана. 1986. № 10. С. 75–80.
- Давляткадамов Х. Полвека в едином строю [Half a Century in a Single Formation] // Агитатор Таджикистана. 1975. № 15. С. 2–13.
- Джамолов К. Дружба народов – важная черта социалистического образа жизни [Friendship of Peoples is an Important Feature of the Socialist Way of Life] // Коммунист Таджикистана. 1986. № 1. С. 70–76.
- Каримов Р. Профиль пути Струнаева [Profile of Strunaev's Path] // Агитатор Таджикистана. 1975. № 14. С. 47–50.
- Легкодымов В. Руководитель-воспитатель [Leader is Educator] // Агитатор Таджикистана. 1975. № 23. С. 24–25.
- Моногарова Л.Ф. Современная городская семья таджиков [Modern Urban Family of Tajiks]. М.: ИЭА РАН, 1992.
- Народы Средней Азии и Казахстана [Peoples of Central Asia and Kazakhstan]. Т. 2. / Под ред. С.П.Толстова, Т.А.Жданко, С.М.Абрамзона, Н.А.Кислякова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.
- Оверчук А.Л. Евразия в глобальной трансформации [Eurasia in global transformation] // Евразийство. Видение общего / Под общ. ред. А.Л.Оверчука; науч. ред. В.В.Панова. М.: Высшая школа экономики, 2023. С. 5–15.
- Рахимов С. Забота коммунистической партии Таджикистана об эвакуированных [Concern of the Communist Party of Tajikistan for the Evacuated] // Коммунист Таджикистана. 1985. № 1. С. 58–63.
- Рыжков Н.И. Главный свидетель. Дело о развале СССР [Main Witness. The Case of the Collapse of the USSR]. М.: «Алисторус», 2009.
- Рыжков Н.И. Перестройка: история предательств [Perestroika: The History of Betrayals]. М.: Изд-во «Новости», 1992.
- Советский народ – новая историческая общность людей: становление и развитие [The Soviet People – a New Historical Community of People: Formation and Development] (Ред. коллегия: чл.-корр. АН СССР М.П.Ким и др.). М.: Наука, 1975.
- Тишков В.А. Великая Победа и советский народ: антропологический анализ [The Great Victory and the Soviet People: Anthropological Analysis] // Вопросы философии. 2020. № 8. С. 5–19.
- Турсун-заде М. Путь солнечного луча [The Sunbeam Path] / Пер. с тадж. С.Липкина. Душанбе: Ирфон, 1964.

- Хайдаршо М. Почетный гражданин города Ленина (Очерк) [Honorary Citizen of Lenin City (Essay)] // Коммунист Таджикистана. 1985. № 3. С. 64–67.
- Ходжиев В. Руководитель – организатор и воспитатель [Leader is an Organizer and Educator] // Коммунист Таджикистана. 1985. № 1. С. 79–84.
- Щербатов Г. Подари людям счастье [Give People Happiness] // Агитатор Таджикистана. 1975. № 15. С. 44–48.
- Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. No. 2. P. 414–452.

Информация об авторах

КАЛАНДАРОВ Тохир Сафарбекович. Кандидат исторических наук. Старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН России. <https://orcid.org/0000-0001-8454-1784>. Адрес: Российская Федерация, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, 32а. tohir_s70@mail.ru
ДЖУМАЕВА Манзура Мамадовна. Старший преподаватель факультета русской филологии ХГУ имени академика Б.Г.Гафурова. Адрес: Республика Таджикистан, 735700, г. Худжанд, проезд Мавлонбеков, 1. manzurka_8710@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12 декабря 2024 г. Одобрена после рецензирования: 25 января 2025 г. Принята к публикации: 30 января 2025 г. Опубликовано: 5 марта 2025 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

- Arzieva N.T. The Concept of the Melting Pot as a Model of Ethnic Development. Mezhdunarodny Zhurnal gumanitarnykh i Estestvennykh Nauk. [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2019; 5–1:45–47 [In Russian]. <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-10856>.
- Atoeva M.M., Abdulkhobova T.K. Mirzo Tursunzade is a World-Famous Poet. Vestnik TGUPBP. [Bulletin of TSULBP]. 2011; 2(46):90–95 [In Russian].
- Babajanov M. The Section of Veterans in Action. Kommunist Tadjikistana [Communist of Tajikistan]. 1985; 2:56–59 [In Russian].
- Bakiev O. The Origins of Fraternal Friendship between the Tajik and Russian Peoples. Kommunist Tadjikistana [Communist of Tajikistan]. 1985; 7:60–67 [In Russian].
- Balkhov D. The Unity of the National and the International in the Spiritual Life of the Tajik People. Kommunist Tadjikistana [Communist of Tajikistan]. 1985; 7:46–52 [In Russian].
- Bobonazarova O. Expressing the Aspirations of the Working People (M.I.Kalinin and the Formation of the Soviet National Republics of Central Asia). Agitator Tadjikistana [Agitator of Tajikistan]. 1975; 21:24 [In Russian].

7. Fighter, Educator, Tribune. On the 100th Anniversary of the Birth of S.M.Kirov. Kommunist Tadjhikistana [Communist of Tajikistan]. 1986; 3-4:188-190 [In Russian].
8. Bulygina T.A., Ambartsumyan K.R. The Soviet State as a Historical and Cultural Phenomenon. Istoria: Fakty i Simvol [History: Facts and Symbols]. 2022; 3:52-62 [In Russian].
9. Bykova V. Comrade Sergo. On the 100th Anniversary of the Birth of G.K.Ordzhonikidze. Kommunist Tadjhikistana [Communist of Tajikistan]. 1986; 10:75-80 [In Russian].
10. Davlyatkadamov H. Half a Century in a Single Formation. Agitator Tadjhikistana [Agitator of Tajikistan]. 1975; 15:2-13 [In Russian].
11. Djamolov K. Friendship of Peoples is an Important Feature of the Socialist Way of Life. Kommunist Tadjhikistana [Communist of Tajikistan]. 1986; 1:70-76 [In Russian].
12. Karimov R. Profile of Strunaev's Path. Agitator Tadjhikistana [Agitator of Tajikistan]. 1975; 14:47-50 [In Russian].
13. Legkodymov V. Leader is Educator. Agitator Tadjhikistana [Agitator of Tajikistan]. 1975; 23:24-25 [In Russian].
14. Monogarova L.F. Modern Urban Family of Tajiks. Moscow: Institut Etnologii i Antropologii RAN. [Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS], 1992 [In Russian].
15. Peoples of Central Asia and Kazakhstan. T 2. / Ed. S.P. Tolstov, T.A. Zhdanko, S.M. Abramzon, N.A. Kislyakov. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR [Publishing House of the USSR Academy of Sciences], 1963 [In Russian].
16. Overchuk A.L. Eurasia in global transformation. Eurasianism. Vision of the common / Under the general. editorship of A.L. Overchuk, scientist editor V.V. Panov. Moscow: Vysshaya Shkola Ekonomiki [Higher School of Economics], 2023:5-15 [In Russian].
17. Rakhimov S. Concern of the Communist Party of Tajikistan for the Evacuated. Kommunist Tadjhikistana [Communist of Tajikistan]. 1985; 1:58-63 [In Russian].
18. Ryzhkov N.I. Main Witness. The Case of the Collapse of the USSR. Moscow: Alistorus [Alistorus], 2009 [In Russian].
19. Ryzhkov N.I. Perestroika: The History of Betrayals. Moscow: Izdatel'skij dom Novosti [Novosti Publishing House], 1992 [In Russian].
20. The Soviet People – a New Historical Community of People: Formation and Development (Editorial Board: Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences M.P.Kim et al.). Moscow: Nauka [Science], 1975 [In Russian].
21. Tishkov V.A. The Great Victory and the Soviet People: Anthropological Analysis. Voprosy Filosofii [Problems of Philosophy]. 2020; 8:5-19 [In Russian].
22. Tursunzade M. The Sunbeam Path. [Translated from Tajik by S. Lipkin]. Dushanbe: Irfon [Irfon], 1964 [In Russian].
23. Khaidarsho M. Honorary Citizen of Lenin City (Essay). Kommunist Tadjhikistana [Kommunist Tajikistan]. 1985; 3:64-67 [In Russian].
24. Khodjiev V. Leader is an Organizer and Educator. Kommunist Tadjhikistana [Kommunist Tajikistan]. 1985; 1:79-84 [In Russian].
25. Shcherbatov G. Give People Happiness. Agitator Tadjhikistana [Agitator Tajikistan]. 1975; 15:44-48 [In Russian].
26. Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. Slavic Review. 1994; 2:414-452 [In English].

About the authors

Tokhir S. KALANDAROV. Cand.Sc. (History). Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0001-8454-1784>. Address: 32 a, Leninskiy prospect, Moscow, 119334, Russia. tohir_s70@mail.ru

Manzura M. DZHUMAeva. Senior Lecturer, Faculty of Russian Philology, Khujand State University named after Academician B.G.Gafurov. Address: 1, Mavlonbekov passage, Khujand, 735700, Republic of Tajikistan. manzurka_8710@mail.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: December 12, 2024. Approved after review: January 25, 2025. Accepted for publication: January 30, 2025. Published: March 5, 2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Иманалы Айдарбеков и его участие в становлении Кара-Кыргызской автономной области

Мираида Кайратбековна Кадыралиева✉

Кыргызский национальный университет имени Ж.Баласагына,
Бишкек, Кыргызстан
kmk.-86@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7448-5974>

Аннотация. Статья посвящена роли Иманалы Айдарбекова в образовании Кара-Кыргызской автономной области, рассматриваемой через призму его становления как национального лидера. Исследуется его деятельность на посту заведующего земельно-водным отделом и председателя Джетысуйского облисполкома, где он сыграл ключевую роль в решении территориальных и межэтнических вопросов, а также в проведении социально-экономических реформ. Особое внимание уделяется его участию в национально-территориальном размежевании, интеграции различных этнических групп и укреплению местных властей в условиях политической нестабильности. В статье подчеркивается, что именно этот опыт стал основой для его дальнейшей деятельности в качестве лидера Кара-Кыргызской автономной области и сыграл важную роль в становлении кыргызской государственности. Автор отмечает, что через эти аспекты можно понять глубину их влияния на развитие региона и формирование его идентичности.

Статья подготовлена в рамках Программы международной академической мобильности, организованной Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций для молодых ученых зарубежных стран.

Ключевые слова: Иманалы Айдарбеков, Кара-Кыргызская автономная область, кыргызская советская государственность, Джетысуйский облисполком

Для цитирования: Кадыралиева М.К. Иманалы Айдарбеков и его участие в становлении Кара-Кыргызской автономной области // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 1(15). С. 194-205, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-194-205](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-194-205)

Original Article

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-194-205](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-194-205)

Historical Sciences

Imanaly Aidarbekov and his Participation in the Formation of the Kara-Kyrgyz Autonomous Region

Miraida K. Kadyralieva✉

Kyrgyz National University named after Zh.Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan
kmk.-86@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7448-5974>

Abstract. The article discusses the role of Imanaly Aidarbekov in the formation of the Kara-Kyrgyz Autonomous Region, considered from the perspective of his development as a national leader. His activities as the head of the land and water department and chairman of the Jetysu regional executive committee, where he played a key role in resolving territorial and interethnic issues, as well as in conducting socio-economic reforms are studied. Particular attention is paid to his participation in national-territorial demarcation, integration of various ethnic groups and local authorities strengthening in conditions of political instability. The article emphasizes that it was this experience that became the basis for his further activities as the leader of the Kara-Kyrgyz Autonomous Region and played an important role in the formation of Kyrgyz statehood. The article emphasizes that through these aspects one can understand the depth of their influence on the development of the region and the formation of its identity.

The article was prepared within the framework of the International Academic Mobility Program organized by the National Research Institute of Communication Development for young scientists from foreign countries

Keywords: Imanaly Aidarbekov, Kara-Kyrgyz Autonomous Region, Kyrgyz Soviet statehood, Jetysu Regional Executive Committee

For citation: Kadyralieva M.K. Imanaly Aidarbekov and his Participation in the Formation of the Kara-Kyrgyz Autonomous Region. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 1(15): 194-205, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-194-205](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-194-205)

Введение

Создание Кара-Кыргызской автономной области в составе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в 1924 г. стало важнейшим этапом в процессе формирования кыргызской государственности и этнической идентичности. Этот исторический шаг закрепил территориальные и административные границы региона, стал отправной точкой в развитии национальной элиты и задал

траекторию новых форм взаимодействия кыргызского народа с другими народами Советского Союза. Несмотря на сложные социально-политические условия, обусловленные историческим контекстом и полиэтническим составом региона, образование автономии способствовало консолидации кыргызской нации и укреплению ее культурных и политических основ.

На сегодня изучение формирования Кара-Кыргызской автономной области представляет собой одну из ключевых тем истории Кыргызстана XX в. В советский период вопросы, связанные с этим процессом, освещались преимущественно с позиции достижения социалистических преобразований, успешного проведения национально-территориального размежевания в Средней Азии и реализации ленинской национальной политики. В рамках данной идеологической парадигмы деятельность отдельных кыргызских лидеров часто ограничивалась общими упоминаниями, а их личный вклад был представлен в упрощенном и одностороннем виде. Это объясняется в том числе репрессиями 1930-х гг., в результате которых основная часть национальной элиты была репрессирована, что было под запретом изучения.

С началом перестройки в конце 1980-х гг. и последующей деидеологизацией исторической науки началось переосмысление наследия лидеров национально-государственного строительства. Рассекречивание архивных материалов и рост интереса к вопросам национального самосознания способствовали активизации исследований, посвященных ключевым фигурам кыргызской истории: о Жусупе Абдрахманове, Ишеналы Арабаеве, Абдыкериме Сыдыкове, Касыме Тыныстанове, Абдыкадыре Орозбекове и др. [6; 7; 12]. В целом, за исключением отдельных исследований, посвященных анализу развития республики, в основной массе исследования нередко были приурочены к юбилейным датам [13] или специализировались на вопросах реабилитации репрессированных [11], что ограничивало их системность и глубину. Вместе с тем среди них следует выделить работы Дж.М.Малабаева, З.К.Курманова, А.Джуманалиева [17; 14; 10].

В свете 100-летия образования Кара-Кыргызской автономной области ее лидеры вновь привлекают особое внимание. Особое значение имеет Указ Президента Кыргызской Республики Кыргызстан С.Жапарова «Об отцах-основателях современной кыргызской государственности (Абдыкериме Сыдыкове, Иманалы Айдарбекове, Жусупе Абдрахманове, Абдыкадыре Орозбекове, Ишеналы Арабаеве)»¹, согласно которому их общепризнанные заслуги являются ключевым фактором в истории становления автономии. В этом плане особого внимания заслуживает деятельность Иманалы Айдарбекова – одного из первых руководителей Кара-Кыргызской автономной области, который внес значительный вклад в процесс ее создания и становления. Уникальные аспекты его личного вклада, такие как стратегическое видение формирования кыргызской государственности, участие в разработке политических и экономических инициатив, требуют переосмысления. Он не только был первым ру-

ководителем автономии, но и активно участвовал в разработке ее институциональных основ, что позволяет рассматривать его деятельность как важнейший элемент формирования кыргызской государственности.

Несмотря на определенные шаги по популяризации его наследия, включая создание в 2010 г. Фонда имени И.Айдарбекова и публикацию трудов к его 130-летию, на сегодняшний день его деятельность и роль в создании Кара-Кыргызской автономной области остается недостаточно изученной. Его деятельность в качестве председателя Ревкома в первые полгода существования автономии часто рассматривается в контексте решения организационных вопросов, современные исследования требуют более глубокого анализа его вклада.

Целью данного исследования является анализ роли Иманалы Айдарбекова в создании Кара-Кыргызской автономной области. Исследование направлено на оценку его вклада в формирование кыргызской государственности через призму его политической деятельности, стратегического мышления и участия в национально-территориальном размежевании. Важным аспектом является изучение его деятельности в контексте современных вызовов, связанных с сохранением и переосмыслением национального исторического наследия.

Методология исследования

Методологическая основа исследования базируется на принципах междисциплинарного подхода и сочетает философские, общенаучные и специализированные исторические методы. Основными методами в работе над статьей стали историко-генетический метод, который был применен для анализа формирования Иманалы Айдарбекова как лидера, включая исследование условий его становления, влияния семейной и образовательной среды; структурно-функциональный подход, позволивший выявить его ключевую роль в процессе создания автономии, а также проанализировать механизмы принятия решений и их влияние на развитие Кара-Кыргызской автономной области; контекстный анализ, использованный для исследования его деятельности в рамках социальных, экономических и политических процессов того времени. Кроме того, используются элементы компаративного анализа для сопоставления вклада Айдарбекова с деятельностью других лидеров национального движения в Средней Азии. Такой подход способствует формированию целостной картины становления автономии и выявлению уникальных аспектов его политической деятельности.

В данной статье впервые проведен источниковедческий анализ архивных материалов Архива Президента Республики Казахстан и Жетысуйского архива, что позволило установить значительный вклад Иманалы Айдарбекова в процесс районирования. Научная новизна работы заключается в комплексном анализе вклада Иманалы Айдарбекова в становление Кара-Кыргызской автономной области, который до настоящего времени оставался недостаточно изученным. Исследование вво-

1 Официальный сайт президента КР. URL: <https://president.kg/ru/news/22?page=1>.

дит в научный оборот новые архивные данные и впервые оценивает его деятельность в контексте современных вызовов, связанных с переосмыслением исторической памяти и укреплением национальной идентичности.

Результаты исследования

Формирование кыргызской государственности началось задолго до советской власти под влиянием джадидизма и идей национального самосознания, активно распространявшихся в начале XX в. [14]. Кыргызская интеллигенция, сформировавшаяся до 1924 г., отстаивала государственность, несмотря на попытки разделить территории между Казахстаном и Узбекистаном [19]. Благодаря усилиям лидеров, таких как Ишеналы Арабаев, Жусуп Абдрахманов, Иманалы Айдарбеков, Абдыкерим Сыдыков, Абдыкадыр Орозбеков, 14 октября 1924 г. на II сессии ВЦИК СССР было объявлено об образовании Кара-Кыргызской автономной области в составе РСФСР [21]. Создание Кыргызской автономной области стало новым поворотным моментом для кыргызского народа, радикально изменившим его национальное самосознание.

И.Айдарбеков, назначенный председателем Ревкома в 1924 г., справедливо считается одним из первых руководителей Кыргызского Советского государства. В ходе проведенного нами анализа документов областного архива Джетысуйской области и фондов Джетысуйского облисполкома, хранящихся в Архиве Президента Республики Казахстан, впервые были выявлены факты, свидетельствующие о непосредственном участии Айдарбекова в работе комиссии по подготовке к образованию Кара-Кыргызской автономной области. Ранее эти аспекты его деятельности либо оставались за рамками научного обсуждения, либо были представлены лишь в общих чертах.

Прежде чем представить собранные архивные данные, подчеркивающие активное участие И.Айдарбекова в создании автономии, целесообразно дать краткую характеристику его деятельности в период становления кыргызской социалистической государственности, основываясь на существующей научной литературе. Такой подход позволит глубже понять значимость его вклада в процесс образования Кыргызской автономной области.

Иманалы Айдарбеков (1884–1938 гг.) был выдающимся государственным и общественным деятелем, внесшим значительный вклад в становление кыргызской государственности. Родившись в семье известного манапа, он получил образование в Пишпекской сельскохозяйственной школе и Ташкентском гидротехническом училище, что заложило основу его дальнейшей административной карьеры. В начале советского периода Айдарбеков возглавил революционный комитет Кара-Кыргызской автономной области, где активно занимался организацией государственного аппарата, перенесением столицы из Ташкента в Пишпек и разработкой ключевых документов, включая проект Положения автономии. Принятие «Декларации об образовании Кара-Кыргызской автономной области» в 1925 г. под его руководством стало важной вехой в истории кыргызской государственности. Он также сыграл важную

роль в подготовке Первого Учредительного Съезда Советов Кара-Кыргызской АО, который утвердил административные границы, бюджет и планы дальнейшего развития региона. Его политическая карьера была осложнена внутренними конфликтами и репрессиями. В 1937 г. он был арестован по обвинению в антисоветской деятельности и приговорен к высшей мере наказания. В 1958 г. Иманалы Айдарбеков был посмертно реабилитирован, и его заслуги как реформатора и одного из основателей кыргызской государственности были официально признаны.

Иманалы Айдарбеков приобрел значительный управленческий опыт во время работы в Джетысуйской области, переименованной из Семиреченской области 25 апреля 1922 г. Этот опыт впоследствии повлиял на его деятельность на посту председателя Ревкома Кара-Кыргызской автономной области.

С ноября 1923 г. по март 1924 г. И.Айдарбеков возглавлял областной земельно-водный отдел, а с марта по октябрь 1924 г. занимал должность председателя Джетысуйского областного исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На посту заведующего земельно-водным отделом он внес значительный вклад в проведение аграрных реформ и создание социально-экономической базы региона. Его деятельность была сосредоточена на решении ключевых задач: ликвидации земельного неравенства, перераспределении изъятых у феодалов земель, обеспечении равного доступа к земельным и водным ресурсам для крестьян и батраков, а также разработке эффективной системы землепользования.

Особое внимание И.Айдарбеков уделял обустройству беженцев из Китая и оседанию местного населения². Для них выделялись приусадебные участки, разрабатывались проекты новых населенных пунктов, проводилось их планомерное создание. Одновременно велись землеустроительные работы, направленные на устранение недостатков в распределении земель в селениях и обществах, что способствовало созданию более справедливой системы землевладения.

Все землеустроительные проекты основывались на тщательных исследованиях, включавших анализ природно-климатических условий, характеристик почв, мелиорации и геоботанических данных. Это позволило повысить качество планирования и управления территорией, а также создать условия для устойчивого развития сельских районов.

Деятельность земельно-водного отдела охватывала широкий спектр задач, включая урегулирование земельно-водных споров. Разрабатывались положения и уставы для сельскохозяйственных, мелиоративных и кустарных артелей, коммун и товариществ, которые становились важными элементами аграрной экономики региона. Большое значение имела работа по предоставлению сельскохозяйственным кооперативам кредитов, обеспечению их техникой, инвентарем и семенами. Союз «Кошчи» также активно участвовал в организации сельскохозяйственных ар-

² Джетысуйский архив РК. Ф. 350. Опись 1. Дело № 103 на 135 листах. Лист 5. (Копия приказов Семиреченского областного военнореволюционного комитета за 1920 г. Списки волостных и сельских исполкомов и ревкомов по Семиреченской области за 1920 г.).

телей, что укрепляло позиции трудового крестьянства и способствовало развитию региона³.

И.Айдарбеков не только выполнял задачи по распределению земель, но и уделял внимание созданию устойчивой структуры землепользования, способствуя экономическому развитию и социальным преобразованиям в Джетысуйской области. С 1923 по 1924 г. в 22 волостях Пишпекского и Пржевальского уездов проводились межсельские и внутрисельские землеустроительные работы. Межсельское землеустройство устраняло земельный дефицит в отдельных общинах за счет перераспределения излишков, а внутрисельское – обеспечивало крестьян участками за счет изъятий у кулацко-байских и зажиточных хозяйств. В результате землеустройства было охвачено 59 842 хозяйства, из которых 44 437 принадлежали кыргызам и 14 405 – русским, на общей площади 1 459 145 десятин. Было создано 294 земельных общества [22].

Успешная деятельность Иманалы Айдарбекова на посту заведующего земельно-водным отделом Джетысуйского облисполкома, где он зарекомендовал себя как компетентный администратор, дальновидный руководитель и приверженец идей нового строя, способствовала реализации важных аграрных реформ, разрешению сложных земельных споров. Его профессионализм и достигнутые результаты стали основанием для назначения на более ответственную должность – председателя Джетысуйского облисполкома Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Об этом также выдвигает свои научные гипотезы доктор исторических наук, профессор Б.К.Абытов: «Вполне может быть, что, как способный советский работник, Иманалы Айдарбеков, задолго до образования Кара-Кыргызской автономной области, попал в поле зрения партийно-государственного руководства Туркестанской АССР и РСФСР, что могло способствовать выбору его в качестве главы будущего Временного правительства, в лице Ревкома» [3, с. 18–19].

Деятельность И.Айдарбекова на посту председателя Джетысуйского облисполкома Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов стала важным фактором в преодолении последствий восстания 1916 г. и решении проблем, связанных с национально-территориальным размежеванием, которое охватывало Туркестанскую АССР. Этот период был насыщен социальными и политическими вызовами, требовавшими от местных руководителей не только способности к администрированию, но и умения учитывать интересы различных этнических и социальных групп. Основная часть Джетысуйской области, где проживали казахи, выразила желание войти в состав Киргизской (Казахской) АССР. В то же время кыргызы из Пржевальского и Пишпекского уездов начиная с 1922 г. инициировали создание отдельной горной автономной области, что стало важным шагом к утверждению их национальной идентичности и обретению самостоятельности. В этой ситуации Иманалы Айдарбеков, как председатель облисполкома, оказал значительное влияние на решения, касающиеся не только внутренней политики региона, но и взаимодействия между различ-

3 Архив президента РК. Ф. 666. Описание 1. Дело № 965 на 261 листе. Листы 99, 168. Протоколы исполбюро Джетысуйского обкома КПТ (Заверенные копии).

ными этническими группами. Он принимал участие в урегулировании конфликтов, связанных с национально-территориальным делением, и принимал участие в процессе создания новой административной структуры, что позволило укрепить социально-экономическую стабильность региона.

25 мая 1924 г. он представил доклад на заседании Джетысуйского обкома Коммунистической партии Туркестана (КПТ) по итогам работы комиссии по районированию⁴. В последующие месяцы, будучи председателем облисполкома, И.Айдарбеков был командирован в Ташкент. С июля по август 1924 г. он активно участвовал в процессе размежевания Джетысуйской области. Этот факт подтверждается протоколами заседаний обкома КПТ⁵, а также документами о заработной плате, где указано, что выплаты ему не начислялись в связи с длительной командировкой⁶. В Ташкенте Айдарбеков предпринял конкретные шаги, направленные на продвижение процесса размежевания, что стало важным этапом в создании Кара-Кыргызской автономной области.

Дальнейшее изучение архивных материалов свидетельствует о продолжении его активной роли в этих процессах. В частности, документы фиксируют его отсутствие на заседаниях обкома с конца сентября по октябрь 1924 г.⁷ По мнению доктора исторических наук, профессора З.К.Курманова, в этот период скорее И.Айдарбеков находился сначала в Москве, где решались вопросы, связанные с утверждением его кандидатуры на пост председателя Ревкома создаваемой Кара-Кыргызской автономной области. Затем, обладая определенными полномочиями от центральных властей, он занимался завершением согласования границ и решением ключевых организационных вопросов.

В дальнейшем архивные данные свидетельствуют, что в ноябре 1924 г. Айдарбеков вернулся к исполнению своих обязанностей и присутствовал на заседании Джетысуйского обкома КПТ, где был представлен отчет о его деятельности⁸.

Исходя из вышеизложенного, для более глубокого осмысления роли И.Айдарбекова в формировании Кара-Кыргызской автономной области необходимо продолжить архивные изыскания и ввести в научный оборот дополнительные материалы. Это позволит всесторонне раскрыть его вклад в становление кыргызской государственности и более полно осветить его значимую роль в этом историческом процессе.

4 Архив президента РК. Ф. 666. Описание 1. Дело № 965 на 261 листе. Лист 95. Протоколы исполбюро Джетысуйского обкома КПТ (Заверенные копии).

5 Архив президента РК. Ф. 666. Описание 1. Дело № 965 на 261 листе. Листы 130, 133, 135, 136. Протоколы исполбюро Джетысуйского обкома КПТ (Заверенные копии).

6 Джетысуйский архив РК. Ф. 489. Описание 1. Дело № 673 на 303 листах. Лист 279. (Требовательные интересы на выдачу зарплаты служащим Джетысуйского облгорисполкома советов) (27 июля 1923 – 24 октября 1924).

7 Архив президента РК. Ф. 666. Описание 1. Дело № 965 на 261 листе. Листы 171, 179, 181, 187. Протоколы исполбюро Джетысуйского обкома КПТ (Заверенные копии).

8 Архив президента РК. Ф. 666. Описание 1. Дело № 965 на 261 листе. Листы 190, 195, 198, 200, 201. Протоколы исполбюро Джетысуйского обкома КПТ (Заверенные копии).

Выводы

Деятельность Иманалы Айдарбекова сыграла значительную роль в стабилизации политической ситуации в Жетысуйской области и укреплении местных властей в контексте национально-территориального размежевания. Его участие в этих процессах продемонстрировало высокую компетентность в решении сложных организационных и управленческих задач, что позволило ему успешно интегрировать различные этнические группы в рамках общей национальной политики. Эти достижения стали основой для его дальнейшей успешной работы в качестве председателя Революционного комитета Кара-Кыргызской автономной области. Работая в Жетысуйской области, Айдарбеков активно содействовал реализации социально-экономических реформ, укреплению советской власти и эффективному управлению многонациональным регионом. Это позволило ему не только приобрести опыт администрирования в условиях сложной этнополитической ситуации, но и заложить фундамент для эффективной работы на более высоких руководящих постах, в том числе в процессе формирования Кара-Кыргызской автономной области. Он активно участвовал в политических процессах, способствуя утверждению кыргызского народа как субъекта государственной власти, что оставило глубокий след в истории и развитии кыргызской идентичности. Таким образом, Иманалы Айдарбеков, как один из ключевых национальных лидеров, сыграл важнейшую роль в становлении кыргызской государственности. Его патриотизм, стремление к независимости и самоуправлению стали весомым фактором для создания Кара-Кыргызской автономной области.

Список литературы

1. Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма Сталину [1916. Diaries. Letters to Stalin]. Фрунзе: Кыргызстан, 1991. 320 с.
2. Абдыкадыров Т.А., Аттокуров С., Воропаева В.А. У истоков кыргызской национальной государственности [At the Origins of the Kyrgyz National Statehood]. Бишкек: Илим, 1997. 383 с.
3. Абытов Б.К. Временное правительство Айдарбекова (система управления, руководители и административно-территориальное деление ККАО) [Aidarbekov's Provisional Government (Management System, Leaders and Administrative-Territorial Division of the KKAO)]. Ош, 2024. 44 с.
4. Аманжолова Д.А. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана [At the Break. Alash in the Ethnopolitical History of Kazakhstan]. Алматы: Издательский дом «Таймас», 2009.
5. Байдилдеев Ж., Абдалиева Г., Тагайбаев Н. Киргизские видные алашские деятели в годы амнистии и советского государственного строительства (1924–1937 гг.) [Kyrgyz Prominent Alash Figures during the Years of Amnesty and Soviet State Construction (1924–1937)] // Актуальные вопросы образования и науки. 2020. № 1(69). С. 64–67.
6. Бекмурзаева Г.К. Абдыкадыр Орозбеков – мамлекеттик ишмер (Абдыкадыр Орозбеков – государственный деятель) [Abdykadyr Orozbekov is a Statesman]. тарых. илим. канд. ... дис. (дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02). Ош., 2010. 164 с. [In Kyrgyz].
7. Болпонова А.Б. К.Тыныстанов – ученый и государственный деятель Кыргызстана [K. Tynystanov is a Scientist and Statesman of Kyrgyzstan]. Бишкек, 2011. 182 с.
8. Гринин Л.Е. Личность в истории: Современные подходы [Personality in History: Modern Approaches] // История и современность. 2011. № 1.

9. Гущин А.А. Роль личности в истории [The Role of Personality in History] // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2013. № 3(7). С. 233–237.
10. Джуманалиев А. Политическая история Кыргызстана: становление политической системы кыргызского общества в 1920–1930-е годы [Political History of Kyrgyzstan: Formation of the Political System of Kyrgyz Society in the 1920s–1930s]. Бишкек: Илим, 2002. 399 с.
11. Джунушалиев Дж. Время созидания и трагедий в 20–30-е годы XX в. [The Time of Creation and Tragedies in the 20–30s of the Twentieth Century]. Бишкек: Илим, 2003. 256 с.
12. Курманов З.К. Национальная интеллигенция 20–30-х годов: вклад в возрождение государственности кыргызского народа и борьбу с тоталитарно-авторитарным режимом [National Intelligentsia of the 20–30s: Contribution to the Revival of the Statehood of the Kyrgyz People and the Fight against the Totalitarian-Authoritarian]. Бишкек, 2005. 378 с.
13. Курманов З.К. Первый. Посвящается 130-летию выдающегося кыргызского государственного деятеля Иманалы Айдарбекова [The First. Dedicated to the 130th Anniversary of the Outstanding Kyrgyz Statesman Imanaly Aidarbekov]. СПб., 2014.
14. Курманов З.К. Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы [Political Struggle in Kyrgyzstan: the 20s]. Бишкек: Илим, 1997. 290 с.
15. Макаров Е., Ниязов К. В начале пути (о первой облпартконференции ККАО) [At the Beginning of the Path (about the First Regional Party Conference of the KKAO)] // Вестник времени. 1990. № 16. С. 6–7.
16. Малабаев Д.М. Укрепление Советов Киргизии в период строительства социализма (1917–1937) [Strengthening the Soviets of Kirghizia during the Period of Building Socialism (1917–1937)]. Фрунзе: Илим, 1969. 491 с.
17. Малабаев Дж.М. История государственности Кыргызстана [History of Statehood of Kyrgyzstan]. Бишкек: Илим, 1997. 214 с.
18. Мещеряков К.Е. К вопросу об образовании союзных республик Средней Азии и Казахстана [On the Issue of the Formation of the Union Republics of Central Asia and Kazakhstan] // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов: Сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции. СПб.: Печатный цех, 2023. С. 22–32.
19. Нурбеков К. Возникновение кыргызской советской национальной государственности [The Emergence of the Kyrgyz Soviet National Statehood]. Фрунзе: Кыргызстан, 1964. 150 с.
20. Образование Киргизской автономной ССР [Formation of the Kirghiz Autonomous SSR]. Материалы и документы / РСФСР. Обл. испол. ком. Кирг. авт. обл. Фрунзе: Облсисполком КАО, 1927. 49 с.
21. Чотонов Ю., Сабиров Р.К. Трудный путь к Автономии [The Difficult Path to Autonomy] // Вестник Кыргызского национального университета имени Ж.Баласагына. 2016. № 1(85). С. 45–53.
22. Шерстобитов В.П. Новая экономическая политика в Киргизии (1921–1925 гг.) [New Economic Policy in Kyrgyzstan (1921–1925)]. Фрунзе, 1964. 610 с.

Информация об авторе

КАДЫРАЛИЕВА Мираида Кайратбековна. Преподаватель кафедры археологии, этнологии, источниковедения и историографии, научный сотрудник научно-исследовательского, цифрового и музейно-образовательного Центра истории и регионоведения Кыргызского национального университета имени Ж.Баласагына. <https://orcid.org/0009-0001-7448-5974>. Адрес: Республика Кыргызстан, 720033, г. Бишкек, ул. Михаила Фрунзе, 547, kmk.-86@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 21 ноября 2024 г. Одобрена после рецензирования: 15 января 2025 г. Принята к публикации: 30 января 2025 г. Опубликовано: 5 марта 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Abdrakhmanov Yu. 1916. Diaries. Letters to Stalin. Frunze: Kyrgyzstan, 1991:320 [In Russian].
2. Abdykadyrov T.A., Attokurov S., Voropaeva V.A. At the Origins of the Kyrgyz National Statehood. Bishkek: Ilim, 1997. 383 [In Russian].
3. Abytov B.K. Aidarbekov's Provisional Government (Management System, Leaders and Administrative-Territorial Division of the KKAO). Osh, 2024:44 [In Russian].
4. Amanzholova D.A. At the Break. Alash in the Ethnopolitical History of Kazakhstan. Almaty: Izdatel'skiy dom «Tajmas» [Taimas Publishing House], 2009 [In Russian].
5. Baidildeev Zh., Abdaliev G., Tagaibaev N. Kyrgyz Prominent Alash Figures during the Years of Amnesty and Soviet State Construction (1924-1937). Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki [Current issues of education and science]. 2020; 1(69):64–67 [In Russian].
6. Bekmurzaeva G.K. Abdykadyr Orozbekov is a Statesman. Theses ... CandSc (Hist.): 07.00.02. Osh., 2010:164 [In Kyrgyz].
7. Bolponova A.B. K. Tynystanov is a Scientist and Statesman of Kyrgyzstan. Bishkek, 2011:182 [In Russian].
8. Grinin L. E. Personality in History: Modern Approaches. Istoriya i sovremennost' [History and modernity]. 2011; 1 [In Russian].
9. Gushchin A. A. The Role of Personality in History. Modeli, Sistemy, Seti v Ekonomike, Tekhnike, Prirode i Obshchestve [Models, systems, networks in economics, technology, nature and society]. 2013; 3 (7):233–237 [In Russian].
10. Dzhumanaliev A. Political History of Kyrgyzstan: Formation of the Political System of Kyrgyz Society in the 1920s–1930s. Bishkek: Ilim, 2002:399 [In Russian].
11. Dzhunushaliev J. The Time of Creation and Tragedies in the 20-30s of the Twentieth Century. Bishkek: Ilim, 2003:256 [In Russian].
12. Kurmanov Z.K. National Intelligentsia of the 20-30s: Contribution to the Revival of the Statehood of the Kyrgyz People and the Fight against the Totalitarian-Authoritarian Regime. Bishkek, 2005:378 [In Russian].
13. Kurmanov Z.K. The First. Dedicated to the 130th Anniversary of the Outstanding Kyrgyz Statesman Imanaly Aidarbekov. St. Petersburg, 2014 [In Russian].
14. Kurmanov Z.K. Political Struggle in Kyrgyzstan: the 20s. Bishkek: Ilim, 1997:290 [In Russian].
15. Makarov E., Niyazov K. At the Beginning of the Path (about the First Regional Party Conference of the KKAO). Vestnik Vremeni [Herald of Time]. 1990; 16:6–7 [In Russian].
16. Malabaev D.M. Strengthening the Soviets of Kirghizia during the Period of Building Socialism (1917-1937). Frunze: Ilim, 1969:491 [In Russian].
17. Malabaev J.M. History of Statehood of Kyrgyzstan. Bishkek: Ilim, 1997:214 [In Russian].
18. Meshcheryakov K.E. On the Issue of the Formation of the Union Republics of Central Asia and Kazakhstan. Actual Problems of Society, Economy and Law in the Context of Global Challenges: Collection of Materials of the XVIII International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg: Pechatnyy Cekh [Printing shop], 2023:22–32 [In Russian].
19. Nurbekov K. The Emergence of the Kyrgyz Soviet National Statehood. Frunze: Kyrgyzstan, 1964:150 [In Russian].

20. Formation of the Kirghiz Autonomous SSR. Materials and Documents / RSFSR. Regional Executive Committee of the Kirghiz. Aut. Oblast Frunze: Oblispolkom KAO, 1927:49 [In Russian].
21. Chotonov Yu., Sabirov R.K. The Difficult Path to Autonomy. Vestnik Kyrgyzskogo Nacional'nogo Universiteta Imeni Zh.Balasagyna [Bulletin of the Kyrgyz National University named after Zh.Balasagyna]. 2016; 1(85):45–53 [In Russian].
22. Sherstobitov V.P. New Economic Policy in Kyrgyzstan (1921-1925). Frunze, 1964:610 [In Russian].

About the author

Miraida K. KADYRALIEVA. Lecturer at the Department of Archeology, Ethnology, Source Studies and Historiography, Research Fellow at the Research, Digital and Museum-Educational of Center of History and Regional Studies at the Kyrgyz National University named after Zh.Balasagyn. <https://orcid.org/0009-0001-7448-5974>. Address: 547, Mikhail Frunze str., Bishkek, 720033, Republic of Kyrgyzstan. kmk.-86@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: November 21, 2024. Approved after review: January 15, 2025. Accepted for publication: January 30, 2025. Published: March 5, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО

Политические институты, процессы и технологии

POWER, POLITICS, STATE

Political Institutions, Processes and Technologies

30 сентября 2022 г. в состав Российской Федерации были включены четыре новых субъекта... с точки зрения солидаризации общества представляется важным изучение деятельности РПЦ по оказанию социальной и благотворительной помощи пострадавшему мирному населению и беженцам.

Царёва Т.В.

Особенности интеграции населения Северодонецка (ЛНР) в состав РФ: региональный и конфессиональный аспекты

Модель государственной образовательной политики, реализуемую в Кыргызстане в рассматриваемый период, можно считать государственной моделью с большим влиянием либеральных реформ и началом практики применения социально-корпоративной модели в части передачи большей автономии вузам и участия различных субъектов образования в разработке государственных образовательных стандартов.

Кадыралиева Н.Ш.

Формирование модели государственной политики в сфере высшего образования в Кыргызстане (1991–2021 гг.)

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

**РОССИЯ
И МИР**
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Особенности интеграции населения Северодонеска (ЛНР) в состав РФ: региональный и конфессиональный аспекты

Тамара Вадимовна Царёва✉

Институт этнологии и антропологии имени Н.Н.Миклухо-Маклая
РАН, Москва, Россия

Tamara-asribekova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0671-4421>

Аннотация. В контексте интеграции Луганской и Донецкой Народных Республик в политическое, экономическое и культурное пространство РФ возрастает актуальность изучения истории и вопросов правового, социального, конфессионального развития новых субъектов в составе России. На основе историографического анализа и данных, полученных автором в ходе экспедиции в г. Северодонецк в июне 2024 г., представлен материал, освещающий региональные и конфессиональные особенности территории. Отличительной чертой Северодонеска является то, что с 2014 г. он становится административным центром, получив статус столицы Луганской области Украины, позже здесь начинает работу украинская военно-гражданская администрация, размещается «управление СБУ по Донецкой и Луганской областям». С этого периода и вплоть до освобождения армией России в 2022 г. в г. Северодонецк активно реализовывалась политика купирования всех пророссийских движений.

Статья подготовлена в рамках реализации темы НИР «Мониторинг межэтнических отношений и гражданской интеграции в юго-западных регионах России».

Ключевые слова: Северодонецк, Луганская Народная Республика, Русская православная церковь, Украинская православная церковь Московского Патриархата, этносоциальные процессы, Северодонецкая и Старобельская епархия

Для цитирования: Царёва Т.В. Особенности интеграции населения Северодонеска (ЛНР) в состав РФ: региональный и конфессиональный аспекты // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 1(15). С. 208-223, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-208-223](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-208-223)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-208-223](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-208-223)

Political Sciences

Peculiarities of Integration of the Population of Severodonetsk (LNR) into the Russian Federation: Regional and Confessional Aspects

Tamara V. Tsareva✉

N.N.Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Tamara-asribekova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0671-4421>

Abstract. In the context of the integration of the Lugansk and Donetsk People's Republics into the political, economic and cultural space of the Russian Federation, the relevance of studying the history and issues of legal, social, and religious development of new entities within Russia is increasing. Based on historical analysis and data collected by the author during a trip to Severodonetsk in June of 2014, this article presents materials covering the regional and religious features of the area. A distinctive feature of Severodonetsk is that, since 2014, it has become the administrative center and received the status of capital of the Lugansk region of Ukraine. Later, the Ukrainian military-civil administration started working here, and the "SBU directorate for the Donetsk and Lugansk regions" was established. Since this period and up to the liberation of the city by the Russian Army in 2022, Severodonetsk has actively implemented a policy to suppress all pro-Russian movements. The article was prepared as part of the implementation of the research project "Monitoring of interethnic relations and civic integration in the Southwestern regions of Russia".

Keywords: Severodonetsk, the Lugansk People's Republic, the Russian Orthodox Church, the Ukrainian Orthodox Church under the Moscow Patriarchy, ethno-social processes, the Severodonetsk diocese and the Starobelsk region

For citation: Tsareva T.V. Peculiarities of Integration of the Population of Severodonetsk (LNR) into the Russian Federation: Regional and Confessional Aspects. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025. № 1(15). С. 208-223, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-208-223](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-208-223)

Введение

30 сентября 2022 г. в состав Российской Федерации были включены четыре новых субъекта: Донецкая и Луганская Народные Республики, Запорожская и Херсонская области. Северодонецк представляет интерес тем, что, несмотря на территориальную его принадлежность к ЛНР, с 2014 г. город получает статус административного центра Луганской области Украины. Это фактически отмежевывает его от остальной территории Луганской Народной Республики (которая с 2014 г. становится самостоятельным политическим субъектом, с созданием не подконтрольных Киеву институтов власти) и способствует укоренению курса на украинизацию населения и навязыванию новых идеологических установок.

Кроме того, с точки зрения солидаризации общества представляется важным изучение деятельности РПЦ по оказанию социальной и благотворительной помощи пострадавшему мирному населению и беженцам. Проблематика организации различных форм социальной помощи в период проведения специальной военной операции в настоящее время не успела получить должного внимания со стороны российских исследователей (исключение составляют статьи А.В.Третьякова и А.И.Юренко, Ю.Ю.Юренко – см., например: [16; 18]). Относительная узость историографического диапазона заявленной темы (как и ее исследование) обусловлены научными материалами, вектор содержания которых направлен на осмысление СВО как в контексте политико-правовых и экономических аспектов, формирования нового миропорядка (см., например: [3, с. 66-70; 11, с. 287-291; 12, с. 7-33 и др.], проблем информационного сопровождения военной операции [2, с. 160-172; 7, с. 140-142 и др.], отношения к ней различных социально-возрастных групп, так и на освещение различных подходов, предлагающих обоснование смысла и возможности войны (т.наз. теория справедливой войны – см. подробнее: [20]). Опосредованно и косвенно затронута проблема деятельности Церкви в период специальной военной операции в статьях С.Г.Сизова «Церковь и война. Духовные смыслы специальной военной операции» и Р.В.Антропова «Государство и Церковь в условиях СВО», в которых речь идет о вопросе допустимости и/или недопустимости войны с точки зрения христианского онтологизма и об истории взаимоотношений между Русской и Украинской православными церквями.

Материалы и методы исследования

Основной источниковой базой настоящей статьи являются: полевые материалы, собранные в ходе интервьюирования информантов (2023–2024 гг.); данные, представленные в докладе Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла на епархиальном собрании 20 декабря 2023 г. в Москве; официальные документы и отчеты Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению. Методология исследования представлена в виде историографического анализа заявленной

темы, а также изучения результатов, полученных в ходе полуструктурированных интервью с представителями духовенства, частной благотворительной организации («Readovka помогает») и жителями Северодонецка.

Результаты исследований

Исторический аспект

Отправной точкой в формировании официальной истории г. Северодонецка, расположенного в долине р. Северский Донец, является строительство Лисичанского азотно-тукового комбината и основание в 1934 г. поселка Лисхимстрой (для строителей и первых сотрудников). В ноябре 1935 г. заработали завод по изготовлению силикатного кирпича (он стал главным поставщиком стенового материала для стройки) и деревообрабатывающий завод; в 1937 г. строители сдали в эксплуатацию деревообделочный цех, насосную станцию, амбулаторию, универмаг и другие объекты [8].

В октябре 1938 г. поселок строителей был отделен от г. Лисичанска. К тому моменту в нем проживало более 3 000 человек, было построено около 30 двухэтажных жилых домов, школа, столовая, пекарня. Медицинское обслуживание населения осуществляли поликлиника, больница и родильный дом. Действовал пункт скорой помощи [8].

С началом Великой Отечественной войны почти все население поселка, особенно при приближении линии фронта, участвовало в строительстве оборонительных рубежей. 11 июля 1942 г. Лисхимстрой оккупировали немецко-фашистские войска. К этому времени в поселке оставалось немногим более 100 жителей. Остальные либо пополнили ряды Красной армии, либо эвакуировались с предприятиями на восток страны. Территория Луганской (на тот момент – Ворошиловградской) области была включена в особую военную зону, находящуюся под управлением немецкого военного командования [13, с. 122]. Во время оккупации и при отступлении немцами захватчиками были нанесены масштабные разрушения угольной, химической, машиностроительной и металлургической промышленности региона, уничтожено более 600 км железнодорожного сообщения, серьезные убытки понесло сельское хозяйство.

1 февраля 1943 г. Лисхимстрой был освобожден войсками 41-й гвардейской стрелковой дивизии (входившей в состав 4-го гвардейского стрелкового корпуса 1-й гвардейской армии), однако до 2 сентября 1943 г. поселок продолжал оставаться ареной жестоких боев¹.

Все ресурсы послевоенных лет были направлены на восстановление довоенного жилого фонда, активизацию работы завода силикатного кирпича, строительство новых школ, больниц, первых цехов Лисичанского химкомбината.

¹ Северодонецк в годы Великой Отечественной войны / Министерство культуры, спорта и молодежи Луганской Народной Республики. URL: <https://mk.lpr-reg.ru/severodoneck.html>.

В 1950 г. поселок Лисхимстрой был переименован в Северодонецк с присвоением ему статуса рабочего поселка городского типа, а в 1958 г. он получил статус города районного подчинения². В 1960–1990-е гг. Северодонецк рос и поступательно развивался: в 1968 г. рядом с городом был открыт аэропорт, к 1971 г. численность населения выросла до 100 тыс. человек, строились новые заводы, открывались школы, медучреждения.

Длительная историческая принадлежность к Российскому государству юго-восточной и центральной части Украины способствовали формированию у жителей Юго-Востока особого восприятия российско-украинских отношений, отличного от того, которое складывалось на Западе Украины. Отношения России и Украины после распада Советского Союза не отличались добрососедским характером. Но особенно они ухудшились после т.наз. «оранжевой революции 2004 г.». Именно в этот период максимально проявляются сформированные и исторически обусловленные социокультурные особенности населения Востока и Запада Украины.

28 ноября 2004 г. в Северодонецке в противовес начавшейся в Киеве «оранжевой революции» состоялся съезд народных депутатов Юго-Восточной Украины, на котором присутствовали руководители законодательной и исполнительной власти из 16 областей Донбасса, Крыма и Закарпатья [10]. Съезд собрался и в поддержку тогдашнего кандидата в президенты, действующего премьер-министра Украины В.Ф.Януковича: «Первый съезд стал символом духовного сопротивления всем глупостям, подлостям и преступлениям старающегося “обессмертить” себя “оранжевого режима”» [4, с. 5]. Ключевым вопросом съезда стала идея формирования обособленной автономной республики (куда предлагалось включить Луганскую, Донецкую, Харьковскую, Днепропетровскую, Запорожскую, Херсонскую, Николаевскую, Одесскую области, а также Крым и Севастополь) в составе Украины со столицей в Харькове. Помимо В.Ф.Януковича ключевыми организаторами съезда стали председатель Харьковского областного совета Е.П.Кушнарев и председатель Донецкого областного совета Б.В.Колесников. Однако из-за нерешительности лидеров движения заявленные планы не были претворены в жизнь.

В 2008 г. в Северодонецке прошел II Всеукраинский съезд депутатов советов всех уровней, объединивший тех, кто был не согласен с реализуемым политическим курсом – массовым переименованием географических пунктов, фальсификацией истории, уничтожением национальных и культурных памятников, запретом на использование и ограничение родного языка³, гонением на национальную религию [10, с. 47]. Импульсом к проведению съезда стала необходимость выработки мер, направ-

² До 1962 г. Северодонецк входил в состав г. Лисичанска.

³ Несмотря на широкое использование русского языка и то, что он являлся языком общения для этнически разных частей населения, он никогда не имел официального статуса в стране. Согласно опросам, русский и украинский как языки бытового общения использовали примерно равное число жителей Украины (подробнее см.: [17]). Впервые статус русского языка был законодательно повышен в 2012 г., в период президентства В.Ф.Януковича. Закон «Об основах государственной языковой политики», гарантировавший и регулировавший функционирование «региональных языков» на территории страны, несмотря на сложный процесс рассмотрения и саботирование в некоторых регионах, был принят парламентом [9, с. 199].

ленных на минимизацию украинского национализма, включающего в себя «правовое» закрепление дискриминации русского и русскоговорящего населения, мифологизацию истории Украины с учетом внедрения в общество «националистических ценностей и антироссийских установок», украинизацию публичной культурно-художественной деятельности [10, с. 43]. Кроме того, на Съезде обсуждались проблемы внеблокового статуса Украины и отношение к НАТО, нарушение прав местного и регионального самоуправления и уничтожение канонического православия.

Тем не менее проведение I и II Всеукраинских съездов, выработанные резолюции, идеология «Партии регионов» (которая и была инициатором Съездов), так и не смогли купировать крайние проявления украинского национализма.

В 2014 г. на Украине утверждается новая внешнеполитическая концепция, согласно которой политический вектор был направлен на т.наз. евроинтеграцию. Эти изменения повлекли за собой геополитическую перестройку Украины и активизацию гражданского противостояния. С 2014 г. регионы Донбасса находились в состоянии конфликта разной степени интенсивности с центральными властями Украины. Вооруженное противостояние так и не было урегулировано Минскими соглашениями – участники переговоров не находили согласия по вопросу сторон конфликта, предпосылок и в целом способов его урегулирования (подробнее см.: [9]). 1 мая 2014 г. состоялся референдум о самоопределении Луганской Народной Республики. В Северодонецке была отмечена одна из самых высоких явок населения на участки голосования. Однако в том же 2014 г. Северодонецк становится административным центром, получив статус столицы Луганской области Украины. Позже здесь начала работу украинская военно-гражданская администрация, было размещено «управление СБУ по Донецкой и Луганской областям», активно реализовывалась политика по купированию всех пророссийских и антифашистских движений⁴.

Почти с первых дней специальной военной операции г. Северодонецк находился в осадном положении. Полгода местные жители были вынуждены провести в подвалах под обстрелами, без значительной гуманитарной помощи. 25 июня 2022 г. в ходе ожесточенных боев жилой сектор и промышленная зона Северодонецка, включая завод «Азот» (из подвалов которого были выведены все мирные жители), перешли под контроль Народной милиции ЛНР и Вооруженных Сил РФ. В ходе боев практически 90% жилого фонда получило повреждения, полностью были разрушены многоквартирные дома на окраине города. В первые месяцы после освобождения Северодонецка российские военные из группы инженерной разведки и разминирования занимались зачисткой города от мин и неразорвавшихся снарядов.

С 13 по 20 июня 2024 г. автором статьи был проведен экспедиционный выезд в г. Северодонецк с целью проведения исследования (в рамках своей научной работы) о деятельности Русской православной церкви и других религиозных организаций по оказанию помощи местному населению. В настоящее время численность насе-

⁴ Крутиков Е. Как будут брать ценнейший донецкий город // Взгляд. 22.07.2022. URL: vz.ru/world/2022/3/17/1149091.html.

ления города составляет около 38 тыс. человек⁵, с преобладанием лиц пенсионного возраста.

В ходе полевой работы удалось провести полуструктурированные интервью с представителями духовенства, частной благотворительной организации («Readovka помогает») и местными жителями. В дальнейшем планируется проведение более массового этносоциологического опроса населения.

Усложняет задачу сбора практического материала и тот факт, что с 2014 г. активно проводимая украинской администрацией идеологическая пропаганда привела к формированию не определившейся со своей гражданской позицией части населения.

В восстановлении инфраструктуры Северодонецка с августа 2022 г. активную помощь оказывает Пермский край («регион-побратим»), благодаря чему происходят ремонтные работы в многоквартирных домах (идет восстановление теплового контура) и социальных объектах; установлены блочно-модульные котельные в образовательных учреждениях, организовано обеспечение водоснабжения. Кроме того, специалисты из Прикамья оказывают медицинскую и организационно-методическую помощь в лечебных учреждениях города, принимают пациентов амбулаторно и в стационарах.

В 2022–2023 гг. в Северодонецке благотворительным фондом «Readovka помогает» с ВПП «Единая Россия» (совместно с Пермским краем) были открыты мобильные пункты обогрева (вместимость каждого – до 200 человек), в которых местные жители могли обратиться к волонтерам за поддержкой по разным вопросам – от получения гуманитарной помощи до оформления документов и зарядки мобильных телефонов (не имевшие такой возможности в связи с отсутствием электричества в городе). Также в мобильных пунктах были оборудованы зоны для пребывания детей. Нам удалось поговорить с одним из волонтеров (из числа местных жителей) пункта обогрева: «Первый раз я под обстрел попал 28 февраля 2022 г. на перекрестке улиц Донецкой и Гагарина. Чудом остался жив. Самое сложное время было – конец 2022 – первая половина 2023 г., любой вид помощи был крайне необходим населению. Тогда через наш шатер до 250 человек в день проходило. Первое время военные хлеб привозили 3 раза в неделю, мы раздавали его. “Молодая гвардия” (“Молодая Гвардия Единой России”. – Т.Ц.) организовывала раздачу горячих обедов. А сейчас уже помощь не так актуальна, иногда можно даже услышать от людей недовольство из-за того, что им не нравятся пряники и конфеты, которые мы бесплатно предлагаем к чаю. Хотя наша цель – не накормить, а создать условия для нормализации общения, проведения досуга»⁶. Кроме того, «Единая Россия» и фонд «Readovka помогает» регулярно проводят совместные гуманитарные акции.

⁵ Князев К. Люди возвращаются. Как живет восставший из пепла Северодонецк // Комсомольская правда. 27.08.2024. URL: <https://www.lugansk.kp.ru/daily/27626/4977135/>.

⁶ Полевые материалы автора: интервью с волонтером (местный житель Северодонецка, мужчина, 50 лет).

Конфессиональный аспект

Православие на территории Северодонецкой и Старобельской епархии имеет длительную историю, но говорить о формировании церковной структуры можно с конца XVII в. До 1667 г. храмы, находившиеся на территории современной Северодонецкой епархии, входили в состав Патриаршей области, а в соответствии с постановлением Большого Московского собора (1666–1667 гг.) территория нынешней Северодонецкой епархии вошла в состав Белгородской епархии и управлялась Белгородскими архипастырями, в том числе святителем Иоасафом Белгородским [14]. Согласно указу Павла I от 16 октября 1799 г. о приведении в соответствие епархиальных и губернских границ, из состава Белгородской епархии была выделена самостоятельная Слободско-Украинская епархия, в состав которой вошли как территории одноименной губернии, так и нынешней Северодонецкой епархии. В XIX в. происходит значительное увеличение количества храмов и школ (например, начинает свою работу Старобельское духовное училище, действовавшее сначала как школа для детей священно-церковнослужителей). Особое место в истории становления православия в данном регионе занимают Успенско-Серафимовский (близ с. Фомовка) и Свято-Скорбященский⁷ (г. Старобельск) женские монастыри.

Широкий спектр антирелигиозных кампаний 1917 – конца 1930-х гг. (включавших в себя ужесточение контроля и ограничение вероисповедной деятельности, закрытие и разрушение храмов), а также репрессивной политики против духовенства начал сужаться лишь к началу 1940-х гг. На фоне событий Великой Отечественной войны властью было принято решение использовать православную церковь как важную мобилизующую силу в стране: вновь стали открываться монастыри и храмы, была санкционирована благотворительная деятельность⁸. В 1944 г. Священный Синод РПЦ принял решение об учреждении Ворошиловградской епархии, которая включала в себя и территорию нынешней Северодонецкой.

Несмотря на то, что после распада Советского Союза «религиозный ренессанс» на территории Северодонецка коснулся не только православия и различных деноминаций протестантизма («Свидетели Иеговы»⁹, «Церковь Святой Троицы», Евангельская церковь «Добрая Весть»), но также и ранее не известных псевдохристи-

⁷ В 1849 г. вдова штабс-капитана Анна Ивановна Булич на собственные средства открыла приют для детей-сирот из бедных семей, а через два года при нем был освящен первый храм в честь иконы Пресвятой Богородицы «Всех Скорбящих Радость». За десятилетний период существования приюта в нем воспитали 40 девочек на полном содержании. В 1862 г. детский приют был преобразован в женскую общину со штатом 40 человек, настоятельницей которой назначена была основательница обители монахиня Ангелина (в миру – А.И.Булич) (см. подробнее: Скорбященский женский монастырь Северодонецкой епархии. Монастыри УПЦ МП. URL: <https://monasterium.ru/monastiri/monastery/skorbyashchenskiy-zhenskiy-monastyr-severodonetskoy-eparkhii/>).

⁸ Если к началу Великой Отечественной войны в Луганской области практически не осталось действующих храмов, то во время немецкой оккупации часть из них стали вновь действующими (так, например, в 1942 г. открылся Свято-Николаевский храм г. Стаханова, Свято-Троицкий храм г. Кременная, Свято-Николаевский храм пос. Боровское и др.).

⁹ *Признана экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ.

анских и оккультных сект (например, «Белое братство»)¹⁰, православие являлось (и продолжает оставаться) первенствующей и господствующей конфессией в области. В октябре 1990 г. архиерейским собором РПЦ была восстановлена Украинская православная церковь с широкими правами автономии [8]. Однако с 1992 г. светскими властями Украины предпринимались колоссальные усилия по ликвидации связи православных христиан с церковным центром в Москве, и «делалось это вопреки воле подавляющего большинства православных Украины, не желающих разрывать эту связь» [10, с. 77].

31 мая 2007 г. Священным Синодом УПЦ было принято решение о создании Северодонецкой епархии путем выделения ее из состава Луганской епархии [14, с. 17]. В состав новообразованной епархии вошли территории Белокуракинского, Кременского, Новопсковского, Попаснянского, Сватовского, Старобельского и Троицкого районов Луганской области, а также города областного подчинения, находящиеся на территории этих районов: Северодонецк, Лисичанск, Рубежное, Первомайск, Стаханов, Брянка, Голубовка. По состоянию на 2017 г. на территории Северодонецкой и Старобельской епархии действовало три монастыря (два мужских и один женский), 183 храма и часовни, в которых служили около 200 священнослужителей [14, с. 32].

Кафедральным городом является Северодонецк, управляющим архиереем – митрополит Никодим (Барановский).

Широкая реализация материальной поддержки пострадавшим мирным жителям Луганской, Донецкой Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей в период проведения специальной военной операции стала одним из важных направлений патриотического служения духовенства и верующих как Русской православной церкви (РПЦ), так и Украинской православной церкви Московского Патриархата (УПЦ МП). Русская православная церковь проводит мероприятия по координации и системному оказанию социальной, психологической и духовной помощи пострадавшим мирным жителям. Реализуются программы в тесном взаимодействии с государственными фондами, учреждениями социальной защиты и здравоохранения.

В течение 2022–2024 гг. на счет Синодального отдела по благотворительности на помощь беженцам и пострадавшим мирным жителям поступило более 643,8 млн руб. Суммарно почти за два года проведения специальной военной операции в епархиях на территории России посредством централизованного сбора в Московскую Патриархию было собрано более 866 млн руб. в пользу нуждающегося населения Донецкой и Луганской Народных Республик [5]. За 2022–2024 гг. епархиями РПЦ было собрано и передано более 3 820 т гуманитарной помощи (нескорпортящиеся продукты, вещи, белье, лекарственные средства и мн. др.) беженцам и пострадавшим мирным жителям, из них более 2 490 т направлено в Донецкую, Луганскую, Горловскую, Северодонецкую, Харьковскую, Херсонскую, Запорожскую, Бердянскую епархии.

¹⁰ Подобные организации существовали в виде миссий, союзов и объединений, удовлетворяя не только духовные потребности населения, но и создавая экономико-социально-корпоративные общины [6, с. 91].

Структурно деятельность Русской православной церкви в период проведения специальной военной операции подразделяется на несколько направлений: оказание медицинской помощи воинам и раненым мирным жителям в госпиталях; социальная поддержка беженцев и пострадавшего населения регионов; организация сбора денежных средств, гуманитарной помощи, медицинского оборудования, лекарственных препаратов и расходных материалов; координация религиозной жизни верующих в новых субъектах РФ (подробнее об этом см.: [16]).

Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению начал оказывать организованную помощь жителям Северодонецка с ноября 2023 г., когда в город была доставлена крупная партия обогревателей (в связи с разрушением центральной системы отопления)¹¹. Сотрудники Синодального отдела по благотворительности адресно раздали семьям в Северодонецке 365 обогревателей, а также 400 продуктовых наборов, 100 наборов детского питания и около 300 наборов средств гигиены¹².

Регулярно на Донбасс кроме добровольцев по уходу за ранеными и маломобильными пациентами осуществляют выезды врачи-добровольцы Центральной клинической больницы Святителя Алексия разных специальностей для оказания медицинской и консультационной помощи местному населению. Так, в июне 2024 г. в Северодонецкой городской многопрофильной больнице трудились врачи-добровольцы больницы Святителя Алексия: с 16 по 28 июня в амбулаторных условиях они приняли более 700 жителей Северодонецка и окрестных районов. 27 тяжелобольных пациентов специалисты посетили на дому¹³.

С конца 2023 г. была организована работа стационарного центра помощи Синодального отдела по церковной благотворительности при храме Иконы Божией Матери «Умиление». Кроме того, часть помещения храма отведена под гуманитарный склад: «У нас в храме и сети маскировочные, и свечи окопные, памперсы для детей и лежащих больных, детское питание, средства гигиены, одежда. Даже машинка стиральная новая – попросила одна бабушка, и вот, привезли», – рассказывает настоятель храма, благочинный Северодонецкого округа прот. Сергей Токаренко. По словам о. Сергия, в настоящее время наблюдается острый дефицит священнослужителей: «Много священников уехало. Кто в Россию, кто в Европу. Кто на Украину. В моем благочинии в каждом храме служит один священник. А то и один священник на два храма»¹⁴.

¹¹ Полевые материалы автора: интервью с Кульевой Натальей, сотрудником Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению, организатором церковного медико-социального центра в Мариуполе, координатором региональных штабов помощи беженцам.

¹² Сотрудники Синодального отдела раздают обогреватели жителям Северодонецка. Информационная сводка о помощи беженцам (от 9 ноября 2023 года). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6076195.html>.

¹³ Врачи больницы святителя Алексия оказали помощь в приеме пациентов в больнице Северодонецка. URL: <https://pravoslavie.ru/161158.html>.

¹⁴ Полевые материалы автора: интервью с прот. Сергием Токаренко, благочинным Северодонецкого округа.

Спецификой организации помощи в Северодонецке, по словам Н.Кульевой, координатора региональных штабов помощи беженцам, является большое число одиноких подопечных, которым требуется оказание помощи на дому: «Сестры милосердия и подготовленные волонтеры активно занимаются уходом за больными людьми, стригут и моют маломобильных, готовят пищу, вывозят людей на приемы к врачам и социальные учреждения. Несколько подопечных силами добровольцев были вывезены из города: 2 человека для устройства в ПВР (пункт временного размещения. – Т.Ц.) в Воронеже, 5 – в Москву для последующей госпитализации»¹⁵.

С ноября 2023 г. в Синодальный отдел по церковной благотворительности поступило порядка 5 000 обращений, в Северодонецк съездили почти 100 волонтеров, в том числе организованные группы из Казанской и Пензенской епархий.

Кроме того, помощь местному населению оказывают также и Социальный отдел Северодонецкой епархии (регулярно, на основе поступающих заявлений обеспечивает оказание адресной материальной помощи одиноким пожилым людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации), и Гуманитарный отдел Луганской епархии (с июля 2022 г. совершаются адресные выезды в Северодонецк с гуманитарной помощью к нуждающимся семьям, пожилым, людям с тяжелыми заболеваниями и инвалидностью). Руководитель Гуманитарного отдела прот. Александр Беспалов каждую неделю объезжает разрушенные города и села Луганской области в поисках людей, которым нужна помощь. Привозит и раздает продукты, одежду, а кроме того, эвакуирует нуждающихся в госпитализации жителей: «Мы помогаем населению Луганской области с 2014 г. Если в настоящее время ситуация в Северодонецке в целом улучшается, то в близлежащих к нему поселениях – пока нет. Там нет электричества, не ведутся восстановительные работы. И помощь там наиболее востребована. Старую вывозить оттуда особо нуждающихся»¹⁶.

Согласно ответам наших респондентов, приоритетными направлениями социальной поддержки со стороны православной церкви для них являются оказание медицинской и гуманитарной помощи. Несмотря на то, что интервьюируемыми разделяется убеждение в важности деятельности Русской православной церкви в зоне военного конфликта, часть респондентов указывала на недостаточный объем духовной поддержки со стороны православной церкви (отмечались, в частности, необходимость увеличения частоты богослужений, совершение таинств на дому, отсутствие «сильной» проповеди). Обусловлена эта «недостаточность» несколькими факторами, на наш взгляд. Во-первых, кадровый дефицит, вызванный тем, что многие священнослужители покинули Северодонецк после начала специальной военной операции. Кроме того, с февраля 2022 г. известны случаи перехода священнослужителей Северодонецка из Украинской православной церкви МП в Православную цер-

ковь Украины (ПЦУ), что также препятствует развитию церковной жизни и оказанию деятельной помощи населению города со стороны Церкви.

В самом городе в настоящий момент осуществляют свою деятельность три православных прихода: Христо-Рождественский кафедральный собор (настоятель – митрополит Северодонецкий и Старобельский Никодим (Барановский), храм Иконы Божией Матери «Умиление» (настоятель – прот. Сергей Токаренко) и Свято-Крестовоздвиженский храм в поселке Лесная дача (настоятель – прот. Георгий Дубовик).

Интервьюируемыми отмечается также активное присутствие в общественном пространстве различных протестантских деноминаций и деятельное оказание ими (например, «Свидетелями Иеговы»^{*17}, евангелистами) помощи пострадавшему мирному населению в первые месяцы проведения СВО, несмотря на то, что в 2018 г. на территории ЛНР на основании выводов религиозно-экспертной комиссии всем церковным общинам евангельских христиан было отказано в перерегистрации, что означает запрет на любую религиозную деятельность для этих общин, запрет и на богослужения в молитвенных домах, в том числе и на домашних собраниях¹⁸.

Тезисно отметим, что первые протестантские общины на Украине стали появляться в первой половине XVI в. Антирелигиозные кампании 1920–1930-х гг., а позднее и 1950–1980-х гг., коснулись в том числе и организаций протестантских деноминаций, которые были ликвидированы наравне с православными религиозными институтами. К 2014 г. крупнейшими протестантскими организациями были: Всеукраинский союз церквей евангельских христиан-баптистов, Всеукраинский союз церквей христиан веры евангельской-пятидесятников и Украинская унионная конференция церкви христиан-адвентистов седьмого дня (подробнее см.: [8, с. 13]). По состоянию на 2021 г. на Украине насчитывалось 10 774 общин разных протестантских церквей¹⁹.

С февраля 2022 г. различные протестантские деноминации принимали активное участие в различных сферах жизни общества. В качестве предпринимаемых мер социальной поддержки и благотворительной помощи были организованы: раздача бесплатных обедов для пострадавшего населения Северодонецка; выделение квартир беженцам (например, в пгт. Сиротино); реализация активной миссионерской деятельности (распространение религиозной литературы и проч.). По данным ответов респондентов, евангелисты, в частности, продолжают свою деятельность и в настоящее время (не афишируя это в широком пространстве), оказывая поддержку и адресную помощь членам своей общины и/или их родным: «Пик активной помощи от евангелистов пришелся на 2022 – середину 2023 г. Тогда они организовывали раздачу бесплатных обедов 2 раза в неделю, раздавали всем приходящим Библию,

¹⁷ *Признана экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ.

¹⁸ В «ЛНР» запретили евангельские церкви – арестами угрожают даже за Домашние собрания. 17.10.2018 // Вчасно. URL: <https://vchasnoua.com/donbass/58158-v-lnr-zapretili-evangeliskie-tserkvi-arestami-ugrozhayut-dazhe-za-domashnie-sobraniya>.

¹⁹ Давыдов Д. Особенности верующие. Протестантов Украины хотят оградить от ужасов войны. URL: <https://regnum.ru/article/3867578>.

призывали всех на совместную молитву. Поддержка, в том числе и духовная, от них была сильная. Жалко, от нашей церкви (речь об УПЦ МП. – Т.Ц.) такого нет. Сейчас они оказывают адресную помощь. Причем не только членам своей общины. В нашем доме женщина лежащая была, у нее не было родственников, так вот они организовали уход за ней»²⁰.

Выводы

Таким образом, можно отметить, что, несмотря на широкий спектр мероприятий РПЦ и УПЦ МП по оказанию гуманитарной помощи населению, некоторые респонденты отмечают недостаточность духовной поддержки со стороны Церкви.

Усиление миссионерской, просветительской и гуманитарной деятельности РПЦ в Северодонецкой и Старобельской епархии способствовало бы более активной интеграции и адаптации местного населения к новым историческим реалиям, особенно в текущей ситуации, когда часть населения, проживающего в Северодонецке, не определилась со своей гражданской позицией.

Кроме того, на фоне испытывающей сложности деятельности православной церкви по оказанию духовной и гуманитарной поддержки населению продолжают активную работу иные (в том числе запрещенные в РФ) религиозные организации.

Список литературы

1. Антропов Р.В. Государство и церковь в условиях СВО [The State and the Church in the conditions of the NWO] // Образование и право. 2022. № 11. С. 11–14.
2. Великая Н.М., Зайцева А.А. Репрезентация специальной военной операции в печатных СМИ в контексте консолидации российского общества [Representation of a Special Military Operation in the Print Media in the Context of Consolidation of the Russian Society] // Caucasian Science Bridge. 2022. Vol. 5. № 4(18). Р. 160–172.
3. Гладких А.С., Филиппова И.А. Экономика России в условиях специальной военной операции [Economy of Russia in the Conditions of a Special Military Operation] // Вестник Ульяновского технического университета. 2023. № 2. С. 66–70.
4. Голенко В.Н., Тихонов В.Н. Северодонецк: точки не будет [Severodonetsk: There will be no Point in it]. Луганск, 2008.
5. Доклад Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла на епархиальном собрании Московской епархии 20 декабря 2023 г. [Report of Patriarch Kirill of Moscow and All Russia at the Diocesan Meeting of the Moscow Diocese on December 20, 2023]. М., 2023.
6. Комар Я.В., Пригарин А.А. Религиозная ситуация в Донецкой Народной Республике и Луганской Народной Республике в период 2014–2022 гг. [Religious Situation in the Donetsk and the Lugansk People's Republics in 2014–2022] // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 89–97. <https://doi.org/10.17223/15617793/497/9/>
7. Макоева Е.Р. О роли кибератак в специальной военной операции [On the Role of Cyberattacks in a Special Military Operation] // Наука и общество. 2022. № 8. С. 140–142.
8. Мельников С.А., Лебедев П.В., Бегдаш В.А. Хроника «черного десятилетия». Религиозные гонения на Украине 2014–2023 гг. [Chronicle of the “Black Decade”. Religious Persecution in Ukraine 2014–2023]. М., 2023.
9. Наумова Е.В. Генезис конфликта на Украине: региональный аспект [The Genesis of the Ukraine Conflict: Regional Aspect] // Свободная мысль. 2023. № 4(1700). С. 196–207.
10. На фоне оранжевой революции. Украина между Востоком и Западом: вчера. Сегодня. Завтра

20 Полевые материалы автора: интервью с женщиной (1984 г.р.).

- [Against the backdrop of the Orange Revolution. Ukraine between East and West: Yesterday. Today. Tomorrow] / Ин-т стран СНГ (Ин-т диаспоры и интеграции); под ред. К.Ф.Затулина. М., 2005.
11. Небренчин С.М. Специальная военная операция на Украине – 2022: война с коллективным Западом [Special Military Operation in Ukraine – 2022: War with the Collective West] // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество: Материалы Пятой международной научно-практической конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества». Ч. 1. Ежегодник. Вып. 6. Ч. 1 / ИНИОН РАН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И.Герасимов. М., 2023. С. 287–291.
12. Никонов В.А. Специальная военная операция и новый миропорядок [Special Military Operation and the New World Order] // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 99. С. 7–33.
13. Обадминистративном устройстве и карательных органах на территории Ворошиловградской области. 12 мая 1945 г. [On the Administrative Structure and Punitive Bodies on the Territory of Voroshilovgrad Region. May 12, 1945] // Луганщина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. материалов и документов. Донецк: Донбасс, 1969.
14. Северодонецкая епархия. 10 лет [Severodonetsk Diocese. 10 years] / Под ред. архиеп. Никодима (Барановского). Северодонецк, 2017.
15. Сизов С.Г. Церковь и война. Духовные смыслы специальной военной операции России (Выступление на Кирилло-Методиевских чтениях в Омской духовной семинарии 12 мая 2022 г.) [Church and War. Spiritual Meanings of Russia's Special Military Operation (Speech at the Cyril and Methodius Readings in Omsk Theological Seminary May 12, 2022)] // Вестник Омской православной духовной семинарии 2022. № 2(13). С. 160–167.
16. Третьяков А.В. Государственно-религиозные отношения в кризисных ситуациях: поддержка специальной военной операции российскими религиозными организациями [State-Religious Relations in Crisis Situations: Support of the Special Military Operation by Russian Religious Organizations] // Вопросы теологии. 2024. Т. 6. № 2. С. 301–316. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2024.208>.
17. Химка Дж.-П. Дружественные вмешательства: борьба с мифами в украинской истории XX в. [Friendly Interventions: the Struggle against Myths in Ukrainian History of the Twentieth Century] // Историческая политика в XXI веке: сборник статей / отв. ред. А.Миллер, М.Липман. М., 2012.
18. Юренко А.И., Юренко Ю.Ю. Роль православного прихода в России в деле сохранения исторической памяти и воспитания патриотизма [The Role of the Orthodox Parish in Russia in Preserving Historical Memory and Fostering Patriotism] // Традиции и современность. 2023. № 35. С. 21–37.
19. Яхшиян О.Ю. Историческая политика на Украине в президентство В.А.Ющенко [Historical Policy in Ukraine in the Presidency of V.A.Yushchenko] // Обозреватель. 2016. № 10(321). С. 62–73.
20. Walzer M.L. Just and Unjust Wars: a Moral Argument with Historical Illustrations. New York, 1977.

Информация об авторе

ЦАРЁВА Тамара Вадимовна. Кандидат исторических наук. Научный сотрудник, руководитель Редакционно-издательского отдела Института этнологии и антропологии имени Н.Н.Миклухо-Маклая РАН. <https://orcid.org/0000-0002-0671-4421>. Адрес: Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский проспект, 32а. Tamara-asribekova@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12 ноября 2024 г. Одобрена после рецензирования: 12 января 2025 г. Принята к публикации: 30 января 2025 г. Опубликовано: 5 марта 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Antropov R.V. The State and the Church in the conditions of the NWO. *Obrazovaniye i Pravo* [Education and Law]. 2022; 11:11–14 [In Russian].
2. Velikaya N.M., Zaitseva A.A. Representation of a Special Military Operation in the Print Media in the Context of Consolidation of the Russian Society. *Kavkazskiy nauchnyy Most* [Caucasian Science Bridge]. 2022; Vol. 5. № 4(18):160–172 [In Russian].
3. Gladkikh A.S., Filippova I.A. Economy of Russia in the Conditions of a Special Military Operation. *Vestnik Ul'yanovskogo tekhnicheskogo Universiteta* [Bulletin of Ulyanovsk Technical University]. 2023; 2:66–70 [In Russian].
4. Golenko V.N., Tikhonov V.N. Severodonetsk: There will be no Point in it. *Lugansk*, 2008 [In Russian].
5. Report of Patriarch Kirill of Moscow and All Russia at the Diocesan Meeting of the Moscow Diocese on December 20, 2023. *Moscow*, 2023 [In Russian].
6. Komar Ya.V., Prigarin A.A. Religious Situation in the Donetsk and the Lugansk People's Republics in 2014–2022. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2023; 497:89–97 [In Russian]. <https://doi.org/10.17223/15617793/497/9>.
7. Makoeva E.R. On the Role of Cyberattacks in a Special Military Operation. *Nauka i Obshchestvo* [Science and Society]. 2022; 8:140–142 [In Russian].
8. Melnikov S.A., Lebedev P.V., Begdash V.A. Chronicle of the “Black Decade”. Religious Persecution in Ukraine 2014–2023. *Moscow*, 2023 [In Russian].
9. Naumova E. The Genesis of the Ukraine Conflict: Regional Aspect. *Svobodnaya Mysl'* [Free Thought]. 2023; 4 [In Russian].
10. Against the backdrop of the Orange Revolution. Ukraine between East and West: Yesterday. Today. Tomorrow / Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and Integration); ed. by K.F.Zatulin. *Moscow*, 2005 [In Russian].
11. Nebrenchin S.M. Special Military Operation in Ukraine - 2022: War with the Collective West. Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation: Proceedings of the Fifth International Scientific and Practical Conference “Greater Eurasia: National and Civilizational Aspects of Development and Cooperation”. Ч. 1. Yearbook. Vol. 6. P. 1 / RAS. INION. Department of Scientific Cooperation; ed. by V.I.Gerasimov. *Moscow*, 2023 [In Russian].
12. Nikonov V.A. Special Military Operation and the New World Order. *Gosudarstvennoe Upravlenie. Elektronny Vestnik* [State Management. Electronic Bulletin]. 2023; 99:7–33 [In Russian].
13. On the Administrative Structure and Punitive Bodies on the Territory of Voroshilovgrad Region. May 12, 1945. *Lugansk Region during the Great Patriotic War of 1941–1945. Collection of Materials and Documents. Donetsk: Donbass*, 1969 [In Russian].
14. Severodonetsk Diocese. 10 years / ed. by Archbishop Nicodemus (Baranovsky). *Severodonetsk*, 2017 [In Russian].
15. Sizov S.G. Church and War. Spiritual Meanings of Russia's Special Military Operation (Speech at the Cyril and Methodius Readings in Omsk Theological Seminary May 12, 2022). *Vestnik Omskoy Pravoslavnoy Duhovnoy Seminarii* [Bulletin of Omsk Orthodox Theological Seminary]. 2022; 2(13):160–167 [In Russian].
16. Tretyakov A.V. State-Religious Relations in Crisis Situations: Support of the Special Military Operation by Russian Religious Organizations. *Voprosy Teologii* [Questions of Theology]. 2024; 6(2):301–316 [In Russian]. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2024.208>.
17. Himka J.-P. Friendly Interventions: the Struggle against Myths in Ukrainian History of the Twentieth Century. *Historical Policy in the XXI Century a Collection of Articles* / ed. by A.Miller, M.Lipman. *Moscow*, 2012 [In Russian].
18. Yurchenko A.I., Yurenko Yu.Yu. The Role of the Orthodox Parish in Russia in Preserving Historical Memory and Fostering Patriotism. *Tradicii i Sovremennost'* [Traditions and Modernity]. 2023; 35:21–37 [In Russian].
19. Yakhshiyani O.Y. Historical Policy in Ukraine in the Presidency of V.A.Yushchenko. *Obozrevatel* [Observer]. 2016; 10(321):62–73 [In Russian].

20. Walzer M.L. Just and Unjust Wars: a Moral Argument with Historical Illustrations. *New York*, 1977 [In English].

About the author

Tamara V. TSAREVA. CandSc. (Hist.). Research Associate, Head of the Editorial and Publishing Department of the N.N.Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0002-0671-4421>. Address: 32a, Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russian Federation. Tamara-asribekova@yandex.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: November 12, 2024. Approved after review: January 12, 2025. Accepted for publication: January 30, 2025. Published: March 5, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Формирование модели государственной политики в сфере высшего образования в Кыргызстане (1991–2021 гг.)

Нуриза Шералкановна Кадыралиева✉

Кыргызский национальный университет имени Ж.Баласагына,
Бишкек, Кыргызстан
kadyralievanuriza5@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8736-7478>

Аннотация. Статья содержит исследование становления модели государственной политики в сфере высшего образования Кыргызстана в период с 1991 по 2021 г. Автор предпринимает попытку анализа образовательной политики Кыргызстана на основе моделей, выделенных Б.Кларком: государственно-патерналистская, либеральная, корпоративная модели. Сравнение моделей проводится на основе критериев: цели образовательной политики, уровень государственного вмешательства, финансирование образования, доступность образования. Анализируются некоторые аспекты влияния зарубежных акторов образовательной политики на формирование национального подхода к высшему образованию. Определяются два периода развития государственной образовательной политики в Кыргызстане и рассматриваются их особенности. Выявляются ключевые политические, экономические, социальные и технологические факторы, повлиявшие на выбор модели образовательной политики в Кыргызстане. Аргументируется, что к настоящему времени в стране сформировалась смешанная модель политики в сфере высшего образования (с признаками государственно-патерналистской и либеральной моделей), сохранившая черты советской высшей школы с элементами национального и европейского подходов.

Статья подготовлена в рамках Программы международной академической мобильности, организованной Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций для молодых ученых зарубежных стран. Научный руководитель – Комлева Валентина Вячеславовна.

Ключевые слова: высшее образование, государственная политика в образовании, модель образовательной политики, Республика Кыргызстан

Для цитирования: Кадыралиева Н.Ш. Формирование модели государственной политики в сфере высшего образования в Кыргызстане (1991–2021 гг.) // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 1(15). С. 224–245, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-224-245](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-224-245)

Model Development of State Policy in the Field of Higher Education in Kyrgyzstan (1991–2021)

Nuriza Sh. Kadyralieva✉

Kyrgyz National University named after Zh.Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan
kadyralievanuriza5@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8736-7478>

Abstract. The article contains a study of the formation of a model of state policy in the field of higher education in Kyrgyzstan in the period from 1991 to 2021. The author attempts to analyze the educational policy of Kyrgyzstan based on models identified by B.Clark: state-paternalistic, liberal, corporate models. The comparison of models is based on the following criteria: educational policy goals, level of government intervention, financing of education, accessibility of education. Some aspects of the influence of foreign actors of educational policy on the formation of a national approach to higher education are analyzed. Two periods of development of the state educational policy in Kyrgyzstan are defined and their features are considered. The key political, economic, social and technological factors that influenced the choice of the educational policy model in Kyrgyzstan are identified. It is argued that by now a mixed model of higher education policy has been formed in the country (with signs of state-paternalistic and liberal models), which has retained the features of Soviet higher education with elements of national and European approaches.

The article was prepared within the framework of the International Academic Mobility Program organized by the National Research Institute for the Development of Communications for young scientists from foreign countries. The scientific supervisor is V.V.Komleva.

Keywords: higher education system, model of educational policy, model of state educational policy, the Republic of Kyrgyzstan

For citation: Kadyralieva N.Sh. Model Development of State Policy in the Field of Higher Education in Kyrgyzstan (1991–2021). Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 1(15): 224–245, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-224-245](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-224-245)

Введение

Образовательная политика представляет собой формирование и реализацию интересов государства не только в отношении системы образования, но и развития человеческого капитала страны в целом. Конечной целью государственной образовательной политики является сохранение суверенитета, повышение конкурентоспособности системы образования, страновой социально-экономической модели, укрепление политической позиции государства. В этой связи образовательная политика всегда контекстуальна. Она отражает особенности контекста конкретной страны и стратегии ее развития, является компонентом внутренней и внешней государственной политики, в том числе в сфере обеспечения национальной безопасности.

Кыргызстан сформулировал основы государственной образовательной политики в ряде государственных документов, начиная с первого варианта закона «Об образовании» (был принят в 1992 г.) до актуального на данный момент закона «Об образовании» от 11 августа 2023 г. Стратегии политики в сфере высшего образования сформулированы в государственных Концепциях развития образования на 2012–2020 гг. и на 2020–2030 гг., Программе развития образования на 2021–2040 гг., государственной Доктрине образования Кыргызской Республики от 27 августа 2000 г. и др. Тем не менее окончательно национальная модель образовательной политики в сфере высшего образования пока не сложилась.

Целью данной статьи является анализ истории формирования национальных подходов к высшему образованию и истоков формирования модели государственной политики в данной области.

Материалы и методы исследования

Для определения типологии, принципов, субъектов образовательной политики Кыргызстана были рассмотрены диссертационные работы и монографии западных и российских исследователей, затрагивающих проблемы и механизмы формирования и реализации государственной политики в области высшего образования, глобальной модели образовательной политики [3; 4; 15; 16; 18; 21]. В исследовании были использованы некоторые идеи и разработки, представленные российскими исследователями постсоветской трансформации высшей школы в странах Центральной Азии, описана специфика государственной образовательной политики в Кыргызстане, в частности, вопросы интернационализации [9; 10]. Различные аспекты системы высшего образования изучаются и кыргызстанскими исследователями. Анализируются проблемы и перспективы присоединения Кыргызстана к западным моделям образовательной политики [5; 6], к азиатским интеграционным проектам [19], сотрудничества с Россией [19]; рассматриваются проблемы обучения студентов в иностранных вузах [22], вопросы многоуровневой системы образования [2], присоеди-

динения к Болонскому процессу, административно-правового регулирования вхождения высшей школы Кыргызской Республики в международное образовательное пространство [11; 12], трансформация высшего образования и перспективы моделей университетов в Кыргызстане¹, оценивается интеллектуальный потенциал Кыргызстана², потенциал кыргызских университетов как международных акторов [17], эффективность моделей финансовой автономии вузов [23] и т.д. Выводы и результаты данных исследований были критически осмыслены и использовались в нашем исследовании.

Таким образом, образовательная политика Кыргызстана является предметом анализа как кыргызстанских, так и российских исследователей. В данном исследовании нас интересует, какая модель образовательной политики складывается в Кыргызстане и отражает ли она цели и задачи развития страны, способствует ли повышению конкурентоспособности Кыргызстана.

Основу методологии исследования составили системный подход, институциональный подход, акторный подход, концепция глобального управления Т.Вайса и Р.Такура. При определении доминирующего типа образовательной политики Кыргызстана мы опирались на подход, разработанный Б.Кларком. Им были сформулированы три модели образовательной политики: либеральная (рыночная), государственно-патерналистская, социально-корпоративная.

Для раскрытия проблемы исследования, понимания причинно-следственных связей и факторов формирования моделей образовательной политики в Кыргызстане применялись как общенаучные методы, так и методы исторического исследования, в частности хронологический, фактологический, историко-генетический, ретроспективный методы.

Результаты исследований

Модели образовательных политик государств аккумулируют концептуальные подходы, стратегию, цели и методы управления системой образования. В зависимости от культурных, экономических и политических условий страны могут использовать разные модели. Ключевые из них определены Б.Кларком в виде трех моделей:

- либеральная модель с ведущей ролью рынка;
- государственно-патерналистская модель с ведущей ролью государства;
- социально-корпоративная модель образовательной политики (разрабатывается и реализуется при приоритетной роли образовательных организаций и всего академического сообщества).

¹ Мусаев А.И. Трансформация высшего образования: модели мировых университетов и перспективы для Кыргызстана. URL: https://mnienie.akipress.org/unews/un_post:38377/?from=mnienie&place=search&sth=37117eac4bf2863a5bc91497cccf2954.

² Комлева В.В. Российская наука как стратегический партнер: пути к интеллектуальному суверенитету Кыргызстана // Eurasia today. URL: <https://dostuk.media/2024/08/13/pochemu-v-kyrgyzstane-problemy-s-naukoj-issledovanie-rossijskih-uchenyh/>.

Модели образовательных политик рассмотрены в нашем исследовании с учетом следующих критериев: цели образовательной политики, уровень государственного вмешательства, финансирование образования, доступность образования.

Либеральная модель

Либеральная модель политики в сфере высшего образования основана на доминировании рыночных отношений, образование при этом рассматривается преимущественно как услуга и вид бизнеса. Эта модель связана с либеральной идеологией, которая полагает индивидуальную свободу в качестве основной ценности. Соответственно, рынок образовательных услуг выбирают потребители – студенты и их родители или предприятия. Вузы конкурируют друг с другом за студентов, государственное финансирование и негосударственные фонды. Под «рынком» подразумевается совокупность конкурентных механизмов в системе образования.

Уровень государственного вмешательства. Государство видится неэффективным, бюрократическим институтом, вмешательство которого тормозит рыночное развитие и ограничивает индивидуальную свободу. В рыночной модели политики высшего образования роль государства может быть охарактеризована как «содействующее государство». Государство является гарантом создания равных конкурентных условий деятельности образовательных организаций, а функции контроля за их деятельностью делегированы местным органам власти. Модель предполагает работодателя, ориентированного на «готового» работника, с индивидуальной ответственностью образовательного учреждения за результаты деятельности и с его высокой мобильностью как самостоятельного участника рынка образовательных услуг.

Финансирование образования. Высшее образование является преимущественно платным, однако вузы разрабатывают систему грантов, стипендий и различных других форм поддержки талантливых студентов. Финансирование образования осуществляется за счет средств, предоставляемых частным сектором экономики.

Доступность образования. Высшее образование в модели государственной политики, ориентированной на рынок, представляет широкий спектр возможностей, но его доступность остается значимой проблемой из-за финансовых, социально-экономических барьеров. Такая модель реализуется в Великобритании, США и Канаде, Австралии, Новой Зеландии.

Государственно-патерналистская модель

В данной модели образование является общественным благом, обеспечивающим высокие темпы развития и обладающим положительными институциональными внешними эффектами (способствует приобщению учащихся и студентов к определенным нормам и ценностям жизни).

Уровень государственного вмешательства довольно высокий. Образовательная политика является централизованной, опирается на традиции, бесплатность и до-

ступность высшего образования за счет государственного регулирования. Действуют единые государственные образовательные стандарты, единая система вступительных испытаний. Все аккредитованные государством вузы обязаны соблюдать нормы и правила. Образовательные учреждения ограничены в свободе выбора стратегии развития и при проведении политики государства получают от него гарантию обеспечения своей деятельности. Образование преимущественно финансируется из государственного бюджета, хотя в данной модели могут присутствовать и частные образовательные организации.

Советский Союз – это пример доминирования государства над олигархическим и рыночным взаимодействием [16, с. 181]. Китай остается довольно близким к государственной модели образовательной политики. Преимущественно такая модель государственной образовательной политики поддерживается и в современной России.

В патерналистской модели, распространенной во Франции, Германии и некоторых других европейских государствах, есть ряд своих особенностей. С правовой точки зрения вузы являются автономными в учебной, научно-исследовательской, административной финансовой деятельности. Вместе с тем отношения университетов с государством регулируются и регламентируются законодательными актами, приказами и инструкциями органов государственного управления. Вузовская автономия реализуется в ряде сфер весьма ограниченно (академическая деятельность, финансы), и более существенно – в решении вопросов организационной структуры, форм и методов управления [13, с. 184]. Государство является основным источником финансирования этих сфер. Потоки студентов, организация учебного плана и вся система образования управляются с помощью обширного механизма государственного законодательства и правил государственного бюджета.

Социально-корпоративная модель

Социально-корпоративная модель образовательной политики опирается на академическое сообщество. Образование в данной модели рассматривается в качестве важного инструмента социальной политики, направленной на обеспечение социального равенства и выравнивание экономических и социальных неравенств.

Уровень государственного вмешательства. В социально-корпоративной модели задействовано большое количество субъектов: в ее разработке и реализации принимают участие и государство, и бизнес, и университеты. В рамках этой модели доминантой является академия (университет). Государство в лице централизованной власти берет на себя выполнение планирующей, координирующей и контролирующей функций производства общего и профессионального образования с целью снижения рисков инвестиций в образование. Образовательные учреждения выступают в рамках данной модели в качестве агентов государства в производстве услуг образования, так как государство делегировало им соответствующие полномочия. Учебные заведения нацелены не только на производство специалистов, имеющих высокую денежную оценку на рынке труда, но также на социализацию индивидов

в гражданское общество посредством системы образования, обеспечения экономического процветания государства, для достижения социального признания каждого гражданина, его персональной самореализации, для воспитания активной гражданской позиции.

Финансирование. Образование чаще всего платное, при этом его финансирование реализуется на основе государственно-частного партнерства. Благодаря этому обеспечивается высокий уровень мобильности студентов и преподавателей, а оценка качества образования производится на основе взаимодействия всех заинтересованных участников государственно-частного партнерства.

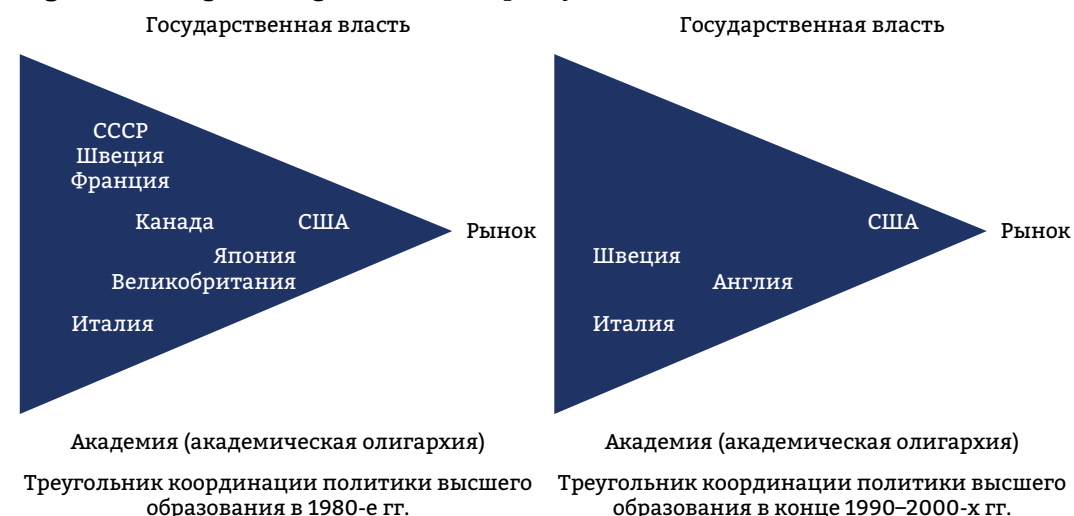
Доступность образования. Входные условия для получения высшего образования очень мягкие, высшее образование в той или иной форме может получить практически каждый желающий, при условии выполнения учебного плана и успешной аттестации. Модель образовательной политики реализуется в Финляндии, Швеции (Северной Европе).

Рассмотренные модели (по Б.Кларку) не существуют в изоляции, а взаимодействуют в различных пропорциях, определяя уникальный баланс в каждой стране. Некоторые системы высшего образования больше зависят от государства, в то время как другие ориентируются на рыночные стимулы или академическую автономию. Любая из существующих моделей образования имеет как достоинства, так и недостатки. В связи с этим в развитых системах образования можно встретить различные модели, в том числе новые, возникающие на основе вышеописанных. В конкретных исторических условиях модели изменяются. Примеры таких изменений представлены на рисунке 1.

В последние десятилетия эти модели разветвляются на фоне формирования глобальной образовательной политики. Акторы глобальной политики втягивают национальные образовательные системы в свою орбиту, оказывая значительное влияние на национальные образовательные системы через механизмы рекомендаций международных организаций и участие стран в глобальных рейтингах (например, Академический рейтинг университетов мира ARWU (Шанхайский рейтинг), рейтинг университетов мира компании Quacquarelli Symonds (QS) и рейтинг университетов мира Times Higher Education (THE)).

Глобальная образовательная политика понимается как целенаправленная деятельность ряда национальных и наднациональных акторов по формированию единой глобальной образовательной повестки, единых правил и стандартов. Глобальная модель ориентирована на развитие международной деятельности, что привело к созданию различных неправительственных организаций, ЮНЕСКО и ЮНИСЕФ, ОЭСР. Существуют организации, деятельность которых носит согласующий либо рекомендательно-экспертный характер (для обнародования результатов наиболее существенных тенденций мирового образования) [4]. Принятие решений на глобальном уровне приводит к ратификации решений на локальном уровне. Так, государства, министерства образования формируют свои идеи по поводу того, как должно выглядеть высшее образование в стране, в соответствии с рекомендациями, исходящими

Рисунок 1. Треугольники координации политики высшего образования
Figure 1. Triangles of higher education policy coordination

Источники: [16, 22]

Sources: [16, 22]

от таких организаций, как Всемирный банк, ЮНЕСКО, а также от требований глобализирующейся экономики.

В трактовке Р.Такура и Т.Г.Вайса глобальное управление требует взаимодействия множества акторов – государств, международных организаций, частного сектора и гражданского общества для решения проблем, которые не ограничены национальными границами. Это сопровождается многоуровневым управлением, плюрализмом акторов и может иметь следствием размывание суверенитета.

Глобальные рейтинги вузов оказывают значительное влияние на образовательные политики стран, являясь важным инструментом конкурентоспособности, подталкивая университеты и правительства к реформам, таким как:

- формирование стратегий развития высшего образования, чтобы улучшить свои позиции в глобальных рейтингах и повысить академическую репутацию вузов;
- изменение приоритетов вузов с акцентом на науку и публикации, вузы увеличивают количество публикаций в престижных журналах («Science» и «Nature») и цитируемость (по данным Thomson Scientific);
- фокус на интернационализации побуждает вузы и государства развивать программы академической мобильности (введение англоязычных программ, участие в международных образовательных обменах, таких как Erasmus+);
- стандартизация образовательных процессов, подталкиваемая рейтингами, приводит к тому, что национальные образовательные системы становятся более интегрированными в глобальное образовательное пространство;

● государства связывают выделение финансов с успехами университетов в международных рейтингах.

Таким образом, международные рейтинги вузов являются одним из инструментов включения национальных образовательных политик в систему глобального управления ими.

Обретение суверенитета Кыргызстаном потребовало создания новой модели государственной образовательной политики, отвечающей национальным интересам и новым вызовам, с которыми столкнулась страна. К таким вызовам относились: кризис образования, освобождение от централизованного государственного контроля, нехватка государственной поддержки, снижение престижа образования, сокращение числа студентов, вызванное ростом безработицы, размывание прежней профессиональной структуры, появление новых форм экономической деятельности, не требующих диплома о высшем образовании и т.д.

Анализ процессов формирования государственной образовательной политики позволяет нам выделить как минимум два периода.

Первый период формирования модели государственной политики Кыргызстана в сфере высшего образования (1991–2003 гг.)

Этот период, по мнению И.С.Болджуровой, можно назвать стартовым этапом формирования государственной образовательной политики и преодоления кризисных явлений [7].

Трансформация государственной политики в сфере высшего образования была связана с принятием в 1992 г. Закона КР «Об образовании», который предполагал реализацию модели государственной образовательной политики, ориентированной на рыночные условия и многообразие форм собственности, отказ от государственного планирования рабочей силы. На этом этапе менялась роль государства в системе образования, государство взяло на себя создание «правовых гарантий для свободного функционирования и развития системы образования». Иначе говоря, государство перестает играть роль единственного поставщика образовательных услуг. Подобно государству в либеральной модели политики высшего образования, оно является организатором действий других участников сферы образования. Государство контролирует качество образования, составляет государственные образовательные стандарты, валидирует дипломы.

Эти законодательные положения означали изменение типа образовательной политики в направлении к западным политическим, либеральным моделям. Так, уже в 1992–1993 гг. в Кыргызстане наметилось движение ряда высших учебных заведений Кыргызстана в сторону европейской модели высшего образования. Академия управления при Президенте Кыргызской Республики, Международный университет Кыргызстана, Кыргызский национальный университет имени Ж.Баласагына (кыргызско-европейский факультет) начали реализовывать пилотные проекты по подго-

товке специалистов по двухуровневой системе с применением кредитных систем составления учебных планов. Первый выпуск бакалавров и магистров состоялся в 1996 г. [12]. Но понятия «бакалавр» и «магистр» были введены в Закон «Об образовании» только в 2003 г. На этом этапе проводимые реформы образования характеризовались недопониманием стратегий и новых подходов, недостаточностью ресурсов для их реализации, непоследовательностью и запутанностью путей реализации принимаемых решений.

В силу инерционности образовательной системы (как в плане ее перестройки, так и в плане ее результатов) зримого эффекта от изменений, которые были произведены на первом этапе, в короткий срок ожидать было трудно. Требовалась антикризисная образовательная политика. Своеобразной антикризисной программой стала Национальная образовательная программа «Билим», принятая в 1996 г. На ее реализацию и поддержку сферы образования были запрошены кредиты Азиатского банка развития (АБР) на сумму 30 млн долл. США. С помощью специалистов и консультантов АБР был составлен Мастерплан, и в процессе его реализации были решены некоторые проблемы совершенствования управления в сфере базового образования, создания национальных стандартов, подготовки и издания учебников на кыргызском языке. АБР было предъявлено несколько внешних критериев к системе высшего образования: оптимизация управления в образовательных учреждениях, включая более прозрачные и эффективные механизмы финансирования; создание партнерств с зарубежными университетами и исследовательскими институтами; внедрение информационно-коммуникационных технологий. Это требовало перехода на рыночные механизмы и повышения автономии университетов, что, в свою очередь, вызывало дискуссии о необходимости учета местных условий и традиций в образовательной среде.

В 1995 г. Всемирный банк в Кыргызстане запустил программы «Проект по улучшению качества образования» (общая сумма финансирования составила 20 млн долл. США) и «Проект по реформе высшего образования (1997–2001)» на сумму около 16 млн долл. США. При реализации реформ, требуемых международными организациями, произошла передача функций управления и контроля из рук государства в руки частных или полугосударственных структур, что привело к уменьшению роли государства в образовательной системе и снижению его возможностей по контролю качества и доступности образования.

В 2002 г. в Кыргызстане было введено Общереспубликанское тестирование (ОРТ). Американское агентство по международному развитию (USAID) совместно с Министерством образования и науки Кыргызстана (МОиН КР) запустили общереспубликанское тестирование (ОРТ), которое стало обязательным для поступления в вузы и повысило прозрачность поступления. С 2002 г. USAID предоставил более 1,1 млн долл. США для оказания финансовой поддержки в администрировании ОРТ, включая обновление базы данных теста, рецензирование и публикацию пособий по подготовке к ОРТ для учащихся, проведение кампаний по информированию общественности по всей стране.

В 1990-е гг. АБР, Всемирный банк, USAID оказали большую финансовую поддержку Кыргызстану в рамках реформирования системы образования, включая высшее образование. Все эти программы имели цель повышения качества и доступности образования. При этом приоритет в решении этих проблем был выбран в пользу начального, среднего общего образования, что в итоге привело к тенденции снижения финансирования высшего образования государством.

Число грантовых (бюджетных) мест в вузах Кыргызстана постепенно уменьшалось и составило в 1993 г. – 82,4%, в 1995 г. – 61,1%, в 1999 г. – 22,1%.

В увеличении бюджетных мест и повышении уровня доступности образования в Кыргызстане в 1990-е гг. сыграли свою роль такие вузы, как Кыргызско-Российский Славянский университет (КРСУ), Кыргызско-Турецкий университет имени Манаса. В 1993 г. был создан КРСУ, его финансирование осуществляется на совместной основе: бюджет Российской Федерации обеспечивает выплату заработной платы сотрудников, а кыргызская сторона – расходы на стипендиальное обеспечение студентов и материально-технические нужды. КРСУ поддерживает контакты с Фондом Ельцина, который оказывает значительную финансовую поддержку в виде именных стипендий 50 лучшим студентам, помогает в оснащении университета современным учебным оборудованием. В 1992 г., сразу после образования Содружества Независимых Государств (СНГ), главы правительств подписали Соглашение о сотрудничестве в области образования и Соглашение о сотрудничестве в области подготовки научно-педагогических кадров и нострификации документов об их квалификации в рамках СНГ. Затем, в 1997 г., было подписано Соглашение о сотрудничестве по формированию единого образовательного пространства СНГ [12, с. 258]. И в 1990-е гг. более 300 студентов ежегодно получали высшее образование в вузах России.

Таким образом, в 1991–2000 гг. в Кыргызстане предпринималась попытка соединения двух моделей государственной политики в сфере высшего образования: государственной, централизованной модели и либеральной модели. Формируемая модель имела все особенности, характерные для стран с переходной экономикой и постсоветским прошлым. Эта модель сочетала черты государственного контроля, попытки модернизации, диверсификации образования, привлечения международной помощи и проведения реформ путем интегрирования в международное образовательное сообщество. Отвечала ли эта модель развития государственной образовательной политики целям, задачам стратегии развития Кыргызстана? Можно резюмировать, что отвечала, учитывая вектор развития высшего образования Кыргызстана в этот период, направленный на либерализацию и попытки переориентировать ее на спрос на рынке образовательных услуг. Не противоречило ли это национальным интересам? Возможно, противоречило. Но в тот период на волне обретения государственности и декларирования независимости были сильны тенденции к национальному возрождению. В вузах одновременно с требованием соответствия стандартов и учебных планов международным стандартам происходила национализация учебных программ, адаптация учебных

планов к национальным особенностям, в том числе усиление роли кыргызского языка, истории, национальной культуры и идеологии.

Второй период формирования модели государственной политики Кыргызстана в сфере высшего образования (2003–2021 гг.)

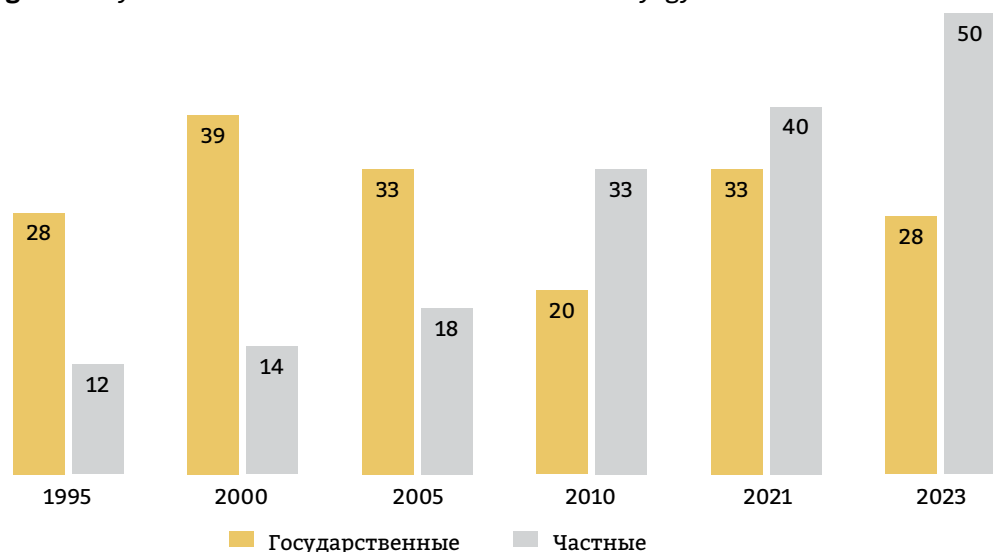
Второй период ознаменовался интеграцией национальной системы высшего образования Кыргызстана в Болонскую систему. С этим процессом были связаны основные реформы, что сказалось на современной системе высшего образования. Следуя мнению эксперта, занимавшего руководящую роль в системе образования, И.С.Болджуровой, развитие государственной образовательной политики можно охарактеризовать как стратегическое [7]. В этот период были разработаны Национальная стратегия устойчивого развития образования КР на период 2013–2017 гг., Концепция развития образования КР до 2020 г., Стратегия развития образования в КР на 2012–2020 гг., благодаря которым в Кыргызской Республике сформировалась система высшего образования, ориентированная на интернационализацию.

На реформирование высшего образования в этот период влияли такие факторы, как спрос на образование, увеличение количества студентов, появление большого количества негосударственных вузов (рисунок 2), увеличение количества коммерческих мест в вузах, изменение понимания сути высшего образования (образование в большей мере стало рассматриваться не как социальное благо, а как услуга), нехватка финансирования, миграция квалифицированных кадров, недостаточное соответствие программ обучения требованиям рынка труда и др.

Ключевые реформы второго периода формирования модели государственной политики в сфере высшего образования. Первыми в Кыргызстане присоединились к Болонской декларации Международный университет Кыргызстана и Бишкекская финансово-экономическая академия (2002 г.). Министерство образования и науки в 2003 г. предприняло попытки официально вступить в Болонский процесс, однако по сегодняшний день Кыргызстан не стал полноценным участником Болонского процесса. Тем не менее в 2011 г. руководители еще 11 вузов Кыргызстана подписали Великую хартию университетов в городе Болонья (Италия), в результате чего эти вузы присоединились к 721 университету из 79 стран мира, подписавшему вышеупомянутый документ. По сути, мы можем говорить о проявлении признаков корпоративной модели государственной политики в сфере высшего образования, так как университеты приняли самостоятельное решение и проявили академическую солидарность.

Реализация принципов Болонского процесса вузами Кыргызстана стала важным шагом на пути к интеграции в европейское образовательное пространство. Вузы начали переходить на кредитно-модульную систему обучения, развивать академическую мобильность студентов и преподавателей. В соответствии с постановлением Правительства Кыргызской Республики от 23 августа 2011 г. № 496 «Об

Рисунок 2. Динамика количества вузов Кыргызстана в 1995–2023 гг.
Figure 2. Dynamics of the number of universities in Kyrgyzstan in 1995–2023

Источник: составлено автором
Source: created by the author

установлении двухуровневой структуры высшего профессионального образования в Кыргызской Республике» и в целях реализации Стратегии образования Кыргызской Республики на 2012–2020 гг. с 2011 / 2012 учебного года в стране введена многоуровневая система высшего образования по подготовке кадров. Данным постановлением утверждены «Перечень наименований направления подготовки бакалавров, магистров и специальностей в Кыргызской Республике», а также макеты государственных образовательных стандартов (ГОС) бакалавров, магистров и специальностей. За 2011–2021 гг. было разработано три поколения государственных образовательных стандартов, которые предоставляют субъектам образовательной системы широкое правовое поле для свободы преподавания и обучения в рамках единого образовательного пространства. Выходя за рамки рассматриваемого периода, отметим, что в 2022 г. были приняты новые образовательные стандарты, существенно расширившие академическую свободу учебных заведений, уменьшив обязательный государственный компонент до 10%. Кроме того, Указом «О мерах по повышению потенциала и конкурентоспособности образовательных организаций высшего профессионального образования Кыргызской Республики» пяти вузам Кыргызстана был придан особый статус с расширенными полномочиями.

В 2020 г. была создана Национальная система квалификации (НСК), включающая 9 уровней, что обеспечивает четкую структуризацию и уровни квалификаций. Принятие НСК является результатом долгой работы по разработке этих рамок системы квалификации с помощью международных организаций. Таковым был про-

ект «Темпус» – «QUADRIGA: Квалификационные рамки в Центральной Азии: Болонские принципы и региональная координация», который функционировал с 2012 г. по 2015 г. Цель проекта – разработка структуры квалификации в Центральноазиатских республиках с учетом опыта ЕС. В рамках данного проекта был разработан ряд нормативных документов: концепция Национальной рамки квалификаций в КР; Национальная рамка квалификаций КР; методика разработки Национальной рамки квалификаций КР; методика разработки отраслевых рамок квалификаций КР на примере сферы информационных технологий. Результаты работ и рекомендации, полученных в рамках вышеперечисленных проектов, рассматривались Министерством образования и науки и Министерством молодежи, труда и миграции КР, в чьи компетенции входят разработка, принятие и утверждение общей национальной рамки. Для развития НСК необходимо, чтобы в Кыргызстане была государственная структура, которая должна (как отметили члены рабочей группы GIZ по развитию навыков и квалификации в Кыргызстане, возглавляемой международным экспертом Элисон Шмидт) координировать все направления работ по квалификациям, оптимизировать то, что уже существует в стране, концептуально проработать «полную картину» об общих целях, преимуществах и потенциале для организации отраслей экономики с целью развития навыков и создания национальной системы квалификации. Необходимо признать, что разработка, внедрение и поддержание этой программы является дорогостоящим проектом для любой страны. Всего пять стран мира реализуют внедрение НСК из собственного бюджета без международной помощи.

В Кыргызстане внедрена система независимой аккредитации, а Независимое агентство аккредитации и рейтинга (IAAR) ежегодно публикует рейтинг вузов. Многие университеты, невзирая на отступления от собственных деклараций о миссии, конкурируют за места в категории «Исследовательские университеты».

Руководство страны, ректоры университетов, правительственные чиновники, родители, студенты руководствуются рейтингами вузов. Их выводы, исходя из этих рейтингов, влияют на принимаемые решения о государственном финансировании, о создании или прекращении каких-то программ, на принятие решения о поступлении в вуз дома или за границей [3].

В этой связи возникает вопрос о влиянии глобальной модели образовательной политики на национальные образовательные модели, на национальную идентичность, формируемую посредством образования. Унификация учебных программ ослабляет акцент на национальные особенности и культурные ценности, уникальные аспекты, связанные с историей, языком, культурой, приводит к сдвигу в сторону «глобальных» ценностей в ущерб национальным, долгосрочным целям развития общества на основе национальной культуры и идентичности.

Государственное финансирование высшего образования. Согласно данным ОЭСР (2008 г.), в Кыргызской Республике были самые большие в мире частные источники финансирования высшего образования. Согласно данным Всемирного банка, государственные расходы на одного студента в Кыргызстане составляли

166,12 долл. США и 223,27 долл. США (в 2010 и 2013 гг. соответственно) [14, с. 19]. На систему образования с 2010 по 2020 г. было выделено Азиатским банком развития 52 млн долл., Европейским союзом – 60,6 млн евро, Всемирным банком – 36,9 млн долл. [14, с. 47–48].

Вклад Евросоюза в сектор образования КР с 2010 г. можно условно разделить на три этапа:

1) 2010–2012 гг. В конце 2009 г. было подписано финансовое соглашение на оказание поддержки Европейским сообществом в размере 5,5 млн евро с 2010 г. Программа направлена на подкрепление основных целей Стратегии развития страны Кыргызстан на 2007–2010 гг. в области образования. Два компонента программы включают в себя: техническую помощь «Подготовка секторальной программы в области образования» и грантовый компонент «Профессионально-техническое образование и обучение»;

2) 2013–2015 гг. По программе поддержки секторальной политики (ППСП), содействия реформе сектора образования в КР бюджетная поддержка составила 17 млн евро, а дополнительная поддержка – 3,25 млн евро. Общий ожидаемый результат программы – более эффективная работа по всему сектору и продвижение к более инклюзивной (содержательной) и эффективной системе образования;

3) 2016–2018 гг. Этот этап характеризуется самым крупным вкладом со стороны Евросоюза в рамках «Контракта на реформу сектора образования» стоимостью 36 млн евро (30 млн евро предоставлены в виде гранта, а 6 млн евро – дополнительная поддержка).

В 2016 г., после выполнения правительством необходимых условий в сфере реформирования системы образования, Евросоюзом был выделен первый транш в размере 10 млн евро. Планировалось еще два транша размером 10 млн евро в последующие два года [14].

Внедрение Болонской системы и кредитно-модульного обучения привело к демократизации образования и расширению частного сектора, повышению мобильности студентов и преподавателей благодаря международным программам.

Однако остается ряд нерешенных проблем: низкое финансирование и материально-техническое оснащение вузов, нехватка квалифицированных преподавателей и их миграция за границу, несоответствие образовательных программ потребностям рынка труда. А также, как упоминалось в управлении процессами внедрения принципов Болонской декларации, важно выстроить рациональную структуру управленческих звеньев, чтобы принимаемые решения получили оперативную вертикальную «проходимость». В Кыргызстане наблюдается управленческий сумбур перекалывания функций с государственного органа на общественные структуры [12].

Перспективы дальнейшего улучшения высшего образования требуют увеличения государственного финансирования и привлечения частных инвестиций в высшее образование, усиления взаимодействия с работодателями для разработки актуальных учебных программ, развития цифровой инфраструктуры для гибких

форм обучения, создания привлекательных условий для преподавателей через повышение заработной платы и поддержку их профессионального развития.

Ведущей тенденцией в государственной политике и в высшей школе КР является интернационализация и курс на открытость в рамках Болонского процесса. В Кыргызстане действует ряд зарубежных и совместно организованных вузов: Американский университет Центральной Азии, Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н.Ельцина, Международный университет Кыргызстана (совместно с Университетом Сан-Франциско), Кыргызско-Турецкий университет, Кыргызско-Кувейтский университет, а также кыргызско-американский и кыргызско-европейский факультеты в Кыргызском национальном университете имени Ж.Баласагына и др. Активно развивается многостороннее международное сотрудничество в рамках Университета ШОС и Сетевого университета СНГ, функционирующего по модели, схожей с программой «Эразмус Мундус».

Расширение сотрудничества в рамках СНГ привело к появлению Сетевого университета Содружеств (СУ СНГ) по инициативе Российского университета дружбы народов. В 2009 г. 11 университетов подписали соглашение о консорциуме по созданию Сетевого университета СНГ, Кыргызстан представлял Кыргызский государственный университет имени Ж.Баласагына. В 2001 г. государства-учредители Шанхайской организации сотрудничества подписали соглашение о сотрудничестве в области образования, был открыт Университет ШОС, подписали Хартию Университета ШОС. Кыргызстан входит в УШОС по четырем направлениям (регионоведение, энергетика, IT-технология, экология) и представляется восемью основными вузами страны. В результате такой интеграционной работы неуклонно растет количество студентов, обучающихся в вузах Российской Федерации, которое к 2017 г. составляло уже 16 тыс. студентов, из которых 5 тыс. студентов получали образование за счет российского бюджета, в 2019 / 2020 уч. году Российской Федерацией было выделено 370 квот бюджетных мест, в 2024 году – уже 700 квот бюджетных мест для Кыргызстана.

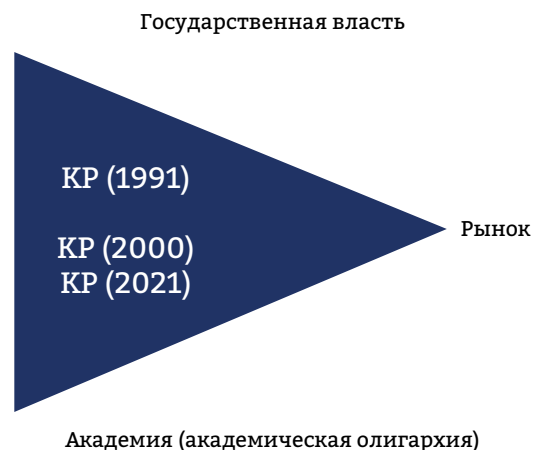
Часть экспертов в этой области считают, что сейчас нет необходимости затрачивать усилия на попытках создать единое образовательное пространство СНГ, тогда как другая часть считает, что Болонский процесс – это европейский процесс, необходимый для создания единого европейского пространства, и поэтому важно подумать о евразийском пространстве со своей системой образования.

Положительная тенденция развития международных отношений проявляется в устойчивом потоке иностранных студентов, по числу которых КР занимает первое место в Средней Азии [9, с. 131], что фактически позволяет считать ее хабом в этом регионе с большим потенциалом для взаимодействия в области образования. Одним из наиболее благоприятных последствий такой политики стала первая позиция киргизской высшей школы Средней Азии по числу иностранных студентов (более 40%).

Модель государственной образовательной политики, реализуемую в Кыргызстане в рассматриваемый период, можно считать государственной моделью с боль-

Рисунок 3. Треугольник движущих сил высшего образования Кыргызстана в 1991–2021 гг.

Figure 3. The triangle of coordination of higher education policy in Kyrgyzstan in 1991–2021

Источник: составлено автором
Source: created by the author

шим влиянием либеральных реформ и началом практики применения социально-корпоративной модели в части передачи большей автономии вузам и участия различных субъектов образования в разработке государственных образовательных стандартов.

Сравнив вышеуказанные два периода развития государственной образовательной политики в Кыргызстане с позиции треугольника движущих сил, предложенного Б.Кларком, мы изобразили изменение модели государственной политики в сфере образования следующим образом (рисунок 3).

Выводы

С 1991 по 2021 г. формирование модели государственной политики в сфере высшего образования Кыргызстана прошло через несколько этапов, каждый из которых отражал новые вызовы и задачи. За этот период государственная политика образования, система высшего образования продемонстрировали готовность к развитию и реформированию. На первом этапе в Кыргызстане применялась государственная, централизованная модель с элементами либеральных реформ, но с особенностями, характерными для стран с переходной экономикой и постсоветским наследием. На втором этапе Кыргызстан попытался объединить элементы государственно-патерналистской, либеральной и корпоративной моделей. В итоге сложилась модель государственной образовательной политики со следующими чертами:

- в образовательной системе сохранялось влияние государства с постепенной либерализацией, передачей вузам автономии, с приданием особого статуса отдельным вузам;
- основное финансирование осуществлялось за счет контрактного обучения студентов;
- привлекалась значительная международная помощь от организаций для внедрения образовательных реформ;
- сохранялись проблемы неравенства в доступе к качественному образованию, особенно в отдаленных регионах и сельской местности (эта проблема сохраняется и в настоящее время);
- началось продвижение инклюзивного образования, но все еще существует нехватка условий для студентов с особыми потребностями.

Существенное влияние на государственную политику в области высшего образования оказывали зарубежные акторы, в частности, в рамках международного консультирования и финансирования, присоединения вузов к Болонской системе, международного рейтингования и др.

Несмотря на реформы и изменения, в рассматриваемый период (1991–2021 гг.) в Кыргызстане не была выработана национальная суверенная модель государственной политики в области высшего образования. Скорее всего, мы можем говорить о смешении разных моделей и некой гибкости государственной политики, связанной с постоянно меняющимися факторами, влияющими на текущее состояние и реформы в высшем образовании.

С 2022–2023 гг. мы можем говорить о начале третьего этапа в развитии политики в сфере высшего образования. Намечились новые тенденции, в большей степени отражающие национальные интересы, которые могут стать предметом дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Абдыраева Ж.Д. Кыргызстан и Болонский процесс: проблемы и перспективы (на примере кыргызского государственного университета имени И.Арабаева) [Kyrgyzstan and the Bologna Process: Problems and Prospects (on the Example of the Kyrgyz State University named after I.Arabaev)] // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2022. № 6. С. 235–238. <https://doi.org/10.26104/NNTIK.2022.1.6.048>. EDN QJCQPZ.
2. Адамкулова Ч.У. Внедрение многоуровневой системы высшего профессионального образования в Кыргызской Республике [Introduction of a Multilevel System of Higher Professional Education in the Kyrgyz Republic] // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 4(21). С. 21–23.
3. Альтбах Ф. Глобальные перспективы высшего образования [Global Prospects of Higher Education]. М.: ИД ВШЭ, 2018. 551 с.
4. Антюхова Е.А. Акторные модели глобальной образовательной политики [Current Models of Global Educational Policy] // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 158–168. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.11>
5. Апезова Д.У. Образовательная политика Европейского союза в условиях глобализации [Educational Policy of the European Union in the Context of Globalization]: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. Бишкек, 2007. 28 с.

6. Бедельбаева А.З. Международная интеграция высшего образования Кыргызстана: проблемы и перспективы [International Integration of Higher Education in Kyrgyzstan: Problems and Prospects] // Вестник КНУ им. Ж.Баласагына. 2017. № 4(92). С. 165–172.
7. Болджурова И.Б. История развития системы образования Кыргызской Республики в переходный период: 1990–2005 гг. [The History of the Development of the Education System of the Kyrgyz Republic in the Transition Period: 1990–2005]: автореф. дисс. ... док. пед. наук: 13.00.01. М., 2006. 26 с.
8. Борукуев Т.С., Саманчин Б.Т., Жимирук Е.Н. Российско-Кыргызский консорциум технических университетов (РККТУ) – устойчивая площадка для плодотворного взаимодействия вузов России и Кыргызстана [Russian-Kyrgyz Consortium of Technical Universities (RCTU) – a Powerful Platform for Fruitful Cooperation between Universities of Russia and Kyrgyzstan] // Инновационное управление персоналом: сборник трудов IX Всероссийского межвузовского Кадрового форума им. А.Я.Кибанова, Самара, 26–27 апреля 2018 г. / ответственный редактор Г.П.Гагаринская. Самара: Самарский государственный технический университет, 2018. С. 23–28. EDN ZAOHNR.
9. Бурангулов Э.Р. Государственная политика в сфере высшего образования как фактор развития международных отношений Киргизской Республики [State Policy in the Field of Higher Education as a Factor in the Development of International Relations of the Kyrgyz Republic] // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 127–133. <https://doi.org/10.18384/2949-5164-2024-3-127-133>.
10. Водопьянова Е. Итоги постсоветской трансформации высшей школы [Results of Post-Soviet Transformation of Higher Education] // Современная Европа. 2020. № 5. С. 132–141. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52020132141>.
11. Джапарова Р. О присоединении Кыргызстана к Болонскому процессу [Kyrgyzstan's Accession to the Bologna Process] // Высшее образование России. 2005. № 10. С. 22–25.
12. Дмитриенко И.А. Государственное регулирование высшего образования в Кыргызской Республике: административно-правовой аспект [State Regulation of Higher Education in the Kyrgyz Republic: Administrative and Legal Aspect]. Б.: Алтын-Принт, 2014. 382 с.
13. Дуран Т.В., Костина Н.Б. Модели политики в сфере высшего образования [Policy models in higher education] // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: VII Уральский демографический форум с международным участием: сборник статей. Т. 1. Социология и история воспроизводства населения России. Екатеринбург, 2016. С. 182–186.
14. Заключительный отчет. Анализ финансирования образования в Кыргызской Республике. Проект развития сектора: Укрепление системы образования [A Final Report. Analysis of Education Financing in the Kyrgyz Republic Sector Development Project: Strengthening the Education System] (Грант #0408-KGZ), финансируемый Азиатским банком развития / Составители К.Огава, Н.Токтогулова, Э.Ибраева. Б., 2017. С. 48–50.
15. Каменская Ю.А. Образовательная политика в странах Западной Европы и России: сравнительный анализ [Educational Policy in Western Europe and Russia: Comparative Analysis]: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2007. 25 с.
16. Кларк Б.Р. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе [The System of Higher Education: an Academic Organization in a Cross-National Perspective]. М.: Издательство ВШЭ, 2011. 358 с.
17. Комлева В.В., Таалайбек кызы Ж. Университеты как субъекты международных отношений: потенциал Кыргызстана [Universities as Subjects of International Relations: The Potential of Kyrgyzstan] // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 4(10). С. 94–117. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-94-117](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-94-117).
18. Ломакина И.С. Европейская образовательная политика: опыт и перспективы сотрудничества [European Educational Policy: the Experience and Prospects of Society]. Челябинск: ЧГАКИ, 2011. 391 с.
19. Райымбаев Ч.К. Роль университетов в интеграции образования в Азии: Кыргызстан и Россия [The Role of Universities in the Integration of Education in Asia: Kyrgyzstan and Russia] // Алтай-Азия 2022: Евразийское образовательное пространство – новые вызовы и лучшие практики: сборник материалов V Международного образовательного форума, Барнаул-Белокуриха, 15–17 сентября 2022 г. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2022. С. 68–72. EDN SZFNVD.
20. Состояние и перспективы системы обеспечения качества образования в Кыргызской Республике [The Status and Prospects of the Quality Assurance System in Education in the Kyrgyz Republic]: сборник статей. Бишкек, 2021. 109 с.

21. Шпаковская Л. Политика высшего образования в Европе и России [Higher Education Policy in Europe and Russia]. СПб., 2007.
22. Tashmatova P., Ke S. The push-pull factors influencing local students to choose foreign colleges in Kyrgyzstan // Alatau Academic Studies. 2019. No. 1. P. 33–45. EDN DHMKBL.
23. Tashatbaeva B.E., Chynybaev M.K., Kurmanova N.M. Analysis and research of the needs of the universities of Kyrgyzstan in financial autonomy // Известия Кыргызского государственного технического университета им. И.Раззакова. 2024. № 1(69). С. 322–333. <https://doi.org/10.56634/16948335.2024.1.322-333>. EDN MSUJPK.

Информация об авторе

КАДЫРАЛИЕВА Нуриза Шералкановна. Кандидат исторических наук. Доцент кафедры истории Кыргызстана, Кыргызский национальный университет имени Ж.Баласагына. <https://orcid.org/0000-0001-8736-7478>. Адрес: Республика Кыргызстан, 720033, г. Бишкек, ул. Фрунзе, 547, kadyralievanuriza5@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10 ноября 2024 г. Одобрена после рецензирования: 15 января 2025 г. Принята к публикации: 30 января 2025 г. Опубликовано: 5 марта 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Abdyaeva Zh.D. Kyrgyzstan and the Bologna Process: Problems and Prospects (on the Example of the Kyrgyz State University named after I. Arabyev). Nauka, novyye tekhnologii i innovatsii Kyrgyzstana [Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan]. 2022; 6:235–238 [In Russian]. <https://doi.org/10.26104/NNTIK.2022.1.6.048>. EDN QJCQPZ.
2. Adamkulova Ch.U. Introduction of a Multilevel System of Higher Professional Education in the Kyrgyz Republic. Azimut Nauchnykh issledovaniy: Ekonomika i Menedzhment [Azimut of scientific research: Economics and Management]. 2017; Vol. 6, 4(21):21–23 [In Russian].
3. Altbach F. Global Prospects of Higher Education. Moscow: ID VShE [HSE Publishing House], 2018:551 [In Russian].
4. Antyukhova E.A. Current Models of Global Educational Policy. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]. 2020; 3:158–168 [In Russian]. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.11>.
5. Apezova D.U. Educational Policy of the European Union in the Context of Globalization: Abstract. Theses ... CandSc. (Polit.): 23.00.04. Bishkek, 2007:28 [In Russian].
6. Bedelbaeva A.Z. International Integration of Higher Education in Kyrgyzstan: Problems and Prospects. Vestnik KNU im. Zh.Balasagyna [Bulletin of the KNU named after Zh.Balasagyn]. 2017; 4(92):165–172 [In Russian].
7. Boldzhurova.B. The History of the Development of the Education System of the Kyrgyz Republic in the Transition Period: 1990-2005: Abstract. Theses ... DSc. (Ped.): 13.00.01. Moscow, 2006:26 [In Russian].

8. Borukeev T.S., Samanchin B.T., Zhimiruk E.N. Russian–Kyrgyz Consortium of Technical Universities (RCTU) – a Powerful Platform for Fruitful Cooperation between Universities of Russia and Kyrgyzstan. Innovative Personnel Management: proceedings of the IX All-Russian Interuniversity Personnel Forum named after A.Ya.Kibanov, Samara, April 26-27, 2018 / Honorary editor G.P.Gagarinskaya. Samara: Samarskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet [Samara State Technical University] 2018:23–28 [In Russian]. EDN ZAOHNR.
9. Burangulov E.R. State Policy in the Field of Higher Education as a Factor in the Development of International Relations of the Kyrgyz Republic. Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i Politologiya [Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences]. 2024; 3:127–133 [In Russian]. <https://doi.org/10.18384/2949-5164-2024-3-127-133>.
10. Vodopianova E. Results of Post-Soviet Transformation of Higher Education. Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]. 2020; 5:132–141 [In Russian]. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52020132141>.
11. Dzhaparova R. Kyrgyzstan's Accession to the Bologna Process. Vyssheye Obrazovaniye v Rossii [Higher Education in Russia]. 2005; 10:22–25 [In Russian].
12. Dmitrienko I.A. State Regulation of Higher Education in the Kyrgyz Republic: Administrative and Legal Aspect. Bishkek: Altyn-Print, 2014:382 [In Russian].
13. Duran T.V., Kostina N.B. Policy models in higher education. Dynamics and Inertia of Population Development and Replacement of Losses in Russia and the CIS: VII Ural Demographic Forum with an international section: collection of articles. Vol. 1. Sociology and History of the Renaissance of the Peoples of Russia. Yekaterinburg, 2016:182–186 [In Russian].
14. A Final Report. Analysis of Education Financing in the Kyrgyz Republic Sector Development Project: Strengthening the Education System (Grant #0408-KGZ), funded by the Asian Development Bank. / Compiled by K.Ogawa, N.Toktogulova, E.Ibraeva. Bishkek, 2017:48–50 [In Russian].
15. Kamenskaya Yu.A. Educational Policy in Western Europe and Russia: Comparative Analysis: Abstract. Theses ... CandSc. (Polit.): 23.00.04. Moscow, 2007:25 [In Russian].
16. Clark B.R. The System of Higher Education: an Academic Organization in a Cross-National Perspective. Moscow: Izdatel'stvo VShE [HSE Publishing House], 2011:358 [In Russian].
17. Komleva V.V., Taalaibek kyzy Zh. Universities as Subjects of International Relations: The Potential of Kyrgyzstan. Rossiya i Mir: Nauchnyy Dialog [Russia & World: Scientific Dialogue]. 2023; 4(10):94–117 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-94-117](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-94-117).
18. Lomakina I.S. European Educational Policy: the Experience and Prospects of Society. Chelyabinsk: CHGAKI, 2011:391 [In Russian].
19. Rayymbaev Ch.K. The Role of Universities in the Integration of Education in Asia: Kyrgyzstan and Russia. Altai–Asia 2022: Eurasian Educational Space – New Challenges and Best Practices: collection of materials of the V International Educational Forum, Barnaul-Belokurikha, September 15-17, 2022. Barnaul: Altajskij gosudarstvennyj universitet [Altai State University], 2022:68–72 [In Russian]. EDN SZFNVD.
20. The Status and Prospects of the Quality Assurance System in Education in the Kyrgyz Republic: a Collection of Articles. Bishkek, 2021:109 [In Russian].
21. Shpakovskaya L. Higher Education Policy in Europe and Russia. St.Petersburg, 2007 [In Russian].
22. Tashmatova P., Ke S. The push-pull factors influencing local students to choose foreign colleges in Kyrgyzstan. Alatau Academic Studies. 2019; 1:33–45 [In English]. EDN DHMKBL.
23. Tashatbaeva B.E., Chynybaev M.K., Kurmanova N.M. Analysis and research of the needs of the universities of Kyrgyzstan in financial autonomy. Izvestiya Kyrgyzskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. I.Razzakova [Proceedings of the Kyrgyz State Technical University named after I.Razzakov]. 2024; 1(69):322–333 [In English]. <https://doi.org/10.56634/16948335.2024.1.322-333>. EDN MSUJXP.

About the author

Nuriza Sh. KADYRALIEVA. CandSc. (Hist.). Associate Professor of the Department of History of Kyrgyzstan at Kyrgyz National University. named after Zh.Balasagyn. <https://orcid.org/0000-0001-8736-7478>. Address: 547, Frunze str., Bishkek, 720033, Republic of Kyrgyzstan. kadyralievanuriza5@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: November 10, 2024. Approved after review: January 15, 2025. Accepted for publication: January 30, 2025. Published: March 5, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций

приглашает к сотрудничеству в научных проектах

Результаты совместных научных исследований публикуются в журналах, коллективных монографиях, научных докладах. Разработанные рекомендации и предложения направляются в правительственные учреждения и международные организации.

Коммуникационные режимы и коммуникационные порядки в международной практике: международная научная лаборатория открыта для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Тематические линии исследований:

- теория и методология исследования коммуникационных режимов в странах и регионах;
- модуляция и фрагментация мирового коммуникационного порядка;
- модели и типы страновых коммуникационных режимов;
- социокультурные факторы формирования и воспроизводства коммуникационных режимов;
- политические факторы формирования и воспроизводства коммуникационных режимов;
- управляемость коммуникационных режимов;
- дружелюбность коммуникационных режимов;
- проблемы информационной безопасности в некоторых типах коммуникационных режимов;
- влияние новых акторов и новых практик на правила и структуры коммуникационных режимов.

Рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов – международная экспертная группа открыта для ученых, аналитиков, специалистов в области международных отношений, политической регионалистики, международной коммуникации, информационной политики, социальной инженерии, связей с общественностью, массмедиа. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций разработал методику анализа и оценки дружелюбности страновых коммуникационных режимов. Первый рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов стран был опубликован в декабре 2021 года. Приглашаем ученых и аналитиков из разных стран войти в состав экспертов.

Международные гуманитарные коммуникации – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Проект реализуется с целью разработки и апробации моделей и технологий международных гуманитарных коммуникаций, направленных на развитие добрососедских отношений. Тематические линии исследований:

- системы международного гуманитарного сотрудничества в интеграционных объединениях (СНГ, ШОС, ЕАЭС, ЕС и др.);
- институционализация международных гуманитарных коммуникаций;
- трансграничные, приграничные модели гуманитарных коммуникаций;
- стратегии и приоритеты языковой и культурной политики стран добрососедства;
- политика социальной памяти в постсоветских странах;
- цифровые форматы международных гуманитарных коммуникаций.

Пояс добрососедства – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Пояс добрососедства – группа стран, с которыми граничит Российская Федерация, и стран, с которыми Россия непосредственно не граничит, но исторически имеет или налаживает культурные, хозяйственные, политические связи. Проект направлен на поиск направлений, перспективных участников, моделей и технологий развития добрососедских отношений, профилактику возможных конфликтов и улучшение взаимопонимания между странами и народами. Участники проекта свободны в выборе тематик исследования при условии формирования международных коллективов и их соответствия концепту добрососедства. Концепт добрососедства отражает содержательную и ценностную сторону соседства – мир, взаимопомощь, уважение ценностей и традиций друг друга, расширение сфер и инструментов сотрудничества.

Цифровые решения межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога. Мониторинг цифровых проектов открыт для авторов проектов межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога из России и зарубежных стран. Цель мониторинга – выявление и поддержка лучших проектов в сфере межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога в цифровой среде. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует популяризации и реализации лучших цифровых решений для развития межкультурного, межнационального и межконфессионального диалога.

Международные НКО и гражданские коммуникации – международная лаборатория, открыта для экспертов из России и зарубежных стран. Цель научного проекта – разработка предложений по оптимизации использования ресурсов международных НКО для развития добрососедских отношений и дружественного гражданского диалога. Тематические линии исследований:

- организационно-правовые, культурные, политические, экономические факторы деятельности международных НКО;
- модели и технологии работы международных НКО.

Научная дипломатия – научный и издательский проект открыт для ученых из России и зарубежных стран. Проект направлен на развитие научных коммуникаций и разработку моделей международного научного сотрудничества. Тематические линии исследований:

- государственная политика и стратегии стран в сфере международного научного сотрудничества;
- совершенствование направлений и инструментов межстрановых научных коммуникаций;
- дипломатическая миссия ученых;
- новые технологии сотрудничества молодых ученых.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует в развитии программ международной мобильности молодых ученых. Аспиранты и начинающие ученые из разных стран включаются в проекты Института и в совместные проекты Института и научно-образовательных учреждений России и зарубежных стран.

Институт издает научный журнал «Россия и мир: научный диалог – Russia & World: Scientific Dialogue» (РИНЦ, ВАК) и приглашает авторов к публикациям (<https://www.russia-world.ru/jour/index>).

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Научный рецензируемый журнал

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук, заместитель директора по медиа-деятельности Национального исследовательского института развития коммуникаций, заместитель директора Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики МИЭП МГИМО (У) МИД России

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЖУЛИКОВА Ольга Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, эксперт Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

Редактор-переводчик – д-р культурологии, профессор Т.Г.Бортникова

Корректор – канд. фил. н. И.А.Емелин

Языки, на которых могут быть напечатаны статьи в журнале: русский, английский.

МАКЕТ И ПРЕПЕЧАТНАЯ ПОДГОТОВКА

Издательский дом «Проект Медиа Групп» (Департамент медиапроектов)
г. Москва, Гагаринский пер., 5, стр. 1, эт. 2, оф. 2 Тел. +7 495 146 83 02. Подписано в печать 05.03.2025
Отпечатано

ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»

Московская область, г. Подольск, Революционный проспект, 80/42 Тираж 2000 экз.

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

Peer-reviewed academic journal

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), Full member of the Russian Academy of Sciences, professor, Scientific Supervisor of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), professor, Deputy Director for Scientific Work of the National Research Institute for the Communications Development (Russia)

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law), Deputy Director for Media Activities of the National Research Institute for the Communications Development, Deputy Director of the Center for Strategic Studies in the Sphere of Energy and Digital Economy MIEP MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

EXECUTIVE EDITOR

Olga V. ZHULIKOVA – CandSc (Soc.), Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, expert of the National Communications Development Research Institution (Russia)

Editor-translator – DSc. (Cultural studies), Professor Tatiana G. Bortnikova

Proofreader – CandSc (Filol.) Ilya A. Emelin

Languages for publishing articles in the journal: Russian, English.

LAYOUT AND PREPRESS

Publishing House «Project Media Group» (Department of media-projects)
5, 2d building, 1st floor, 2d office, Gagarinskiy pereulok, Moscow Tel. +7 495 146 83 02
Signed in the press on 05.03.2025

Printed in the LLC «Podol'skaya fabrika ofsetnoj pečati» 80/42, Revolyucionnyj prospect, Podolsk, Moscow oblast
Circulation 2000 copies

ISSN 2782-3067

9 772782 306007 >

> УДК: 327 ББК 66.4

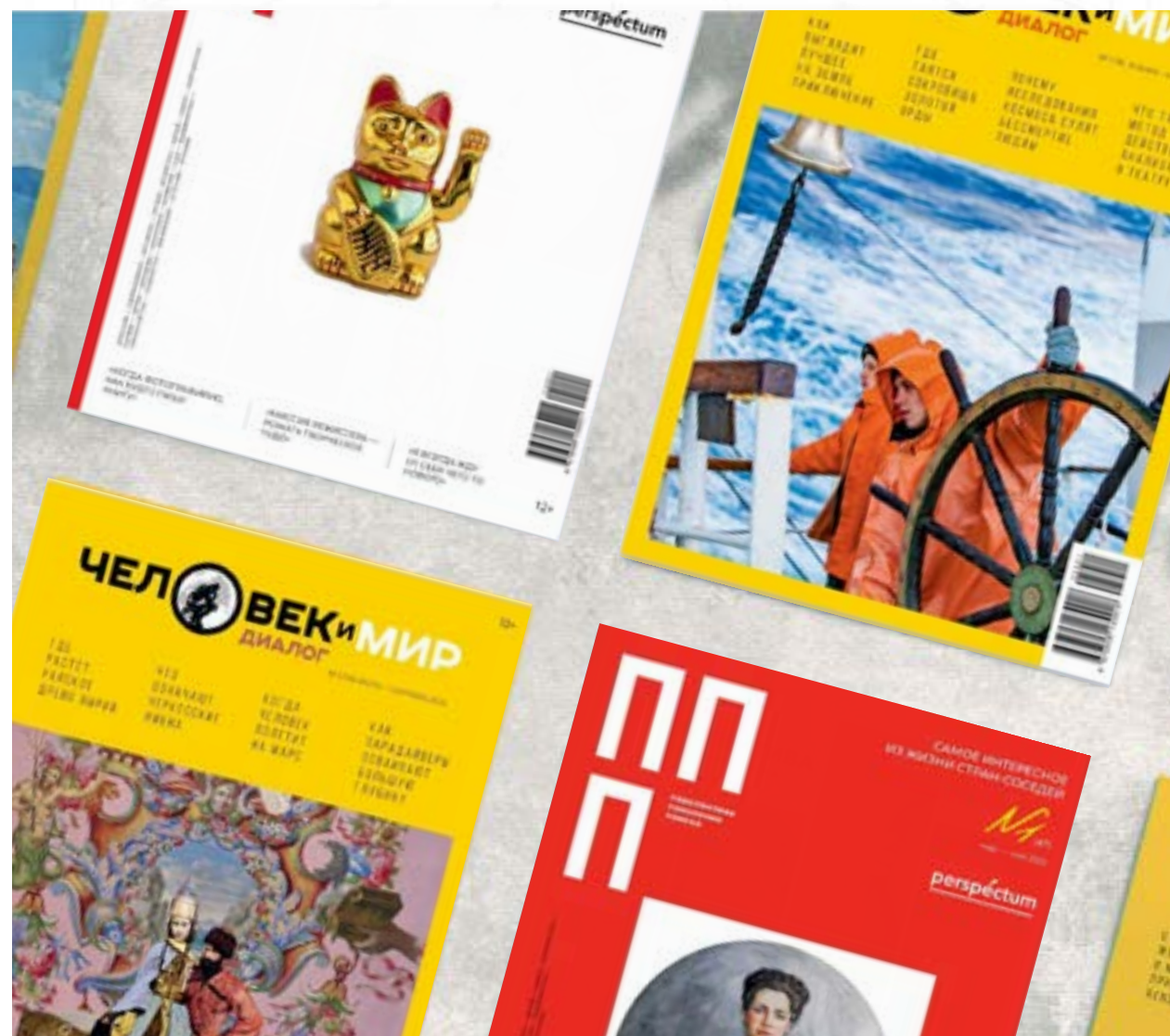
perspectum

ЧЕЛОВЕК и МИР
ДИАЛОГ

ЕРСПЕКТИВА
ПОКОЛЕНИЕ РУССКА

Порадуй себя или подари другу

Доставляем журналы лично в руки

Оформление и дизайн данного выпуска журнала - по инициативе творчества Юрия Ивановича Пименова (13 (26.11). 1903 - 6.09.1977) - российского и советского живописца, графика, педагога, академика АХ СССР.

Начинал свою карьеру с иллюстраций для журналов «Красная нива», «Пржектор», «Самолет» и других.

В 1925 году стал одним из основателей Общества станковистов (ОСТ). Влияние немецкого экспрессионизма на творчество художника и монументальность станковой живописи было воспринято зрелыми годами жизни и подвигло. В 1932 году был обвинен идеологически в «формализме», но после тюремного периода смог вернуться к работе. Оформлял спектакли во московских и ленинградских театрах, во время ВОВ работал плакатистом в «Окнах ТАСС», принимал участие в съемках советского блокбастера «Кубанские казаки» в качестве художника.

Картины Юрия Пименова остаются одними из лучших в жанре соцреализма. Воздух и огромные пространства, свобода и радость общественной жизни, энергетика людей и улиц городов контрастируют с реальностью, в которой жили современники той эпохи.

Работы Юрия Пименова неоднократно становились одними из самых дорогих лотов на международных аукционах. В 2010 году в Нью-Йорке картина «Праздник Перемоги» была продана Sotheby's за рекордную цену: 1 538 500 долларов.